ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ТЮМЕНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ:

ИНТЕРВЬЮ С СОЦИОЛОГАМИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ И НАУКИ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ «ТЮМЕНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НЕФТЕГАЗОВЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ТЮМЕНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ:
ИНТЕРВЬЮ С СОЦИОЛОГАМИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

ТЮМЕНЬ
2015

УДК 316.3
ББК 65

Прошлое, настоящее и будущее тюменской социологии: Интервью с социологами разных поколений / Под редакцией Б. З. Докторова, Н. Г. Хайруллиной. – [электронный ресурс] – Тюмень: ФБОУ ВПО «Тюменский государственный нефтегазовый университет», Тюменская областная Дума, 2015. – 1 электр. оптич. диск (CD-R).

Рецензенты:
Левашов В. К., доктор социологических наук, профессор;
Исламшина Т. Г., доктор социологических наук, профессор.

В настоящей работе представлена история развития социологии в Тюменском регионе. В книге представлена человекоцентричная методология, в фокусе которой оказывается социолог, творящий социологию, добывающий знание об обществе и информирующий общество о том, как оно развивается, с какими проблемами встречается, также формирующий следующие поколения социологов.

Структура книги задается поколенческой организацией тюменского социологического сообщества. Один раздел содержит информацию о тех, с кого началась тюменская социология, другой включает интервью с социологами четвертого и пятого поколений, следующие - продолжают открывать прошлое и настоящее тюменской социологии, но и, одновременно, позволяют заглянуть в ее будущее. Это биографии молодых социологов, старшим из которых немногим более сорока, младшим – нет и 30 лет. Еще три-четыре десятилетия им предстоит разрабатывать актуальную социальную проблематику и готовить социологов, научная и педагогическая деятельность которых будет проходить во второй половине XXI века.

Материалы публикуются в авторской редакции

ISBN 978-5-906134-04-2

© ФБОУ ВПО «Тюменский государственный нефтегазовый университет», 2015
© Тюменская областная Дума, 2015

ОГЛАВЛЕНИЕ

Для перехода на раздел следует кликнуть на название раздела

РАЗДЕЛ I. История и методология

Гаврилюк В. В. Становление и развитие социологии и социологического образования в Тюмени 4

Докторов Б. З. Социология в Тюмени: к построению истории через биографии 10

РАЗДЕЛ II. Они стояли у истоков

Бакштановский В. И.: «Что удалось сделать в области теории? Прежде всего, зародить, создать и развить отечественную школу прикладной этики» 21

Барбакова К. Г. – человек государственного мышления и заботой о каждом человеке 44

Силин А. Н.: «Быть ли вахте – это лишь одна из проблем, по которой в то время ломались копья» 60

РАЗДЕЛ III. Первые последователи

Беспалова Ю. М.: «В социологии я оказалась и случайно, и неслучайно» 80

Гаврилюк В. В.: «Молодежная тематика – самая интересная для меня в социологической науке» 101

Лебедева Л. В.: «Тогда я впервые столкнулась с социологией и с темой автобиографии» 124

Барбаков О. М.: «Это то, что мы обозначаем одним емким словом – “состоялось”» 142

Хайруллина Н. Г.: «Уже 25 лет я совмещаю два любимых дела: занимаюсь социологией и преподаю» 151

РАЗДЕЛ IV. Они продолжают и развивают

Засыпкин В. П.: «В итоге, поскитавшись во Франции около трех месяцев, я вернулся в Сургут» 183

Сорокин Г. Г.: «Я – преподаватель. Наукой занимаюсь в свободное от работы время» 209

Устинова О.В.: «Если наша государственная политика будет опираться на экономическое стимулирование рождаемости, то вскоре она потерпит полный крах» 223

Фарахутдинов Ш. Ф.: «Мой выбор был зрелым, я все равно встал бы на этот путь» 243

Абрамовский А. Л.: «Мне повезло родиться на рубеже эпох» 267

Гаврилюк Т. В.: «Все свои курсовые работы, диплом и диссертацию я посвятила субкультурной проблематике» 279

Макушева М. О.: «Большая часть моих проектов действительно связана с Ямалом» 288

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ И МЕТОДОЛОГИЯ

ГАВРИЛЮК В. В. СТАНОВЛЕНИЕ И РАЗВИТИЕ СОЦИОЛОГИИ И СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В ТЮМЕНИ

Профессиональное сообщество социологов в Тюмени относится к числу старейших региональных отделений, оно сложилось уже в 70-е годы прошлого века. Институционализация социологии в Тюменской области относится к началу 70-х гг. XX в. Специфика тюменского региона (ситуация нового промышленного освоения, преимущественно молодежный состав населения северных округов) задавала зарождающейся социологии круг неотложных исследовательских задач. Они были связаны с необходимостью решения социальных проблем в организации труда нефтяников, строителей, газовиков, дорожников тюменского Севера. Комсомольско-молодежные отряды, вахтовики, старожильческое население региона, коренные народы оказались участниками небывалого процесса освоения природных богатств, обустройства северных территорий. Проблемы взаимоотношения человека и северной природы, стабилизации трудовых коллективов, молодой семьи, взаимоотношения этнических групп, промышленной аборигенной культуры, ценностных ориентации молодежи, профессионального и общего образования, социального управления этими процессами в регионе - все это становится предметом социологических исследований.

История становления и развития социологии и социологического образования в Тюмени связана с именами доктора философских наук, профессора Клары Григорьевны К. Г. Барбаковой и доктора философских наук, профессора, действительного члена РАО Геннадия Филипповича Куцева.

В начале 1970-х годов на кафедре философии Тюменского индустриального института сложилась группа молодых исследователей под руководством К.Г.К. Г. Барбаковой, которая начала проводить первые эмпирические социологические исследования. В 1972 г. впервые в СССР была создана секция социологии при НТО НГП СССР (председатель Совета НТО Г. П. Богомяков, ответственный секретарь И. Т. Кистанова, руководителя секции К. Г. Барбакова). К их числу относится моторный завод (руководитель Н. Брагина и В. Фадеев, представлявший заводскую социологию СССР на Всемирном съезде социологов в Варне в 1974 г.); Всесоюзные производственные объединениях (ВПО) Главтюменьнефтегаз (руководитель Г. М. Юрасова), Нижневартовскнефтегаз (руководитель Ф. И. Бирюков), Сургутнефтегаз (руководитель В. А Зубов), Юганскнефтегаз (руководитель В. А. Владыкин), Главтюменьгеология (руководитель В. С. Дмитриев, в 1978 г. введена должность главного социолога, которую занял А. Н. Силин), институт НИИПЛЕСДРЕВ (руководители В. М. Семин, А. И. Кулябин), институт ЗАПСИББУРНИПИ (руководитель С.М. Бабицкая) и др.

Институтационализация социологии в регионе определяется несколькими особенностями. Во-первых, шло параллельное развитие двух ее «ветвей» – вузовской и производственной (заводской), причем, между ними изначально были установлены и долгое время (вплоть до развала заводской социологии в начале 1990-х гг.) существовали активные творческие связи. Во-вторых, общественному признанию социологии способствовали тесные связи нарождающегося социологического сообщества с властными структурами, значительная поддержка новой науки со стороны региональной власти. Представители власти принимали участие в организации социологической деятельности, выступая заказчиками конференций, семинаров, школ для молодых ученых (последнее – чрезвычайно актуально, т.к. социологическое образование в стране отсутствовало). И, наконец, к числу особенностей становления социологии в Тюменской области нужно отнести выраженные исследовательские приоритеты, которые были обусловлены спецификой социально-экономических и культурных процессов в регионе. Ведущей была тематика социологических исследований в сфере социального управления, труда, культуры, образования, молодежных проблем, социальной структуры, этносоциальных процессов.

Благодаря активной деятельности социологических служб, в 1975 г. решением Тюменского обкома КПСС в университете марксизма-ленинизма был создан двухгодичный социологический факультет, где читались курсы социологии, социальной психологии, методологии и методики социологического исследования. Лекции посещали работники социальных и социологических служб, руководители предприятий, отделов, организаций, молодежь, аспиранты и преподаватели различных кафедр города. Таким образом, формировался интерес к социологии, понимание значимости социологических исследований. В 1976 г. был создан Тюменский филиал Сибирского отделения Советской социологической ассоциации, что явилось признанием успешной деятельности тюменских социологов со стороны профессионального сообщества и фактом общественной жизни в регионе (первые председатели - Юрий Михайлович Федоров, Клара Григорьевна К. Г. Барбакова, Геннадий Филиппович Куцев). Назначение ректором Тюменского государственного университета в 1981 г. Г. Ф. Куцева, уже известного в то время социолога, активизировало, а по большому счету, стало началом становления в регионе, наряду с уже сложившемуся в ТИИ и ТВВИКУ, еще одного крепкого, жизнеспособного и творческого коллектива социологов в ТюмГУ. В 1980-х гг. создаются социологические лаборатории в вузах (в 1982 г. - в Тюменском индустриальном институте, в 1986 г. - в Тюменском государственном университете), которые для начинающих социологов стали серьезной школой и стартом в большую социологию, а для мэтров - возможностью реализации творческого потенциала, чему способствовали масштаб и характер осуществляемых

исследовательских проектов. Первой крупной социологической программой стал проект «Человек на Севере». Он был этапным как с точки зрения теоретической, так и по значимости полученных практических результатов, и позволил организационно объединить исследователей разных профилей и направлений - гуманитариев, «технарей», медиков и др. По результатам работы, проведенной в рамках программы, изданы монографии, защищены кандидатские диссертации.

К сожалению, социально-экономические реформы 1980-х гг. привели к разрушению структур промышленной социологии в регионе, и к началу 1990-х гг. не осталось ни одной социологической лаборатории на предприятии. Вузовская же социология продолжала развиваться, и в 1988 г. в Тюменском государственном университете была создана первая социологическая кафедра – кафедра экономики и социологии труда, которую возглавила К. Г. Барбакова. Вскоре был открыт и первый Совет по защите кандидатских диссертаций на соискание ученых степеней по социологическим наукам. Сегодня в ТюмГУ работает докторский диссертационный совет, принимающий к защите кандидатские и докторские диссертации по двум специальностям: 22.00.04 – социальная структура, социальные институты и социальные процессы и 22.00.03 – экономическая социология.

В Тюменском государственном нефтегазовом университете доктора и кандидататы социологических наук преподают широкий круг социологических дисциплин. Открыта аспирантура, работает Совет по защите кандидатских и докторских диссертаций по социологии. Диссертационный совет работает в Тюменском государственном нефтегазовом университете с 1995 года и на сегодняшний день имеет три специальности: 22.00.05 – политическая социологии, 22.00.06 – социология культуры, 22.00.08 – социология управления. За период работы в Совете защищены 19 докторских и 132 кандидатских диссертации.

В 1997 г. создан Региональный институт прикладных социологических исследований, который возглавил доктор социологических наук А. Н. Силин. В 2001 г. в структуре ТюмГНГУ открыт корреспондентский пункт журнала «Социологические исследования», а в 2003 г. – Научно-исследовательский институт изучения проблем общества. Не каждый областной центр России собственной социологической службой. Следует подчеркнуть, что эти достижения стали возможны, в том числе, благодаря организационной и научной поддержке энтузиастов советско-российской социологии – В. А. Мансурову, Г. П. Давыдюку, Б. З. Докторову, В. Т. Лисовскому, Т. И. Заславской, Ф. М. Бородкину, Ф. Р. Филиппову, Ж. Т. Тощенко, З. Т. Голенковой, Н. М. Токарской, И. И. Дряхлову, Л. Л. Калачевой, А. Ковальчуку и многим другим. Особенно

серьезную поддержку в становлении и развитии социологии в регионе оказали Зинаида Тихоновна Голенкова и Жан Терентьевич Тощенко.

В крупных геологоразведочных, нефтяных и газовых кампаниях появляются сначала отдельные люди, а затем и целые структуры, занимающиеся изучением социальных проблем промышленного освоения региона. Так происходит институционализация социологии в Тюмени: с одной стороны – укрепление и качественный рост социологических групп в вузах, с другой – формирование социологических лабораторий в крупных промышленных объединениях. Такое структурирование социологии оказалось чрезвычайно полезным для всех участников этого процесса, так как промышленные социологи имели хорошие возможности для сбора эмпирического материала, а вузовские – совершенствовали методические и методологические подходы к анализу конкретных социальных фактов и явлений. Встречное движение двух ветвей социологического знания в Тюмени осуществилось в проведении научных и научно- практических конференций и кол молодых социологов в регионе.

В 1980-1990 гг. в Тюмени проводится целый ряд областных, всесоюзных, всероссийских и международных конференций: «Территория - Ведомства - Человек: социально-демографические и социально-политические аспекты» (всероссийская, 1981 г.); «Производство - быт - семья» (областная, 1981 г.); «Взаимодействие отраслевых и региональных проблем в социальном развитии нефтегазового комплекса» (областная, 1985 г.); «Проблемы совершенствования социальной и поселенческой структуры районов нового промышленного освоения в условиях ускорения социально-экономического развития» (областная, 1987 г.); «Социально-экономические проблемы молодежи районов нового промышленного освоения» (областная, 1987 г.); «Социологическое обеспечение стабилизации трудовых коллективов в условиях хозрасчета» (областная, 1989 г.); «Социально-экономические и социокультурные детерминанты развития личности в условиях Севера» (международная, 1990 г.); «Роль приполярных университетов в развитии Северных регионов» (международная, 1992 г.); «Молодежь и рынок» (международная, 1992 г.); «Международная конференция по проблемам федерализма»» (1996 г.); «Власть - Общество - Вузы» (международная, 1997 г.); «Социально-экономические проблемы региона в переходный период» (областная, 1998 г.); «Дальнейшие пути развития и совершенствования социального партнерства в Тюменской области» (областная, 2000 г.); «Глобализация, федерализм и региональное развитие» (всероссийская, 2001 г.); Первые всероссийские Гэллаповские чтения «Роль СМИ в формировании гражданского общества в России» (международная, 2001 г.); «Власть - Наука и образование - Бизнес» (международная, 2002 г.); «Толерантность и экстремизм в современной России» (всероссийская, 2002 г.).

Сегодня в двух университетах Тюмени ведется подготовка профессиональных социологов на уровнях бакалавриата, магистратуры, аспирантуры; работают два докторских диссертационных совета; издаются два социологических журнала, включенных в перечень рецензируемых изданий ВАК РФ, в которых публикуются не только российские, но и зарубежные авторы (США, Великобритании, Германии, Украины, Казахстана и др.). В Совете ТюмГНГУ защищаются соискатели не только Тюменской области, но и из других регионов России (Санкт-Петербург, Кемерово, Новосибирск, Ростов, Барнаул и др.), а также соискатели из Германии, США, Великобритании, стран СНГ. Полученные ими дипломы успешно нострифицированы. Все это позволяет говорить о существовании Тюменской социологической школы. Начиная с семидесятых годов XX столетия, социологи Тюмени проводили полномасштабные социологические исследования возглавили социологические лаборатории в отраслевых организациях Тюменского нефтегазового комплекса.

В настоящее время в Тюменском государственном нефтегазовом университете ведется большая научная работа, связанная с социологическими исследованиями. На базе университета сложились следующие социологические направления:

«Разработка инновационных управленческих механизмов и технологий регулирования социальных процессов в арктических и субарктических регионах России». Руководитель направления - заслуженный деятель науки РФ, д.с.н., профессор А. Н. Силин В рамках этого направления в течение четырех десятилетий осуществляется социологический мониторинг уровня и качества жизни северян различных социальных групп. Всего в рамках этого направления за последние 5 лет подготовлены и защищены 4 докторских и 39 кандидатских диссертаций, изданы 16 учебников и учебных пособий, рекомендованных УМО, 9 монографий, напечатаны 68 научных статей в журналах из перечня ВАК.

«Региональная специфика образования и социализация молодежи». Руководят этим научным направлением д.с.н., профессор В. В. Гаврилюк, д.с.н. профессор М. Л. Белоножко. В рамках этой школы рассматриваются проблемы, связанные как со спецификой регионального образования, так и с вхождением российского высшего образования в мировое образовательное пространство. В университете накоплен большой опыт практической работы в сфере международного сотрудничества с зарубежными вузами и научными центрами. В настоящее время Тюменский государственный нефтегазовый университет имеет 45 договоров с зарубежными организациями из США, Канады, Германии, Франции, Бельгии, Китая и других стран о сотрудничестве в сфере образования и науки. Университет в настоящее время реализует 13 международных образовательных программ, в том числе,, и послевузовские. Университет обучает 1320 иностранных студентов, в том числе,, и по

программам магистратуры и аспирантуры. Также он является участником FP6 (Шестая рамочная программа) в проекте RUSERA по развитию европейского научно-технического сотрудничества, программ TACIS, TEMPUS. По данному научному направлению за последние 5 лет опубликованы 188 научных трудов, в том числе,, 4 монографии и 45 статей в научных журналах из перечня ВАК, защищены 5 докторских и 21 кандидатская диссертация, проведено более 10 исследований, финансируемых из федерального и регионального бюджетов.

Научное руководство направлением **«Социальная политика нефтегазового региона»** осуществляют д.с.н., профессор О. М. Барбаков, д.с.н., профессор Н. А. Костко, д.с.н. профессор Л. Л. Мехришвили. В рамках этого направления рассматриваются проблемы взаимодействия властных структур с различными социальными институтами, в том числе, и с высшими учебными заведениями; проводятся исследования по политическим партиям и организациям Тюменской области; разрабатываются социальные механизмы управления развитием региона и города, в том числе, монопрофильных северных городов; определяются основные направления социальной политики в области различных групп населения. По данной проблеме проведены 5 международных научно-практических конференций и международный симпозиум, изданы 8 монографий, 11 учебных пособий, опубиковано более 70 научных статей, защищены 5 докторских и 48 кандидатских диссертаций.

Научное руководство направлением **«Этнокультурная ситуация региона»** осуществляет д.с.н., профессор Н. Г. Хайруллина. Это особая группа исследователей объединена вокруг проблем этносов региона – автохтонное население, коренное, пришлое население, большие этнические и этно-конфессиональные группы. По данной проблеме проведены 3 международные научно-практические конференции, изданы 16 монографий, 11 учебных пособий, опубиковано более 100 научных статей, защищены 1 докторская и 5 кандидатских диссертаций.

Социологии в Тюмени чуть более 30 лет. Можно говорить о существовании тюменской научной социологической школы, созданной академиком РАО Г. Ф. Куцевым и профессором К. Г. Барбаковой. Основная проблема научной школы связана с поиском путей устойчивого социального развития региона. Научные и научно-методические работы социологов тюменского отделения (монографии, статьи, учебники и учебные пособия) известны в регионе и стали частью российского научного сообщества.

ДОКТОРОВ Б. З. СОЦИОЛОГИЯ В ТЮМЕНИ: К ПОСТРОЕНИЮ ИСТОРИИ ЧЕРЕЗ БИОГРАФИИ

В статье, открывающей эту книгу, профессор Вера Гаврилюк предложила краткое введение в становление и развитие социологии в Тюмени. Настоящий текст – дополнение к этому материалу, он рассказывает о том, как возник замысел этой книги и как сложилась ее структура. Можно предположить, что настоящая работа – первая или одна из первых попыток представить историю развития социологии в Тюменском регионе, но есть основания, что в концептуальном, методологическом и информационном отношениях эта книга – новая. Но, надеемся, вслед за ней появятся другие, сделанные в этом же ключе.

На чем основано наше соображение? Прежде всего на том, что наша методология отвечает духу времени, она – человекоцентрична, в фокусе ее внимания оказывается социолог, творящий социологию, добывающий знание об обществе и информирующий общество о том, как оно развивается, с какими проблемами встречается, а также формирующий следующие поколения социологов. Второе основание – воспроизводимость, даже кажущаяся простота метода сбора информации. Речь идет об интервью по электронной почте. Если еще десятилетие назад лишь относительно небольшое число социологов, преимущественно молодых, пользовалось этим коммуникационным каналом, то сейчас, тем более в недалеком будущем, всех можно будет сделать через электронную почту. Знаю, есть множество причин для критики этого метода сбора информации, но мое продолжительный опыт обнаруживает в нем массу достоинств. Не буду специально и подробно их описывать, но отмечу следующие: дешевизна, организационная простота, возможность общаться с респондентами, находящимися практически в любой точке мира. Я уже два десятилетия живу в Калифорнии и провел интервью с российскими социологами, живущими в разных регионах России от Калининграда до Комсомольска-на-Амуре.

Мои первые интервью состоялись в 2005 году, причем сначала я беседовал с петербургскими и московскими коллегами, которых знал десятилетиями. По сути, это было продолжение моей неформальной переписки с друзьями, которые согласились стать моими первыми «респондентами». Наше общение было весьма персонализированным, и позже найденные и отшлифованные здесь приемы общения стали базовым для создания действующей сейчас процедуры интервью.

Можно было бы описать составляющие используемой схемы проведения интервью и показать ее работоспособность при сборе биографической информации, однако, отмечу лишь тот факт, что к концу лета 2015 года было проведено около 140 бесед с российскими социологами. Более половины из них имеют степень доктора наук (в том числе, три академика и два члена-

корреспондента РАН), треть – кандидаты наук, есть несколько опытнейших специалистов без степени. В совокупности этими учеными опубликовано более тысячи книг, десятки тысяч статей, под их руководством выполнены сотни кандидатских диссертаций. Большая часть социологов на момент беседы проживала в Москве или Санкт-Петербурге, около трети – в других городах страны. Интервью проведены с учеными Дальнего Востока (Хабаровск и омсомольск-на-Амуре), сибиряками и жителями Урала (Екатеринбург, Тюмень, Сургут, Иркутск, Красноярск, Салехард), с учеными Поволжья (Самара и Саратов), коллегами из Калининграда. Более того, есть российские ученые, отвечавшие на мои вопросы из Германии, Эстонии и некоторых американских штатов.

Моими первыми респондентами были сложившиеся специалисты, принадлежность которых к социологическому сообществу не вызвала бы ни у кого и доли сомнения. Вместе с тем, продумывая организацию процесса интервьюирования, я сразу ввел три критерия отбора респондентов. Начинать опрос следовало по возможности быстрее, поэтому первым критерием оказалось наличие у потенциальных респондентов электронной почты. Некоторые из тех, с кем я тогда хотел побеседовать, не пользовались электронной почтой, но, как показала практика, это не был слишком жесткий критерий. В начале нового века электронная почта подавляющим количеством социологов старших поколений уже была освоена.

Второй критерий – возраст опрашиваемых. Первоначально это были ученые, возраст которых варьировал в узком промежутке: старшие приближались или уже отметили 80-летие, младшие перешагнули 60-летний рубеж. Именно они могли многое рассказать о прошлом. Позже возрастной интервал был принципиально расширен, и я стал опрашивать значительно более молодых социологов.

Третий критерий – успешность деятельности ученых. Понятно, что «успешность» – трудно формализуемая категория. В моем понимании, она не задается напрямую наличием степеней и званий, должностным статусом, количеством опубликованных работ и т. п. Речь идет, скорее, о признании потенциального респондента профессиональным сообществом, его известности в кругу специалистов. В первые годы, зная лично многих социологов и хорошо представляя их роль в нашем сообществе, я не испытывал сложностей в поиске компетентных респондентов. Вскоре сложился круг моих консультантов, знавших лучше меня, кто из социологов активно и плодотворно работает. По сути, выборка «раскручивалась» по методу «снежного кома» и в поисках респондентов я постоянно обращался (и обращаюсь) к тем, кого знаю многие годы, кому доверяю и кто, как правило, сам прошел через процедуру интервьюирования.

Пока количество проведенных интервью оставалось небольшим, коллеги постоянно обращали мое внимание на вопрос о репрезентативности

моей выборки. Но тогда мне представлялось, что процесс интервью может скоро завершиться и собранная информация будет рассматриваться как результат ограниченного историко-биографического «кейса». Позже стало ясно, что говорить о репрезентативности моей выборки в статистическом плане вообще неправомерно, ибо затруднительно очертить в привычных для социолога параметрах генеральную совокупность исследования. И дело не только в том что, отсутствует информация о численности социологического сообщества и его стратификации по демографическим переменным, характеру базового образованию, наличию степеней и званий, «географии» и так далее. Принципиально то, что наше профессиональное сообщество *динамично*, постоянно меняется в количественном и качественном отношениях.

Десять лет назад, когда исследование началось, и на протяжении нескольких последующих лет наше сообщество было четырехпоколенным (подробнее о поколениях будет сказано ниже), сейчас оно – семипоколенное. Еще во второй половине 1980-х оправданно было говорить о социологах, работавших преимущественно в научно-исследовательских институтах и университетских лабораториях, а также о большом числе заводских социологов. В настоящее время заводская социология практически отсутствует, резко выросло количество социологических факультетов и кафедр, а значит, в составе нашего сообщества заметно возросла доля преподавателей. Кроме того, существует сеть независимых социологических центров и появилось два принципиально новых вида специалистов: полстеры и исследователи рынка. Их можно (пока и отчасти) рассматривать как социологов-прикладников.

Приходится учитывать и еще один очень важные аспект в изменении состава нашего профессионального цеха. Среди опрошенных мною уже нет некоторых социологов, сыгравших определяющую роль в становлении социологии в СССР и ее развитии в последующие годы: Т. И. Заславской, А. Г. Здравомыслова, В. В. Колбановского, Л. Н. Столовича, В. А. Ядова. Ушли Л. А. Гордон, Б. А. Грушин, Ю. Н. Давыдов, И. С. Кон, Ю. А. Левада... Этот поминальный список, к сожалению, может быть продолжен. Уходят старшие, происходит смена поколений. В социологии сегодня активно работают те, кто в период старта моего проекта завершали обучение в университете или школе, а некоторые лишь начинали ходить.

Итак, обсуждаемый проект задумывался и складывался как совокупность «кейсов». Его можно трактовать как *монографическое* исследование меняющейся во времени реальности с помощью целенаправленно настраиваемой измерительной технологии. Заметим, что в методологическом отношении это крайне сложный объект познания.

Монографическое социальное исследование *валидно* в том случае, если оно с достаточной полнотой выявляет и описывает ситуации, процессы, характерные для изучаемого объектно-предметного пространства.

В целом о многих свойствах этого пространства можно судить априори, но действительная картина изучаемого фрагмента социальной реальности проясняется лишь по мере накопления и предварительного рассмотрения информации о его свойствах и динамике. Так, в нашем случае, можно было гипотетически, прибегая к принципам макро историко-науковедческого анализа, построить серию траекторий вхождения философов, историков, экономистов, математиков, филологов в социологию, но лишь беседы с ними позволили увидеть, как это происходило, благодаря и вопреки чему.

Каждый человек, рассказывая историю своей семьи, описывая процесс ранней социализации, получения образования, начало и развитие собственной карьеры, выстраивает нечто уникальное, единственное. Вместе с тем, это уникальное во многом является цепочкой сюжетов, фактов, аргументов, часто встречающихся, повторяющихся в биографических повествованиях его коллег, прежде всего, представителей его социологического поколения. Все эти более или менее часто встречающиеся жизненные коллизии образуют «*матрицу событий*», или «*событийный каркас*» большинства биографий.

Внутри этой матрицы располагаются различные событийные зоны. К примеру, есть множество рассказов социологов первого и второго поколений о трудностях и невзгодах, пережитых ими в военные годы, есть несколько воспоминаний о жизни в блокадном Ленинграде. Такова среда, в которой формировались эти когорты, и каждое новое интервью, в котором отражены переживания военного времени, повышает плотность событийной ткани в соответствующей матричной «ячейке», однако не увеличивает количество самих ячеек.

Пока количество интервью оставалось небольшим, содержание каждого нового заметно увеличивало число матричных ячеек, и это означало, что результаты анализа собранной информации обладали низкой логической валидностью. Но постепенно, с ростом числа бесед новые ячейки в матрице стали появляться все реже, происходило лишь уточнение границ уже существующих. Именно это и позволяет говорить теперь о валидности, или логической репрезентативности, собранного массива информации. Основанием приведенных рассуждений являются выводы и практика статистического последовательного анализа (statistical sequential analysis), предложенного в конце 1940-х гг. американским математиком А. Вальдом.

В 2007 году, когда накопилось около десяти завершенных интервью, заявила о себе задача объединения в группы, кластеры социологов, «близких» друг другу по жизненному опыту и периоду пребывания в профессиональном сообществе. Так возникло представление о *поколенческой структуре* советских/российских социологов, исследование которой позволило бы при анализа данных переходить от собственно биографической (т.е. индивидуальной)

информации к обобщениям историко-науковедческого плана. Под поколениями я стал понимать достаточно однородные по возрасту группы ученых, удовлетворяющие двум условиям: а) первичная социализация членов одного поколения происходила в сходных исторических и социально-политических обстоятельствах и б) их вхождение в социологию состоялось в рамках одной и той же фазы развития отечественной социологии.

Первое требование – очевидно, оно отвечает мангеймовской традиции включать в одно поколение совокупность людей, социализировавшихся в сходных условиях, и является универсальным, базовым для когортного, поколенческого анализа. Второе проистекает из того, что в создаваемой системе *профессиональных* поколений необходимо учитывать особенности становления постхрущёвской социологии в СССР и личной деятельности ученого. Замечу, что в первые десятилетия современного периода российской социологии существовали принципиально разные пути вхождения в науку. Поэтому профессиональное становление (то есть, дороги в социологию) ровесников нередко проходило в различных обстоятельствах, и, следовательно, из принадлежности к одной возрастной когорте не вытекает автоматически принадлежность к одному поколению социологов.

Таким образом, поколения российских социологов – это, прежде всего, наделенные рядом социально-профессиональных характеристик возрастные группы, и потому их вычленение внутри профессионального сообщества в первую очередь было связано с определением их *хронограниц,* с нахождением их временн***о***й протяженности, или продолжительности. Формально эту задачу можно рассматривать как чисто «арифметическую». Однако, это не так, профессиональные поколения должны хранить в себе следы реального процесса развития отечественной социологии и соотноситься с множеством глобальных социально-политических процессов, формировавших поколенческую структуру всего советского/российского общества.

После долгих попыток определения хронограниц поколений я пришел к заключению о том, что существует лишь один способ *освободиться* от давления «Монблана» частностей – сделать все поколения *равными по* продолжительности. Затем, на основе ряда общих положений шкалирования и правил построения теоретико-эмпирических типологий, была определена продолжительность поколенческого образования – 12 лет. Валидность этой типологии подтверждается двумя положениями. Во-первых, 12-летние (или подобного порядка продолжительности) поколения в структуре населения СССР/России, выделяемые по разным содержательным основаниям, достаточно распространены в социологической и демографической литературе. Во-вторых, выделенные социологические поколения имеют достаточно простую социо-хронологическуя интерпретацию. Процесс построения

поколенческой стратификации и анализ ее обоснованности рассмотрены мною в ряде работ[1], а сама схема поколений представлена в таблице.

Таблица

Лестница поколений в постхрущёвской российской социологии

Поколение	Год рождения	Социо-хронологическое название поколения
Первое	1923–1934	«Шестидесятники» (первая волна)
Второе	1920–1934	«Шестидесятники» (вторая волна)
Третье	1935–1946	Военное
Четвертое	1947–1958	Первое послевоенное
Пятое	1959–1970	Постоттепельное
Шестое	1971–1982	Предперестроечное (годы застоя)
Седьмое	1983–1994	Дети перестройки

Каждое биографическое интервью содержит информацию о личности социолога, о его пути в социологию и о его вкладе в социологическую науку. Беседы с социологами одного поколения в совокупности позволяют понять научные приоритеты этой страты нашего профессионального сообщества и определить его *функции* в развитии социологической науки. Тема функций социологических поколений, их ролей в развитии науки начала анализироваться мною в 2010 году, но тогда в поле моего зрения находились лишь жизненные траектории представителей четырех поколений и количество опрошенных не достигало и полусотни. Сейчас накоплен биографический материал о социологах семи поколений, и после уточнения функций каждого из них *поколенческо-функциональный анализ* может стать главным инструментом изучения истории советской/российской социологии. В этом случае история социологии может трактоваться как система знаний о механизмах формирования доминирующих функций деятельности поколений, о смене поколений и динамике функций.

Настоящая книга – итог длительного и непростого исследовательского и коммуникационного процесса, но сложилась она естественно. Самое начало пути к книге я отнес бы к 1985 году, когда я познакомился с профессором Кларой Григорьевной К. Г. Барбаковой (см. статью о ней ниже). Позже я неоднократно бывал в Тюмени, читал лекции в разных университетах, вел мастер классы, участвовал в конференциях. Это позволило мне познакомиться

[1] Докторов Б. З. Современная российская социология. История в биографиях и биографии в истории. – СПб.: Европейский университет в Санкт-Петербурге, 2013; Докторов Б. З. Биографические интервью с коллегами-социологами. 4-е дополненное издание [электронный ресурс] / Ред.-сост. А. Н. Алексеев. Ред. электр. издания Е. И. Григорьева. - М.: ЦСПиМ, 2014. Режим доступа: <http://www.socioprognoz.ru/publ.html?id=385>.

со многими тюменскими социологами, узнать, на разработке какой проблематики сконцентрированы их усилия. Первое интервью с социологами Тюмени – с Ю. М. Беспаловой состоялось на рубеже 2010-2011 гг., следующее, с Л. В. Лебедевой, лишь в мае – сентябре 2014 г., но с конца 2014 г. и до середины 2015 гг. удалось провести серию бесед с учеными города и региона.

Осознание роли социологов Москвы и Петербурга (Ленинграда) в развитии российской социологии делает само собой разумеющимся понимание того, что среди моих собеседников были, в основном, представители этих городов. К концу лета 2015 г. были проинтервьюированы 51 москвич и 43 петербуржца (замечу, А. Г. Здравомыслов и В. А. Ядов представляют социологию обоих городов). Третьим по «охвату» - 13 человек - стали Тюмень и Тюменский регион. Среди них социологи разных поколений: А. Л. Абрамовский, О. М. Барбаков, В. И. Бакштановский, Ю. М. Беспалова, В. В. Гаврилюк, Т. В. Гаврилюк, В. П. Засыпкин, Л. В. Лебедева, М. О. Макушева, Г. Г. Сорокин, О. В. Устинова, Ш. Ф. Фарахутдинов, Н. Г. Хайруллина. Появление такой коллекции интервью и стало импульсом к созданию этой книги. Но, кроме текстов интервью с этими исследователями в книгу включена небольшая мемуарная книга А. Н. Силина и статья о жизни и творчестве К. Г. Барбаковой.

Структура книги задается поколенческой организацией тюменского социологического сообщества. Согласно В.В. Гаврилюк: «История становления и развития социологии и социологического образования в Тюмени связана с именами доктора философских наук, профессора Клары Григорьевны К. Г. Барбаковой и доктора философских наук, профессора, действительного члена РАО Куцева Геннадия Филипповича». Оба они, если иметь в виду изложенную выше лестницу поколений советских/российских социологов, принадлежат к третьей профессионально-возрастной когорте. И в этом отношении Тюмень – не уникальный город, такова логика развития отечественной социологии. Замечу лишь, что в ряде регионах России пионерами социологических исследований и подготовки социологических кадров стали социологи четвертого и даже пятого поколений.

Раздел II книги назван «Зачинатели» и содержит информацию о тех, с кого началась тюменская социология. В силу разных обстоятельств, в основном эти тексты не интервью, а материалы иного формата.

Беседа с Кларой Григорьевной К. Г. Барбаковой задумывалась и даже началась давно, но из-за ее тяжелой болезни не была закончена. В книгу включена статья о ее жизни и работе, отчасти базирующаяся на ранее полученных от нее материалах.

Мне не удалось провести интервью с Геннадием Филипповичем Куцевым, однако, он – публичный человек, и основные факты его биографии, интересующие его, научные направления, его преподавательская

и организационная деятельность, а также его важнейшие публикации представлены в Интернете.

К тем, кто своей деятельностью активно способствовал становлению социологии в Тюмени, В. В. Гаврилюк относит и Юрия Михайловича Федорова (1936-2001), философа, антрополога и социального философа, доктора философских наук, первого председателя Тюменского филиала Сибирского отделения Советской социологической ассоциации. Его идеи, теоретические построения и стиль мышления, несомненно, повлияли на молодых социологов. Профессор Вера Гаврилюк вспоминает о нем с теплотой:

Юрий Михайлович Федоров появился в Тюмени в середине 1970-х годов, он был назначен начальником Первой кафедры в военном училище (ТВВИКУ). Это была кафедра общественных наук, где читались все предметы социального и гуманитарного цикла. Его появление в городе не могло остаться незамеченным: он приехал из Москвы, дружил с известными философами, этиками, социологами – привнес в нефтяную провинцию свежий столичный ветер. Кроме того, он был очень красивым мужчиной, что в гуманитарной тюменской среде вызвало легкое смятение, ног, к сожалению тюменских дам, его поведение было безупречным. Неудивительно, что в Тюмени он быстро сошелся с самой творческой частью интеллигенции. Именно по инициативе Юрия Михайловича Федорова в Тюмени состоялся первый опыт социологического образования.

К социологам третьего поколения относится Владимир Иосифович Бакштановский, теоретик, работающий на стыке этики и социологии, создатель отечественной прикладной этики. Он, возможно, теснее других тюменских социологов сотрудничал с Ю. М. Федоровым, в частности, в проектах «Этика Севера» и «Самотлорский практикум».

Своей дорогой пришел в социологию Анатолий Николаевич Силин, и уже многие годы предметом его научного интереса являются крупные региональные проблемы. Его опыт активно используется социологами следующих поколений. Несколько лет назад он подарил мне свою автобиографическую книгу «Опыт рефлексии» (ниже она приведена полностью).

В Раздел III, озаглавленный «Первые последователи», включены пять интервью с социологами четвертого и пятого поколений. К первому из названных относятся Юлия Михайловна Беспалова, Вера Владимировна Гаврилюк, Людмила Владимировна Лебедева. Ю. М. Беспалова и Л. В. Лебедева формировались как социологи в поле влияния В. И. Бакштановского, В. В. Гаврилюк можно отнести к школе К. Г. Барбаковой.

Два оставшихся интервью принадлежат социологам пятого поколения. Олег Михайлович Барбаков – сын Клары Григорьевны, и, безусловно, она

способствовала его вступлению на «социологическую тропу», но свое направление, которое условно можно обозначить как «информатика для социологии», он выбрал и обосновал сам.

Нурсафа Гафуровна Хайруллина, последовательница А. Н. Силина, говорит о своем пути в социологию:

... после окончания Тюменского индустриального института я два года успешно проработала в отделе социально-экономических исследований под руководством Анатолия Николаевича Силина, <…> работа в отделе у А. Н. Силина пробудила во мне интерес к социологии (как оказалось на всю жизнь). <…> Проработав несколько лет, я смогла поступить в аспирантуру Тюменского государственного университета к А. Н. Силину…

Но и теоретические построения Ю. М. Федорова оказались полезны Н. Г. Хайрулиной при изучении жизни коренного населения Севера:

...его (Ю.М. Федорова) работы мне позволили глубже вникнуть в исследуемую проблематику, разглядеть то, что невозможно было увидеть на поверхности, заглянуть в те стороны жизни ханты и манси, о которых я не догадывалась, а на те, которые успела изучить – взглянуть по-новому, более осмысленно. Я поняла, почему северные народы берут от природы ровно столько, сколько необходимо для поддержания жизни, и почему современные люди берут столько, сколько могут взять от нее, не задумываясь, что наносят невосполнимый урон...

Интервью, собранные в разделе IV «Им продолжать и развивать», продолжают открывать прошлое и настоящее тюменской социологии, но и, одновременно, позволяют заглянуть в ее будущее. Это биографии молодых социологов, старшим из которых немногим более сорока, младшим – нет и 30 лет. Еще три-четыре десятилетия им предстоит разрабатывать актуальную социальную проблематику и готовить социологов, научная и педагогическая деятельность которых будет проходить во второй половине XXI века.

Четыре исследователя представляют VI поколение российских социологов. Владислав Павлович Засыпкин, работающий в Сургуте, - филолог, выпускник Тюменского государственного университета. Уже будучи кандидатом наук, он заинтересовался социологическим исследованием эффективности образования, увлекся социологией и задумал писать докторскую диссертацию по социологии. Он обратился за помощью к К. Г. Барбаковой, которая консультировала его по теме докторского исследования с 2005 по 2009 гг., а закончил он свою работу под руководством профессора Г. Е. Зборовского (Екатеринбург).

Геннадий Геннадиевич Сорокин (математик по базовому образованию), решив работать над кандидатской диссертацией, попал «под крыло» В. В. Гаврилюк и выполнил свое исследование на стыке информатики и социологии. Он вспоминает: «Если начало моей карьеры как социолога,

по сути, является чередой случайностей и удач, то самая большая удача – это, конечно же, встреча с Верой Владимировной». По завершении аспирантуры Г. Г. Сорокин стал работать на кафедре О.М. К. Г. Барбакова.

Оксана Вячеславовна Устинова, окончив в 1999 году Тюменский государственный нефтегазовый университет, осталась работать на кафедре А. Н. Силина «Менеджмент в социальной сфере». Там она продолжила научную работу с Н. Г. Хайруллиной, и через несколько лет под ее руководством защитила кандидатскую диссертацию.

К этому же поколению принадлежит и Шамиль Фаритович Фарахутдинов. Своим Учителем (с большой буквы) он называет В. В. Гаврилюк, одновременно он благодарен за помощь во многих сложных ситуациях Н. Г. Хайрулиной и В. И. Бакштановскому.

И, наконец, три интервью дают нам примеры траекторий жизни и вхождения в науку социологов VII поколения.

Антон Львович Абрамовский учился на кафедре «Социальная работа» ТюмГНГУ и познакомился с профессором Мариной Львовной Белоножко, которая оказала на него огромное влияние. В конце 2014 года он защитил кандидатскую диссертацию по теме «Дистанционное образование на современном этапе развития российского высшего образования». Теперь он преподает на кафедре «Маркетинга и муниципального управления» и уже 10 лет возглавляет созданный им Информационно-маркетинговый центр «Абрамовский и Партнеры».

По воспоминаниям Татьяны Владимировны Гаврилюк, дочери В. В. Гаврилюк, слово «социология» она узнала еще до школы, т. к. оно содержалось в первой фразе, которую она прочитала самостоятельно. Начала обучаться социологии в Тюменском государственном университете, а закончила – в Москве, в Российском государственном гуманитарном университете. Потом была в аспирантуре и защитила кандидатскую диссертацию под руководством высококвалифицированного специалиста, профессора Галины Галеевны Татаровой.

Интересна жизненная линия Марии Олеговны Макушевой. По рождению она сибирячка, родилась в Иркутске, недолго жила в Магадане, образование получила в Петербургском государственном педагогическом университете и подготовила диссертацию по социолингвистической тематике. После успешной защиты ей предложили интересную социологическую работу в Салехарде, дающую ей большую свободу в действиях, но и возлагающую на нее немалую ответственность. Уже работает там два год. Пока она лишь знакомится с проблематикой Ямала, накапливает опыт и информацию. Она работает вместе с тюменским социологом Светланой Бобровой. Меня с Марией Макушевой заочно познакомил Шамиль Фарахутдинов, так что постепенно она входит в сообщество тюменских социологов.

* * *

15 «портретов» тюменских социологов, конечно же, не могут создать полную картину становления и развития социологии в регионе, но, вместе с тем, эти материалы дают представление о многом.

Прежде всего, о том, как проходило становление тематики социологических исследований и системы подготовки кадров в Тюмени, кто в наше время изучает социальные проблемы развития региона и даже о том, какие специалисты будут продолжать дело, начатое их учителями, наставниками, старшими друзьями.

Кроме того, книга позволяет увидеть, что концепция социологических поколений работает. С одной стороны, обращение к биографиям убеждает, насколько различны пути, которыми приходили в социологию ученые разных поколений, и насколько различны возможности представителей разных когорт в реализации своих исследовательских замыслов. С другой стороны, абсолютно четко просматривается взаимосвязь социологических поколений.

В целом же эту работу следует раассматривать как введение в изучение истории социологии в Тюмени. Это – очень интересное и полезное дело.

Дорогу осилит идущий...

РАЗДЕЛ II. ОНИ СТОЯЛИ У ИСТОКОВ

К III поколению советских/российских социологов мы относим тех, чьи годы рождения заключены в интервале 1935-1946 гг. К этой когорте относятся три тюменских социолога: В. И. Бакштановский, К. Г. Барбакова и А. Н. Силин.

БАКШТАНОВСКИЙ В. И.: «ЧТО УДАЛОСЬ СДЕЛАТЬ В ОБЛАСТИ ТЕОРИИ? ПРЕЖДЕ ВСЕГО, ЗАРОДИТЬ, СОЗДАТЬ И РАЗВИТЬ ОТЕЧЕСТВЕННУЮ ШКОЛУ ПРИКЛАДНОЙ ЭТИКИ»

Владимир, в моем проекте неожиданном для многих, отчасти – для меня, заиграли истории имен моих собеседников. К примеру, мои интервью с петербургскими социологами Будимиром Гвидоновичем Тукумцевым, Михаилом Илле, Дмитрием Гаврой, Еленой Эмильевной Смирновой, Чеславом Эрастовичем Сымоновичем вводят в очень интересные личностные миры...

Ты знаешь историю своей фамилии, каково ее происхождение? Насколько вообще ты знаком с прошлым своей родительской семьи?

Историю своей фамилии знаю совершенно недостаточно, особенно за пределами жизни своих родителей. По разным сведениям, предки моего отца из Белоруссии, видимо, из бывшей западной Польши. Семейная легенда заключалась в том, что один из предков эмигрировал в Красноярский край, а, точнее, попал туда в кандалах: заступился за свою невесту перед помещиком. И после семи лет работ на Троицком сользаводе остался жить в этом крае. Хотя, был ли он крепостным, я не могу сказать. Из родственников отца я только заочно, по телефону, общался с дедушкой Борисом. Один из родственников по линии Бакштановских был довольно известным юристом в Риге, а потом переехал в Москву. Прямых контактов с ним не было.

В Канске жила семья моей мамы, Златы Григорьевны Цейгер. Здесь они с моим отцом, Бакштановским Иосифом Борисовичем, познакомились, затем переехали в Новосибирск, где в 1932 году у них родилась моя сестра, Ирина Иосифовна, а в 1942 году появился на свет я.

Мне родственники по линии Бакштановских присылали варианты генеалогического древа фамилии, из которого я могу судить, что у Бакштановских была большая семья. Во всяком случае, на присланном мне «древе» есть шесть поколений Бакштановских, многие из которых и сегодня живут в Красноярском крае и в Иркутской области.

А вот корней своей матери я до сих пор не обнаружил, у меня нет родословной Цейгеров. Когда я этим заинтересовался, уже не у кого было узнать, а в доступных источниках информации не нашел. Знаю, что у моей мамы была ее мама и два брата и сестра. Все они жили в Новосибирске.

И отец, и мама были служащими. В 1942 году осенью отец ушел на фронт. И хотя я родился в июне 1942 года, конечно, я его не помню. У меня есть письмо от отца с фронта, где он пишет маме и моей сестре Ире, спрашивает про мое здоровье, беспокоится о нем. Возможно, я был хилый. Других документов из фронтовой переписки у меня нет. Как мне рассказывала мать, отец погиб под Сталинградом, во всяком случае, его часы маме переслали с таким адресом. Но недавно я нашел информацию о том, что отец похоронен в братской могиле Святогорского некрополя у города Славянска.

Фактически я вырос в окружении родственников мамы, Цейгеров, в том числе, дяди Ильи и дяди Иосифа. Они каким-то образом влияли на меня и были моей большой семьей. Когда я чуть подрос, все Цейгеры дружно рекомендовали мне ехать учиться на юриста, и вроде бы я даже уже внутренне созрел, предварительно прочитав несколько томов Нюрнбергского процесса. С интересом прочитал. Но когда дело дошло до реального времени принятия решения, оказалось, что поступление в юридический вуз предполагает наличие рабочего стажа, которого у меня не было. И эти планы нашей большой семьи не реализовались.

Мама и сестра самоотверженно растили и воспитывали меня в трудных материальных условиях Сестра после окончания школы пошла не в пединститут, а в педучилище, чтобы побыстрее получить возможность работать. И как они радовались, когда удавалось на три летних месяца отправить меня в пионерлагерь! Маме как вдове погибшего фронтовика давали бесплатные путевки, и это было существенной поддержкой.

И так они привыкли жить ради меня, что, когда я уже стал профессором, старались дать мне денег от маминой пенсии и сестриной учительской зарплаты.

Спасибо, Владимир, за твой рассказ. Какая долгая и интересная история. Я родился в июне 1941 года в Ленинграде и с осени того года до начала 1945 года был с мамой в эвакуации в Новосибирке. Может мы в одним дворе гуляли? Твои школьные годы прошли в Новосибирске? Как шла учеба? Что интересовало? В какой степени ты был вовлечен в комсомольскую жизнь?

Мои школьные годы прошли в Новосибирске, с четвертого по десятый класс я учился в школе № 95. Это был центральный район города. Рядом - кондитерская фабрика. Мы, школьники, часто просили через окно у работниц фабрики каких-нибудь конфет. В основном, они нам давали карамель, еще не разрезанную на конфеты, а большими комками. Недалеко от школы был центральный парк имени Сталина, где мы гуляли, катались на катке. В школе мои успехи были не всесторонними.

Мне не нравилась математика, и мне помогал мой друг Миша Антипов. Зато я ему помогал по другим дисциплинам. А вот с физикой у меня отношения сложились, может быть, потому, что мама купила мне фотоаппарат, и я всех

фотографировал, заинтересовался фотоделом. Учитель физики поручил мне провести один урок по оптике. Меня пускали в физическую лабораторию в школе, где я составлял фотохимикаты (тогда готовых в магазинах было мало), и как-то я к этому делу пристрастился.

Более интересны мне были уроки литературы и истории. Учителя были разного уровня. Географию преподавал отставной офицер. Трудные отношения у меня были с классным руководителем, которая преподавала биологию. Она меня невзлюбила. Мои дневники были испещрены красными чернилами, в которых классный руководитель обращалась к моей маме с просьбой воспитывать меня лучше, потому что я вел себя не очень дисциплинированно. А как я мог вести себя дисциплинированно, если несколько лет подряд в классе за моей спиной сидел ученик, имени которого я не запомнил, который все время меня задевал, а я был вынужден давать ему отпор. Но наказание было только для меня.

В школе я был активно вовлечен в комсомольскую жизнь, мне комсомольская работа нравилась, и вообще я эту организацию уважал. И когда был один тяжелый случай в классе (ушел из дома один из моих товарищей, и все переживали, что с ним случилось, не пропал ли он), я пошел в горком комсомола и добился у секретаря, чтобы он организовал массовый поиск моего товарища. Я верил в то, что комсомол в этом смысле поможет, что он всесилен. Но обошлось без этой помощи, одноклассник сам вернулся домой через некоторое время.

Мои активные отношения с комсомольскими организациями имели еще одну форму – много лет я был вожатым в пионерском лагере. Я каждый год по три летних месяца был в лагере, сначала как октябренок, потом как пионер, а потом и как помощник вожатого и вожатый. Это было для меня очень интересно, никто меня не мог заставить этим заниматься, я был добровольно вовлечен и, имел определенные успехи, раз меня из года в год приглашали на эту работу.

Пионерский лагерь был за городом. По тем временам (это были конец 1940-х – 1950-е – 1960-е годы) лагерь был не в современном, капитальном духе, а это было бывшее подсобное хозяйство от работы моей матери, просто участок в деревне. Мы жили в бывших амбарах. Вокруг был лес, лес первозданный, и уж обеспечение грибами, ягодами и рыбой брали на себя сами пионеры. Это было и полезно, и вполне интересно. Я с удовольствием водил ребят в походы и какие-то первые навыки походной жизни они получали. Правда, деревенские ребята с нами чаще всего конфликтовали. У них была для нас характеристика: нас называли «лагерными придурками». Правда, за нами «не засохло», и мы отвечали им тем же: они были для нас «деревенские придурки». И так было довольно долго, пока и те, и другие не подросли. А потом уже деревенские ребята стали ухаживать за нашими девочками, а наши - за деревенскими. Девочки тоже подросли и часто отдавали предпочтение деревенским ребятам.

Название деревни я не помню, а речка была Иня. Она была очень чистая, холодная, потому что проходила через предгорье, купаться в ней было одно удовольствие.

Когда у тебя появилось более или менее осознанное желание относительно того, чем заниматься, кем быть? Под воздействием каких обстоятельств или людей такие планы возникали и на чем ты остановился?

Возможно, первое представление о том, чем заниматься в будущем, возникло летом между четвертым и пятым классом. Мне купили учебник истории древнего Рима, и я прочитал его за каникулы. Как я сегодня понимаю, это был никакой не выдающийся, а вполне рядовой учебник, но уж очень он мне понравился. И, наверное, это как-то запало при размышлениях о будущей профессии. Хотя как таковых специальных размышлений, рассуждений «о выборе профессии» не было.

Не было целенаправленного процесса поиска профессии, взвешивания «за» и «против», советов с какими-то значимыми людьми. Думаю, что это было скорее стихийное увлечение и стихийное вовлечение.

А на каком из планов я остановился? Юристом при всем желании осуществить надежды моих родственников не мог стать из-за того, что на юридический факультет в Свердловске (про который я узнал) нельзя было поступить без двухлетнего стажа работы. Вот я и поехал в Томск на историко-филологический факультет. Не добрал в первый год одного балла, уехал домой, в Новосибирск.

Кстати, меня не остановило в желании стать историком даже то, что я, не поступив с первого захода на историко-филологический факультет, пытался в Новосибирске устроиться на работу на только что открывшемся строительстве Академгородка. Эта работа могла дать бонус для поступления в будущий Новосибирский университет. И вот меня по блату (большая проблема была с трудоустройством в те годы) устроили в контору, которая обеспечивала строительство Академгородка. Но единственная должность, которую мне (тоже по блату) предложили, была должность архивариуса в конторе. Когда я появился, в самый первый день конторские дамы надо мной не очень мило посмеялись, спросив: «Ты, парень, хочешь быть архивариусом?». Это меня устыдило, и я отказался. Хотя, казалось бы, история, архивариус... – какие-то могут быть переклички. Но я ушел. И тогда мать, тоже по знакомству, нашла на одном из оборонных заводов знакомых моего отца, и они, в память о нем, добыли мне дефицитную ставку ученика токаря в механический цех. И я год проработал – сначала учеником, а потом токарем третьего (самого маленького) разряда. И через год поехал поступать на истфак в Томский университет второй раз.

Угрожавшая мне работа архивариусом не отпугнула меня от исторического факультета. В те годы в моих поступках было много

спонтанного, неотрефлексированного, многие решения были, скорее, эмоциональными, и сегодня выстраивать их в строгую цепь продвижения к моей будущей профессии было бы нечестно.

Итак, через год я снова приехал в ТГУ, где мне, кстати, заявили в экзаменационной комиссии, что я зря уехал – мне как сыну погибшего фронтовика полагалась льгота, и я мог в первый же год поступить, даже не добрав один балл. Но, тем не менее, поступил, о чем не жалею, хотя историком и не стал. Не стал потому, что где-то со второго курса заинтересовался философией, поддавшись обаянию преподавателя философии Федора Андреевича Селиванова. Стал специализироваться, писал курсовые и дипломную работу по этике.

Полагаю, что наряду с личностным обаянием лектора по диалектическому материализму меня увлекла и сама проблематизация этого курса, и возможность освоить диалектическую логику, и тяга к пониманию законов жизни. На все на это диалектический материализм, а потом, на следующем курсе, и исторический материализм претендовали, и это сильно затягивало.

А ведь увлечение философией – это еще и работа в научной библиотеке Томского университета, это возможность читать книги, не очень доступные в общем обиходе, в том числе книги в спецхране, существовавшем тогда при научной библиотеке, доступ к которому можно было получить только по рекомендации руководителя со ссылкой, что это необходимо для написания курсовой и дипломной работы.

У меня появился особый интерес к этике. Я прочитал тогда первый в СССР оригинальный учебник по этике, который написал Ф.А.Селиванов. Это был не казенный учебник, он и назывался «Очерки по этике». Очерки были написаны таким стилем, а автор так проблематизировал этическую проблематику, что не попытаться самому разобраться в ней было просто нельзя. А чтобы разобраться ... тебя всегда ждала университетская библиотека.

Закончив в 1965 году истфак Томского университета с дипломом «преподаватель истории и обществоведения», я фактически стал преподавателем философии, ибо распределился на кафедру философии Томского политехнического института. Вот я и остановился на философии. И живу в ней до сих пор.

Так это же прекрасное сочетание: история и философия. На философию истории или на историю философии не тянуло? Сколько времени продолжался томский период твоей жизни? Какие курсы тебе поручили читать? Поступал ли в аспирантуру?

Не могу сказать, что меня тянуло к философии истории или истории философии. Все-таки тянуло к философии, а точнее - к этике. Хотя в томский период моей жизни - это три года работы на кафедре философии Политехнического института - собственно курс этики я не читал.

Придя на кафедру философии Томского политехнического института, я сразу получил лекционные курсы. И читал лекции по диалектическому и историческому материализму. Мне это было делать не очень трудно, потому что Валерий Николаевич Сагатовский, который помогал мне на этапе кандидатской диссертации, а потом стал консультантом моей докторской, только что написал учебник «Философия как теория всеобщего», дал мне его в рукописи и разрешил использовать в лекциях. Учебник был прекрасно написан, он выходил далеко за рамки казенных по тем временам представлений о философии. И я чувствовал себя «на коне», и студенты слушали с удовольствием. Мне удалось даже получить первое место в рейтинге студентов при конкуренции с известными лекторами. И это меня вдохновляло. Со студентами по тем временам мне было работать очень интересно. Я был на три, в крайнем случае, на пять лет старше их, у нас было и эмоциональное взаимопонимание, и, может быть, мироощущение более или менее близкое. А когда я показал студентам, что ориентируюсь в научной фантастике, да рассказал, что лично знаком с братьями Стругацкими, взаимопонимание со студентами было гарантировано.

В 1970 году ты в МГУ защитил кандидатскую диссертацию по теме «Критика метафизичности в разрешении проблемы цели и средств в этике». Понимаю, давно это было, но, пожалуйста, обозначь основные выводы работы.

Мой интерес к этике проявился в выборе темы диссертации. Писал диссертацию без поступления в аспирантуру. Научный руководитель - Ф.А. Селиванов. Тема диссертации - «Критика метафизичности в разрешении проблемы цели и средств в этике». Защитил я ее в 1970-ом году, хотя написана она была раньше. Переезжая из Томска в Тюмень, я считал, что уже завершил диссертацию, и вопрос только в том, где ее защитить. Но случился неожиданный для меня инцидент: по совету Ф. А. Селиванова я обратился с просьбой о защите в Совет при Уральском государственному университете. Там заведовал кафедрой профессор Архангельский Леонид Михайлович, и мне мой руководитель обещал, что никаких проблем с приемом диссертации к защите не будет. Я и поехал настроенный очень уверенно. Считал, что уже вот-вот можно будет готовить защиту. Обломился. Это было неожиданно для меня, ведь Архангельский по телефону говорил, что решение кафедры положительное. Мне выкатили две претензии. Первая, почему в Вашей диссертации очень много материалов, взятых из научно-фантастической литературы, а братья Стругацкие доминируют? В нашей родной советской действительности не хватает ситуаций выбора, которые надо было бы проанализировать и найти их решение? Почему научная фантастика, а не реалии? Вторая: почему у Вас целый параграф посвящен конфликту совести разума в этике экзистенциализма? Обязательно нужно было изучать позицию экзистенциалистской этики? Не хватает подходов в советской этике?

Надо сказать, что я растерялся от таких вопросов. Может быть, потому что был самоуверен. Может быть, потому, что мне говорили: «Обсуждение пройдет без проблем». И я не нашелся, что сказать в ответ на обе претензии. А когда мне предложили диссертацию доработать, я промолчал, но, вернувшись в Тюмень, сказал, что ноги моей на этой кафедре больше не будет. Созвонился с московскими коллегами с кафедры этики МГУ. Получил предложение приехать на обсуждение к ним. Я отправил диссертацию, и она была обсуждена на кафедре. Но опять мне задали вопрос: «Что это за тема параграфа «Конфликт совести и разума в этике экзистенциализма»? Вы без нее не в состоянии свою тему обсуждать?» Это заявил доцент в звании полковника, я и сейчас помню его фамилию – Казаринов. Он говорил очень зло, никто с ним особенно полемизировать не стал, чтобы меня защитить. И мне было предложено диссертацию доработать.

После этого в кабинете заведующего кафедрой профессора Анисимова Сергея Федоровича произошел очень конструктивный разговор, который я потом повторял уже своим аспирантам. Сергей Федорович сказал мне: «Владимир Иосифович, у Вас опубликован каждый параграф Вашей диссертации. Ну, что Вы дорожите текстом, кто его будет читать, кроме двух оппонентов и ведущей организации?! Вы просто уберите параграф, к которому такие претензии, как будто его и не было. На Ленинском проспекте Вы найдете магазин канцелярских товаров, там продают большие ножницы, пойдите и купите (это же было еще время докомпьютерное! – В. Б.). То есть, сэкономьте на перепечатке, просто вырезайте этот текст». Ножницы я храню до сих пор, показываю его своим аспирантам. Я вырезал этот параграф, и диссертация была принята к защите. Это было очень престижно – защититься на философском факультете Московского университета. Я уехал домой и стал больше думать о том, как устроить банкет, чем о том, какие еще могут быть трудности. Пришел вызов от декана: защита назначена на такое-то число. Купил билет на самолет, уложил чемодан.

Но вечером перед вылетом получаю от декана телеграмму: «Ваша защита откладывается». Что случилось? Звоню, спрашиваю у своих знакомых с кафедры. Мне говорят: в теоретическом журнале ЦК КПСС «Коммунист» вышла рецензия на так называемый «Тбилисский сборник», в котором и я участвовал. Авторы рецензии, по тем временам известные наши этики, посчитали, что эта книга идеологически неверная. И хотя собственно мою статью не ругали, но декан философского факультета МГУ решил, что статья соискателя в крамольном издании – это основание для того, чтобы перенести защиту. Что делать? Заведующий кафедрой этики С. Ф. Анисимов посоветовал мне: «Нужно принести еще один отзыв – от солидного ведущего учреждения. Обратитесь в Институт философии Академии наук СССР: если они дадут положительный отзыв, мы снова выставим Вас на защиту».

Направился я к директору Института философии Павлу Васильевичу Копнину, рассказал ему, что произошло. Он выслушал вполне благожелательно, сочувственно и пригласил к себе в кабинет двух философов. Один из них - Олег Григорьевич Дробницкий, рано ушедший из жизни советский этик. Дробницкий знал меня (лучше сказать, что я его знал, но и он меня помнил), наши пути пересекались. А второй – сотрудник сектора диалектического материализма Николай Николаевич Трубников, который исследовал тему целей и средств уже не в этике, а шире, в философии, то есть, был специалистом непосредственно по моей теме. А у Дробницкого в недавно вышедшем учебнике была большая глава о критике этики экзистенциализма. То есть, директор института заказал рецензию двум отделам и двум ведущим специалистам по тематике моей диссертации. Через какое-то время я получил позитивный отзыв, отдал его в совет МГУ философского факультета, защита состоялась. Она прошла успешно, и я вернулся в Тюмень. Вроде как победителем, но надо учесть, что с момента, когда я считал, что должен был уже защититься, прошло лишних два года.

Теперь по поводу основных выводов моей диссертации. Речь шла о моей любимой на многие годы теме морального выбора личности в ситуациях нравственного конфликта, когда моральный субъект обнаруживает, что в его сознании сталкиваются нормы, противоречащие друг другу, когда выполнение одной нравственной нормы приводит к нарушению другой, тоже нравственной, нормы. Это не был конфликт добра со злом. Это был конфликт норм внутри одной моральной системы. В качестве примера наиболее напряженной ситуации морального выбора я рассматривал проблему соотношения нравственной цели и средств. А критике я старался подвергнуть метафизические, односторонние решения проблемы соотношения цели и средств. И в качестве таких односторонних решений я рассматривал, с одной стороны, теории ненасилия Л. Н. Толстого и Р. Ганди, а с другой стороны, известный принцип «цель оправдывает любые средства», который принято связывать, прежде всего, с иезуитизмом. Основной вывод моего исследования звучал так: нравственен и эффективен выбор таких средств, которые способствуют достижению цели, но при этом не изменяют ее нравственного характера.

Какие мотивы подтолкнули тебя перебраться из известного академического центра Томска лишь в стававший на ноги Тюменский индустриальный институт? Какие курсы ты там начал читать?

Было два мотива моего переезда из университетского города Томска в неуниверситетский город Тюмень. И я не могу сейчас сказать, какой из них был сильнее. Один мотив бытовой: вновь образованный Тюменский индустриальный институт при поддержке областных властей давал приглашенным преподавателям квартиры. В старом Томске об этом и мечты-то не было. Получить сразу при переезде современную по тем временам

двухкомнатную квартиру – это был для моей семьи очень сильный соблазн. Второй мотив, скорее, творческий: в Тюмень переехал мой руководитель по кандидатской диссертации Ф. А. Селиванов, и продолжить сотрудничество с ним (а он заведовал в Тюменском индустриальном институте кафедрой философии) было не менее важно, чем получить квартиру. Сложилось очень удачное сочетание двух мотивов. И я колебался не долго, хотя оставлял в Томске друзей, научную библиотеку университета, университетские традиции.

Приехав в Индустриальный институт на кафедру философии, я получил для чтения стандартные курсы – диалектический и исторический материализм. Разумеется, это были не только семинары, но и лекции, тем более, что мне дали ставку старшего преподавателя. Я уже освоился с лекционной деятельностью в Политехническом институте в Томске, и это не было для меня особым затруднением.

Конечно, можно задать вопрос: выиграл я или проиграл, получив вместо томских студентов студентов тюменских? В Томске у меня были привилегированные факультеты - радио-физический и химический. Очень сильные студенты, поступившие по большому конкурсу, и надо было равняться на их потенциал, соответствовать ему. В Тюмени Индустриальный институт открылся за три года до моего приезда, особых традиций, конечно, не могло быть. Но, в общем-то, уже на первом этапе своей жизни Индустриальный институт имел определенную привлекательность: в городе требовались инженеры и высокий конкурс позволял отобрать вполне достойный контингент студентов. И мне было непросто удовлетворить их интересы, ведь ребята были современные, мотивированные на образование, у них был пафос жителей центра освоения Тюменского Севера. И все это надо было учитывать.

По-видимому, условия работы в Тюмени позволили тебе сосредоточенно заниматься наукой, если всего через пять лет после защиты кандидатской диссертации ты в 35 лет защитил докторскую?

Конечно, условия работы в Тюмени и мотивировали меня, и позволили сосредоточиться на научной работе. Я ехал в Тюмень в статусе почти написавшего кандидатскую диссертацию, как я сказал выше. И мне предстояло ее оформить. Первые три года в Тюмени я был сосредоточен на кандидатской диссертации, а затем очень интенсивно занялся докторской, и защитил ее относительно быстро – в 35 лет. По тем временам я был самый молодой доктор философских наук в СССР.

Условия были благоприятные, и, кроме сильного внутреннего стремления, развитой достижительной ориентации, я еще имел возможность участвовать практически в любых конференциях. Уже сложившиеся контакты с этическим сообществом давали возможность публиковаться не только в тюменских сборниках, но и, например, в «Вопросах философии», «Философских науках», в популярных изданиях типа «Молодого коммуниста».

Немаловажным был фактор поддержки ректората: как только я заявил, что перехожу в докторантуру, ректор выделил моей семье трехкомнатную квартиру, что было и очень полезно, и очень ответственно. Предполагалось, что я оправдаю доверие.

Наверное, еще одним важным фактором было сотрудничество с трудовыми коллективами и партийными организациями города Тюмени и Тюменской области.

Уже тогда я мог инициировать этико-прикладные исследования, подразумевающие работу с заводами, ориентированными на топливно-энергетический комплекс Тюменской области. Это было важно и для того, чтобы проявить себя в качестве публичного деятеля, и для того, чтобы испытать свои идеи на практике этического воспитания и нравственного просвещения.

Полагаю важным фактором и работы над докторской диссертацией, и успешной защиты ее явилось то, что под меня в Индустриальном институте в 1975-м году была открыта кафедра этики. Кафедре выделили несколько ставок. Я пригласил молодых преподавателей. И тогда уже от эпизодических курсов по этике я смог перейти к постановке этического образования в Индустриальном институте на более или менее системную основу. Вся кафедра читала курсы этики, эстетики и научного атеизма – такой был разброс по тем временам. Практически все сотрудники кафедры стали моими аспирантами и начали писать кандидатские диссертации еще до моей докторской защиты. Таким образом, защитившись, я уже имел несколько своих аспирантов, готовых к защите кандидатских диссертаций.

Создание кафедры (а это была единственная в СССР кафедра этики в техническом вузе), конечно дало мне и творческий тонус, и определенный вес в профессиональном сообществе, и поддержку властей, которая была нелишней, ибо кафедра сразу получила возможность заявить себя в агитационно-пропагандистской работе в области и в организации эмпирических исследований на территории Тюменского топливно-энергетического комплекса. Создав кафедру, мы получили возможность проводить ежегодные конференции в Тюмени и в этом чередовались с кафедрой философии Владимирского политехнического института, которой руководил мой старший товарищ, а потом и многолетний соавтор Юрий Ваганович Согомонов. Один год конференция проводилась во Владимире, другой год – в Тюмени. Это были всесоюзные конференции, а нкоторые из них включали и иностранное участие, например, одна из конференций было советско-болгарской. Авторитет Тюмени для болгарских исследователей был высок уже хотя бы потому, что в Тюменской области работала большая группа болгарских строителей, и она пользовалась особым вниманием властей Болгарии. Мы публиковались в Болгарии, и они к нам с удовольствием приезжали на конференции. Статус кафедры был высок, и это существенно сказалось на успешности моей защиты, хотя она была не безоблачной...

Какие обнаруживались проблемы, подводные камни?

Наверное, как и в большинстве случае диссертационных защит, проблемы и подводные камни были двух типов. Первый тип – собственно научные проблемы. Поскольку концепция морального выбора личности, которую я развивал в этой диссертации, была сконцентрирована вокруг возможности - необходимости создавать и применять критерии эффективности морального выбора личности, я входил в рискованную зону включения в сферу морали, казалось бы, чуждых ей категорий - «целесообразности», «эффективности», «рациональности». Во всяком случае, в тогдашней советской этической концепции природы морали это была проблематизация, не разделяемая многими коллегами. Моя задача заключалась в том, чтобы ответить на их скепсис, а то и на прямые критические возражения, высказываемые и литературе, и на конференциях, и ответить так, чтобы принять и включить в свою концепцию все разумные критические замечания, но не утратить специфики, инновационности своей позиции. Это была не только вынужденная необходимость, а интересная творческая задача, степень успешности в ее решении должны были оценить оппоненты и ученый совет.

Вторая трудность была связана с тем, что инициированное мною направление прикладной этики имело оппонентов не только в рамках собственно науки, но и в сфере управления наукой. И, как и в первой диссертации, я столкнулся с сопротивлением власть предержащих в науке, которые не хотели давать мне ходу в этике. Полагаю, что это и в связи с моей национальностью, и в связи с тем, что я нарушал сложившиеся традиции в этическом знании, да и просто был слишком молод по сравнению с большинством коллег в наших этических кругах. Поэтому пришлось прибегнуть к помощи моих благожелателей среди ведущих этиков, и мне рекомендовали обратиться с заявлением о защите диссертации не в Московский университет, а в Новосибирский институт философии Сибирского отделения Академии наук СССР, где как раз к моменту моей защиты был организован докторский совет по диалектическому и историческому материализму. Естественно, мне пришлось чуточку обновить название и содержание моей диссертации – она пошла уже не по специальности «этика», а по специальности «исторический материализм». Должен сказать, что пришлось позаботиться и о «правильных» фамилиях оппонентов, чтобы среди них не доминировала определенная нация, как это сначала получилось. В итоге процесс защиты прошел без особого напряжения, и голосование, если я не ошибаюсь, было единодушным.

Подводные камни такого типа были данью времени, их надо было просто принять и преодолеть. Это получилось. И я помню, как сразу после защиты я полетел в Москву, где проходила очередная Всесоюзная школа (напоминаю, что это было советское время – 1979 г.) молодых этиков в Звенигороде. Я приехал на нее как триумфатор. И одним из первых меня

поздравил как раз мой недоброжелатель, который руководил этической наукой от имени отдела науки ЦК КПСС. Он пожал мне руку, но на его лице не было никакой искренности, он просто должен был это сделать публично. А когда он отошел, то стоящий рядом со мной профессор Титаренко Александр Иванович, который много сделал для организации моей защиты, сказал мне (может быть, он прочитал на моем лице некоторое напряжение при разговоре с этим товарищем): «Володя, теперь ты можешь быть спокоен за свою судьбу в науке. Никто тебе горло не перегрызет. В крайнем случае, за пятки будут кусать. Твоя докторская будет работать на твою безопасность». И, как мне кажется, его прогноз оправдался.

Надо сказать, что в содержательном плане серьезную поддержку в развитии моей концепции морального выбора сыграл профессор Сагатовский Валерий Николаевич, который указан в автореферате как научный консультант. Его поддержка была серьезной, спокойной, фундаментальной. Он помог мне смягчить остроту моей позиции, придать ей большую строгость и, тем самым, может быть, большую лояльность в отношении традиционной этической позиции: задача заключалась в том, чтобы доказать, что введение в проблематику морального выбора критерия целесообразности в выборе средств – это этическая проблема, а не чуждая этике позиция, которая пришла из некой праксиологии. Я пытался доказать и, как мне представляется, В. Н. Сагатовский меня поддержал, что это внутриэтическая проблема. Другое дело, как, акцентируя ее значимость, не уйти от проблемы природы морали, не утратить понимание природы морали, не игнорировать давнюю традицию этической мысли различать категорический и условный императив, как это делал, например, И.Кант.

В то же время мы уже начали тесно сотрудничать с Юрием Вагановичем Согомоновым. Например, он был внутренним редактором моего текста в учебнике «Марксистская этика», где А. И. Титаренко поручил мне главу «Моральный выбор». И, как я говорил, публикация этой главы в учебнике «Марксистская этика», который вышел в «Политиздате» (то есть, в издательстве ЦК КПСС), придала мне в моем стремлении завоевать место в этическом сообществе еще и определенный официальный статус. Несколько раз переизданная книга стала официальным учебником как для системы высшего образования, так и в системе партийного просвещения. Это придало легитимности и мне лично, и моей концепции. А Юрий Ваганович Согомонов, с которым мы тогда еще не написали ни одной книжки, тем не менее, понимая мою позицию, окультуривал ее, пытался найти при редактировании такие слова, которые бы смягчали свойственную моему подходу категоричность (наверное, инновационную позицию трудно было сделать нейтрально-полемичной).

Володя, когда ты работал над докторской диссертацией, ты обращался к теоретическим положениям социологии, использовал результаты прикладных исследований? Или истматовская «крыша» даже

этого не позволяла? Когда ты обратился к социологическим теориям и эмпирическим методам социологии?

Теоретические положения социологии, тем более, результаты прикладных исследований оставались за рамками моей докторской диссертации не потому, что «истматовская крыша» этого не позволяла, просто мое исследование было, скорее, в рамках традиционной отечественной этической теории, которая была более философией морали.

Мое обращение к социологическим теориям вызвано тем, что социально-управленческий интерес к потенциалу морали и нравственного воспитания актуализировался (или обнаружился, или появился – не знаю, какое более точное слово здесь употребить) когда словосочетание «прикладная этика» вышло за рамки традиционной классической метафоры, трактующей этику как практическую философию, и стал формироваться интерес к более конструктивному воздействию этики на моральную практику.

Надо сразу сказать, и я стараюсь это постоянно подчеркивать, что зачатки социологического взгляда на мораль в моей позиции формировал Юрий Ваганович Согомонов. Он, на мой взгляд, один из тех этиков, которым исследовательская и педагогическая работа в духе исторического материализма не помешала разрабатывать социологическое видение морали. Прежде всего, это было связано с исследуемой им управленческой версией взаимосвязи этики и моральной практики. Я думаю, этики не только моего, но и последующих поколений помнят лекции Юрия Вагановича Согомонова на конференциях во Владимире и в Тюмени, на школах молодых этиков, где мы получали первую прививку социологического видения современного общества и морали этого общества. На его лекциях мы слушали диагностические характеристики как глобального, так и нашего советского общества с точки зрения самых очевидных признаков современности. Это Ю. В. Согомонов увязывал развитие морали с урбанизацией, с характеристиками потребительского общества, с динамикой семьи от традиционной формы к современной. Ему не надо было «продавливать» в наше традиционное этическое сознание эти новации - настолько убедительны, настолько они были конструктивно объясняли практику нашего общества. Благодаря его лекциям и многие мои молодые коллеги сразу стали «фейербахианцами» - этиками, которые уже не могли пройти мимо социологических характеристик морали. Это еще не было обращением к эмпирическим методам в собственно этических исследованиях, но это были зачатки социологического видения, которое помогло нам стать чуточку более современными в понимании природы морали и ее актуальных проявлений.

Что это за социологическое видение Ю. В. Согомонова, которое я усваивал и присваивал и пытаюсь сейчас продолжать? Это понимание социальной природы морали, но не то, к которому обращались и сторонники философского видения морали («социальная природа морали» - это была традиционная марксистская позиция), но это было именно социологическое

понимание динамики морали, динамики ее в свете модернистского подхода, в сравнении морали традиционного общества и общества посттрадиционного, современного. Здесь формировалось видение морали в свете ее социокультурной динамики, очень важно было понимать этапы конкретизации феномена морали на разных исторических этапах. При таком подходе уходила склонность многих философов к абсолютизации ее природы, норм и ценностей, при этом без впадания в другую крайность - в релятивизацию ценностей и норм морали. Настоящий социолог морали в противоречии с теми, кто абсолютизировал природу морали, совсем не обязательно релятивист.

Разумеется, мое обращение к социологии, если не прямое, то косвенное, было укреплено встречами с рядом ведущих социологов нашей страны. Это и Юрий Левада, и Борис Грушин, и Игорь Клямкин, и Игорь Кон, которого я знал и раньше, и Геннадий Батыгин, с которым мы стали в ближайшем будущем тесно сотрудничать. Мне удалось побывать на одном из заседаний президиума Советской социологической ассоциации в г. Суздале Владимирской области. Это был примерно 1989-й год. Попал я на это заседание случайно. Оно проходило в Суздале, а в это время я гостил во Владимире у Юрия Вагановича Согомонова, и, когда он получил приглашение поучаствовать в том заседании, то пригласил и меня. И вот я увидел весь цвет советской социологии, как на заседании Президиума, так и в приватной обстановке, что меня очень обрадовало, поскольку это была очень интересная атмосфера. Это было непередаваемое впечатление, которое повернуло меня и к личностям этих социологов, и, естественно, к тому знанию, которое за ними стояло. Кстати, на этом же заседании президиума я послушал Галину Старовойтову, которая только что вернулась с Кавказа, где в эти годы начались известные события. А через несколько лет в середине 1990-х годов, когда я стал издавать журнал «Этика успеха», большинство тех социологов стали участниками моих интервью для этого журнала. Это подняло и статус журнала, и расширило возможность контактов этического сообщества с социологическим. В будущем некоторые из этих социологов были участниками акций, которые проводили я и мои коллеги в сфере прикладной этики. Когда в перестроечные годы мы организовывали важного общественного масштаба гуманитарные экспертизы, в них принимали участие некоторые персоны из этого круга.

Спасибо, Владимир, что вспомнил о выступлении Галины Старовойтовой в Суздале, где во второй половине марта 1988 года состоялся Пленум правления советской Социологической Ассоциации; это было очень важное, памятное событие, и я немного дополню твой рассказ. Вечером 23 марта, вне программы, после ужина желающие собрались в одной из комнат гостиницы, чтобы послушать Галину Старовойтову и армянского социолога Людмилу Арутюнян о событиях в Сумгаите. Было не менее полусотни человек, стульев не хватало, и опаздывавшие располагались на полу. Более двух часов люди сидели молча, потом задавали

много вопросов, но, по-моему, никто не выступал. Говорить было нечего. Надо было думать. Старовойтова рассказывала об истории Карабаха, о социально-демографических и культурных особенностях этого района. Все – просто. Но так мог говорить лишь человек, не только досконально знавший предмет анализа, но остро чувствовавший боль людей, живших там, и пытавшийся искать выход из сложившейся трагической ситуации. Галина выглядела усталой, выступала сидя, после перелома ноги ходила, опираясь на палку. Но, по-моему, это, ее не волновало. Она обнаруживала нечто новое в мире и открывала неизвестное в себе.

Не мог бы ты рассказать о твоем проекте, в котором участвовал Геннадий Батыгин, и о нем самом. После смерти Батыгина прошло более десяти лет, но его жизнь и сделанное им продолжают интересовать многих...

Геннадий Семенович Батыгин сотрудничал с нашим направлением прикладной этики, начиная с времен «Самотлорского практикума-2», то есть, с 1987-го года. «Самотлорский практикум-2» - это была такая амбициозная попытка группы этиков, которую инициировала моя лаборатория прикладной этики Института проблем освоения Севера Сибирского отделения АН СССР. Мы стремились включить отечественное этическое сообщество, весьма настороженно относящееся к самой идее прикладной этики, как сказали бы сейчас, в активный дискурс об актуальных проблемах морали общества времен Перестройки. И, естественно, мы были заинтересованы пригласить в этот дискурс не только чистых этиков, но и известных авторов из смежных профессий – философов, культурологов, психологов, и, конечно, социологов. Мне представлялось, что в числе экспертов, приглашенных отвечать на разработанную нами анкету, не мог не оказаться Геннадий Семенович.

Я сначала знал его заочно как автора послесловия, которое он написал к докторской монографии. Во время просмотра в книжном магазине монография меня мало заинтересовала (она была чисто социологическая, а меня эта тематика не заводила), а вот послесловие было написано Социологом с большой буквы. Это уже была и не голимая эмпирия, и даже не методология. В этом послесловии я увидел социального философа, публицистически пишущего интеллектуала, который мог критически отнестись к социальной ситуации времен перестройки и к месту социолога в этой ситуации.

Так имя Батыгина запало в мою память. Я пригласил его поучаствовать в нашем экспертном опросе, основной задачей которого было дать коллективную диагностику моральной ситуации тех времен. И его текст украсил нашу экспертизу. Я увидел, что это прекрасный автор, интересный и полезный разрабатываемой нами концепции прикладной этики и ее практическому применению в виде многообразных экспертиз того времени. Например, экспертизы ситуации «Этика Севера»; потом смежного с ней проекта этно-экологической экспертизы ситуации, которая сложилась на

Тюменском Севере в связи с массовым промышленным освоением этой территории и вызванными им изменениями в жизни малочисленных народов. Это экспертизу мы готовили в режиме многодневной деловой игры. Участникам экспертизы предстояло прожить во время Самотлорского практикума несколько моделей решения трудной ситуации на Тюменском Севере. И предшествовавший самой деловой игре экспертный опрос снова не мог быть осуществлен без участия Геннадия Семеновича.

Он был членом редколлегии и постоянным автором первого из наших журналов - «Этика успеха». Начиная с 1995-го года и до самых последних своих дней он был на принципах совместительства ведущим научным сотрудником НИИ прикладной этики Тюменского государственного нефтегазового университета и постоянным автором выпусков издаваемого НИИ прикладной этики журнала «Ведомости прикладной этики».

Геннадий Семенович был не просто нашим деловым партнером; не берусь говорить, что мы с ним дружили, но, как мне казалось, у нас сложились теплые личные отношения. Мы часто встречались в Москве, я бывал у него дома. И сейчас помню глубоко поцарапанные кошкой руки его сына Гены, залепленные медицинским клеем.

Мне кажется, что участие в этико-прикладных проектах социолога Батыгина сделало наше стремление развивать прикладную этику более привязанным к социально-политическим реалиям, «заземлило» наши проекты на отечественные обстоятельства.

Я помню Геннадия Семеновича и как редактора нескольких наших монографий, и как автора критических рецензий на эти монографии в разных журналах. Он рецензировал и наши с Юрием Вагановичем Согомоновым книги об этике российского бизнеса, про этос среднего класса. До сих пор в архиве НИИ ПЭ лежит машинописная рукопись одной из книг с его правкой, очень существенной и конструктивной, которая улучшила наш текст.

И еще одна точка взаимодействия Г. С. Батыгина с нашими проектами. В 1993 -1997 годах он был научным руководителем (вместе со мной) кандидатской диссертации по социологии сотрудницы НИИ ПЭ ТюмГНГУ Марины Богдановой. Это была вполне серьезная работа, посвященная исследованию этоса становящегося в современной России предпринимательства. Г. С. Батыгин уже ушел из жизни, но и в докторской диссертации М. В. Богданова социологическую методологию исследования этоса университета разрабатывала на основе работ Г. С. Батыгина.

Наверное, стоит сказать, что Геннадий Семенович повлиял и на создание журнала «Ведомости прикладной этики». Сам он оганизовал, как мы все знаем, «Социологический журнал», и прямо или косвенно его опыт сказался на создании нашего журнала, на его концепции, на наших представлениях о роли журнала в становлении и развитии научной школы.

Я завершу этот краткий сюжет о Геннадии Семеновиче воспоминанием о том, как мы обменивались ироничными комплиментами: я говорил, что он – главный этик среди социологов, а он – что я главный социолог среди этиков.

Я хотел бы поговорить подробнее о твоих прикладных исследованиях, но сначала – о теоретических работах. После защиты докторской диссертации прошло без малого 40 лет. Что главное удалось сделать в области теории этики? Какие свои теоретико-методологические работы ты назвал бы в первую очередь?

За прошедшие десятилетия под твоим руководством, наверняка, подготовлены сотни дипломных проектов, защищены десятки кандидатских работ, несколько докторских. Пожалуйста, поделись статистикой. Наверное, в определенном смысле уже можно говорить о «тюменской школе» исследователей этики. В чем ты видишь ее специфику?

После защиты докторской диссертации прошло без малого сорок лет. И когда они могли пройти - эти сорок лет?!?

Что же удалось сделать в области теории этики? Прежде всего, зародить, создать и развить отечественную школу прикладной этики, которая с определенного этапа стала называться «инновационная парадигма прикладной этики». Это потребовалось, чтобы различить то оригинальное направление, которое мы инициировали в начале восьмидесятых годов, и те этико-прикладные концепции, которые затем появились у нас в стране, во многом под влиянием западной этической мысли. Я стараюсь подчеркивать, что инновационная парадигма – наше отечественное изобретение. На этапе своего возникновения и становления она фактически была независима от западных исследований в сфере прикладной этики, развивалась параллельно им.

Итак, во-первых, в области теории этики – это создание направления. Во-вторых, у нас получилось почти непрерывающееся за эти сорок лет оформление инновационной парадигмы в нами же издаваемых журналах. Сначала это был журнал «Этика успеха», одиннадцать номеров которого вышли в Москве и Тюмени. Еще один журнал был создан в связи с работой в сфере профессиональной этики журналиста, мы назвали его «Тетради гуманитарной экспертизы» (выпустили шесть номеров). Наконец, с 1995 года и по сей день выходит в Тюменском нефтегазовом университете журнал «Ведомости прикладной этики». Сейчас мы готовим к печати сорок шестой выпуск. Как нас наставлял Геннадий Семенович Батыгин, журнал – это способ существования школы.

В-третьих, мы освоили не менее важный способ существования отечественного направления прикладной этики – выпуск ключевых монографий. Уже в их названиях можно увидеть тематизм наших исследований.

Среди первых после защиты докторской я бы назвал монографию, обобщающую результаты начального десятилетия жизни нашей

парадигмы, – «Введение в теорию управления нравственно-воспитательной деятельностью» (Томский университет, 1986 год). Она написана в соавторстве с Ю. В. Согомоновым.

Следующий этап жизни инновационной парадигмы может быть концентрированно представлен результатами, опубликованными в монографии «Этика политического успеха» (Москва-Тюмень, 1997). Это была первая в отечественной этической литературе работа по политической этике, написанная мною вместе с Ю. В. Согомоновым. Сфера для нашего этического знания - одна из неизведанных, и, конечно, обращение к этой теме было связано с общественными переменами в постсоветское время.

В этой монографии закрепилась ставшая в дальнейшем традиционной структура наших последующих работ. Сначала - теоретико-методологическое описание темы, в данном случае, феномена политической этики. А затем – представление проектно-ориентированных исследований (реализованные в духе прикладной этики проекты, связанные с переменами в жизни партии, отечественного парламента, с политической этикой в этнонациональных конфликтах, и особенный раздел - этика политической борьбы). Вообще, начало и середина девяностых годов, может быть, неожиданно для нас, стали временем появления целого ряда монографий. Одну я назвал, затем была первая в отечественной современной этической литературе монография по этике бизнеса «Честная игра. Нравственная философия и этика предпринимательства». Она вышла в издательстве Томского университета, как и несколько последующих книг, например, «Этика и этос воспитания», первая отечественная публикация по этике в сфере воспитания. Стоит заметить, экспансия нашего направления была направлена либо в ранее неосвоенные сферы этики, либо освоенные, но в парадигмальном ключе, который нас не устраивал. Это относится, например, к такой «тюменской» теме, как «Этика Севера». Наши этико-социологические исследования, экспертизы, деловые игры – это опыты приложения методологии этико-прикладного исследования к ситуации на Севере Тюменской области - ситуации «нового освоения».

Это была и экспансия в тематику, в которой мы вышли из регионального масштаба на масштаб общероссийский. Такой была серия гуманитарных экспертиз, представленных как в теоретических публикациях, так и в реальной практике этических деловых игр (трансформация партийной структуры КПСС, освоение непривычной для советской действительности ситуации политических выборов). Нельзя забыть еще такой проект, как экспертиза переходной ситуации от советской власти к постсоветской, – то, что связано было с попыткой нового правительства России подвергнуть осмыслению и экспертизе первоначальные реформы по строительству в стране гражданского общества (здесь «гражданское общество» - не «третий сектор», некоммерческие организации, а новый тип общества - рыночного, демократического и т.д.). И мы приложили к этим заботам скромные возможности своего направления.

Следующий всплеск монографических работ связан уже с началом нового тысячелетия.

Мы выполнили серию проектов, б*о*льшая часть из них была связана с Тюменским государственным нефтегазовым университетом, с ситуацией, которая позволяла конструктивно влиять на трансформацию бывшего Индустриального института в Нефтегазовый университет.

Результаты были представлены в коллективных монографиях: «Становление духа университета» и «Самоопределение университета», в которых мы стремились добиться сплетения теоретико-методологических позиций с реальной практикой общественной экспертизы ситуации университета.

Одним из проектов 2000-х годов было теоретико-методологическое и экспертно-консультативное исследование массового появления некоммерческих организаций. Мы провели прикладное исследование на тюменском опыте, и возникла коллективная монография «»Будь лицом: Рабочие тетради Гражданского форума Тюменской области».

Если не стесняться характеристики своих работ как фундаментальных, то я бы назвал таковыми две монографии, которые мы написали совместно с Юрием Вагановичем Согомоновым: «Этика профессии» и «Введение в прикладную этику». Это было и обобщение предшествующих исследований и методологический задел на сегодняшние исследования в рамках инновационной парадигмы.

Особо можно выделить заботящую нас в последние годы задачу создания учебного пособия по прикладной этике. Сегодня эта задача обернулась выходом трех частей моего учебного пособия «Прикладная этика: инновационный курс для магистр(ант)ов и профессоров». Сейчас идет работа над четвертым томом, и конца я пока не вижу.

К сожалению, за те десятилетия, о которых ты спрашиваешь, под моим руководством не подготовлены «сотни дипломных проектов и десятки кандидатских работ». Фактически ни одного дипломного проекта не было подготовлено, т. к. НИИ прикладной этики не ведет учебной работы. В те времена, когда я преподавал философию и этику в Тюменском индустриальном институте, дипломы по этике не защищались, это был общеобразовательный предмет, и в лучшем случае его изучение завершалось зачетом. А в рамках НИИ прикладной этики я не смог добиться, чтобы университет выделил мне учебные курсы, и моя деятельность была ограничена в рамках НИИ прикладной этики исследованиями и разработками.

Мне удалось поработать над кандидатскими диссертациями, и полтора десятка работ были защищены как в ЛГУ, так и в нашем собственном диссертационном совете. Их тематика была связана с прикладной этикой. Кроме этих кандидатских работ, была защищена диссертация об этосе

университета. Ее написала и успешно защитила Марина Владимировна Богданова.

Полагаю, что независимо от этой скромной статистической цифры, вполне можно говорить о тюменской школе прикладной этики. Хотя слово «тюменская» здесь не должно истолковываться узко географически. Действительно, и административная единица в виде НИИ прикладной этики, и издательские проекты, например, журнал «Ведомости прикладной этики», и большинство публикаций привязаны к Тюмени, да и, в большинстве своем, объекты эмпирических исследований тоже были тюменские. Но, тем не менее, нам удалось вовлечь в сферу своих исследований и разработок, не постесняюсь сказать этого, лучших исследователей страны, работавших и в Москве, и в Ленинграде, и в Сибири... География авторов включает и Украину, и Белоруссию. Их участие укрепило потенциал наших проектов.

В чем специфика Тюменской школы? Первый признак я уже назвал: это ее географическое многообразие. Да, мы, Тюмень, можем считать себя ядром этого направления прикладной этики, но оно впитало в себя хороший исследовательский потенциал многих регионов страны. Вторая особенность Тюменской школы заключается в том, что во многих наших проектах на равных творческих правах участвовали и теоретики, и практики.

Третья особенность – это методология и методика проектов школы (например, метод этических деловых игр, работающих как в экспертной, так и в проектной деятельности).

Следующая особенность заключается в том, что Тюменская школа на протяжении двадцати лет выпускает свой журнал, который является определенным центром по собиранию сил нашего направления.

Наверное, не грех вспомнить о том, что специфика тюменской школы заключается в конструктивных взаимоотношениях с властью, как на региональном, так и на федеральном уровнях. Нам часто удавалось привлечь работников властных структур к своим исследованиям. Я назову, например, такие проекты, как «Городские профессионалы» или «Самотлорский практикум». А некоторые этические деловые игры мы проводили не только в Тюменской области, но и в столице при поддержке властных структур Москвы и Российской Федерации. Приведу в пример гуманитарные экспертизы, проведенные нами в перестроечные годы в Москве, экспертизу идеи и технологии либерализации цен, которую мы провели по заказу только что организованного правительства Российской Федерации в декабре 1991 года.

В перечне специфических черт Тюменской школы уместно упомянуть серию мастер-классов, проведенных в последние годы на базе кафедр этики МГУ, ЛГУ, Киевского национального университета, кафедры философии Гуманитарного института Уральского федерального университета. Это были акции, которые работали не просто на просвещение участников мастер-классов, но и на развитие теории и технологии этико-прикладных исследований.

Я думаю, что они были взаимно полезны как аудитории, так и тем, кто с ней работал.

Володя, рассказанное тобой – очень значимо. Однако, количество вопросов к тебе не уменьшается. Поддерживаешь ли ты контакты с зарубежными специалистами? Работают ли их выводы, предложения в России? И, наоборот, какие из твоих теоретических и прикладных результатов привлекают их внимание?

В советские времена наиболее тесными были контакты с коллегами из Польши и Болгарии. С болгарскими коллегами отношения были очень интенсивными и долговременными. И это объясняется просто – в Болгарии складывалось сильное направление этико-прикладных исследований, ориентированных на управление идеологической работой и воспитательной деятельностью. Например, совместно с известным болгарским этиком Василом Момовым мы с Ю. В. Согомоновым выпустили общую монографию «Прикладная этика». В Тюмени в 1982 году прошла советско-болгарская конференцию по прикладной этике, с большим участием теоретиков и практиков с обеих сторон. Опыт болгарских коллег был нам очень интересен, потому что это было сотрудничество исследователей и практиков в сфере идеологической работы и воспитательной деятельности.

С польскими коллегами я общался, прежде всего, в рамках контактов кафедры этики Московского университета и кафедры этики Варшавского университета. До сих пор рад, что в известном польском журнале «Этика» напечатал свою статью по этической праксиологии, которая была, я бы сказал, предпосылкой моей парадигмы прикладной этики.

В постсоветское время мы сотрудничали с американским коллегой, профессором Вашингтонского университета Стивом Керром. включили его в члены редколлегии нашего журнала «Этика успеха». Мы обменивались опытом культивирования этики успеха в Штатах и в России, он приезжал к нам, а вместе с коллегами ездил в Америку, получил возможность посетить несколько центров этико-прикладных исследований в Соединенных Штатах и даже выступил на большой всеамериканской конференции в Новом Орлеане.

Обращаясь к более близким к сегодняшнему дню годам, должен отметить складывающиеся отношения с коллегами-этиками из университета в Вильнюсе. Я участвовал в изданной в Литве коллективной монографии по экологической этике - продвигал приложение инновационной парадигмы к давно известным этико-экологическим исследованиям. Мы обсудили эффективность осуществляемых в Тюмени и в Вильнюсе этико-прикладных исследований, обменялись дискуссионными статьями. Подходы имеют и точки согласия и точки разногласия. Литовские коллеги, естественно, печатались в нашем журнале «Ведомости прикладной этики». Мы сотрудничали на конференциях как в Литве, так и в России.

Членами редколлегии и постоянными авторами журнала «Ведомости прикладной этики» являются коллеги из центральных университетов Киева и Минска. Коллеги из Киева опубликовали меня в своем журнале «Практическая философия». Ценю полученную возможность проведения мастер-класса об опыте проектирования профессионально-этического кодекса университета на кафедре этики Киевского университета имени Т. Шевченко.

Я полагаю, что это плодотворное сотрудничество для той и другой стороны.

Что привлекает в наших работах зарубежных коллег? Об этом, конечно, лучше бы спросить их, но, во всяком случае, судя по участию в нашем журнале, идет позитивное освоение нашей инновационной парадигмы прикладной этики, нашего опыта исследований, приложимых, прежде всего, к университетской этике, к инженерной этике. Думаю, что у нас есть хорошие перспективы для сотрудничества.

Распространяются ли твои исследования в сфере прикладной этики на такие актуальные для России темы, как межнациональные, гендерные, межконфессиональные отношения, в том числе, отношения между верующими и неверующими? С кем из тюменских социологов ты в наибольшей степени сотрудничаешь?

За несколько десятков лет разработки и продвижения инновационной парадигмы прикладной этики мы занимались разными темами, к которым пытались применить наши представления. Здесь были и тема этно-экологическая, когда мы проводили экспертизу освоения гуманитарных последствий освоения Тюменского Севера в связи с развитием топливно-энергетического комплекса. Было и приложение к сфере политики, когда политическая этика была предметом наших теоретических и эмпирических исследований в эпоху перестройки. Мы пытались и в рамках Тюменской области, и в Москве моделировать новые для тех времен ситуации политического выбора, связанные с демократизацией жизни страны и партии. Межнациональными и гендерными отношениями мы не занимались, как и отношениями межконфессиональными.

С тюменскими социологами я сотрудничаю весьма редко. Профессиональные взаимоотношения, скорее, эпизодические в силу разного предмета исследования. Но, как мне кажется, сложились добрые личные отношения с К. Г. Барбаковой, Ю. М. Беспаловой, Л. В. Лебедевой и другими коллегами. В прежние годы мы хорошо сотрудничали с Юрием Михайловичем Федоровым, например, в проектах «Этика Севера», «Самотлорский практикум».

Ну и, конечно, в ответ на этот ваш вопрос я должен сказать, что в составе НИИ прикладной этики с момента его образования работает социолог Богданова Марина Владимировна, которая за это время защитила и кандидатскую, и докторскую диссертацию. Разумеется, это были диссертации, написанные на материалах социологических исследований,

тесно связанных с этической проблематикой. Основная тема ее исследований последних лет – этос университета, а исследования первых лет были связаны с проблематикой этоса предпринимательства. В этой проблематике, как и в проектах по университетской этике, Марина Владимировна сотрудничала с Геннадием Семеновичем Батыгиным.

В целом, в опыте нашего направления прикладной этики сотрудничество с социологами, скорее, было за пределами Тюмени. Если посмотреть, например, наш журнал, который мы издавали до «Ведомостей прикладной этики», – журнал «Этика успеха», то его авторами, участниками наших проектов были и Левада, и Грушин, и Дубин, и Валентина Чеснокова (К. Касьянова), и Батыгин… наш автор и в журнале «Этика успеха», а потом и журнале «Ведомости прикладной этики».. Нашим постоянным автором является Александр Юрьевич Согомонов, социолог-культуролог, эвристические тексты которого продвигают наши проекты.

БАРБАКОВА К. Г. – ЧЕЛОВЕК ГОСУДАРСТВЕННОГО МЫШЛЕНИЯ И ЗАБОТОЙ О КАЖДОМ ЧЕЛОВЕКЕ

Те, кто хоть немного знаком с зарождением и развитием социологии в Тюмени, с социологическим изучением важнейших проблем Тюменского края, согласятся со мной, что в данной книге непременно должен быть рассказ о жизни и деятельности Клары Григорьевны К. Г. Барбаковой. Но если во всех других случаях информация автобиографическая, то здесь о К. Г. Барбаковой говорят люди, десятилетиями знающие ее по совместно работе и наблюдавшие ее в разных жизненных обстоятельствах. Сначала занятость не позволила Кларе Григорьевне активно включиться в интервью, а теперь – тяжелая болезнь.

В статье – три раздела. Начну с моих впечатлений от общения с Кларой Григорьевной, о значении её поддержки тех исследований, которые я провожу в последние полтора десятилетия. Затем приведу два автобиографических материала, присланных мнеК. Г. Барбаковой. Третий раздел – добрые слова коллег Клары Григорьевны о её деятельности.

Такое не забывается

Познакомился я с Кларой Григорьевной и ее мужем Михаилом Михайловичем Барбаковым в начале апреля 1985 года, вскоре после избрания М.С. Горбачева на пост Генерального секретаря ЦК КПСС. Тогда в Институте социологии АН СССР состоялась защита моей докторской диссертации, и по окончании ее К. Г. Барбакова подошла ко мне, поздравила с успешным завершением процедуры и сказала, что пришла посмотреть, как все происходит, ибо она должна была защищать свою работу на следующем заседании Совета. Таким образом, нашему знакомству – 30 лет.

Относительно скоро, в конце июня 1987 года мы снова встретились в Тбилиси, там на начальной волне перестройки проходила 1-я Всесоюзная конференции по изучению общественного мнения. Тогда еще не было разделения на социологов, политологов и полстеров, так что та конференция фактически была местом встречи ведущих социологов страны и представителей директивных органов самого высокого уровня. Насколько мне помнится, обстоятельного общения у нас в тех условиях не было, но мы договорились о сотрудничестве.

Я впервые поня деловую хватку и обязательность К. Г. Барбаковой, когда в начале октября получил письмо-приглашение участвовать в научно-практической конференции «Социально-экономические проблемы молодежи районов нового промышленного освоения» в Тюмени. Это была моя первая поездка в Сибирь, в районы промышленного освоения, так что поделиться своим опытом изучения соответствующей проблематики я не мог, но мне было предложено провести серию занятий в областной школе социологов по методологии и методам проведения опросов и прогнозирования социальных процессов. В ту памятную неделю мы много говорили с Кларой Григорьевной

о науке и, что называется, «за жизнь». У нас обнаружилось много общего в понимании профессиональных тем и во взглядах на более общие вопросы.

В конце марта – начале апреля 1989 года я прочел в Тюмени небольшой цикл лекций по изучению общественного мнения и провел мастер-классы (тогда это так не называлось) в Ханты-Мансийске, где собрали руководителей идеологических отделов райкомов КПСС Тюменской области. И всюду, где я был, я замечал уважительное отношение К. Г. Барбаковой, видел, насколько ценят люди ее «горение» в делах.

Но мое настоящее погружение в Тюменскую социологию произошло в июне 1991 года, когда, по рекомендации К. Г. Барбаковой, руководство Тюменского государственного университета пригласило меня возглавить Государственную экзаменационную комиссию, которая должна была принять госэкзамен по социологии и оценить дипломные исследования. В ходе совместной работы я познакомился с рядом преподавателей, с которыми поддерживаю добрые отношение уже четверть века.

В годы, о которых я рассказывал, я жил в Ленинграде и работал в Институте социально-экономических проблем АН СССР, а также во Всесоюзном центре изучения общественного мнения, которым тогда руководили Т. И. Заславская и Б. А. Грушин. Сложно предположить, как после столь мощного старта развивалось бы мое сотрудничество с Кларой Григорьевной, но в начале 1994 года по семейным обстоятельствам я уехал на постоянное жительство в США. Пять первых лет американской жизни были очень сложными, я вынужден был совсем отойти от науки и не мог поддерживать контакты со своими коллегами, друзьями. Но летом 1999 года ситуация постепенно стала проясняться, я впервые после долгого перерыва побывал в Санкт-Петербурге и Москве, встретился с давними знакомыми, начал потихоньку публиковаться.

Наверное понятно, что все вышеизложенное невозможно было написать «по памяти», слишком давно все это было. Помогает то, что с середины 1985 года я веду дневник событий, своего рода «вахтенный журнал», в котором стараюсь ежедневно записывать основные события и встречи. Кроме того, в моем компьютере хранится несколько тысяч писем и электронных посланий, которые я получал или отправлял моим корреспондентам в течение более 15 лет. К сожалению, у меня не сохранился мэйл, посланный мне кем-то от имени Клары Григорьевны в конце октября или в начале ноября 2000 года. Я так датирую это важное в моей жизни событие, ибо сохранилось мое ответное письмо от 9 ноября, и я знаю, что обычно отвечаю на полученные письма сразу, тем более, что я никак не мог в данном случае задержаться с ответом. Мое письмо начиналось словами: «Дорогая Клара Григорьевна, очень многое нас связывает, и потому Ваша записочка очень мне дорога. Это, знаете, как, если бы Вы разбирали Ваш архив или кладовку и вдруг обнаружили что-то, что, как Вам казалось, существовало только в Вашей памяти. Хочется о многом Вам

рассказать, хотя сделать это нелегко. Описывать шесть пробежавших после отъезда лет – дело очень трудное: множество событий, но это не самое главное затруднение».

И далее, на шести страницах, я достаточно подробно описал пережитое и то, как лишь недавно начал «обратный путь» в социологию. Оглядываясь назад, могу сказать, что главным в описании моих исследовательских проектов было упоминание о том, что в начале 2000 года под влиянием внешних обстоятельств я начал заниматься биографией Джорджа Гэллапа и анализом его работ в области изучения общественного мнения. Я писал: «После возвращения из России в январе 2000 г. меня здесь все спрашивали о президентском прогнозе, но не верили в то, что это возможно сделать социологическими методами. Написал для местной русскоязычной прессы статью о Гэллапе. Оказалось, что в ноябре 2001 года ему исполнилось бы 100 лет. Занялся изучением его биографии и творчества. Отчасти это продолжение моих штудий методов социологии, отчасти - продолжение изучения общественного мнения».

Меня и сейчас удивляет, как Клара Григорьевна, которая сама специально не занималась вопросами методологии и технологии измерения установок, имея лишь весьма общие представления о жизни и деятельности Гэллапа, разглядела в этом исследовательском направлении нечто ценное. Возможно – интуиция, чутье аналитика и преподавателя подсказали ей, что это может оказаться полезным для практики и в преподавании.

Через месяц, 7 декабря, после обмена мнениями по электронной почте и телефонного разговора, я писал К. Г. Барбаковой о том, что согласен на ее предложение прочесть несколько лекций по истории изучения общественного мнения в США и рассказать о деятельности Гэллапа. Кроме того, я написал, что готов подготовить брошюру о жизни Гэллапа, и предложил провести в Тюмени «Гэллаповские чтения». Многим все это показалось бы красивым, но не реализуемым предложением, но только не Кларе Григорьевне.

Всего через два с небольшим месяца, 14-16 февраля 2001 года, Тюменским государственным институтом мировой экономики, управления и права (ТГИМЭУиП), создателем и первым ректором которого была К. Г. Барбакова, при содействии Тюменского государственного нефтегазового университета в Тюмени прошли «Гэллаповские чтения». Выездная сессия чтений состоялась в Тобольском государственном педагогическом институте им. Д. И. Менделеева. В мероприятиях участвовало свыше 500 преподавателей, аспирантов и студентов трех университетов и группа известных московских социологов: З. Голенкова, В. Култыгин, В. Мансуров, Г. Татарова и Ж. Тощенко. Финалом официальной программы «Гэллаповских чтений» стал «круглый стол» по теме «Общественное мнение – фактор становления гражданского общества в современной России», привлекший внимание всех ведущих СМИ города.

Открывая дискуссию, К. К. Г. Барбакова отметила, что история опросов общественного мнения в СССР начиналась в 1960-е годы, и выразила надежду

на то, что накопленный теоретический и методический опыт будет востребован новой Россией. Профессор Н. Н. Карнаухов, возглавлявший тогда Совет ректоров Тюменской области, подчеркнул значимость гэллаповских чтений в развитии социологии в регионе и назвал форум одним из факторов усиления доверия разных групп населения к результатам массовых опросов. Профессор Г. Ф. Куцев, бывший в то время ректором Тюменского государственного университета, назвал Гэллапа знаковой фигурой социологии и высоко оценил факт проведения гэллаповского форума именно в Тюмени, а не в Москве или Петербурге. И добавил: «Честь и хвала тем, кто дерзкую и немного неожиданную идею сумел раскрутить и поставить на практические рельсы»[1]. Безусловно, это прежде всего относилось к Кларе Григорьевне. Я лишь слегка обозначил видимую часть организации «Гэллаповских чтений», но ведь была и огромная невидимая. И за всем этим стояла именно К. Г. Барбакова.

В последующие годы я неоднократно приезжал в Тюмень, читал лекции по различным аспектам изучения общественного мнения в США и России, участвовал в некоторых полевых исследованиях. И уже не удивлялся ни широте профессиональных интересов К. Г. Барбаковой, ни ее организационным возможностям, ни гостеприимству. Я встречал у нее многих известных и не известны мне раннее социологов из Москвы, Новосибирска, других городов России. Вот уж, действительно, было «место встречи».

Не было забыто и мое предложение о подготовке брошюры о Гэллапе: небольшая книжка под названием «Джордж Гэллап – наш современник»[2] вышла накануне чтений и была распространена среди участников форума. Обсуждение в Тюмени истории становления опросной технологии оказало на меня огромное влияния и в значительно степени определило на годы, до настоящего времени, направленность моих исследований. Напомню, в то время я после долгого отхода от научной работы был на перепутье, размышлял, разработкой каких проблем социологии заняться. После возвращения из Тюмени сомнений уже не было, было стремление углубиться в разработку методологии историко-социологических проблем и пытаться восстановить путь Гэллапа к его опросной технологии и пониманию роли изучения общественного мнения в демократическом обществе. Накапливалась информация, возникали новые методологические обобщения, и это дало материал для ряда книг о развитии рекламы в США и о том, как Гэллап (и другие американские пионеры изучения общественного мнения) перешел от анализа аудитории рекламы к иследованиям установок электората и населения. А в 2011 году была опубликована биографическая книга о Д. Гэллапе[3].

---

[1] *Докторов Б., К. Г. Барбакова К.* Гэллаповские чтения в Тюмени. Режим доступа: http://www.pseudology.org/Gallup/Gallup_Tumen.htm

[2] *Докторов Б.З.* Джордж Гэллап — наш современник. - Тюмень: ТИМИЭП, 2001.

[3] *Докторов Б.* Джордж Гэллап. Биография и судьба. М.: Изд-во ООО»Полиграф – Информ», 2011. Режим доступа: <http://www.romir.ru/GGallup_ru.pdf>.

Более того, работа по американской тематике, лекции, которые я начал читать в Тюмени, развернули меню в сторону «дома», к изучению биографий тех, кто начинал изучение общественного мнения в СССР. Так, в конце 2004 года мною была написана большая биографическая статья о Б. А. Грушине, а затем, в 2005 году, появились биографические интервью с российскими исследователями общественного мнения. Вскоре программа проведения интервью разрослась и дала начало самостоятельному проекту – изучению современной истории советской/российской социологии. Настоящая книга – один из результатов этого проекта.

К. Г. Барбакова о себе

Мои дневниковые записи показывают, что уже в 2006-2007 гг. я просил Клару Григорьевну дать мне биографическое интервью. Но ее огромная занятость делами ТГИМЭУиП и то, что она сама не пользовалась электронной почтой (а именно так проведены почти все мои интервью с советскими/российскими социологами), не позволили нам это осуществить. Пару раз дома, за чашкой чая, она начинала рассказывать мне о прожитом, но как-то дальше войны и послевоенного периода мы не продвинулись.

И все же, в моем архиве сохранились два документа биографического характера, присланных мне кем-то из помощников Клары Григорьевны примерно в 2009-2010 годах. Конечно, сегодня, поскольку, в силу тяжелой болезни, интервью с нею провести невозможно, эти документы представляются крайне ценными.

Сначала приведу полностью текст, озаглавленный ею «Ответы на первые вопросы».

Мои родители: отец – Берхин Григорий Годович – был рабочим кожевенной фабрике им. Леккерта в г. Клинцы, и мама – Елизавета Марковна – работала на этой же фабрике.

В 1941 году сотрудники фабрики были эвакуированы в г. Казань. В 1952 году Казани после окончания школы с серебряной медалью я поступила в в Казанский государственный университет на историко-филологический факультет. Выбор был обусловлен тем, что в школе я всегда интересовалась историей. Университет я закончила в 1957 году, получив диплом с отличием, и была направлена на работу в школу учителем истории и литературы.

Обучаясь в университете, я познакомилась со своим будущим мужем Хаиным Владимиром Сергеевичем и в 1957 году вышла за него замуж. Хаин В.С. после окончания химического факультета университета поступил в аспирантуру, и защитил в 1960 году кандидатскую.

В 1965 году мы были приглашены на работу в созданный в 1963 году Тюменский индустриальный институт: мой муж – на заведование кафедрой химии, я – ассистентом на кафедру философии. И до защиты кандидатской диссертации, и после я занималась философией.

В 1967 году я поступила в аспирантуру при МГУ на направление «философия» и проучилась там три года под руководством Е. В. Боголюбовой. Кандидатскую диссертацию на тему «Неокантианская традиция и проблема общественной закономерности в западногерманском обществоведении / Критический анализ/» я защитила в 1970 году в Москве.

В 1974 году я поехала в Москву и встретилась с Галиной Михайловной Андреевой, представила ее вниманию социологические проблемы, которые меня заинтересовали как исследователя. Г. М. Андреева согласилась быть моим консультантом по докторской диссертации и предложила направление, близкое мне по моим интересам – прикладная социология. С того момента я начала идентифицировать себя как социолога.

В 1981 году я успешно защитила докторскую диссертацию в МГУ, но ВАК РФ ее не утвердил. Впоследствии я выходила на защиту еще 4 раза, и в 1985 году защитила диссертацию по специальности 09.00.09 «Прикладная социология» на тему «Методологические проблемы социологического исследования интеллигенции».

В дальнейшем я участвовала в проведении социологических исследований в Тюмени, по северу Тюменской области, по всему Тюменскому региону, по России в целом.

Конечно, не густо, но постараюсь немного прокомментировать этот текст.

Креина (такое имя было дано Кларе Григорьевне при рождении) Григорьевна Берхина родилась в 1934 году в городе Клинцы Брянской области. Этот город, расположенный на юго-западе области, ведет свою историю с 1707 года и в разное время входил в состав России, Украины и Белоруссии. В начале 1930-х годов население города составляло 27000 человек, а перед войной – немногим более 40000. Географически выгодное место расположения Клинцов, взаимопроникновение различных культур создали особый тип клинчанина-провинциала: грамотного, предприимчивого, с высокими культурными запросами. К началу XX столетия пятую часть населения города составляли евреи. По моим воспоминаниям, отец Клары Григорьевны работал сапожником или модельщиком обуви, мать тоже работала на обувной фабрике.

Начало войны. Креине – 7 лет. Ей пришлось пережить все тяготы военных лет. Еще в школе Креине нравилось работать пионервожатой. Не тогда ли сформировались и окрепли ее коммуникативные способности? Допускаю, что внимание Клары Григорьевны к моим историко-социологическим разработками могло стать продолжением ее раннего интереса к истории и выбора истории в качестве профессии. Трудно понять, в силу каких обстоятельств в аспирантуре она занималась анализом неокантианской традиции. Возможно это был «заказ» кафедры философии Тюменского индустриального института, которая направляла ее в МГУ, возможно, она видела в этой теме возможность применить свои знания в области истории.

Ведь традиции - классический объект и предмет исторических исследований. Так или иначе, но в 1970 году кандидатская диссертация была завершена и защищена[1].

Конечно, хорошо бы проследить тот путь, который привел К. Г. Барбакову к Галине Михайловне Андреевой, одной из первых в СССР работавшей на стыке социальной психологии и социологии. Может быть, это «казанский след»? Хотя в годы войны Г. М. Андреева находилась в действующей армии, она родом из Казани, и ее родители входили в интеллектуальную элиту города. А, может быть, тот факт, что первые работы Г. М. Андреевой были историко-социологическими? Но, скорее всего, К. Г. Барбакова понимала, как важно для нее освоение методологии и методики теоретико-прикладных социологических исследований и решила обратиться за помощью к Андреевой, защитившей в 1965 году докторскую диссертация на тему «Методологические проблемы эмпирического социального исследования».

В электронном каталоге Российской национальной библиотеки в Санкт-Петербурге хранятся два автореферата докторской диссертации К. Г. Барбаковой – 1981 и 1985 годов. Неизменное название, одно и то же количество страниц и опубликованных работ, один и тот же гриф - «ДСП» (для служебного пользования). По-видимому, время изменилось, то, что раньше не «проходило», в 1985 году не вызывало отторжения.

Второй из текстов, из присланных мне Кларой Григорьевной, очень ценен, ибо освещает, на мой взгляд, одну из самых ярких страниц ее жизни – создание Тюменского государственного института мировой экономики, управления и права. В постперестроечные годы в разных университетах страны было открыто большое количество факультетов и кафедр социологии. Но создание «с нуля» крупного многопрофильного университета – редкость и всегда научный подвиг конкретного ученого. Не знаю, публиковался ли этот текст, но мне кажется, он носит несколько неформальный характер.

Краткая история создания и развития ТГИМЭУиП

В середине 80-х гг. XX столетия работал советско-канадский семинар (по системе один год – в Москве, один год – в Канаде). Валерий Андреевич Мансуров пригласил меня в качестве участника семинара. В то время я уже была председателем Тюменского отделения советской социологической ассоциации (которая мною была создана) и директором Тюменского Центра ИСИ АН СССР (тоже созданного мною). В 1992 году в Канаде я познакомилась с Анной Марией Буало, которая была профессором Триестского университета и заместителем директора Школы международного бакалавриата в городе Винченце (Италия). Она рассказала о целевой направленности школ бакалавриата, существующих во всем мире для подготовки выпускников

[1] Ханина К.Г. Неокантианская традиция и проблема общественной закономерности в западногерманском обществоведении: Автореферат дис. на соискание ученой степени канд. филос. Наук / К. Г. Хаина. - М., 1970.

школ к поступлению в ведущие мировые англоязычные университеты. Мы с Валерием заинтересовались предложением Анны Марии Буало вступить в эту систему.

Приехав домой, мы узнали, что ни одной такой школы в Советском Союзе не было, а в странах социалистического содружества такие школы были в Венгрии (одна школа) и Польше (одна школа). Программа школы включала в себя продвинутые курсы, обеспечивающие поступление в университеты, занятия проходили на английском языке. Сделали попытку создать такие школы: Валерий – в Москве, а я – в Тюмени. Подали заявку в европейское отделение (Швейцария) этой системы и нам предложили пройти своеобразное обучение в летних центрах подготовки преподавателей. Пройдя такое обучение в Будапеште и Варшаве (я пригласила пять человек, в том числе, преподавателей английского языка), мы получили право открыть школы в Тюмени и Москве. Я пошла к главе администрации Тюменской области Ю. К. Шафраннику и стала убеждать его в необходимости создания международного колледжа бакалавриата для наших учащихся. Ю. К. Шафранник выслушал меня не до конца и сказал: «Клара Григорьевна, Вы меня уже давно убедили на своих лекциях в Индустриальном институте. Я Ваш бывший студент, и меня больше убеждать не надо. Дело хорошее. Что нужно?» Я сказала, что нужны деньги для открытия колледжа. Мы объявим конкурс через городские отделы образования в Тюмени, Ханты-Мансийске и Салехарде. Будем брать учащихся 10-х классов (выпускных) по 10 человек из каждого города. Для этого нам надо на год по 300 000 рублей с города. Ю. К. Шафранник дал добро, и я с моими коллегами стала подыскивать здание для обучения и место для проживания. Это был июль 1992 г. Все руководители городов согласились прислать по 10 человек, выигравших конкурс, и по 300 000 рублей. К середине августа были известны фамилии победивших учащихся, но денег не прислал никто. Тогда я пошла по знакомым. Начальник ГазУРСа А. С. Ткач предоставил нам бесплатно один этаж бывшей школы-магазина, большой спортивный зал и столовую. А директор гостиницы «Нефтяник» предоставил нам в кредит на месяц этаж для проживания наших студентов и питание в его кафе. Так началась работа. Мы все работали бесплатно, только через месяц мы получили деньги.

Попытка Валерия в Москве не увенчалась успехом. В. А. Мансуров, также как и А. С. Ткач стали нашими попечителями. Сложность работы по новой системе у нас заключалась в том, что мы одновременно проходили программу международной школы бакалавриата (первого года обучения, а школа бакалавриата - два года) и программу 10 класса российского обучения. Проработав в таком режиме один год, я поняла, что методика работы очень интересная, но не для всех перспективная: зарубежные вузы принимали выпускников этих школ не бесплатно, а за деньги, что было почти всем нашим студентам недоступно. И тогда, воспользовавшись тем, что в Тюменский

государственный университет, где я тогда заведовала на созданной мною кафедрой экономики труда и социологии, приехал заведующий отделом Министерства образования А. Н. Кордюков, я обратилась к нему с просьбой помочь преобразовать наш колледж в колледж российской системы образования (в то время колледжи были в системе высшего образования). Итак, 1 сентября 1993 года официально мы получили статус Тюменского международного колледжа в системе высшего образования РФ (негосударственный вуз). Изменив статус, мы сохранили методику обучения международной системы бакалавриата, введя два языка обучения – русский и английский (плюс немецкий и французский по выбору), с итоговыми документами через четыре года (дипломом по специальности экономист и юрист, с 2001 г. – менеджер, налоговик и регионовед) и дипломом переводчика в сфере профессиональных коммуникаций). Для обучения приглашались иностранные профессора из Италии, Германии, Англии, США, Канады, Франции, которые работали у нас от нескольких месяцев до трех лет, не только проводя занятия по разным предметам, но и организовывая различные мероприятия на английском языке. Естественно, был подобран соответствующий состав российских преподавателей, обучающих иностранному языку студентов, а также читающих лекции по различным предметам на английском языке (например, В. А. Мансуров читал социологию на английском языке). Учитывая то, что негосударственные вузы в тот период не предоставляли определенные льготы студентам, я заключила договоры о параллельном обучении наших студентов в Тюменском государственном нефтегазовом университете (экономическое образование) и в Уральской государственной юридической академии. Преподаватели этих вузов, наряду с преподавателями колледжа, проводили занятия в колледже по своей программе, руководили курсовыми, а потом и дипломными работами. Так, выпускник Тюменского международного колледжа получал три диплома, и это еще невсе. В 1993 году мы с В. А. Мансуровым заключили договоры с университетами Глазго и Эдинбурга, а затем я заключила договоры с университетами США, Канады, Австралии, Франции, Финляндии и Бельгии. В 1997 году колледж получил новый статус и стал Тюменским международным институтом экономики и права. До 1999 года наш вуз был негосударственным, но 90% студентов обучалось бесплатно за счет бюджета Тюменской области, ХМАО и ЯНАО, которые посылали определенное количество абитуриентов, выигравших конкурс, и оплачивали своих направленников. 10% студентов обучалось на платной основе. Материально-техническое обеспечение колледжа-вуза было получено в результате принятого областной Думой закона о том, что попечители международных высших учебных заведений имеют право отдавать определенные средства этим вузам, и на эту сумму сокращаются их налоги в областной бюджет. Особую роль в строительстве зданий института и общежития сыграл В. Н. Чепурский, президент ОАО «Сибнефтепровод».

Несмотря на самодостаточность института и тот факт, что в нем учились дети из самых разных слоев населения (от детей руководства областью и округами, руководителей вузов до детей самых бедных городских и сельских слоев населения), общественное мнение без особого уважения относилось к негосударственным вузам. Поэтому, по моей просьбе администрация области приняла решение дать статус государственного вуза нашему институту, который с сентября 1999 года стал государственным образовательным учреждением высшего профессионального образования Тюменской области «Тюменский государственный институт мировой экономики, управления и права». Все эти годы сохранялась методика и организационные основы преподавания в вузе: различные курсы читались на русском и английском языках, диплом защищался на русском и английском языках.

До 2005 года (с декабря 2004 я не являюсь ректором) сохранялась программа отправки студентов на обучение в другие страны. Система нашего взаимного обучения была следующая: мы стыковали программу первых двух курсов с программой первых двух курсов зарубежных вузов, и поэтому наших студентов брали на третий курс вузов-партнеров. Следующие два года наши студенты за рубежом учились очно, а в наш вуз присылали некоторые работы по виртуальной связи и досдавали летом оставшиеся предметы. Таким образом, после 4 лет обучения студенты получали два диплома бакалавров: зарубежный, адекватный дипломам, выдаваемым гражданам страны, с 1999 года Министерство образования приняло закон о возможности предоставления студентам, имеющим степень бакалавров, в течение последующего года получить степень специалистов. Это улучшило ситуацию для студентов двойного обучения (нашего и зарубежного), которые могли за год сдать имеющиеся учебные долги. Наши вузы-партнеры: Франклин университет (США), Тейлор университет (США), Эдинбургский университет и Глазго университет (Великобритания), Кингстон университет (Австралия), Международный институт маркетинга (Финляндия, Бельгия), университет Париж-12 (Франция), Хьюстон университет (Канада).

Коллеги о Кларе Григорьевне Барбаковой

Завершу статью рассказами коллег, друзей, учеников Клары Григорьевны о встречах с ней, совместной работе и дружеских беседах. Эти рассказы – фрагменты из включенных в настоящую книгу биографических воспоминаний тюменских социологов. Но там они составляют часть их жизни, профессиональной деятельности. Здесь, собранные вместе, эти материалы позволят лучше понять и оценить то, что сделано К. Г. Барбаковой для развития тюменской социологии.

Профессор Анатолий Силин

Докторская диссертация стала своеобразным водоразделом моей жизни. Шел 1990 год. Наука, в том числе, отраслевая, приказала долго жить, править начал господин Рубль, желательно, не «деревянный». Мои научные коллеги активно торговали сахаром, вином и т.д. Присоединяться к их стану я не захотел, хотя, признаться, пару коммерческих сделок все же провел. Высшая школа еще держалась, и я решил уйти на преподавательскую работу на кафедру социологии в Тюменский госуниверситет, которой руководила Клара Григорьевна К. Г. Барбакова. Мы были с ней знакомы уже давно, еще с 1970-х годов, когда Клара Григорьевна создала при областном Совете НТО социологическую секцию и стала активно организовывать региональные научно-технические конференции. Вокруг нее объединились вузовские, заводские и отраслевые социологи, среди которых был и я, возглавивший социологическую службу геологов. Вскоре после перехода на кафедру, декабре 1990 года, я поехал в Новосибирск на защиту диссертации, и Клара Григорьевна, решив поддержать меня, тоже приехала вместе с Михаилом Михайловичем. С присущей ей эмоциональностью и умением зрить в корень, она выступила в дискуссии, а после защиты ко мне подходили члены Совета и очень удивлялись такой поддержке, говоря, что привыкли к обратной ситуации, когда с кафедр пишут анонимки.

Вскоре после защиты ректор предложил мне возглавить кафедру управления производством, позднее я стал деканом экономического факультета ТГУ, который через некоторое время по моему предложению был переименован в факультет экономического и социального управления. С Кларой Григорьевной у нас сохранились прекрасные отношения, и впоследствии мы вместе с нашими учениками дружно перешли из ТГУ в Тюменский государственный нефтегазовый университет (ТюмГНГУ), бывший ТИИ, в котором я когда-то учился, а Клара Григорьевна много лет работала

Профессор Вера Гаврилюк

С Кларой Григорьевной Барбаковой я познакомилась на кафедре философии Тюменского индустриального института. В то время, в 1970-е годы, это была мощная, интересная кафедра с самобытными, талантливыми людьми, большая часть которых потом разошлась по вузам города и региона, защитив докторские диссертации. К этому времени В. И. Бакштановский уже сформировал свою кафедру этики и эстетики, защитив докторскую диссертацию в 37 лет, что было необычно для советской философии. Он был одним из самых молодых докторов философии в СССР. Он и его молодая команда не боялись острых проблем, главной из которых стала проблема морального выбора, личной ответственности человека в реальных социальных условиях. Это было не просто смело в эпоху стагнирующего социализма, тотального социального контроля, безусловного коллективизма и повсеместного «двоемыслия», но и ново. Конечно, это не могло меня не привлекать.

Клара Григорьевна в это время занималась своей докторской диссертацией, поэтому какое-то время мы были вне зоны взаимного внимания. И только после защиты диссертации, когда Клара Григорьевна стала проводить социологические исследования в регионе, она привлекла меня в свою тогда еще немногочисленную группу. Это было время, когда складывались основные принципы тюменской социологической школы, и основной тон здесь задавала именно Клара Григорьевна. К началу 1980-х гг. в Тюмени уже существовали несколько социологических групп и лабораторий, даже был первый опыт систематического социологического образования в вечернем университете марксизма. Преподавали там приезжий философ Юрий Михайлович Федоров (позже ставший первым председателем регионального отделения Российского общества социологов) и Клара Григорьевна. Я посещала эти лекции, и мне они очень помогли в дальнейшей моей работе. То, что у меня не было профильного образования, в разные периоды моей жизни по-разному мешало мне, но давало и определенный стимул для освоения все новых, смежных с философией областей, может быть определило и мое непреодолимое стремление узнать как можно больше.

Клара Григорьевна сумела объединить вокруг себя практически всех молодых исследователей из университетских и промышленных лабораторий, заинтересованных в изучении важных для региона социальных проблем. Для этого она не жалела ни времени ни сил, проводя бесчисленные проблемные семинары, конференции, школы молодых ученых. Изначально ее работа была нацелена на поиск и решение таких социальных проблем, которые важны для нашего Тюменского Севера, региона нового промышленного освоения. При этом, любой проект непременно должен был завершаться предложениями для региональных властей о преодолении рисков, разрешении сложных проблемных ситуаций. Это стало отличительной чертой тюменской социологической школы – тесное сотрудничество с властями, исследование реальных социальных проблем территории с выработкой рекомендаций. Наверное, мы все тогда были романтиками, уверенными, что задача науки не только познать мир, но и изменить его.

Клара Григорьевна понимала, что новое социологическое направление исследований вряд ли сможет долго существовать в рамках кафедры философии, поэтому огромное внимание уделяла творческому, профессиональному росту своих учеников и последователей. У нее сложился широкий круг профессиональных контактов, и она приглашала известных ученых из Москвы, Ленинграда, Минска, Екатеринбурга, Перми и других центров, где были социологические лаборатории и проводились социологические исследования. Конференции, школы, которые проводила

Клара Григорьевна, сыграли, на мой взгляд, решающую роль в формировании слоя социологов-исследователей в нашем регионе. Круг вопросов, которые изучались тогда нами, был чрезвычайно широк. Только перечень тем проведенных по инициативе Клары Григорьевны К. Г. Барбаковой конференций говорит о разнообразии проблематики первых серьезных исследований в регионе. В восьмидесятые – девяностые годы в Тюмени проводится целый ряд областных, всероссийских и международных конференций: «Территория – ведомства – человек: социально-демографические и социально-политические аспекты» (Всероссийская, 1981 г.); «The role circum –polar universitiec in normern de vtler ment» (международная, 1981 г.); «Производство – быт – семья» (областная, 1981 г.); «Взаимодействие отраслевых и региональных проблем в социальном развитии нефтегазового комплекса» (областная, 1985 г.); «Проблемы совершенствования социальной и поселенческой структуры районов нового промышленного освоения в условиях ускорения социально-экономического развития» (областная, 1987 г.); «Социально-экономические проблемы молодежи районов нового промышленного освоения» (областная, 1987 г.); «Социологическое обеспечение стабилизации трудовых коллективов в условиях хозрасчета» (областная, 1989 г.); «Социально-экономические и социокультурные детерминанты развития личности в условиях интенсивного развития северного региона» (международная, 1990 г.); «Молодежь и рынок» (международная, 1992 г.; «Социально-экономические проблемы региона в переходный период» (областная, 1998 г.). К сожалению, период социально-экономических реформ, экономический кризис, привели к разрушению структур промышленной социологии в регионе, и к началу девяностых годов не осталось ни одной социологической лаборатории на предприятии. Вузовская же социология продолжала развиваться, в 1988 году в Тюменском государственном университете была создана кафедра экономики и социологии труда. Неудивительно, что ректор Тюменского государственного университета, уже известный к тому времени социолог Геннадий Филиппович Куцев не сомневался в выборе заведующего при открытии первой в Тюмени кафедры социологии. Так мы оказались в ТГУ.

Сквозной, базовой проблемой была и остается для нашего региона проблема человека на Севере.

По своим человеческим качествам Клара Григорьевна является для меня непревзойденным образцом жизнестойкости, оптимизма, неподдельного интереса к людям. Она вырастила не одно поколение тюменских социологов, была председателем диссертационных советов по социологии в ТГУ, потом в ТюмГНГУ.

Клара Григорьевна, при своем государственном, стратегическом мышлении, никогда не забывала о каждом отдельном человеке. Я много раз убеждалась в том, что ее заботит и судьба молодого аспиранта, и проблемы состарившегося доцента, который должен уйти на пенсию и при этом не знает, как ему на нее прожить. И еще одно качество, которое является редким во все времена, а не только в наши прагматичные дни, я не могу не отметить в характере Клары Григорьевны: она самый верный друг. Те люди, которые попали в ее ближний круг, могли быть уверены, что она не предаст, всегда поможет и никогда не побоится, что это может принести ей какие-то неприятности.

Профессор Владислав Засыпкин

Не встречался с Кларой Григорьевной очень давно. В 2013 году мне довелось быть в Москве. Я приехал в Институт социологии РАН для того, чтобы принять участие в работе круглого стола по проблемам образования, организованном исследовательским комитетом по социологии образования РОС, а также решить ряд вопросов в самом РОС. Именно там, в РОС, среди различных фотографий, прикрепленных на стене, я случайно обнаружил себя на общей фотографии, сделанной на одной социологической конференции в 2007 году. Это была одна из многих, подчеркну, многих научных социологических конференций в г. Тюмени, которые регулярно организовывались Кларой Григорьевной К. Г. Барбаковой и её коллегами.

С Кларой Григорьевной мы проработали совместно более четырех лет с 2005 по 2009 гг. Именно благодаря Кларе Григорьевне мое постижение социологии стало систематическим. Первое, что я хочу сказать, - она очень добрый и мудрый человек. Клара Григорьевна меня поправляла, направляла, сдержано отчитывала за мои ляпы, но всегда тонко и интеллигентно. Это, кстати, не случайно. Её самый основной, как мне известно, и не только научный, но и жизненный интерес – это исследование такой сложной темы, как интеллигенция и интеллигент. Мне хорошо знакома её книга (написанная совместно с Валерием Андреевичем Мансуровым) «Интеллигенция и власть: динамика взаимодействия».

Консультации с Кларой Григорьевной были очень содержательными и полезными. Естественно, многое было для меня новым, пожалуй, почти все! Признаю это, не стыдясь. Причем, самое запоминающееся – это её повествования о многих интересных и странных, хотя каких странных, вполне понятных, событиях становления социологии как науки в нашей стране, её учителях. Так, я узнал, например, о Галине Михайловне Андреевой. Точнее, что значит узнал? Ведь ещё до встречи имя Г. М. Андреевой было известно мне как имя крупного отечественного психолога. Я знал её работы по социальной

психологии, в частности, по теории каузальной атрибуции. Ещё до того, как я стал заниматься социологией, это были мои междисциплинарные интересы (в лингвистике – это теории о «человеке-говорящем» и «человеке-слушающем», их коммуникативном взаимодействии, приписывании смыслов и пр.). Это очень яркое воспоминание о неожиданной для меня актуализации такого знания. Потом, благодаря советам Клары Григорьевны, познакомился с трудами Тамары Моисеевны Дридзе. Узнал, что она в свое время кончила «ин-яз». Передо мной открывался, простите за пафос, мир социологии, такой разной, сложной, но очень, как оказалось, близкой мне. И это благодаря теоретическим урокам Клары Григорьевны.

Я приезжал к Кларе Григорьевне домой, консультации она проводила в основном у себя. Это всегда были незабываемые для меня поездки. Прямо с поезда, преодолев более 800 километров за 14-15 часов, я утром приезжал к ней. Дома всегда была небольшая экскурсия, организованная Кларой Григорьевной по её очень богатой домашней научной библиотеке. Она всегда обезоруживающе говорила: «Владислав Павлович! Вы – с дороги, сейчас буду Вас кормить, а Вы будьте здесь (в кабинете – В. З.) и изучайте!». Я оставался в кабинете, и все мои попытки помочь ей по кухне разлетались в клочья на стадии плохо озвученной мной идеи, даже мысли или предложения. Все было очень вкусно: книги, супы, салаты, пирог, второе, торт, мороженное. Мы шутили: я благодарил и говорил, что ухожу, так как, собственно все – сыт! Но это было только начало. Потом мы разговаривали! Удивительно, сколько она тратила сил и времени на создание такой атмосферы. Она всегда была и остается восхитительной женщиной и профессиональным педагогом. Потом у нас была работа: беседа о том, как все идет, о том, что я сам сделал, что прочитал, что думаю о прочитанном, с кем и с чем сравнивал точки зрения и т.д. В общем, шла нормальная работа.

Заключение. Официальное признание сделанное К. Г. Барбаковой

Приведу несколько фактов высокого официального признания научной, педагогической и организационной деятельности Клары Григорьевны К. Г. Барбаковой.

За многолетний добросовестный труд по подготовке квалифицированных специалистов, значительный вклад в воспитание молодежи и развитие системы образования К. Г. Барбакова неоднократно удостаивалась различных премий и наград, а в 2001 году она была внесена в энциклопедию «Сибирь в лицах», в 2002 году – в Золотую книгу России «Знаменитые женщины России», в 2002 году – в справочное периодическое издание «Большой Урал. Кто есть кто» (том 2), в 2002 году – в энциклопедию

«Ректоры России», в 2003 году – в издание «Тюменская область от А до Я», в 2003 году – в Золотую книгу России «Великая Россия: личности», в 2006 году – в биографическую энциклопедию «Выдающиеся деятели России» (том 1 «Выдающиеся ректоры и ученые»), в 2006 году - в энциклопедию «Лучшие люди России».

К.Г. К. Г. Барбакова - действительный член Международной академии наук высшей школы (1993 г.), действительный член Международной академии информатизации (1994 г.), действительный член Международной академии исследований будущего (прогнозирования) (2004 г.).

Назову некоторые из наград К.Г. К. Г. Барбаковой.

Почетное звание «Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации» (1997 г.)

Звание «Почетный работник науки и образования Тюменской области» (2004 г.)

Нагрудный знак «За отличные успехи в работе» (1982 г.)

Медаль «Ветеран труда» (1983 г.)

Медаль «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» (1990 г.)

Звание «Почетный профессор университета Глазго» (1996 г., Великобритания)

Звание «Почетный профессор Фёникс-университета» (2003 г., США)

Орден Золотых Пифий IV степени (2003 г., Италия)

СИЛИН А. Н. : «БЫТЬ ЛИ ВАХТЕ – ЭТО ЛИШЬ ОДНА ИЗ ПРОБЛЕМ, ПО КОТОРОЙ В ТО ВРЕМЯ ЛОМАЛИСЬ КОПЬЯ» [1]

Родился я в голодной послевоенной Тюмени еще в первой половине прошлого века. Все детство и отрочество прожил в одной комнате с тремя одинокими женщинами-учителями: мама Татьяна Владимировна, преподаватель немецкого языка, тетка Ольга Владимировна, преподаватель математики и бабушка, я называл ее бабусей – Мария Федоровна, также преподаватель математики. Дом, в котором мы жили, очень напоминал «Воронью слободку», описанную И. Ильфом и Е. Петровым. Как и у ее героев и героев песни В. Высоцкого, там была «на двадцать восемь комнаток всего одна уборная» и общая кухня. Как и «Воронья слободка», деревянная двухэтажка, размещавшаяся на углу улиц Володарского и Челюскинцев, успешно сгорела и сегодня на ее месте дом элитной постройки, в котором живет несколько ВИП - персон.

В отличие от друзей, соседских ребят, которых родители не могли загнать домой, меня мать безуспешно выгоняла на улицу, пыталась оторвать от книг А. Дюма, М. Рида, Ж. Верна, В. Скотта, Ф. Купера и т.д.

Любовь к чтению сопровождала меня всю жизнь, хотя жанры читаемых книг периодически менялись. В юности увлекался Ремарком и Хемингуэем, были периоды чтения русской, зарубежной классики, современных авторов, детективов. В последние годы предпочитаю зарубежную фэнтези.

Из комсомола меня исключили еще в 18-летнем возрасте, и с тех пор я больше не состоял ни в одной из политических партий, даже в СПС, за которую всегда голосовал. Исключили же за «слушание вражеских радиостанций и распространение их клеветнических измышлений». До этого со мной побеседовал сотрудник КГБ. Он сказал, что верит, что я горячо люблю Родину и партию, вражьи голоса он и сам слушает, чтоб знать, как с ними бороться, но надеется, что я больше не буду распространять эту заразу среди неопытных молодых людей. Я пообещал больше не распространять. Слушать, кстати, эти вражьи измышления было и непросто, поскольку работали многочисленные «глушилки». Но я в то время активно занимался радиотехникой, сам паял приемники и магнитофоны, а кроме того, у меня был очень хороший, с высокой чувствительностью и избирательностью трофейный немецкий радиоприемник. Как сейчас помню след от знака свастики, оставшийся на материи, закрывающей переднюю панель прибора, после того, как саму свастику, естественно, оторвали.

Несмотря на мою беспартийность, впоследствии я умудрился возглавить областной совет молодых ученых и специалистов, находившихся при обкоме

[1] Настоящий текст публикуется с согласия А. Н. Силина. Он был написан около десяти лет назад и вышел в виде брошюры: Силин А. Н. Опыт рефлексии. – Тюмень: Вектор Бук, 2006.

ВЛКСМ, десять лет пребывал в этом качестве, получив кипу почетных грамот ЦК ВЛКСМ и даже знак «За активную работу в комсомоле».

Кстати, доктором социологии, несмотря ни на какие научные и общественные заслуги, в советское время я все равно не смог бы стать, т.к. все докторские по общественным наукам проходили через Старую Площадь, а там партчиновники подобных шуток не допускали. Однако, это был уже 1990 год.

Первые шаги в науке: прогностика, матметоды и АСУ

Женился я рано, еще до поступления в институт. Жена, Тамара, была студенткой индустриального, индуса, как тогда его называли. Поэтому учиться пришлось на вечернем факультете. Моей альма матер в 1967 г. стал Тюменский индустриальный институт (ТИИ), выбранная специальность – экономика, организация и управление нефтяной и газовой промышленностью. Профессиональная деятельность началась в институте Гипротюменьнефтегаз, в отделе технико-экономических обоснований и перспективного планирования в должности техника. Рисовал картинки с месторождениями и предполагаемой инфраструктурой, в зависимости от намечаемого года обустройства раскрашивал разными цветами. Тогда же заинтересовался прогностикой и ее методами, интерес этот пронес через всю жизнь. Будучи студентом, посещал методологический семинар по системному анализу, организованный при студенческом научном центре ТИИ. Впрочем, из студентом я там был единственный, остальные молодые преподаватели – Виктор Морев, Валерий Чурилов и др. Обсуждали переводные книги С. Оптнера, С. Янга, других американских ученых, впервые опубликованных в СССР. Своих авторов по этой тематике тогда еще не было. Думаю, что семинар дал мне очень много для формирования исследовательских навыков и методологии научного поиска.

Главным инженером Гипротюменьнефтегаза Яковом Михайловичем Каганом было решено создать специальную группу для оптимизации размещения нефтепромысловых объектов на Самотлорском и других нефтяных месторождениях, используя современный экономико-математический аппарат: динамическое и стохастическое программирование, теорию игр и др. Состояла группа лишь из двух человек – выпускника Новосибирского госуниверситета по специальности «экономическая кибернетика» Виктора Борисовича Ройзраха и одного его помощника, которым стал я. Помогая Виктору оптимизировать, я пытался реализовать и свой интерес к прогностике, поэтому включил в разработанные им модели собственные, направленные на прогнозирование стоимости внутрипромысловых объектов и коммуникаций в зависимости от разных факторов. Для этого мною использовались методы многофакторного регрессионного анализа [1]. Это стало и темой моей выпускной дипломной работы в ТИИ. По предложению профессора Ивана Дмитриевича Карягина, заведующего моей выпускающей кафедрой, она была оценена на «отлично».

После получения диплома в 1972 г. завершился «нефтяной» этап моей деятельности и начался «газовый». Руководитель экономического отдела института ТюменНИИгипрогаз Валентин Васильевич Тандалов пригласил меня на работу в качестве заведующего сектором. Здесь, в числе прочих дел, мне пришлось заниматься «асучиванием» (как шутили тогда разработчики автоматизированных систем управления – АСУ) Медвежьего и других газовых месторождений. В этом направлении деятельности я тесно сотрудничал с Михаилом Григорьевичем Ганопольским, выпускником математического факультета Одесского университета и сотрудником отдела АСУ Гипротюменьнефтегаза, Энгельсом Николаевичем Смирновым, доцентом кафедры АСУ ТИИ, другими «асушниками». Кроме научных отчетов и публикаций [2], не упускал случая выступать и в СМИ.

Так, в газетных публикациях ратовал за изменение технологии проектирования обустройства северотюменских нефтегазовых месторождений, использование при этом математического аппарата, позволяющего оценить не 2-3 варианта размещения нефтегазовых объектов, транспортных коммуникаций и т.д., и значительно большее число альтернатив.

Выступил и против технократического решения о создании АСУ лишь для одного промысла. Основные хозяйственные решения, определяющие судьбу освоения нефтегазовых ресурсов, принимались в то время в отраслевых главках. Здесь же принимались и решения, определяющие условия жизнедеятельности, формирования кадров и т. д. Впервые поставил вопрос о необходимости создания в рамках АСУ – социологической подсистемы для более эффективного подбора и закрепления персонала, вопрос о взаимодействии отраслевой системы с территориальной и системами смежных отраслей, о необходимости создания межотраслевого территориального органа управления формированием нефтегазового комплекса [3]. Последняя идея впоследствии созрела и вылилась в создание ЗапСибМВТК – Межведомственной территориальной комиссии – отдела Госплана СССР по Западной Сибири, в которой мне довелось поработать. Но это произошло уже гораздо позднее, в 1981г.

Нефтегазовый комплекс и экология

Почти на полтора десятилетия (1973-1986 гг.) моим научным и общественным хобби стала проблема сохранения природной среды Тюменского Севера. Довольно долго заинтересованным в ней оставался в регионе я один, потом появились единомышленники – университетские географы С. Т. Будьков и В. В. Козин, ученые ТИИ Ю. П. Сорокин, М. М. Барбаков, затем и другие. Командой пробивать эту стену стало намного легче. Страну интересовали лишь нефть и газ, а что творится на колонизуемой земле – дело десятое. Сведения об этом входили в список запрещенных и публиковать их, обращая внимание общества, было очень непросто. Но в преодолении трудностей есть свои радости, и публикации следовали одна

за другой: и в научной печати [4], и в газетах – местных, отраслевых и даже центральных московских [5]. Автора приглашают на научные конференции, где можно говорить более откровенно, минуя эзопов язык статей.

Природоохранная деятельность завершилась скандалом, правда, в основном для соавтора. Совместно с Р. И. Медведским, заместителем директора института ТюменНИИГипрогаз, где я в это время работал заведующим сектором, мы подготовили подробную и развернутую брошюру, где с системных позиций показали влияние различных элементов газодобывающей промышленности на элементы северных биогеоценозов. Картина получилась не для слабых нервов. Брошюра вышла в Москве в серии «Природный газ и защита окружающей среды» [6]. До этого газовики очень любили рассуждать о необходимости охраны окружающей среды и о том, какую огромную экологическую пользу для воздушного бассейна страны несет развитие газовой промышленности в сравнении с угольной. Брошюра попала к министру, который вызвал Р. И. Медведского, сказал все, что он о нем думает и уволил с работы. Впрочем Родион Иванович особенно не пострадал, родом он был из Азербайджана, и его взял Ф. К. Салманов, создав должность заместителя директора института ЗапСибНИГНИ.

О чем же шла речь в этой брошюре и других публикациях?

В основном, суть их сводилась к тому, что с системных позиций выявлялись взаимосвязи между техногенными и природными подсистемами формируемого в Припольярье газодобывающего комплекса.

Природные ландшафты здесь, казалось бы, очень простые, не отличаются на самом деле сложностью, неустойчивостью равновесия и чрезвычайной динамичностью. Так, уничтожение растительного покрова тундры в результате проезда транспорта влияет на изменение температуры мерзлого грунта, гидрологический режим поверхностных и грунтовых вод, ведет к появлению термокарстовых воронок и т.д.

Это было начало крупномасштабного освоения газовых ресурсов, и в то время была возможность выбора альтернативных схем подготовки года к дальнему транспорту (адсорбция, абсорбция, низкотемпературная сепарация, различные их модификации), отличающихся разной степенью воздействия на природную среду (объем потребляемой воды, степень извлечения конденсата, набор сооружений и т.д.). При этом в практике проектирования выбор той или иной технологии осуществлялся лишь по экономическим критериям (чаще всего, по приведенным затратам), без учета экологических. Аналогичным образом существовали альтернативные методы создания основного производства и необходимой для его функционирования инфраструктуры.

Мною была предложена иная технология проектирования формирования комплекса, позволяющая оценить как единовременные воздействия всех элементов газодобывающей и газотранспортной системы на каждую

подсистему окружающей среды (атмосферу, животный и растительный мир, популяции водоемов, водные ресурсы, многолетнемерзлые породы), так и их долговременное влияние и последствия в будущем.

При этом учитывались не только экономические и экологические последствия взаимодействия природных и техногенных подсистем, но и социальные. Ярким примером таких последствий служит запомнившийся случай, когда в результате нарушения мохово-ягельного покрова вблизи разведочных скважин образовалось непроходимое болото рядом с поселком Газ-Сале. Полужидкая грязевая масса, неся на себе островки нарушенного дернового покрова, стала сползать в сторону берега реки Таз, снесла пешеходный мост, здания пилорамы и склада. В поселке было объявлено аварийное положение.

Вахта на Севере

«Газовый» цикл моей жизни, как и «нефтяной», составлял пять лет и закончился в 1978г. приглашением создать у геологов в институте Гипротюменьгеология серьезное структурное подразделение, отдел технико-экономических обоснований и перспективного планирования в составе нескольких лабораторий, который занимался бы широким кругом социально-экономических проблем, связанных с геологическим поиском и разведкой углеводородного и другого минерального сырья на Тюменском Севере.

Наиболее острой в то время считалась проблема вахтовой организации производства, в т. ч., бурения разведочных скважин и других геологопоисковых работ. Для газовиков эта проблема была не столь актуальной, и все же, поскольку меня интересовала в целом стратегия освоения Севера и эффективность использованных при этом инновационных технологий, я интересовался ею и раньше, следил за начавшейся борьбой вокруг нее [7]. Интерес был к вахте и в связи с проблемой сохранения северной природы. Взаимосвязи здесь довольно противоречивые. С одной стороны, при использовании вахтового и, особенно, вахтово-экспедиционного методов, вроде бы меньше антропогенная нагрузка на ранимые северные экосистемы просто потому, что их «топчут» меньше людей. С другой, у вахтовиков несколько иная психология, отношение временщика, а не хозяина земли. Хотя и это правило, конечно, не бесспорно, и мне не раз приходилось наблюдать случаи варварского отношения к природе со стороны старожилов и даже аборигенов. Видимо, издержки советского менталитета («все кругом колхозное, все кругом мое»).

И все же, вплотную пришлось заняться проблемой вахты лишь с приходом к геологам.

В состав создаваемого отдела я включил лабораторию социологических исследований, пригласив на ее заведование от нефтяников бывшего руководителя социологической службы объединения Урайнефтегаз Владимира Степановича Дмитриева. Именно с ним мы и занялись впервые изучением

вахты у геологов. До этого некоторые исследования проводились лишь у нефтяников, а наиболее серьезные возглавлял в системе Миннефтегазстроя Алексей Давыдович Хайтун.

Познакомившись в то время, мы на всю последующую жизнь остались близкими друзьями, коллегами и единомышленниками. При этом у нас не было ни одной совместной публикации, что позволило ему оппонировать мою сначала кандидатскую, а затем и докторскую диссертации. Алексей Давыдович в части проблемы вахты стал моим гуру, впоследствии он получил за вахтовый метод Государственную премию СССР, вместе с министрами ТЭКа. Единственным нашим идейным расхождением стало то, что он называл метод экспедиционно-вахтовым, а мне, поскольку я до этого занимался АСУ, не понравилась аббревиатура ЭВМ, и я переименовал метод в вахтово-экспедиционный (ВЭМ). Занимаясь этой проблемой я невольно оказался в гуще схватки между Тюменским и Томским обкомами КПСС, с одной стороны, и отраслевыми Министерствами нефтегазового комплекса, с другой. Кстати, несмотря на все трансформации нашего общества, борьба вокруг целесообразности ВЭМ не закончилась и по сей день. Речь идет о серьезных интересах территорий, желающих получать финансово-экономические ресурсы на освоение Севера, и промышленниках, непосредственно ведущих освоение, но не территории, а ее природных ресурсов.

Разумеется, я стремился держаться подальше от политических аспектов проблемы, а изучать в первую очередь пути повышения экономической и социальной эффективности метода, выбора рациональных режимов труда и отдыха, мест размещения и структуры вахтовых поселков, подбора подходящих для вахты кадров, путей сохранения здоровья вахтовиков, улучшения возможностей более рационального проведения ими свободного времени и т.д. Результаты нашли отражение как в многочисленных научных публикациях [8], так и в выступлениях по этим общественно значимым вопросам в СМИ [9].

ЗапСибМВТК – наука жизни - опыт реального управления

Быть ли вахте – это лишь одна из проблем, по которой в то время ломались копья. Главным «валютным цехом» страны, позволяющим осуществлять все внешнеполитические игры руководства страны, стал нефтегазовый комплекс Западной Сибири (ЗСНГК). Однако, подлинным комплексом в нем и не пахло. Могучие Министерства тянули ресурсы каждый себе, обкомы КПСС, Тюменский (Г. П. Богомяков) и Томский (Е. К. Лигачев) пытались влиять на ситуацию, в основном, через назначение кадров, но хозяйственные решения принимались в отраслевых штабах. Нужно было скоординировать усилия многочисленных ведомств, участвующих в формировании и функционировании ЗСНГК.

А поскольку основными ресурсами в стране распоряжался Госплан СССР, деливший «лимиты» по труду, деньгам, материально-техническим

ресурсам, то в конце 1981 г. было принято решение о создании нового отдела Госплана СССР, получившего название ЗапСибМВТК - Межведомственная территориальная комиссия по вопросам развития Западно-Сибирского нефтегазового комплекса. Ее возглавил Курамин Владимир Петрович, бывший до этого начальником миннефтегазстроевского главка. В состав рабочего аппарата новой управленческой структуры вошли четыре подотдела. Начальником подотдела нефтяной и газовой промышленности стал известный нефтяник Геннадий Константинович Алпатов, капитального строительства – Валентин Иванович Павлов, энергетики и производственной инфраструктуры – Виктор Петрович Росляков. Четвертый подотдел получил название планирования развития социальной инфраструктуры. Его возглавил бывший до этого председателем горисполкома г. Надыма Виктор Дмитриевич Филатов. В составе подотдела работали два старших эксперта, поделившие между собой социальную сферу ЗСНГК пополам, – Владимир Георгиевич Песков и автор этих строк.

Попал я в это «святое семейство», будучи единственным беспартийным во всем более чем тысячном аппарате Госплана СССР и имея до этого лишь опыт научной работы по рекомендации Ф. К. Салманова. Ему удалось включить во вновь созданную управленческую структуру с большими полномочиями двух «своих» людей – меня и известного геолога Аркадия Васильевича Тяна. Аркадия Васильевича уже нет, и его именем названо одно из нефтяных месторождений Сургутского района – Тяновское. У меня же есть подозрение, что моим именем новых месторождений не назовут.

Владимиру Петровичу Курамину удалось подобрать прекрасную команду профессионалов суперкласса, знающих не понаслышке проблемы ЗСНГК и имеющих (кроме меня) успешный опыт их решения. Что же касается единственного исключения, то и я был достаточно известен в регионе, главным образом, благодаря проблемным выступлениям на всевозможных конференциях и в СМИ [10].

Для работников аппарата ЗапСибМВТК были созданы прекрасные условия труда. Попасть на прием к нам могли лишь те, кого мы приглашали (в отличие от обкома КПСС, куда можно было зайти по партбилету). Владимир Петрович потребовал от нас, чтобы мы не уронили свой статус и не вздумали бегать в обком и главки, а приглашали их функционеров к себе (за исключением, разумеется, ВИП-персон в лице начальников главков и секретарей обкома). График своей деятельности нужно было построить таким образом, чтобы в течении месяца 10 дней находиться в Москве, 10 – в северных городах региона и лишь остальные 10 – в Тюмени.

Перед нашим подотделом были поставлены достаточно непростые и разнообразные задачи. Во-первых, мы должны были содействовать социальному развитию региона и вышибать для этого разнообразные ресурсы, лоббируя в Совмине и Госплане интересы наших территориальных главков.

В то время вышло постановление ЦК КПСС и Совмина СССР, в целях «экономии» приостанавливающее строительство в стране объектов социального назначения. В итоге в нашем регионе «зависли» уже готовящиеся к сдаче ДК «Строитель» в Тюмени, ДК «Энергетик» в Сургуте и другие объекты. По распределению обязанностей в подотделе культуру курировал я, и мне было поручено добиться в Совмине разрешения на сдачу почти готовых сооружений в эксплуатацию. С задачей я справился.

В команде нашего подотдела Виктор Дмитриевич Филатов по базовому образованию был строитель, имел громадный опыт строительства северных городов, впоследствии в Тюмени защитил кандидатскую по философии. Второй мой коллега по ЗапСибМВТК, Владимир Георгиевич Песков, окончил фармацевтический факультет Тюменского мединститута и сразу попал в сферу управления, занимался строительством аптек в северных городах области. По нашему распределению обязанностей он отвечал за здравоохранение и торговлю, а я – за образование и культуру. На ЖКХ позднее приняли еще одного специалиста.

Второй, не менее значимой задачей нашего подотдела стала попытка борьбы с ведомственной разобщенностью социальной инфраструктуры на Тюменском Севере. Ярким примером сложившейся негативной ситуации в этой сфере стал город Сургут, построенный по хуторскому принципу, состоящий из отдельных отраслевых микрорайонов нефтяников, строителей, геологов, энергетиков. В каждом из них была собственная система телефонной связи и дозвониться из одного микрорайона в другой было практически невозможно. В каждом действовали собственные торговые системы – ОРСы, и завоз продуктов в город, естественно, никем не координировался, постоянно вызывая перебои то с тем, то с другим. Ну, и так далее. На какое-то время основным нашим домом стал Сургут, где мы предпринимали, совместно с городскими властями, титанические усилия по поиску механизмов взаимодействия отраслей в этой сфере под эгидой властных структур города. В нашей команде активно работал Леонид Юлианович Рокецкий, бывший в то время заместителем председателя горисполкома, и др.

Сегодня Сургут неузнаваемо преобразился, и хочу верить, что в его успешном развитии есть малая толика результатов и наших усилий, предпринятых два десятилетия назад. Это лишь два постоянных участка нашей деятельности. Кроме них, была и подготовка проектов государственных планов, и оперативное решение текущих вопросов. Например, к нам обратился новый ректор созданного на базе пединститута Тюменского государственного университет Геннадий Филиппович Куцев с просьбой помочь открыть в ТГУ подготовку специалистов по юриспруденции. Министерство его инициативу не поддержало, мотивировав тем, что юристов готовят в Свердловске и хватит их. Решение этого вопроса было поручено мне, курировавшему образование. Несколько неформальных встреч с работниками соответствующих отделов

Госпланов СССР и РСФСР привели к тому, что, несмотря на мнение министра Елютина, в государственные планы попала строчка о подготовке юристов в Тюмени. Геннадий Николаевич Чеботарев, сегодняшний директор Института государства и права ТГУ, в то время руководил обкомом комсомола и об этих событиях и не подозревал.

Я и сегодня благодарен судьбе, что она дала мне возможность поработать практически в управленческих структурах и изнутри познать и аппаратную службу, и реальные механизмы управленческого взаимодействия, подготовки и принятия решений. Вместе с тем, будучи чиновником, я не оставил исследовательскую деятельность, готовил и публиковал статьи, посвященные стратегии развития региона, формированию здесь социальной инфраструктуры, улучшению качества жизни северного населения, ВЭМ.

Главное звено – инфраструктура, социальная и прочая

Я решил завершить, наконец, свою многолетнюю работу над кандидатской диссертацией, посвятив ее оценке ущерба, который несет общество в результате «экономии» на затратах в социальную сферу. А экономия на ней в то время считалось у чиновников разного ранга большим достижением. Это происходило и на самом верху (о постановлении ЦК КПСС и Совмина СССР я уже упоминал), и на остальных ступенях управленческой лестницы.

Например, нефтяники закупали в ЧССР готовые вахтовые городки, предусматривающие весь необходимый минимум социальных удобств. При этом руководители, подписывающие эти документы, сочли своим долгом вычеркнуть все, кроме жилых вагончиков. Чехи были этим обстоятельством очень сконфужены.

Я поступил в заочную аспирантуру Совета по изучению производительных сил (СОПС) при Госплане СССР и делал работу по региональной экономике. Мое убеждение о вреде экономии на социальной сфере нужно было подтвердить не социальным эффектом, недоступным для понимания наших начальников, а экономическим. Мне удалось посчитать, что каждый рубль, сэкономленный на Тюменском Севере в развитии социальной инфраструктуры, приносит экономический ущерб народному хозяйству более 4 рублей. Такие аргументы были сочтены и госплановским руководством, и диссертационным Советом достаточно убедительными, в результате чего их автору была присвоена искомая степень кандидата экономических наук. Разумеется, работа, как и все прочие в Госплане, шла под грифом «Для служебного пользования» [11]. Помню, как одну аспирантку на предзащите зарубили за то, что она воспользовалась статистическими данными, опубликованными в открытой печати. Естественно, что для соискателя в этой системе недопустимо было не знать о разнице в цифрах, публикуемых в открытых и закрытых статистических сборниках. Кстати, у меня есть серьезные подозрения, что и сегодня существует два вида статистики: для руководства и для народа.

Вспоминается, как проходила защита кандидатской. Меня предупредили, что у моего шефа, заведующего сектором топливно-энергетических отраслей СОПСа Якова Александровича Мазовера, много недоброжелателей в составе диссертационного Совета, и я должен ждать «черные шары». Обдумав ситуацию, я взял список членов Совета и начал их обход. Представившись каждому, я рассказывал о своей работе и выдерживал своеобразную мини-защиту. После этого получал заверения, что мой визави будет голосовать «за», и шел к следующему. В итоге, результатат голосования, к всеобщему удивлению, оказался единогласным.

В то время за ученую степень кандидата везде доплачивали к месячной зарплате 50 рублей, а в Госплане СССР почему-то нет. Это стало для меня аргументом для перехода на другую работу. К тому же мой шеф, Виктор Дмитриевич Филатов, вступил в серьезный конфликт с заместителем председателя ЗапСибМВТК Геннадием Константиновичем Алпатовым. Борьба шла не на жизнь, а на смерть, что отражалось, конечно, и на нас. В итоге я решил вернуться к геологам, получив статус главного социолога Главтюменьгеологии, и сильно подружился с заместителем начальника главка по кадрам и социальным вопросам Дмитрием Андреевичем Подлузским, прекрасным человеком и талантливым менеджером. У меня остались о нем самые прекрасные воспоминания и совместная книга, изданная издательством «Недра» [12].

Стратегия развития региона: системный подход

На проблему выбора стратегии хозяйственного освоения Тюменского Севера я вышел еще до начала работы в Госплане и активно занимался ей вплоть до начала 90-х годов, когда пришлось перетряхивать весь накопившийся концептуальный багаж. В основном, мои исследования касались социальных аспектов разных сценариев формирования нефтегазового комплекса, социально-экономических последствий при выборе разных альтернатив развития региона, влиянию социальной инфраструктуры на территориальную организацию и экономические результаты деятельности нефтегазовых отраслей [13].

Исследовались специфические для Севера особенности решения социальных проблем, оценивался наработанный здесь позитивный и негативный опыт, основные, наиболее типичные проблемные ситуации, их дифференциация по территории, социальным группам северного населения (в первую очередь, коренных жителей, поселенцев разных волн освоения, вахтовиков), обосновывались возможные технологи и решения выявленных социальных проблем.

В те годы частыми гостями в Тюмени были известные социологи Аитов Н. А., Докторов Б. З., Давидюк Г. П., Андриенкова Н. В., Тощенко Ж. Т., Рукавишников В. О., Мансуров В. П. и другие, с которыми я активно сотрудничал и проводил совместные исследования.

Я и мои сотрудники беспрерывно мотались на Север, опрашивали вахтовиков, членов их семей, стационарных работников, выявляя отношение людей к разным аспектам их жизни. В многочисленных анкетах с 1977 по 1990 годы часть вопросов повторялась, что позволило проследить динамику социальных процессов.

Исследования проводились на стыке социологии, экономики, менеджмента и психологии. Последней заинтересовался, т.к. захотел выявить личностные особенности северян, отличающих их от людей, живущих на юге и в центральной России, отличия людей, хорошо адаптирующихся к экстремальным условиям региона, от тех, кто принял решение вернуться. Это позволило бы службам персонала, используя тестовые технологии, отбирать на Север людей, которые смогут здесь прижиться.

Анализ профилей личностей людей, проживающих на Севере пять и более лет и не планирующих увольняться в ближайшей перспективе, полученных по 16-факторному опроснику Кэтелла, показал, что хорошо адаптируются на Севере люди, обладающие достаточно высокими параметрами эмоционального контроля, уверенности в себе, реалистичные, внимательные и осторожные.

В итоге были разработаны эталонные модели для разных групп персонала (руководителей разного ранга и направлений деятельности, ИТР и т.д.), работающего в разных предприятиях и социальных условиях.

Одновременно, совместно с медиками и биологами (Соловьев В. С., Хрущев В. А. и др.) пришлось заняться и вопросами психофизиологической адаптации людей к северным условиям и здоровьем северян [14].

Оказалось, что минимальный уровень заболеваемости и более высокая трудоспособность отмечалась у мигрантов на Севере в первые два года работы, затем начинался рост заболеваемости и снижение трудоспособности. Наиболее интенсивно этот процесс протекал по истечении пятилетнего периода работы на Севере.

Особенно активно в то время Тюменским мединститутом и Институтом физиологии СО АМН изучалось состояние здоровья, включая и сексуальное, людей, работающих по ВЭМ. В 1989 г. на Тюменский север летали работать более ста пятидесяти тысяч человек, и такие исследования были, безусловно, актуальны. Думаю, что не утратили они актуальность и сегодня.

Итогом всех этих исследований, помимо многочисленных научных и газетных публикаций [15], стала, в конце концов, докторская диссертация, посвященная путям решения социальных проблем районов нового освоения [16]. Работу обсуждал и в Москве, Институте социологии, и в Новосибирске, Институте экономики и организации промышленного производства, социологическом отделе, который основала Татьяна Ивановна Заславская, а в то время бразды правления принял от нее Фридрих Маркович Бородкин. Сибиряки проявили большой интерес к проблеме, и было решено, что здесь я и буду

защищаться. При обсуждении кандидатур официальных оппонентов были предложены Розалия Владимировна Рывкина, известный социолог и соавтор совместных книг с Т. И. Заславской, в то время еще жившая в Новосибирске, не менее известный социолог и специалист по народонаселению и миграционному поведению Леонид Леонидович Рыбаковский, возглавлявший сектор в Институте социологии РАН, и мой давний друг и коллега, известный как эксперт по северным проблемам Алексей Давыдович Хайтун, также москвич, работавший у А. Г. Аганбегяна в Академии народного хозяйства при Правительстве России. Внезапно взяла слово Розалия Владимировна и говорит: «Да, действительно предложенные оппоненты – известные социологи и могут экспертировать эту работу. Однако, не возникнут ли проблемы с ВАКом в связи с тем, что все трое евреи?».

После возникшей на полном серьезе дискуссии решили все-таки согласиться с этими кандидатурами, поскольку самого соискателя в еврействе заподозрить трудно.

Докторская диссертация стала своеобразным водоразделом моей жизни. Шел 1990 год, наука, в том числе отраслевая, велела долго жить, править начал господин Рубль, желательно не «деревянный». Мои научные коллеги активно торговали сахаром, вином и т. д. Присоединяться к их стану я не захотел, хотя, признаться, пару коммерческих сделок все же провел. Высшая школа еще держалась, и я решил уйти на преподавательскую работу на кафедру социологии в Тюменский госуниверситет, которой руководила Клара Григорьевна Барбакова. Мы были знакомы с ней уже давно, еще с 70-х годов, когда Клара Григорьевна создала при областном Совете НТО социологическую секцию и стала активно организовывать региональные научно-технические конференции. Вокруг нее объединились вузовские, заводские и отраслевые социологи, среди которых был и я, возглавивший социологическую службу геологов [17]. Вскоре после перехода на кафедру в декабре 1990 года я поехал в Новосибирск на защиту диссертации, и Клара Григорьевна, решив поддержать меня, приехала тоже, вместе с Михаилом Михайловичем. С присущей ей эмоциональностью и умением зрить в корень, она выступил в дискуссии, а после защиты ко мне подходили члены Совета и очень удивлялись такой поддержке, говоря, что привыкли к обратной ситуации, когда с кафедр пишут анонимки.

Вскоре после защиты ректор предложил мне возглавить кафедру управления производством, позднее я стал и деканом экономического факультета ТГУ, который через некоторое время по моему предложению был переименован в факультет экономического и социального управления. С Кларой Григорьевной у нас сохранились прекрасные отношения и впоследствии мы вместе с учениками дружно перешли из ТГУ в Тюменский государственный нефтегазовый университет (ТюмГНГУ), бывший ТИИ, который я когда-то окончил, а Клара Григорьевна много лет там работала.

Высшая школа и УМО

Высшая школа не была для меня в то время терра инкогнита. Я учился сам, работая в НИИ, подрабатывал в ТИИ и ТГУ почасовиком, в ЗапСибМВТК, курировал тюменские вузы, помогая решению их проблем. И все же, оказавшись внутри системы заведующим кафедрой и деканом, я многому учился заново. Большую помощь в быстром освоении тонкостей организации учебного процесса мне оказало участие в работе Учебно-методического объединения (УМО) вузов России по направлению «Менеджмент». Во главе этой общественно-государственной структуры все эти годы стоял и поныне стоит прекрасный человек, талантливый организатор и ученый, проректор Государственного университета управления Эдуард Михайлович Коротков. Когда я попал в УМО, туда входило десятка полтора российских вузов, сегодня их число перевалило за 400. Представители вузов, деканы и заведующие кафедрами, давно работающие в УМО, любовно называют Эдуарда Михайловича «папой». Он находит время и возможность всем помочь, всегда внимателен и является прекрасным образцом русского интеллигента. Меня поездки на заседания УМО, встречи с коллегами по профессиональному сообществу, с Эдуардом Михайловичем все эти годы доставляли истинное удовольствие и радость.

Постепенно область моих научных интересов стала приобретать крен в проблемы собственно образования, по этой проблематике писались статьи, разрабатывались учебники, учебные пособия, региональные программы развития профессионального образования [18]. Этому же посвящались и выступления в СМИ [19].

Тюменский государственный нефтегазовый университет, куда мы в 1994 г. вернулись с Кларой Григорьевной (я – в свою альма матер, она – в вуз, которому отдала многие годы) возглавлял в то время (и возглавляет сегодня), молодой, очень энергичный, по образованию технарь, но по склонностям, видимо, гуманитарий, ректор Николай Николаевич Карнаухов.

Как раз в это время бывший ТИИ получил статус университета, и Николай Николаевич стремился сделать университет не только по названию, но и по всем сущностным параметрам: фундаментальности образования, универсальности специальностей для развивающегося региона, высокому профессионализму выпускников. Работа с ним по этим направлениям на факультете менеджмента, который я по его предложению возглавил, стала еще одной важной школой для меня.

Интересы Николая Николаевича не ограничивались лишь университетом, которым он непосредственно руководил, а распространялись на окружающий вуз социум. По его инициативе администрации сначала Ханты-Мансийского автономного округа, а затем Тюменской области, заказывали разработку программ развития профессионального образования на своих территориях, которые позволили бы им эффективно управлять подготовкой

необходимых для экономики и социальной сферы специалистов. Руководил этими работами Николай Николаевич, я принимал весьма активное участие. Мы организовали также несколько международных конференций по проблемам взаимодействия вузов и властных структур, изучали опыт управления высшей школой в США, Германии, Соединенном Королевстве, Италии и других странах. Выявленные инновации тут же внедрялись в родном вузе, что позволило существенно поднять качество подготовки выпускников, а сам университет сделать одним из наиболее престижных вузов, известных далеко за пределами региона.

Все эти годы в нефтегазовом университете работал докторский диссертационный Совет по социологическим наукам (специальности – социология управления и социология духовной жизни). Возглавляет его Клара Григорьевна К. Г. Барбакова, я – ее бессменный зам. Возможность остепениться, безусловно, стимулирует развитие социологической науки в регионе, и, в результате, была подготовлена плеяда высококлассных социологов, как теоретиков, так и прикладников. Среди них и мои ученики.

Нужно сказать, что, занимаясь преподавательской работой и проблемами менеджмента образования, я никогда не прекращал исследований социальных процессов на Тюменском Севере. Одной из наиболее острых проблем здесь является ситуация, сложившаяся с аборигенными этносами: ханты, манси, селькупы, ненцы. Я предложил эту тему поступившей ко мне в аспирантуру Нурсафе Хайруллиной и мы начали исследования в Ханты-Мансийском округе. В течение 1993-2002 гг. было проведено мониторинговое изучение динамики социальных профессов в сфере жизнедеятельности коренных северных народов по 4 районам компактного проживания аборигенов, получены интересные результаты. Нам, конечно, было бы не справиться с этой работой без заинтересованного участия и помощи югорских ученых. Впроследствии эти совместные исследования вылились в кандидатскую диссертацию по проблемам социальной защиты северян, защищенную Г. С. Корепановым (я оппонипровал эту работу), докторские В. М. Курикова по экономическим проблемам традиционного природопользования, Н. Г. Хайруллиной и Т. Г. Харамхзина по социальным аспектам жизнедеятельности северных этносов.

В последние годы я отошел от социально-этнических исследований, но их активно продолжает моя бывшая аспирантка, а ныне проректор нефтегазового университета Нурсафа Хайруллина. Кстати, и еще одна моя бывшая аспирантка, Наталья Огородникова, также проректор в нашем университете. Я чувствую себя почти Мафусаилом, который, правда, если верить в этом Библии, прожил 969 лет.

Резюме

Я считаю свою жизнь весьма успешной. И для этого имею следующие основания.

Во-первых, большая часть прожитых лет прошла достаточно качественно – интересно, продуктивно, без серьезных болячек и бедности, в общении с красивыми женщинами и умными мужчинами. Я объехал полмира и прожил тысячи жизней с героями прочитанных книг.

Во-вторых, я никогда ни к кому не испытывал зависти, ненависти, не делал зла, помогал окружающим и обеспечивал близких материально и всеми возможными способами. У меня есть хорошие, проверенные временем друзья – Маринин Анатолий Егорыч, Симонов Сергей Геннадьевич, Хайтун Алексей Давыдович и др.

И, наконец, в-третьих, после меня на земле останется добрый след: хорошие дети и внуки, ученики, защитившие диссертации, книги и учебники. Дома, правда, не построил, но деревья садил. При этом, Божьей милостью, меня миновал грех гордыни.

А в начале нового тысячлетия пришла большая любовь, и жизнь началась как бы сначала. Настя родилась в г. Павлодаре спустя три десятилетия меня. Но оказалось, что это не имеет ни малейшего значения.

И, несмотря на это некоторое подведение итогов, я вовсе не считаю жизнь завершенной, с оптимизмом и надеждой смотрю в будущее, имею множество планов и задумок. На традиционный вопрос «Как жизнь?», я всегда вполне искренне отвечаю: «Все лучше и лучше». Да будет так.

А порефлексировать решил лишь потому, что на этот год выпало много юбилейных дат: мне 60, жене Насте 30, дочери Наталье 25, внуку Дмитрию 16, сыну Глебу 1 год. Впереди новые дела и, надеюсь, новые юбилеи.

Литература

1. Применение метода множественной регрессии для установления некоторых технико-экономических зависимостей в системе ППД // Проблемы нефти и газа Тюмени. - 1973. - №16. – Тюмень.

2. О прогнозировании технико-экономических показателей в условиях автоматизированного управления газодобычей на севере Тюменской области // Управление и организация труда в газовой промышленности. – 1973. - №5.; О методике прогнозирования численности работающих на нефтегазодобывающих предприятиях // Природный газ Сибири. Тюмень, 1973. - Вып. 7.; К методике планирования и прогнозирования промысловой себестоимости в газодобывающем предприятии // Проблемы нефти и газа Тюмени. - Тюмень, 1974. - №22.; К вопросу построения функциональных подсистем АСУ на предприятиях нефтяной и газовой промышленности // Современные методы оценки состояния и совершенствования производственных систем. - Тюмень: ТИИ, 1974.; О долгосрочном прогнозировании развития газовой промышленности Севера Тюменской

области // Экономика газовой промышленности. – 1975. - №3.; Разработка долгосрочных нормативов при прогнозировании добычи газа в регионе // Геология, бурение и разработка газовых месторождений. – 1976. - №13.

3. Арифмометр? Нет, ЭВМ! // Тюменская правда. - 29.10.72.; АСУ – Медвежье или АСУ-Главк? // Тюменская правда. - 3.11.73.

4. Например, некоторые вопросы охраны природной среды в связи с освоением газовых ресурсов Тюменского Севера // Известия СО АН СССР, сер.общ.наук, №11, вып.3. - Новосибирск, 1975.;

О сохранении окружающей среды при освоении газовых ресурсов Севера Тюменской области // Проблемы развития и размещения производительных сил Сибири.- Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1976.;

Эколого-экономическая оценка взаимодействия природной и социально-экономической подсистем при освоении газовых ресурсов Тюменского Севера / Охрана окружающей среды при строительстве и эксплуатации газо- и нефтеперерабатывающих и перерабатывающих предприятий. – Саратов: ВНИПИГаздобыча,1976.;

Антропогенная трансформация ландшафтов в нефтегазопромысловых районах // Человек и ландшафты, т.2, Свердловск: УНЦ АН СССР, 1979.;

Актуальные вопросы охраны природной среды Западно-Сибирского Севера в связи с освоением газовых ресурсов региона // Известия вузов, сер. Нефть и газ. – 1981. - №7.

5. И брать, и сохранять // «Тюменская правда», 24 августа 1974 г.; Во имя завтрашнего дня // «Тюменский комсомолец», 26 марта 1975 г. Ямал: голубое топливо и природа // «Тюменская правда», 2 сентября 1976 г.; Для себя и потомков // «Известия», 17 ноября 1977 г.; Беречь и охранять природу «Тюменский геолог», 31 августа 1977 г.; Беречь тундру // «Красный Север», 16 сентября 1977 г.; Березка под окном / «Тюменский комсомолец», 4 июня 1986 г.

6. Охрана окружающей среды при освоении газовых месторождений Севера Тюменской области / В сер. «Природный газ и защита окружающей среды». - М.: ВНИИЭГазпром, 1978 (в соавторстве с Р.И.Медведским).

7. Силин А. Н. Ученые о вахтовом методе // «Тюменская правда», 3.11.1973.

8. Силин А. Н. Некоторые социально-экономические аспекты экспедиционно-вахтового метода организации труда геологоразведчиков / Участие научно-технической общественности в работе по комплексному развитию главной базы страны по добыче нефти и газа в Западной Сибири – Тюмень, 1978.; Экспедиционно-вахтовый метод при освоении Тюменского Севера // Материалы конференции молодых экономистов и социологов Сибири – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1979.; Об эффективности вахтово-экспедиционной схемы организации работ при освоении Тюменского Севера / Социально- экономические проблемы освоения и развития Тюменского

ТПК – Тюмень, 1979; Пути повышения эффективности использования трудовых ресурсов при освоении Тюменского Севера // Экономика, организация и управление производством в газовой промышленности №17. - М.: ВНИИЭгазпром, 1979; Влияние ВЭМ организации труда на формирование трудовых ресурсов при освоении Тюменского Севера // Проблемы расширения и совершенствования подготовки специалистов высшего и среднего звена для НГК Западной Сибири – Тюмень: НТО, 1980.; Социально-экономические факторы выбора режимов труда и отдыха в буровых бригадах Главтюменьгеологии // Медико-биологические проблемы экспедиционно-вахтовой организации труда. – Тюмень: СО АМН СССР, 1980.; Организация производства вахтовым и вахтово-экспедиционным способом при формировании Западно-Сибирского нефтегазового комплекса – Тюмень: ВСНТО, 1982.; Эффективность экспедиционно-вахтовой системы в сфере градостроительства // Строительство трубопроводов. – 1984. - №5.; Социальные проблемы вахтовой организации труда в нефтегазовом комплексе Западной Сибири // Проблемы ускорения социально-экономического развития в условиях интенсификации общественного производства. – М.: АНХ при СМ СССР, 1986.; Партийное руководство при вахтово-экспедиционной форме освоения Западно-Сибирского Севера // Партийные комитеты и управление социальными процессами. – М.: ИСИ АН СССР, 1986.; Вахтово-экспедиционный метод в Западной Сибири // Разведка и охрана недр. – 1987. - №6.; О нетрадиционных формах организации труда на Крайнем Севере // Социологические исследования. – 1987. - №4.; Методические указания по применению вахтово и вахтово-экспедиционного методов организации труда на предприятиях Главтюменьгеологии. – Тюмень: ЗапСиббурНИПИ, 1987.; Обоснование режимов труда и отдыха при вахтовом освоении Севера // Актуальные проблемы физиологических структурно-функциональных основ жизнедеятельности. – Новосибирск: СО АМН СССР, 1987.; Силин А. Н., Маслаков Н. А. Вахтовый метод на Тюменском Севере: двадцать лет спустя - Тюмень: Вектор Бук, 2004.

9. Силин А. ВЭМ на службе поиска // «Тюменский геолог», 19.05.1979; Как выбрать РТО // «Тюменский геолог», 14.05.1980; На работу за тысячи километров // «Тюменский комсомолец», 6.06.1980; Испытание Севером // «Тюменский комсомолец», 9.02.1983; Социальные резервы комплекса // «Тюменская правда», 17.10.1985; Кому ехать на Север? // «Тюменская правда», 13.03.1987; Надым или …. Ярково? // «Тюменский комсомолец», 5.02.1988.

10. См, напр., Поиск варианта // «Социалистическая индустрия», 6.09.1980; Инфраструктура поиска // «Тюменский геолог», 20.05.1981 и др.

11. Силин А. Н. Анализ влияния социальной инфраструктуры на развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири / Автореф. дисс. на соик. ученой степени к. э. н. – М.: СОПС при Госплане СССР, 1984.

12. Подлузский Д. А., Силин А. Н. Человеческий фактор в организации геологоразведочного процесса. – М.: Недра, 1990.

13. Аганбегян А. Г., Силин А. Н. и др. Проблемы формирования Западно-Сибирского нефтегазового комплекса – Новосибирск: ИЭиФП СО АН СССР, 1980; Осипов В. А., Силин А. Н. Нефтяная и газовая промышленность Тюменской области – Тюмень: ТГУ, 1980; Силин А. Н., Третьякова А. Н. Особенности формирования инфраструктуры и ее влияние на эффективность освоения ресурсов природного газа Севера Западной Сибири // Экономика газовой промышленности, вып.11. – М.: ВНИИЭГазпром, 1981; Силин А. Н. Пути совершенствования территориальной организации нефтегазового комплекса Западной Сибири в одиннадцатой пятилетке // Социально-экономические проблемы Тюменского ТПК. – Тюмень: ТГУ,1981; Инфраструктура ТПК: региональные особенности и типология // Методические вопросы хозяйственного освоения территорий. – Тюмень: ТГУ, 1982; Создание социальной инфраструктуры и охрана окружающей среды при развитии производительных сил на Тюменском Севере / Актуальные проблемы окружающей среды на нефтяных и газовых месторождениях Тюменского Севера. – Тюмень, 1983; Обеспечение предприятий и строек Западно-Сибирского нефтегазового комплекса рабочей силой // Плановое хозяйство. – 1984. - №1.; Об оценке влияния социальной инфраструктуры на экономические показатели вновь формируемых территориально-производственных комплексов // Проблемы регионального планирования. – Минск: БНИИНТИ, 1984; Антропов Е. Н., Силин А. Н. Западная Сибирь: социальная инфраструктура и нетрадиционные формы организации труда // Социалистический труд. – 1986. - №7.; Социальная инфраструктура Западно-Сибирского нефтегазового комплекса // сер. «Экономика, организация и управление», вып.5, - М.: ВНИИПКтехоргнефтегазстрой, 1986; Силин А. Н. О некоторых направлениях научно-технической политики при формировании инфраструктуры ТПК Севера Западной Сибири // Проблемы Севера, Вып. 22. – М.: Наука, 1986; Оценка социально-экономической ситуации при освоении новых северных территорий / Географические проблемы районов нового освоения – Л.: ГО СССР, 1986; Силин А. Н., Симонов С. Г. Нефтегазовый комплекс Западной Сибири: сущность и пути ускорения развития. – Тюмень: ТГУ, ТИИ, 1987.; Социально-экономическое развитие Западно-Сибирского Севера: проблемные ситуации // Известия СО АН СССР, сер. Экономики и прикладной социологии, вып.1, 1988; Силин А. Н. Совершенствование социальных механизмов в районах нового освоения Западной Сибири // Человеческий фактор в механизме ускорения общественного прогресса: теория и практика решения задач. – Омск, 1988.; Западно-Сибирский нефтегазовый комплекс в двенадцатой пятилетке // Географические проблемы районов нового освоения. – Л.: ГО СССР, 1988.

14. Силин А. Н. и др. Социально-экономические особенности адаптации геологоразведчиков к условиям поисково-разведочных работ на нефть и газ на Севере. Сер. «Экономика минерального сырья и геологоразведочных работ». - М.: ВИЭМС, 1986. – 53 с.

Силин А. Н., Руммель А. Г. Влияние условий труда на заболеваемость работников производственного объединения Ямалнефтегазгеология / Здоровье человека в Сибири – Новосибирск: СО АМН СССР, 1985.

15. Трудовые ресурсы: проблемы остаются // Тюменская правда, 20.08.83; Высшая школа – комплексу // Тюменский комсомолец, 15.04.84; Социологи – Северу // Тюменская правда», 19.12.85; Что показала анкета // Тюменский комсомолец, 5.02.86; Социальный резерв // Тюменская правда», 4.12.86; Социология – поиску // Тюменский геолог», 4.02.87; Зеркало реальных проблем // Тюменский геолог, 12.10.88.

16. Силин А. Н. Пути решения социальных проблем районов нового освоения (по материалам социологических исследований на Западно-Сибирском Севере) / Автор. диссер. на соиск. ученой степени д. с. н. – Новосибирск: ИЭиОПП СО АН СССР, 1990.

17. Силин А. Н. Тюменская школа социологов: вехи биографии и библиографии // Менеджмент в социальной сфере. Вып.6. – Тюмень: Вектор Бук, 2004. – С. 3-6.

18. Силин А. Н. Проблемы подготовки экономистов и управленцев высшей квалификации // Вузы и регион: актуальные проблемы развития высшего образования, ч. II. – Тюмень: ТГУ, 1993; Концепция развития профессионального образования в Ханты-Мансийском автономном округе. – Тюмень: Вектор Бук, 1997; Программа профессионального образования Ханты-Мансийского автономного округа: концептуальные модели развития и пути их реализации. – Тюмень: Вектор Бук, 1997; Бизнес-образование – фактор стабильности и эффективного развития нефтегазового региона / Известия вузов, сер. Нефть и газ. – 1998. - №5; Кафедра социального менеджмента – субъект и объект социодиагностики / Менеджмент в социальной сфере, вып. 1. – Тюмень: Вектор Бук, 1999; Влияние общественных инноваций на содержание и преподавание курса «Менеджмент» // Менеджмент: теория и практика. - №1-3. – Ижевск: изд-во ИЭиУ УдГУ, 2000; Менеджмент – образование как важный ресурс экономики Сибири // Природные и интеллектуальные ресурсы Сибири – Томск, 2000; Школа социального менеджмента в Тюменском регионе // Менеджмент в социальной сфере, Вып. 2. – Тюмень: Вектор Бук, 2000; Подготовка менеджеров для регионального социума // Налоги. Инвестиции. Капитал. №5-6. – Тюмень: АТО, 2000; Общественные инновации и подготовки менеджеров: взаимосвязи на рубеже тысячелетий // Вестник университета, сер. «Развитие образования в области менеджмента. - №1 (2). – М.: ГУУ,

2001; О возрастании роли социальных факторов в подготовке менеджеров / Вестник Нижегородского университета им. Н.Л. Лобачевского, сер. Экономики и финансов, Вып. 1 (4), 2002; Профессиональное образование в Тюменской области: анализ и прогноз – Тюмень: Вектор Бук, 2003; Современные тенденции развития менеджмента // Вестник ПГУ им. С.Торайгырова. – 2003. - №2; Профессиональное образование в Тюменской области: программа модернизации до 2010 года. – Тюмень: Вектор Бук, 2004; Программа развития профессионального образования в Тюменской области: концепция и социокультурная значимость // Региональные социальные процессы. Вып.1. – Тюмень: изд-во ТюмГНГУ, 2005; Управление качеством образовательной деятельности: содержание и инновационные подходы // Педагогический вестник Казахстана. – 2005. - №2; Кадры 2010 (Прогноз и программа развития профессионального образования в Тюменской области)). – Тюмень: Вектор Бук, 2005.

19. Я бы менеджером стал, пусть меня научат // Тюменский комсомолец, 17.12.91.; Не гонитесь за должностью, а берите ее как яблоко с ветки. «НВ», 23.10.92.; Кадры по-прежнему решают все // Сибирский посад, 24.04.93.; Хороший специалист стоит дорого, но учиться будут не только богатые // Тюменские известия, 24.12.94.; Ключ к благополучию. «НВ», 19.12.95.; Учиться бизнесу // «Тюменская правда, 14.11.95.; Менеджерами не рождаются // Тюменская правда, 5.04.95.; Факультете молодой, но престижный // Тюменская правда, 20.06.97.; Кафедра смотрит в будущее.

РАЗДЕЛ III. ПЕРВЫЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛИ

К IV и V поколениям советских/российских социологов мы относим тех, чьи годы рождения заключены, соответственно, в интервалах 1947-1958 и 1959-1970 гг.

К первой из названных когорт относятся: Ю. М. Беспалова, В. В. Гаврилюк и Л. В. Лебедева.

К следующей – два исследователя: О. М. Барбаков и Н. Г. Хайруллина.

БЕСПАЛОВА Ю. М.: «В СОЦИОЛОГИИ Я ОКАЗАЛАСЬ И СЛУЧАЙНО, И НЕСЛУЧАЙНО»[1]

Юля, так случилось, что наше знакомство возникло на базе общего интереса к изучению биографий и попыток понять биографический метод. Естественно, что в нашей переписке мы часто обращались к прожитому нами. Но все это больше охватывало период нашей профессиональной жизни. Давай сначала уйдем в начало, и даже не в твое, а в то, что я называю предбиографией. Пожалуйста, расскажи о твоей большой семье, о родителях.

Семейная память нашего рода насчитывает пять поколений сибиряков.

Я принадлежу уже к пятому поколению. История моего рода – это история ряда российских противоречий, когда в нескольких поколениях одного большого рода смешались православные, раскольники и иудеи, дворяне и сибирские некрепостные крестьяне, белые и красные, те, кто был за царя и против Великой Октябрьской социалистической революции, и те, кто ее отстаивал, был против царского и капиталистического гнета. Смешались противники и защитники сталинского режима. Вся история российская и сибирская в нашем роде.

Мой прадед по матери встречался с Г. Распутиным, мой дед, Георгий Дмитриевич Беспалов работал под непосредственным руководством В. Блюхера, был участником Северного экспедиционного отряда, созданного для борьбы с белым движением. Командиром моего отца, Михаила Наумовича Зингера, во время обучения в тюменском военном училище был будущий известный актер Евгений Матвеев.

Моя сибирская родословная началась с того факта, что прапрадедушка по матери Гавриил Герасимов приехал в Тюмень около 1870 года на лошадях из Смоленской губернии. Жена прапрадедушки – прапрабабушка Елена была

[1] Телескоп: журнал социологических и маркетинговых исследований. - 2011. - № 1. - С. 1–11.

дворянкой из рода Болотовых. Рано лишившись родителей, она вышла замуж за мещанина и поехала с ним в Западную Сибирь.

Из Интернета я узнала, что дворянский род Болотовых – это род священно – церковнослужительский. Интересно, что две сестры прапрабабушки, ставшие бесприданницами, ушли в монастырь. Бабушка вспоминала, что по просьбе ее бабушки Елены она писала письма в город Великие Луки, в Воскресенский женский монастырь, ее преподобию игуменье Палладии Болотовой.

После отмены крепостного права в России в 1861 году многие люди отправлялись в Сибирь в поисках лучшей доли. Отмена крепостного права коснулась как крестьян, так и дворян, владельцев крепостных душ. Многие из них, утратив в лице своих крепостных источник существования, разорялись. Город Тюмень стоял тогда на пути переселенческого движения.

Род моего деда ведет начало от приуральских крестьян. Отец деда был линейным сторожем и жил в будке на железной дороге неподалеку от Тюмени. За участие в забастовке в 1905 году он был уволен с работы и переселился с семьей в Тюмень.

Моя мать, Лариса Георгиевна Беспалова, – кандидат наук, доцент, много лет была преподавателем Тюменского пединститута и Тюменского госуниверситета. Ею заложены основы преподавания литературного краеведения в высшей школе области. Мать – автор ряда книг об истории культуры края, многочисленных публикаций и остропроблемных выступлений на страницах периодической печати. В свои 87 лет она по-прежнему среди энтузиастов родного края, ее статьи нередко появляются на страницах научных журналов и газет.

Отец родом из Белоруссии, из древнего города Полоцка, он участник Великой Отечественной войны, награжден 7 орденами и множеством медалей. Среди его наград ордена «За заслуги перед Отечеством» I и II степеней, «Отечественной войны», «Красной Звезды», «Трудового красного знамени», «Знак Почета», «Дружбы». До 83 лет он проработал в региональной системе УВД. Написал несколько книг об истории УВД области и своих товарищах по работе. «Гордись, Юля, у тебя уникальный отец, его все знают и очень уважают», – постоянно говорят мне бывшие папины коллеги и ученики. На парадах, посвященных Дню победы, папа на трибуне в военной форме с множеством орденов принимает парад или, отдавая честь участникам парада, стоя едет на «военной» машине под Красным знаменем. Удивляет не потерявшаяся с годами его уникальная выправка.

Есть у меня и старшая сестра – Елена (родовое имя, как и мое – Юлия), которая живет в Санкт-Петербурге и работает в Политехническом университете. Она кандидат наук, доцент.

Один очень личный и, возможно, трудный для тебя вопрос, но он естественен, когда обсуждаешь связь человека с прошлым его семьи. Летом

2010 года ты впервые была в Полоцке, искала следы семьи отца, погибшей там в годы оккупации. Что дала тебе эта поездка в эмоциональном плане и в твоем видении биографического метода?

Полоцк, один из древнейших городов Белоруссии, – это трагическая страница нашей семейной памяти. Меня всегда интересовала история папиной семьи и родственников с папиной стороны. В середине августа 2010 года мы с мужем оказались в Полоцке. С помощью бывших тюменцев, теперь живущих в Полоцке, мы объездили места массовых расстрелов, еврейские захоронения, были на старом еврейском кладбище. Я также работала в библиотеке и основные сведения о папиной семье узнала из «Книги памяти». Папины отец, мать, сестра и младший брат были расстреляны фашистами в 1941–1943 гг., один из старших братьев погиб на фронте под Ленинградом, а другой пропал без вести под Сталинградом.

В разных районах Полоцка в ямах лежат десятки и сотни тысяч безымянных людей – военнопленных, подпольщиков, партизан, мирных жителей, и среди них мои родственники.

Папа спасся чудом. Когда в конце июня мирные жители и войска отступали, он, его родители, младший брат и сестра шли вместе. Они прошли уже более 50 километров, когда папа попросился у своего отца пойти вместе со своими школьными товарищами и получил разрешение. Отец договорился с ним о месте встречи в городе Ленинграде, где жил его старший сын (все думали, что война скоро окончится, и фашисты не пройдут далеко). Больше воих родных мой отец никогда не видел. Почему и как они снова оказались в Полоцке – всю жизнь он задает себе эти вопросы.

В истории папиного рода ярко проявляется проблема личной судьбы и значение прошлого в индивидуальной биографии. Того прошлого, которое возвращается к нам часто очень дорогой ценой, но к которому мы постоянно обращаемся, чтобы обрести себя в настоящем.

Меня давно интересует, как люди, принадлежащие к семьям с глубокой историей, воспринимают свое место в этой структуре. Не можешь ли ты сказать что-либо по этому поводу? В частности, нет ли такого ощущения, что, став на сторону одних предков, скажем, «красных», ты в определенном смысле отталкиваешь от себя других – «белых». Тем более, что в обществе за последние годы заметно изменилось отношение к обеим этим группам?

Мой прадед по матери, слушая черную тарелку радио, обычно говорил: «Ну-ка, ну-ка, что там еще товарищи придумали?» Слово «товарищи» при этом он всегда произносил с едкой иронией.

Но мой дед, будущий муж его дочери, прапорщик царской армии, командир роты, в 1918 году вместе с ротой перешел на сторону Красной армии. Когда его спрашивали, почему он не остался у белых, дед отвечал, что его возмутило крайне жестокое отношение колчаковцев к сибирским крестьянам.

Отмечу, что Колчак установил в Сибири самый жестокий военный режим за всю историю Гражданской войны. Очевидцы вспоминали, что он и его атаманы устроили в городе Омске настоящую мясорубку, целые телеги трупов провозились по городу. Множество убитых было и в Тюмени. Помогали Колчаку в установлении сурового режима чехи (их называли белочехами). Они же и сдали Колчака красным, пожелав вернуться в свою страну (красные поставили им такое условие для возвращения).

Тем не менее, зная такие противоречивые (с точки зрения современного прочтения отечественной истории) факты, я, как и другие мои родственники, никогда и никого из нашей семьи не «отталкивала». Мы могли только кому-то больше сочувствовать, в зависимости от личной симпатии. Есть история страны, а есть человек в истории, это связанные, пересекающиеся, но не идентичные вещи. Исторические крайности могут мирно сосуществовать в семейной памяти.

О том, что семейная память зачастую не тождественна памяти исторической, нередко более объективна, хорошо написал социолог А. Алексеев. Отмечу, что историческая память нашей страны часто формировалась (и теперь формируется) под влиянием социального заказа, политической конъюнктуры, ставки на вырванные из общего контекста куски, поэтому она воспринимается «урезанной», неточной, неполной, оторванной от семейной памяти. Сохраненные семейные истории даже по прошествии многих лет, могут стать основой для личностной интерпретации исторической памяти нашей страны и способствовать общественной информированности и пониманию.

Уважая семейное прошлое, я воспринимаю себя как некую «точку недвижимости» на семейном дереве, корни которого уходят в глубь веков, а ветви устремлены далеко в будущее.

И вот началась собственно твоя жизнь. Что-то было важное, знаковое в совсем раннем периоде твоей жизни, до школы?

Важным было то, что я родилась в **пространстве** Западной Сибири. **Место** моего рождения – город Тюмень.

Я была ребенком в 1960-е гг. Помню редкие поездки с дедом на телеге, запряженной лошадью, частые прогулки с ним по лесу в теплый летний день, что было несказанным удовольствием…

Знаковость нашей территории, ландшафта и природы я постоянно ощущаю.

Живя в Тюмени, трудно не стать краеведом. По дороге в Тобольск – родное село Распутина, Тобольск – не только место заключения Николая II, но и родина Менделеева. Вблизи Тюмени – Ялуторовск, где отбывали ссылку многие декабристы. В годы войны в Тюмени находилось тело Ильича, и этот факт многие годы оставался тайной для советских людей... Что представлял собою город Тюмень до открытия в ваших местах нефти

и газа и притока большого числа высокообразованной и интеллигентной молодежи из европейской части страны?

В моем детстве Тюмень хлестко называли «столицей деревень». Такое отношение к городу вызывала знаменитая тюменская грязь, в которой, были такие случаи, намертво застревали люди и животные.

Тюмень имеет давнюю историю. Основана она в 1586 году. Город расположен по берегам реки Туры при впадении в нее речки Тюменки.

Наш город, в древности Чинги-Тура (или Чимги-Тура), стоял на древнем водном торговом пути из Центральной Азии на Урал. Название Тюмень имеет ряд трактовок. Большинство ученых считают, что слово «тюмень» пришло из тюркского языка, где оно означало « 10 тысяч воинов». Есть в тюркских языках и еще одно значение данного слова – «отдаленное место, провинция». В алтайском языке «тюмен» означает «вниз» и «нижний». То есть, Тюмень – это город в низовьях, вниз по течению. Это правильно, если смотреть со стороны Урала.

Есть версии, что «Тюмень» – это перешедший в название административный термин (в Средней Азии так называли небольшие территории, районы), или что «Тюмень» происходит от названия речки Тюменки, притока реки Туры.

Слово «Тюмень» сегодня – слово женского рода, однако раннее название нашего города относилось к мужскому роду и склонялось, как слово «пельмень».

Гости Тюмени нередко спрашивают о том, есть ли у города свое «лицо». Лицом Тюмени обычно называют место главную Тюменскую площадь, высокий берег Туры с видом на здания Гостиного двора, музея и монастыря. Я же считаю лицом города старинные купеческие постройки. К сожалению, их со временем становится все меньше и меньше. Тюмень – это, прежде всего, старинный купеческий город.

Предпринимательство началось в Тюмени с ямской службы, просуществовавшей здесь не одно столетие и сыгравшей значительную роль в хозяйственном освоении и развитии края. Город до сих пор сохраняет в себе дух сибирского старообрядческого предпринимательства.

Однако наибольшего развития тюменское предпринимательство достигло во второй половине XIX – начале XX вв. Сибирякам знакомы имена К. Высоцкого, П. Подаруева, И. Игнатова, Н. Машарова, А. Текутьева, И. Колокольникова, Н. Чукмалдина и других предпринимателей, которые боролись за открытие морского пути из Сибири – по Северному Ледовитому океану в Россию и Европу, проектировали и создавали каналы Таз–Туруханн и Карское море – Обь, проводили работу по соединению каналами рек для создания единой системы водоснабжения, строили водно-сухопутную дорогу от Оби до Печоры, железную дорогу Екатеринбург-Омск, проектировали железнодорожные пути для соединения российских рынков. Благодаря

поддержке и средствам тюменских предпринимателей, получила развитие сибирская наука: был создан первый в Сибири университет, организованы и профинансированы научно-исследовательские экспедиции (Н. Норденшельда, Х. Даля, А. В. Григорьева, Бременского общества полярных исследований и др.). Оказывая поддержку любой инициативе в развитии науки, купечество выделяло средства на премии для исследователей, организацию научных выставок, издание научных трудов, поддержку преподавателей, учреждение стипендий и т.д. Купечество Западной Сибири имеет заслуги в создании библиотек, музеев и типографий. Способствовала просвещению народа и торговля книгами. Впечатляющим подтверждением культуры тюменского купечества служили домашние библиотеки предпринимателей.

В советский период Тюмень стала сибирской глубинкой, где развивалось, в основном, сельскохозяйственное производство. В годы войны производственный потенциал города вырос за счет эвакуированных с европейской части страны предприятий. Стало расти топливное, деревообрабатывающее, машиностроительное производство, рыболовство. Новая страница в истории Тюмени и Тюменской области в целом началась с 1964 года, с открытия нефти и газа.

К концу XX века Тюмень вновь стала капиталистическим городом. Так, большая часть жилого фонда, организаций, промышленных предприятий находится в частной собственности.

К сожалению, сегодня тюменское предпринимательство обезличилось. Ярких имен почти нет. Если раньше главным делом предпринимательства было служение своему краю, то теперь, когда главным мотивом стал личный успех, выдающихся предпринимателей, готовых всеми силами помогать региону, почти не стало. В 2000-х годах тюменцы с удивлением узнали, что среди мировых долларовых миллионеров, четыре имеют отношение к нефти и газу Тюмени. Что Моим землякам оставалось порадоваться за их успех и подумать, почему большая часть населения страны и региона живет за чертой бедности.

Я допускаю, что и в школе, где ты училась, могли преподавать очень образованные люди со сломанными – как мы сегодня понимаем – судьбами. Так ли это? Расскажи о твоих школьных годах.

Я окончила начальную школу, а затем поступила в среднюю школу № 25, где в свое время учился талантливый певец Юрий Гуляев. В период моего обучения приоритетным предметом была математика. Она мне давалась туго, оценками в школьном аттестате я похвастаться не могу. Гуманитарные же предметы – литература, история и др. – мне нравились и шли намного легче.

Мои школьные годы проходили в подготовке уроков, а также в посещении танцевального, драматического кружков и музыкальной школы и пр.

Насчет сломанных судеб учителей сказать что-либо определенное не могу. Знаю, что мои учителя были, в большинстве своем, людьми, воевавшими или пережившими Великую Отечественную войну. Именно война трагическим образом повлияла на их судьбы: многие потеряли на войне близких. Говорили, что на глазах учительницы биологии фашисты уничтожили мужа и детей.

Вспоминаю с самыми добрыми чувствами моих учителей литературы, истории, английского языка: Елизавету Александровну Зубареву, Маргариту Леонидовну Осипову, Александру Ивановну Нохратову; учителя географии, астрономии и военного дела Ивана Герасимовича Дмитриченко и др.

Однако учителем от бога, обладавшим редким талантом воспитателя, был физрук Геннадий Павлович Крюковский. Ради того, чтобы встретиться и поговорить с ним, бывшие ученики приходили в школу через много лет после ее окончания. Удивительно, что Геннадий Павлович знал и помнил по именам всех своих учеников, для каждого у него находились добрые слова, независимо от успехов на поприще физкультуры и спорта.

Прежде чем мы начнем говорить о твоем движении в социологию и характере твоей профессиональной деятельности, скажи, как бы ты в целом охарактеризовала сферу своих научных интересов?

В образовании, преподавании и науке – филолог, языковед, этик, «научный атеист», философ, культуролог и социолог…

Долгий ряд, и социология в нем – замыкающая… Начнем с начала… Что определило твой выбор филологии и языковедения? Где ты обучалась этим премудростям?

В 1972 году я поступила на филологический факультет Тюменского государственного университета, а в 1977 году с отличием его закончила.

Мои родители, как и я сама в то время, иного образования, чем русский язык и литература, для меня не представляли. Сколько себя помню, я постоянно читала. В нашей домашней библиотеке в то время уже было несколько тысяч книг. Повлияло на мой выбор и то, что моя мать преподавала в университете русскую литературу, а старшая сестра окончила этот вуз (тогда – педагогический институт) по специальности английская филология. Много позже, читая дневники деда и записки бабушки о своем детстве, написанные в духе «наивного письма» (термин Натальи Никитичны Козловой), я с удивлением обнаружила явные литературные склонности их авторов. Отмечу, что философского или социологического образования в годы моего обучения в университете не было, они появились много позже.

Учиться на филологическом факультете было очень интересно. Многие мои преподаватели были людьми профессиональными, талантливыми, влюбленными в свое дело. Такой была преподаватель иностранной литературы Нина Андреевна Шеломова, хорошо владевшая немецким и французским языками, состоявшая в переписке с известным писателем Генрихом Беллем (автором произведений «Бильярд в половине десятого», «Дом без хозяина»,

«Потерянная часть Катарины Блюм» и др.). Под ее руководством я написала дипломную работу о творчестве американского драматурга Артура Миллера. Готовя диплом к защите, я встретилась с определенными трудностями. Критически высказавшийся о СССР, Миллер мгновенно был выброшен из вузовских программ и репертуара советской сцены. Защитить диплом мне удалось, только разбавив текст о Миллере рассуждениями о западной драматургии, а также изменив название работы. Лилия Поликарповна Овчинникова интересно преподавала античную литературу и литературу средневековья, Инна Вячеславна Володина высокопрофессионально учила нас методике преподавания литературы. Отличалась необыкновенной преданностью своему предмету преподаватель старославянского и древнерусского языков Мария Алексеевна Романова: на студенческих практиках, посвященных сбору сибирского фольклора, диалектов и говоров, она сопровождала студентов в самые дальние западносибирские деревни, переплавляясь туда на лодке. Талантливо преподавали общее языкознание, методику преподавания русского языка, ономастику Валентин Иванович Безруков, Иван Иванович Саморуков, Николай Константинович Фролов. Курс советской литературы нам хорошо читал Лазарь Вульфович Полонский.

Наши преподаватели требовали от нас не только эстетического постижения предметов, досконального знания текстов, внимания к деталям, чутья к языку. Моя мать преподавала на нашем курсе очень немного, но хорошо запомнилась моим однокурсникам «чувством экзаменационного ужаса», которое испытало не одно поколение филологов перед требовательным преподавателем русской литературы и литературного краеведения. Ее вопросом: «Что лежало под диваном Обломова?» – старшекурсники пугали новичков. «Не тапочки, а... пыль лежала под диваном Обломова!» – эту литературную деталь, как и многие другие, большинство студентов запомнило навсегда. Преподаватели учили нас не только поэтике художественного текста, а нацеливали на черный труд текстологов, исследователей литературы и языка.

И в настоящее время я считаю, что русская и советская литература, ярко рисующие жизнь «униженных и оскорбленных» в разные времена российской истории, в плане изучения социальных настроений, отношения людей к социальным и экономическим реалиям, более «социологичны», чем некоторые современные теории, рассматривающие российскую жизнь в свете личного материального успеха и представляющие социологию как техническую дисциплину, обслуживающую бизнес и политические процессы.

Конечно, студенческие годы были не только постоянной учебой: были уборочные с «посиделками» под звездным вечерним небом и песнями под гитару, литературные вечера, танцы, походы в театр, обучение на факультете общественных профессий, где я выбрала пение, выступления с хором на университетских и городских концертах.

Безусловно, о социологии мы будем говорить много, но не могла бы ты сразу пояснить, что стоит за «более социологична» и какие из современных теорий об устройстве российской жизни ты имеешь в виду?

Я говорю о роли русской и советской литературы для социологии, в том числе, и о множестве точек соприкосновения литературы и социологии, которые, к сожалению, остаются незамеченными наукой. Будучи важным средством познания социальной жизни, отражая действительность, обращаясь к человеку, литература (как и искусство в целом) может опережать науку, раньше науки улавливать изменения в различных сферах жизни общества. Можно говорить об огромном значении литературы в плане «человековедения» и убеждаться в этом, читая деревенскую прозу или произведения городской литературы (В. Распутина, В. Солоухина, Ф. Абрамова, С. Воронина, В. Белова, В. Шукшина, В. Астафьева, Ю. Трифонова, А. Битова, Т. Толстую, Л. Улицкую, Л. Петрушевскую и др.). Антропоцентрический подход становится сегодня особенно актуальным и для социологии.

Я имела в виду и исследовательские способности искусства, возможности использования в науке информации, получаемой с помощью искусства, а, кроме этого, то целостное видение социальных систем, социальных настроений и надежд, которое свойственно непредубежденному, вневедомственному, не скованному запретами и стереотипами писателю.

К сожалению, российская социология до сих пор продолжает слепо копировать теоретические построения, рожденные на Западе, забывая проверить, как они работают на отечественной почве и работают ли вообще (таковы, на мой взгляд, теория среднего слоя, теория элит и т.п.). Печально то, что из-за ориентации некоторых ученых на сиюминутные заказы власти, а не на стратегические интересы российского большинства, продолжает хиреть социология труда, мало или почти не рассматриваются категории социальной справедливости, равенства, прогресса и т.п.

С моей точки зрения, основные недостатки состоят в том, что отсутствует опора на знание прошлого, нет идеологической ценностной составляющей, ориентирующей общество на прочные моральные критерии. Так, в основу своих теоретических построений большая часть ученых продолжает ставить критерии «успеха» в противовес критериям «служения».

Ты работала по полученной профессии?

По профессии «филолог» я работала около четырех месяцев в редакционно-издательском отделе Тюменского индустриального института (позднее нефтегазового университета), куда сразу же после окончания университета поступила на работу.

Так случилось, что меня пригласили работать сразу на две кафедры данного вуза: кафедру философии, заведующим которой был Федор Андреевич Селиванов (он преподавал в университете логику), и вновь образованную

кафедру этики и эстетики, заведующим которой стал Владимир Иосифович Бакштановский.

Немного подумав, я выбрала кафедру этики и эстетики, т.к. решила, что она больше соответствует моему образованию. Я год проработала на этой кафедре младшим научным сотрудником, а затем стала преподавателем и поступила в аспирантуру. Мне очень повезло в том, что я оказалась на данной кафедре, там я встретилась с талантливыми учеными и знаковыми для меня людьми, оказавшими большое влияние на мою дальнейшую деятельность.

Чрезвычайно деятельный и инициативный, В. И. Бакштановский, создал в Тюмени школу прикладной этики. Он в 1977 г. защитил докторскую диссертацию о рациональных основаниях морального выбора личности, и в дальнейшем концепция морального выбора личности была включена им в доктрину этики успеха. В. И. Бакштановскому принадлежит также разработка теоретико-методологических основ гуманитарной экспертизы и консультирования, в которых особое место занимают методы игрового моделирования нравственно значимых позиций и ситуаций. Сегодня В. И. Бакштановский автор ряда трудов по этике, возглавляет НИИ прикладной этики в Тюменском государственном нефтегазовом университете и является редактором университетского научного журнала «Ведомости».

Кафедра этики и эстетики была в 1980-х – 1990-х годах центром общественной науки в Западной Сибири. Владимир Иосифович талантливо организовывал всероссийские и региональные конференции, многодневные деловые игры, в которых участвовали ученые-обществоведы – философы, социологи, этики, историки, а также журналисты, деятели культуры и практики. На конференциях обсуждались вопросы перестройки как ситуации морального выбора, «точек роста» современного знания об обществе, морали и воспитания, специфики этического знания, его роли в нравственном поиске нашего времени, создавались «банки идей» развития российской общественной науки.

Результатом этой работы были многочисленные публикации: монографии, учебные пособия, сборники научных и журнальных статей, практикумы по этике. Для нас – молодых специалистов – действовали «школы молодых ученых» в Москве, Минске, Тбилиси, мы проходили научные стажировки в крупных городах России.

Пользуюсь случаем рассказать и о других западносибирских и российских ученых, с кем мне посчастливилось встретиться и работать.

Сегодня в некоторых научных статьях о советских обществоведах нередко пишут как о «чужих», стоящих на пути «истинного» научного прогресса. Как будто, сами пишущие не являются наследниками отечественной науки. Сегодня надо осознать, что требуется уделять значительно больше уважения и к национальной истории, и к национальной общественной науке, и к представляющим ее людям. Для того чтобы наука развивалась, необходимо

создавать и оценивать ее прошлое. Прошлое же науки – это, в первую очередь, значимые имена, они придают науке смысл, делают ее «живой».

В памяти науки заключено огромное количество важной информации, хотя и неиспользуемой в данный момент. Ряд научных систем, фрагментов мировоззрения могут лежать “невостребованными” в течение длительного времени. Тем не менее, когда появляется насущная потребность, в нужный момент распечатывается соответствующая кладовая памяти. Ключами же к данным кладовым являются имена ученых.

Федор Андреевич Селиванов – «патриарх» тюменской философской школы. Под его руководством кафедра философии Тюменского индустриального института стала «кузницей» региональных кадров. Из стен данной кафедры вышли многие способные ученые-обществоведы.

Николай Дмитриевич Зотов-Матвеев (1937 – 2006) – самобытный сибирский ученый, философ и этик, знаток поэзии и литературы. Его талантливые философские и этические эссе, которые он произносил на защитах диссертаций, надо было бы записывать. Н. Д. Зотов одним из первых заметил, что из науки и образования постепенно вымывается их глубинный гуманный и гуманитарный смысл. «Кругом одна информация, информация, информация… все словно опьянели от этого слова… Плодить уродцев стали, людей совершенно ущербных… Какие грехи связаны с образованием прямо? Я считаю, что образование есть от-влечение (от-волочение от чего-то главного), раз-влечение (раз-волочение на части), у-влечение (у-волочение за чем-то одним). Сегодня мы ставим вопрос о взаимоотношении образования и духовно-нравственного воспитания. Я смотрю на эти вещи мрачно, потому что образование воздействует на духовно-нравственное воспитание вредоносно. То, что было для науки и техники прогрессом, стало глубоким регрессом для человеческого бытия… – отмечал он [1].

Слушая аргументацию «вечных» спорщиков в области методологии и методики науки, Николай Дмитриевич говорил: «Представьте каждый в своей руке горсть опилок, а затем бросьте эту горсть перед собой. Вы увидите, что, разлетаясь, опилки образуют рисунок. Каждый рисунок из опилок, если он у вас получился, по-своему красив и своеобразен. Но все ваши рисунки разные. Точно так же, как и рисунок из опилок, повторить в точности методический прием невозможно, да и не имеет смысла». Он считал, что творческие исследовательские подходы всегда пронизаны индивидуальностью, а иногда и неповторимы.

Даже сам вид Николая Дмитриевича говорил об его «неангажированности»: он постоянно и везде ходил со старым рюкзаком, говоря, что так ему удобнее.

Юрий Михайлович Федоров (1936–2001), талантливый русский философ, социолог и социальный психолог, автор «троекнижия» «Сумма антропологии» (изданного в Новосибирске, в издательстве СО РАН в 1994,

1995 и 2000 гг.) и создатель субъектоцентристской концепции развития истории и общества, человек незаурядного ума. В конце 1980-х гг. его прикладные разработки, предпринятые в Азербайджане, призваны были помочь стабилизировать ситуацию в стране, но они не были востребованы. Он тонко чувствовал поэзию, переводил современных польских поэтов и среди них особо восхищался слепым Анджеем Бартынским, с которым постоянно переписывался.

Отмечу, что Н. Д. Зотов и Ю. М. Федоров были соратниками В. И. Бакштановского в научных поисках, однако они выступали его последовательными оппонентами, высказывая свою точку зрения на развитие морали и этики.

Владимир Петрович Парубочий (1938–2006) – талантливый специалист в области эстетики, его лекции в университете марксизма-ленинизма привлекали множество слушателей. Клара Григорьевна Барбакова (в свое время также работавшая на кафедрах философии и этики и эстетики), создала региональную социологическую школу в Тюмени, стала впоследствии организатором и первым ректором одного из тюменских вузов. В самом начале 1990-х гг. в Тюмень приехал социолог Геннадий Филиппович Куцев, создавший вторую региональную социологическую школу и в течение ряда лет возглавлявший Тюменский государственный университет.

На конференциях, школах молодых ученых и просто в жизни, я нередко встречалась (а со многими была знакома лично) с ведущими учеными – философами, этиками и социологами, «патриархами» общественной науки и более молодыми ее представителями. Назову Александра Ивановича Титаренко, Леонида Михайловича Архангельского, Генриха Степановича Батищева, Игоря Семеновича Кона, Абдусалама Абдулкеримовича Гусейнова, Гела Дементьевича Бандзеладзе, Владимира Анатольевича Блюмкина, Владислава Николаевича Шердакова, Юрия Вагановича Согомонова, Валерия Николаевича Сагатовского, Феликса Никитича Щербака, Эльдара Владимировича Соколова, Валентина Николаевича Коблякова, Виктора Тимофеевича Ганжина, Светлану Николаевну Иконникову, Владимира Тимофеевича Лисовского, Елену Эмильевну Смирнову, Рубена Грантовича Апресяна, Елену Леонидовну Дубко, Ольгу Прокофьевну Зубец.

Многих из них уже нет с нами. Однако, эти ученые до сих пор являются для меня ИМЕНАМИ, они много сделали для развития отечественной общественной науки. Они задавали основные направления общественной теории, способствовали тому, что советская наука имела богатое, разнообразное содержание, далеко выходившее за рамки господствовавшей и в обществе, и нередко в головах самих ученых, идеологии.

Кандидатскую диссертацию на тему: «Морально-деловые качества руководителя социалистического коллектива: характеристика, пути формирования» (руководитель В. И. Бакштановский), я защитила в 1984 г.

в ЛГУ им. А. А. Жданова в диссертационном Совете по этике. Я была соискателем кафедры этики, которой заведовал тогда Владимир Георгиевич Иванов. Он – «человек-солнце». На лице Владимира Георгиевича обычной была доброжелательная улыбка, а в характере чувствовались теплота и человечность ко всем без исключения людям, в том числе, к аспирантам и соискателям. Мне приходилось бывать у него дома. Я хорошо помню маленькую «двушку», которая ломилась от книг, в которой негде было присесть, а Владимир Георгиевич и его жена всегда гостеприимно угощали гостей чаем. Владимир Георгиевич, уже тогда известный ученый, был остроумным и живым собеседником, писал юмористические стихи. После защиты он вручил мне в подарок свою книгу «История этики средних веков» с таким посвящением:

«Развеяв мрак средневековья
Настало утро Возрождения…
В твой день Победы
Я, с любовью,
Вручаю это сочинение...
…Сибири дальней сторона
Недаром этикой славна…
Средь дивных звезд
Страны Полночной
Твои сверкают ярче очи
И звонче пламенная речь-
Тебе наследие беречь!..»

Среди преподавателей кафедры этики были и такие известные ученые, как Моисей Самойлович Коган, Надежда Вениаминовна Рыбакова.

Хорошо помню очень яркого в жизни и в науке М. С. Кагана. Готовя кандидатскую диссертацию, а позднее и докторскую, я много времени проводила в Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина. Там я постоянно видела М. С. Когана. Когда он появлялся в читальном зале библиотеки (выглядел Моисей Самойлович очень импозантно), к нему, как на огонек, слетался «сонм бабочек» – аспирантов и аспиранток. И он со всеми беседовал, учил, помогал.

Огромное значение для меня имело одобрение моей работы суровой Н. В. Рыбаковой. Я ее очень боялась, т.к. говорили, что Рыбакова за версту чует фальшь и «порубила» немало лихих аспирантских голов. Мою работу ей дали на рецензирование, когда она была уже тяжело больна и лежала в больнице. К моей радости, Надежда Вениаминовна мою диссертацию одобрила и высказала замечания, которые очень помогли мне в дальнейшей работе.

Судя по названию темы и зная некоторые идеи В. И. Бакштановского, я думаю, что твоя работа была в определенной степени социологической. После кандидатской у тебя была возможность

продолжить философско-этические исследования или подойти ближе к социологии. Ты избрала второй путь… как это произошло?

В социологии я оказалась и случайно, и неслучайно (так как считаю, что ничего случайного в природе и в обществе нет). Среди моих коллег-обществоведов было немало социологов. В то время, о котором я пишу, т. е. в 1980-е – 1990-е годы, западносибирские обществоведы работали нередко сообща, творческими коллективами, резкого деления на направления не было, так как многие научные темы были взаимосвязаны. И мне приходилось участвовать в социологических исследованиях.

Свою докторскую диссертацию на тему «Ценностные ориентации западносибирского предпринимательства: становление и развитие (на материалах второй половины XIX – начала XX вв.)», которая внутренне стала для меня продолжением моей прежней работы, я защитила в 1999 году по специальности «социология духовной жизни». Помогала мне в выборе темы исследования и была моим консультантом по диссертационной работе петербуржский ученый Светлана Николаевна Иконникова.

Диссертацию я начала писать в 1994 году. В этом году я находилась на пятимесячных курсах повышения квалификации в Республиканском гуманитарном институте при Санкт-Петербургском государственном университете. Отмечу, что в настоящее время данные формы повышения квалификации признаны архаичными. Я не могу с этим согласиться. В основе системы повышения квалификации обществоведов лежала концепция поступательного роста специалиста на всем протяжении научной и практической деятельности. Сегодня же реализуются новые, «рыночные», формы обучения специалистов в регионах через, так называемых, «гостевых ученых» или «гостевых профессоров». Не умаляя значимости известных в науке имен, можно высказать сомнение в том, что маститые ученые часто посещают российскую глубинку.

Решение писать докторскую диссертацию пришло ко мне быстро. Посмотрев на серый, перестроечный город с множеством нищих на улицах и в центре, на Невском проспекте, я решила, что самым приятным для меня местом будет знакомый мне с давних пор читальный зал Публички. Тема диссертации пришла ко мне сама. Иркутский социолог, научной темой которой было исследование шаманских традиций, как-то загадочно сказала мне: «Тема своего автора всегда найдет и притянет». Возможно, что и так. Однако, поскольку моя прежняя диссертация была связана с морально-деловыми качествами руководителя, я решила снова писать о деловом человеке, но в несколько ином ключе. На мой выбор повлияло и то обстоятельство, что моя мать открыла для регионального литературоведения имя сибирского купца, просветителя и литератора – Н. М. Чукмалдина.

Занявшись западносибирскими предпринимателями, я решила реконструировать экономическую и духовную жизнь российского общества

и установить преемственную связь в ценностных ориентациях прошлых и современных предпринимателей. Работ по данной теме не было, хотя было известно, что издавна выделялись четыре основных типа или профиля российской деловой культуры: центральный, северо-западный, южный и восточный - сибирский.

Я выступила с докладом на семинаре, который вела С. Н. Иконникова, и получила одобрение руководителя и слушателей. Несколько позже тема моего исследования была утверждена на заседании Ученого совета Республиканского гуманитарного института.

Готовя диссертацию, я много работала с архивными документами, с газетными, литературными, научными источниками, опрашивала экспертов. Однако основным методом работы был качественный – биографический, с помощью которого я рассматривала реализацию экономических, социально-политических, правовых, нравственных, эстетических, художественных и региональных ценностей в деятельности ведущих предпринимателей Западной Сибири (М. К. Сидорова, А. М. Сибирякова, Н. Д. Машарова, А. И. Текутьева, И. П. Колокольникова, К. К. Шешукова, П. И. Подаруева, Ф. Колмогорова, Н. М. Чукмалдина, И. И. Игнатова и др.).

Мне приходилось использовать и другие качественные методы исследования, например, изучать невостребованные ранее тексты, в том числе, имеющие служебный характер (письма, записки, предпринимательские счета).

Сегодня о качественных методах, в том числе, и о визуальных методах социологических исследований (визуальной социологии), много говорят и пишут. Мне же пришлось идти своим путем: я вспомнила о методе изучения римской культуры по скульптурным портретам выдающихся людей. Портреты римлян, сделанные из камня, ясно показывали как доблесть, патриотизм и силу духа в начале римской истории сменили тщеславие, коварство и пороки – в ее конце.

Мне пришло в голову применить аналогичный метод качественного исследования и сравнить содержание фотографий, надписей и рисунков на могилах предпринимателей прошлого и настоящего времени, для того, чтобы понять, прервалась ли связь между ценностными ориентациями прошлого и современного предпринимательства. Изучив визуальные данные, я убедилась в принадлежности предпринимателей прошлого и настоящего к разным социальным слоям. Если на могильных плитах предпринимателей конца XIX – начала XX вв. сохранились надписи и рисунки, ясно говорящие об уважении сограждан и просветительских заслугах купечества, то в ряде фотографий, рисунков и надписей на современных могилах можно было явственно увидеть атрибуты силы и власти, говорящие о прошлой криминальной деятельности людей, позиционирующих себя в обществе в качестве предпринимателей.

Вопрос о перспективах возрождения социально и нравственно ответственного предпринимательства в Западной Сибири для меня остается

открытым. С моей точки зрения, возрождение ценностей предпринимательской культуры возможно лишь в том случае, если современная Россия найдет путь развития, соответствующий особенностям ее экономики, социальной структуре общества и менталитету основных этносов.

Не встречались ли тебе работы по крупному российскому предпринимательству, выполненные еще в дореволюционное время? Если такие работы были, расскажи немного о них.

Да, встречались. О российском предпринимательстве писали такие известные авторы, как П. Бурышкин («Москва купеческая»), В. Гиляровский («Москва и москвичи»), а также американский ученый Р. Пайпс («Россия при старом режиме»), утверждавший, что развитое предпринимательство в России было в большинстве старообрядческим. Автор доказывает, что самые многочисленные и лучшие образцы профессиональной деятельности показали российские купцы, которые либо вышли из среды староверов, либо ощутили на себе их большое влияние.

О западносибирском предпринимательстве писали такие видные дореволюционные исследователи Сибири, как В. Андриевич, П. Словцов, Н. Ядринцев, А. Щапов. Они отмечали необыкновенное развитие в Западной Сибири промышленного и торгового класса. Ученый-демократ А. П. Щапов обратил внимание на то, что склонность к предпринимательству поощряло семейное воспитание в Сибири. Характеризуя сибирскую семью, он отмечал, что отцы в Сибири «большей частию любят тех сыновей, которые с ранних лет обнаруживают большие буржуазные наклонности и приобретательские способности» [2, с. 13].

Назову еще дореволюционных авторов, в чьих работах рассматривались ценности западносибирского предпринимательства, – это Н. Абрамов, К. Голодников, П. Головачев, К. Носилов, А. Мелких, И. Левитов, С. Шарипов и др.

“Здешнее купечество гораздо образованнее русского, более податливо на общественные дела”, – говорил о западносибирских купцах Н. Абрамов [3].

О купечестве Западной Сибири писали и иностранцы, например А. Глейнер (его работа называется «Сибирь -Базовое образование социологов моего поколения, как и твоего, в основном не социологическое. В социологии работают историки, филологи, математики, специалисты, закончившие технические вузы, и др.

Тем не менее, должна отметить, что обучение социологии началось в Тюмени с 1975 г., когда в вечернем университете марксизма-ленинизма был открыт двухгодичный социологический факультет [8]. На нем читались курсы социологии, социальной психологии, методологии и методики социологического исследования. На факультете учились работники социальных и социологических служб, руководители предприятий, отделов и организаций, аспиранты и преподаватели из различных вузов города. В 1976 г. был создан

Тюменский филиал Сибирского отделения Советской социологической ассоциации. Первым его председателем стал Ю. М. Федоров, а позже К. Г. Барбакова и Г. Ф. Куцев.

В 1988 г. в Тюменском государственном университете появилась кафедра экономики и социологии труда (позже социологии и социального управления), которую курировал Г. Ф. Куцев (с 1981 г. ректор данного вуза).

В Тюменском индустриальном институте и в Тюменском государственном университете были созданы социологические лаборатории, занимающиеся крупными исследовательскими проектами (например, "Человек на Севере").

В период социально-экономических реформ отделы, занимающиеся промышленной социологией в регионе, в большинстве своем были разрушены. Так, к началу 1990-х гг. не осталось ни одной социологической лаборатории на предприятиях города. Сохранилась лишь вузовская социология, хотя и ориентированная, в основном, на практические региональные проблемы и нужды.

В Тюменском государственном университете в 1991 г. был открыт первый Совет по защите диссертаций, а затем – кафедра экономической социологии. В настоящее время подготовка профессиональных социологов осуществляется также и в Тюменском государственном нефтегазовом университете. И в том, и в другом университетах открыта аспирантура, докторантура, работают Советы по защите кандидатских и докторских диссертаций.

В 1997 г. был создан региональный институт прикладных социологических исследований (возглавил его доктор социологических наук А. Н. Силин). В 2002 г. в Тюменском нефтегазовом университете был открыт институт гуманитарных исследований с сектором социологических исследований (возглавила его доктор социологических наук В. В. Гаврилюк). Сегодня в тюменских университетах издаются журналы – "Вестник Тюменского государственного университета" (ТюмГУ) и "Социология. Экономика. Политика" (ТюмГНГУ), включенные в перечень ВАК РФ.

В Тюменской областной Думе работает информационно-аналитическое управление. Оно осуществляет мониторинговые исследования социально-экономического развития и социального самочувствия населения региона. В настоящее время ученые региона работают над проектом гуманитарного и социологического форума.

Насколько хорошо ты знакома с социологами твоего поколения, работающими в Москве, Петербурге, в других регионах?

Среди известных мне современных социологов трудно вычленить мое поколение. Однако, со многими социологами я знакома по работам, с некоторыми встречалась лично на конференциях различного уровня, о других узнала из Интернета.

Отмечу, что в перестроечное и постперестроечное время непосредственные контакты ученых затруднены по материальным и иным соображениям.

Ты присутствовала на одной из моих лекций, когда я попросил студентов третьего курса ТГУ назвать фамилию хотя бы одного известного современного российского социолога. После затянувшейся паузы кто-то робко произнес: «Питирим Сорокин». Как ты думаешь, в чем причина отсутствия интереса к совсем недавнему прошлому?

Не только студентам, но и новому поколению отечественных ученых мало известно, как складывались научные коллективы в советский и постсоветский период, чем они занимались и продолжают заниматься, какие индивидуальные творческие идеи до сих пор не востребованы.

В этом плане сегодня можно назвать лишь ваш проект с Д. Шалиным под названием «Международная биографическая инициатива», который знакомит с именами и деятельностью признанных мастеров российской социологической науки, а также небольшую работу В. Радаева, посвященную учителям-основателям экономической социологии в России.

Поэтому считаю и твою сегодняшнюю работу очень актуальной и своевременной. Процесс развития социологии нельзя понять и оценить без учета вклада конкретных лиц, тех, кто олицетворял и продолжает олицетворять ее личностно и персонально.

По каким направлениям, разделам социологии ваш факультет готовит специалистов, находят ли ваши студенты работу по специальности?

Раньше наши кафедры готовили студентов по следующим специализациям: социология образования, социология управления, социология рекламы, экономическая социология, сейчас же, в связи с изменениями в образовательном процессе, выпускают бакалавров и магистров социологии.

Поскольку промышленной социологии не стало, наши студенты чаще всего работают в центрах маркетинга, рекламы и пиар, в кадровых службах, а некоторые преподают в вузах.

В одном из интервью социолог твоего поколения сказал, что среди его знакомых ряд социологов в 1990-е годы ушли из науки. Наблюдалось ли подобное в вашем регионе?

Нет, в нашем регионе все происходило наоборот. В 1990-х гг. ряд моих коллег (как и я сама) защитили докторские диссертации и пришли в вузовскую науку.

Недавно в петербургском социологическом журнале «Телескоп» ты опубликовала статью о песнях, которые поют в вашей семье? Это у тебя отдельная «наболевшая» тема или часть более крупного замысла?

Это часть более крупного замысла, связанного с глубинным изучением человеческого мира. Отмечу, что центр интересов социологии в последнее время резко меняется. Все определеннее говорится о рождении новой или «третьей социологии», социологии социальной экзистенции (социального существования).

Как справедливо отмечал В. Голофаст, поскольку социология сегодня вынуждена активно развивать связи с другими науками и практическими видами социокультурной деятельности, ей нужно значительно расширять свою источниковедческую базу, а в частности, обращаться к личным текстам [9].

Процесс погружения в слои жизни человека требует поиска особых инструментов глубинного анализа индивидуального – новых методов качественного анализа.

Поэтому свою работу, с твоей помощью, я назвала «Обращение к себе» (в данном названии я использовала фразу из твоего письма). Я обращаюсь к «житийному», документальному, мемуарному жанрам, биографиям, судьбам, именам, а также человеческому или «очеловеченному» пространству, месту и времени. Однако, для меня не менее важно и интересно изучение песен, которые пелись или поются сегодня в семьях, дневников, рецептов семейной кухни, семейных альбомов, устойчивых семейных высказываний и выражений (социокультурный опыт людей кодируется не только в мимике, жестах, телодвижениях, но и в словах, выражениях).

Обозначенная проблематика пока не стала предметом специального научного рассмотрения. Здесь необходим и серьезный теоретический анализ, и эмпирические исследования. Конечно, новые подходы не обесценивают старые, а, наоборот, добавляются к ним, развивая и обогащая социологическое видение.

Безусловно, важна историко-культурная ценность найденных личных текстов, а также их экзистенциальная значимость. Но этим их ценность не исчерпывается. Погружение в личностный мир дает возможность проникнуть в мир повседневной жизни простого человека, понять социальный контекст его надежд, представлений и ожиданий. Отмечу, что тема повседневности уже прочно вошла в сферу современного исследовательского интереса и обросла собственной традицией. Так, для изучения повседневности оригинальную методологию «чтения человеческих документов» создала Н. Н. Козлова, сопоставлявшая социально нормированный язык с ненормированной повседневной речью.

Особое значение имеют архетипические, подсознательные аспекты исследуемых текстов. Культурно-символические структуры возникают как богатые и сложные смыслы, имеющие скрытый характер.

Изучаемые мною материалы дают примеры живого текста, а также и живого языка, нередко утраченного, забытого. Изучение речевых жанров, обыденной речи всегда оставалось на периферии.

Особую роль играют и социокультурные контексты, выражающие смысл процессов и событий, происходящих в обществе, таких, например, как смена социальных структур, политических систем, социальных технологий.

В таком подходе к личным документам соединяются воедино творческий и научный подходы, что может стать «уникальным шансом» [10, С. 74] для развития социологии.

Какое место ты могла бы отвести в российской социологии религиозным социологическим направлениям, в том числе, православной социологии?

Это еще один спорный вопрос, дискутируемый сегодня российскими учеными.

Религиозная социология предполагает исследование социальной реальности с религиозных позиций, при условии использования строго научных социологических методов познания. Вместе с тем, современная социологическая наука не имеет необходимого набора познавательных средств для изучения иррациональной компоненты религиозной жизни.

Тем не менее, на мой взгляд, появление религиозной социологии – это, прежде всего, напоминание о полипарадигмальности современной науки. Это и попытка научного исследования с учетом религиозного опыта, религиозной (в том числе, православной) точки зрения. На первый план выступает духовное бытие общества, сфера отношения человека к Богу (общение человека с Богом, жизнь в Боге).

Православная (христианская) социология имеет своим источником русскую религиозную социально-философскую мысль (С. Н. Булгаков, И. А. Ильин, Н. О. Лосский, Н. А. Бердяев, С. Л. Франк и др.). Христианским социологом был во многом и П. А. Сорокин. Среди современных ученых-социологов, развивающих направление религиозной социологии, я могу назвать В. А. Бачинина и И. П. Рязанцева.

Я думаю, что религиозная социология расширит возможности социологии, введет в нее большое количество неизученной или неучитываемой ранее информации, заключающейся в изучении связей человека и Бога.

Юля, ряд моих вопросов были из тех, что расположены «по самой кромке от взрывной воронки», но ты не уклонялась и от ответов на них. Спасибо тебе за беседу.

Литература

Зотов-Матвеев Н. Д. Образование и духовность. Русская линия Режим доступа: <http//rusk. Ru/autor.php.7dau=9347/>.

Миненко Н. А. Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII – первая половина XIX вв.). - Новосибирск: Наука, 1979.

Абрамов Н. Город Тюмень // Тобольские губернские ведомости. – 1858. - №№ 50, 51, 52.

Оланьон К. Сибирь и ее экономическая будущность / Пер. с фр. - СПб., 1903.

Чукмалдин Н. М. Мои воспоминания. Избранные произведения. - Тюмень: СофтДизайн, 1997.

Вычугжанин А., Отрадных О. История банковского дела Тюменской области. - Тюмень: Слово, 2004.

Астафьев В. Жизнь прожить. - М.: Современник, 1986.

Гаврилюк В.В. Тюменские социологические практики // Социологические исслеования. – 2009. - №3. - С. 148–150.

Голофаст В. Социология семьи. Статьи разных лет. - СПб: Алетейя, 2006. - С. 279–280.

Штомпка П. Визуальная социология. - М.: Логос, 2007.

ГАВРИЛЮК В. В.: «МОЛОДЕЖНАЯ ТЕМАТИКА – САМАЯ ИНТЕРЕСНАЯ ДЛЯ МЕНЯ В СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКЕ»

Вера, мы с тобой знакомы очень давно, и не помню, были ли когда-либо на «вы», так что будем, как в жизни. Отвечая на мое предложение рассказать о себе, ты заметила: «... в моей жизни не было ни выдающихся предков, ни учителей-декабристов». А кто был? Как, когда твои предки перебрались в Тюменские края? Сами выбрали, или какая-то сила их туда переместила?

Как и многие мои ровесники, я мало знаю о своих корнях. История фамилии связана с фактом (или семейной легендой) о переселении пращуров по отцовской линии с окраины Российской империи после отмены крепостного права. Известно, что родом они были с Западной Украины, и все поколения занимались не крестьянским трудом, а ремесленным. Мой дед Илья Степанович и отец Владимир Ильич тоже имели «золотые руки», не было механизма, который не смог бы починить мой отец, будь то часы или трактор. Я выросла в доме, который был построен моими дедом и отцом, вся мебель была сделана ими же. У отца была два брата и три сестры, все они уехали со своей малой родины и расселились в разных городах страны – в Ленинграде, Тамбове, Алма-Ате. Поэтому с юности я могла путешествовать и знакомиться с культурой разных городов. После первой поездки в Ленинград, в пятнадцатилетнем возрасте, я окончательно и навсегда влюбилась в этот призрачный город поэтов, ученых, художников.

Со стороны мамы, Евдокии Марковны, сведения еще более скудные. Я совсем не помню своей бабушки, она умерла, когда мне было три года. А про деда знаю только, что он исчез в период сталинских репрессий, и семья ничего о нем так и не узнала. Как и во многих советских семьях, в нашей оказался человек, служивший в НКВД, и человек, пострадавший от этой организации.

Детство и юность мои прошли в маленьком райцентре под Тюменью, городе Заводоуковске. Из школьных лет мне запомнилась неподдельная, полная энтузиазма и зримых результатов общественная деятельность и восхитительные уроки, факультативы по математике. Математикой с нами занимался директор школы Яков Карлович Темпель, причем без всяких скидок на возраст, нагрузки, первую любовь. В итоге, к старшим классам у него осталось на углубленной подготовке только два ученика, зато первые два года в университете, учась на физмате, я узнала не слишком много нового и легко решала задачи, трудные для других студентов. Что касается социальной организации, то много позже я узнала, что школа наша была экспериментальной, основной задачей эксперимента был поиск форм организации общественно-полезной работы и мотивации школьников на занятие этой работой. Возглавляла эту работу завуч школы Нина Илларионовна Смирнова, жена первого секретаря горкома КПСС. Благодаря поддержке райкома партии, наше школьное общество «Прометей»

беспрепятственно проникло во все сферы социальной жизни, мы участвовали во всем, что происходило в городе: от выборов до творческих фестивалей. Особое направление работы было связано с реальной помощью и заботой об одиноких стариках, инвалидах.

В нарушение правил, по специальному разрешению райкома комсомола, меня приняли в комсомол не в 14 лет, как всех, а в 13 и сразу выбрали секретарем комсомольской организации школы. Все это оказало на мое мировоззрение огромное влияние, я искренне верила в те идеалы, считала нашу жизнь правильной и счастливой. Будущее свое я видела в служении этим идеалам и не сомневалась, что стану математиком и «не расстанусь с комсомолом» никогда.

Первое сильное разочарование наступило в вузе, когда формализм, показушничество, бюрократизм комсомольской жизни, откровенный карьеризм ее лидеров поразили меня и навсегда уничтожили стремление к общественному активизму. Это отторжение было настолько сильным, что в более зрелом возрасте я отказалась вступать в КПСС, но это уже другая история.

Ты уже упомянула, что поступила на физический факультет. В Тюменский университет? В каком году ты поступила? Отметила, что первые два года учиться было легко, а позже? Тебе нравилось учиться? Какие курсы наиболее привлекали тебя? Что было кроме учебы: общественная деятельность, спорт, самодеятельность...?

Поступление в Тюменский университет в 1970 году было первым большим в моей жизни поражением. В течение последнего школьного года я довольно успешно выступала на разного уровня математических олимпиадах и обучалась на заочных подготовительных курсах механико-математического факультета ЛГУ. Выбор уже был сделан, моя задача была только хорошо подготовиться к экзаменам, но именно здесь меня и подстерегла та самая случайность. На выпускном экзамене по математике мне вдруг попалась задача, которую я не смогла решить, а до этого я жила в уверенности, что не бывает нерешаемых задач, бывает, что не хватает времени для быстрого их решения. Даже не то, что я не получила золотую медаль по окончании школы, а сам факт невозможности решить задачу заставил меня всерьез задуматься о своем выборе. Мне легко давались все гуманитарные предметы, не стоит даже говорить о моем пристрастии к чтению, к литературе. Но нам в школе говорили, что нужно преодолевать трудности, что счастье – в борьбе, что мы не должны искать легких путей. Труднее всего мне давалась физика, может быть, поэтому я и оказалась на этом факультете. После выпускного вечера, буквально на следующее утро, в школе работала выездная приемная комиссия из ТГУ, и я довольно легко сдала экзамены на математический факультет. К моменту зачисления, к концу августа из Москвы вернулась моя ближайшая школьная подруга, уезжавшая покорять столичные театральные вузы и последовательно провалившаяся в некоторые из них. На всякий случай, она тоже со мной,

из солидарности, подала на математический факультет Тюменского университета. На зачислении у нее не хватило баллов для поступления на матфак, и ей предложили факультет физики. Тут я, из солидарности, пошла вместе с ней на физику – мне было уже все равно.

Студенческая жизнь увлекала меня сразу, уже первые недели избавили меня от летнего страха поражения. Был и спорт, и КВН, и студенческая самодеятельность (благодаря моей подруге – «артистке»), и, конечно, комсомол. На первом курсе меня избрали секретарем комсомольской организации, видимо, учли школьный опыт, и я с тем же энтузиазмом взялась за ту работу. Правда, мой энтузиазм быстро рассеялся при столкновении с реалиями вузовского комсомола, уже к концу первого семестра я разочаровалась, а к летней сессии твердо решила, что с комсомолом покончено. Зато мне очень везло на учителей. На факультете, особенно на начальных курсах, было очень много математических предметов, большинство из них вела у нас молодой преподаватель Нина Оськина, приехавшая в Тюмень из какого-то города центральной России. Здесь у нее не было ни родственников, ни семьи, может быть, поэтому она не жалела времени на своих учеников. Наверное, фактор времени и одиночества в чужом городе сыграл свою роль в нашем сближении, но меня привлекала ее фанатичная преданность своей науке. В университетских аудиториях, часто у нее дома мы с ней «в четыре руки» расправлялись с интереснейшими задачами. Иногда, увлекшись поисками совершенного метода решения, мы замечали, что уже далеко за полночь, и мне приходилось ночевать у Нины. Не думаю, что такое возможно между современными преподавателями и студентами. Когда я закончила второй курс, Н. Оськина вернулась в свой родной город и больше мы не встречались.

Мне посчастливилось встретить и других преданных своей профессии преподавателей. Это был наш психолог Юлий Павлович Строков, который уже на третьей неделе знал каждого студента по имени и фамилии и не путал их до самого выпуска (а у нас на потоке было 120 человек). Это была наш преподаватель педагогических дисциплин Лариса Ивановна Гриценко, многое из ее курсов потом пригодилось мне в овладении ремеслом преподавателя высшей школы.

Но особую роль в моей судьбе сыграла профессор, доктор философских наук Мария Гавриловна Шадрина. На втором курсе она читала у нас курс философии. Именно тогда я отчетливо поняла свое призвание, поняла, что все мои предыдущие поиски и метания между естественными и гуманитарными науками сошлись в одной точке. Сейчас я думаю, что профессиональный выбор, который делает школьник в 16-17 лет, очень редко может оказаться единственно верным. Нынешние абитуриенты только укрепляют меня в этом мнении, часто сегодняшние школьники говорят: хочу быть менеджером или парикхмахером. Так вот, на втором курсе, осознав свое настоящее призвание, я пыталась бросить физический факультет, даже съездила на философский факультет

в МГУ. Отговорила меня от такого решения Мария Гавриловна, взявшая надо мной шефство в философском кружке. Она объяснила мне, что естественно-научное образование для философа не недостаток, скорее наоборот, что многие ученые-философы пришли в эту науку из конкретных областей знания и это помогает им; что для поступления в аспирантуру по философии базовое образование не требуется, а на кафедрах философии в провинции практически нет выпускников философских факультетов. Единственное условие, которое она мне поставила, это было условие хорошей учебы на факультете, хорошие оценки в дипломе. Это условие я выполнила, мне по-прежнему довольно легко давались разделы теоретической физики, т.к. они основаны на математических закономерностях, и блок гуманитарных дисциплин. Сложно было с практическими и лабораторными занятиями, они иногда длились по целой неделе и не всегда заканчивались положительным результатом. Пребывание с утра до вечера среди проводов и механизмов действовало на меня угнетающе, и как оказалось, не только на меня. После третьего курса на нашем потоке из 120 человек осталось 66, остальные не прошли через экспериментальные лаборатории. Я выдержала требование Марии Гавриловны и к выпуску имела не только диплом с отличием, но и самое большое количество баллов, т. е., буквально, была первой ученицей, первой в списке на распределение выпускников.

Ты отметила: «... не стоит даже говорить о моем пристрастии к чтению, к литературе». Почему не стоит? Во-первых, активное чтение – явно не универсальная черта тинэйджеров, во-вторых, а что ты читала? Заводоуковск – городок небольшой, в 1970 г. там жило менее 20 000 человек, в нем была хорошая библиотека?

Ничего удивительного в этом нет, мое детство прошло в дотелевизионную эпоху. Первый телевизор на нашей улице появился в середине 1960-х (он стоил две месячные зарплаты отца), вечерами все соседи собирались «на просмотр», живо интересовались телепрограммой, вещания в городе хватало часа на 2-3. Вероятно, это было связано с мощностью городских ретрансляторов и какой-то другой техники. К этому времени я уже была активной читательницей. Хорошая ли была библиотека, мне судить трудно, я тогда не знала других, а оценивать с сегодняшней точки зрения – бессмысленно. Помню, что крупных городских библиотек было две: детская и взрослая, кроме того, были мелкие библиотеки в клубах и школах. Мне было удобно ходить в городские библиотеки. Мои детские книжки, как у всех – приключения, подвиги, чужие миры. Жюль Верн, Майн Рид, Джек Лондон, А. Дюма, А. Беляев, братья Стругацкие, С. Лем, Р. Брэдбери… Это была эпоха первых космических полетов, романтика поиска искусственного интеллекта, безусловная вера в могущество науки и прогресс. В подростковом возрасте я читала европейскую классику, особое влияние на меня оказал О. Бальзак. Сейчас, с высоты жизненного опыта, я понимаю свое отношение

к этому писателю. Жизнь в маленьком городке, в российской провинции и сегодня кажется молодому человеку ненастоящей, скучной и однообразной. Кажется, что подлинное значение имеет только то, что происходит в центре, в столице. Именно там кипит жизнь, там возможен успех, там ждет тебя слава и признание. Только в столице можно «кем-нибудь» стать. Бальзак для меня был учителем в поиске путей и методов проникновения в столичную жизнь. Правда, уже тогда я интуитивно догадывалась, что не все способы, описанные в его романах, так уж нравственны.

Русская классика пришла ко мне лет с 15, я и сегодня считаю, что она более сложна, чем европейская литература того же периода. Самым любимым писателем моией юности стал А. П. Чехов, и потом я не раз возвращалась к его гениальным работам, а в первый раз прочитала все, что было им написано, даже письма и варианты, исправленные писателем позже, благо в библиотеке были представлены полные собрания сочинений. Странно, но наиболее социализированный писатель из русской классики, А. Н. Островский, совершенно не затронул моей души. Его пьесы после романов О. Бальзака казались мне упрощенной копией нравов эпохи. Очень постепенно я доросла до Ф. М. Достоевского, пожалуй, после «Бесов» мне стало казаться, что классическая литература закончилась.

Это верно, прочитанное нами в юности многими способами детерминирует наше развитие, наши планы... На А. Эйнштейна Достоевский оказал большее влияние, чем работы Римана и Лобачевского, а тебя, похоже, Достоевский «двигал» в философию... Итак, с отличием завершен физфак, что дальше: «физика или лирика»?

Дальше – все просто. Когда я училась на 4 курсе, моя статья, в числе трех студенческих докладов, была принята на региональную конференцию молодых ученых. Секцию философии вел уже известный тогда ученый – профессор Селиванов Федор Андреевич. По окончании конференции он подошел ко мне и сказал: «Я бы взял тебя на свою кафедру, но сейчас у меня нет мест». Это было время, когда в науку стремились многие молодые люди, был избыток способных и желающих заниматься ею. Вероятно, это наилучшая ситуация для развития любой отрасли знания. В ТГУ мне тоже сразу не могли предложить преподавательскую должность, и я согласилась на место лаборанта. Правда, мне сразу дали возможность вести семинары по философии в двух учебных группах. А через два года, когда я, наконец дождалась место в целевую аспирантуру (по иронии судьбы, снова в Ленинграде), позвонил Ф. А. Селиванов и сказал, что появилась вакансия ассистента, и он ждет меня завтра с документами. На кафедре философии в Тюменском индустриальном институте я проработала 11 лет сначала ассистентом, а потом доцентом.

В конце 1980-х я вернулась в ТГУ на вновь открытую кафедру социологии, а последние десять лет работаю в нефтегазовом университете.

Вся моя творческая биография уместилась в две записи в трудовой книжке: Тюменский государственный университет и Тюменский индустриальный институт, переименованный сейчас в Тюменский нефтегазовый университет.

Ты поступила в университет в 1970 году, таким образом, из сказанного тобой получается, что на кафедру социологии ты пришла в 1979 или 1980 году. Скорее всего, кафедра не была выпускающей, кому вы преподавали социологию? Какие курсы ты начала вести?

На кафедру философии меня приняли в 1976 г., где я и работала до 1989 г., читая диалектический и исторический материализм. А в классический университет я перешла на вновь открытую выпускающую кафедру экономики и социологии труда, которая готовила экономистов-социологов. Такая была специальность. Кафедра была открыта новым ректором университета, уже известным тогда социологом Геннадием Филипповичем Куцевым. Он пригласил Клару Григорьевну Барбакову из ТИИ на заведование кафедрой, и она вместе со своей уже сложившейся командой молодежи (я в их числе) создавала эту кафедру.

А что с аспирантурой, точнее, работой над кандидатской диссертацией?

Диссертацию я защитила в возрасте 27 лет, в Казани и по педагогике. Когда Ф. А. Селиванов пригласил меня ассистентом на свою кафедру философии, я изложила ему ситуацию с аспирантурой. Он мне сразу, по-взрослому, объяснил, что его эта проблема не касается, что я должна защитить диссертацию, а где и даже по каким наукам – ему безразлично. Мой научный руководитель, М. Г. Шадрина, к тому времени уже уехала из Тюмени, и выбор у меня был небольшой. Меня пригласил к себе в аспирантуру профессор Владимир Ильич Загвязинский, заведующий кафедрой педагогики ТГУ. Он занимался методологией педагогики, и мне эта тематика оказалась близка, т.к. познание, формирование субъекта познавательной деятельности в обучении (такова была тема моей кандидатской) были на стыке философских подходов и практической педагогической работы. Из практической части мне было интересно изучить новый опыт «задачного», как тогда называли, подхода в обучении гуманитарным и социальным наукам. В индустриальном институте в это время на кафедре этики активно развивалось новое направление – направление прикладной этики, где решение задач из сферы этики, морали было основным в процессе обучения. Очень интересная была команда во главе с молодым ученым Владимиром Иосифовичем Бакштановским. Он сумел вызвать жесткую полемику в среде ученых, занимающихся проблемами этики и морали своими нетрадиционными подходами. В общем, мы были в гуще событий, разработали и провели несколько успешных деловых игр для высшего партийного и производственного менеджмента, выпустили несколько сборников задач по этике для студентов вузов. Мне в этих сборниках отводилась роль

педагогической, методической «инструментовки», т. е., преподаватели этики собирали тексты, а я должна была придумывать к ним задания. Так выросла моя кандидатская диссертация.

Вера, ты понимаешь, из-за продолжительной и тяжелой болезни Клары Григорьевны К. Г. Барбаковой я не могу провести с нею интервью. Ты многие годы работала с ней, пожалуйста, расскажи о ней, она многое сделала для развития социологии в Тюмени...

С Кларой Григорьевной К. Г. Барбаковой я познакомилась на кафедре философии Тюменского индустриального института. В то время, в 1970-е годы, это была мощная, интересная кафедра с самобытными, талантливыми людьми, большая часть которых потом разошлась по вузам города и региона, защитив докторские диссертации. К этому времени В. И. Бакштановский уже сформировал свою кафедру этики и эстетики, защитив докторскую диссертацию в 37 лет, что было необычно для советской философии. Он был одним из самых молодых докторов философии в СССР. Он и его молодая команда не боялись острых проблем, главной из которых стала проблема морального выбора, личной ответственности человека в реальных социальных условиях. Это было не просто смело в эпоху стагнирующего социализма, тотального социального контроля, безусловного коллективизма и повсеместного «двоемыслия», но и ново. Конечно, это не могло меня не привлекать.

Клара Григорьевна в это время занималась своей докторской диссертацией, поэтому какое-то время мы были вне зоны взаимного внимания. И только после защиты диссертации, когда Клара Григорьевна стала проводить социологические исследования в регионе, она привлекла меня в свою тогда еще немногочисленную группу. Это было время, когда складывались основные принципы тюменской социологической школы, и основной тон здесь задавала именно Клара Григорьевна. К началу 1980-х гг. в Тюмени уже существовали несколько социологических групп и лабораторий, даже был первый опыт систематического социологического образования в вечернем университете марксизма. Преподавали там приезжий философ Юрий Михайлович Федоров (позже ставший первым председателем регионального отделения Российского общества социологов) и Клара Григорьевна. Я посещала эти лекции, и мне они очень помогли в дальнейшей моей работе. То, что у меня не было профильного образования, в разные периоды моей жизни по-разному мешало мне, но, давало и определенный стимул для освоения все новых смежных с философией областей, может быть, определило и мое непреодолимое стремление узнать как можно больше.

Клара Григорьевна сумела объединить вокруг себя практически всех молодых исследователей из университетских и промышленных лабораторий, заинтересованных в изучении важных для региона социальных проблем. Для этого она не жалела ни времени, ни сил, проводя бесчисленные проблемные

семинары, конференции, школы молодых ученых. Изначально ее работа была нацелена на поиск и решение таких социальных проблем, которые важны для нашего Тюменского Севера, региона нового промышленного освоения. При этом, любой проект непременно должен был завершаться предложениями для региональных властей о преодолении рисков, разрешении сложных проблемных ситуаций. Это стало отличительной чертой тюменской социологической школы – тесное сотрудничество с властями, исследование реальных социальных проблем территории с выработкой рекомендаций. Наверное, мы все тогда были романтиками, уверенными, что задача науки не только познать мир, но и изменить его.

Клара Григорьевна понимала, что новое социологическое направление исследований вряд ли сможет долго существовать в рамках кафедры философии, поэтому огромное внимание уделяла творческому, профессиональному росту своих учеников и последователей. У нее сложился широкий круг профессиональных контактов, и она приглашала известных ученых из Москвы, Ленинграда, Минска, Екатеринбурга, Перми и других центров, где были социологические лаборатории и проводились социологические исследования. Конференции, школы которые проводила Клара Григорьевна, сыграли, на мой взгляд, решающую роль в формировании слоя социологов- исследователей в нашем регионе. Круг вопросов, которые изучались тогда нами, был чрезвычайно широк. Только перечень проведенных по инициативе Клары Григорьевны К. Г. Барбаковой конференций говорит о разнообразии проблематики первых серьезных исследований в регионе. К сожалению, период социально-экономических реформ, экономический кризис привели к разрушению структур промышленной социологии в регионе, а к началу девяностых годов не осталось ни одной социологической лаборатории на предприятии. Вузовская же социология продолжала развиваться, в 1988 году в Тюменском государственном университете была создана кафедра экономики и социологии труда. Неудивительно, что ректор Тюменского государственного университета, уже известный к тому времени социолог Геннадий Филиппович Куцев, не сомневался в выборе заведующего при открытии первой в Тюмени кафедры социологии. Так мы оказались в ТГУ.

Сквозной, базовой проблемой была и остается для нашего региона проблема человека на Севере.

По своим человеческим качествам Клара Григорьевна является для меня непревзойденным образцом жизнестойкости, оптимизма, неподдельного интереса к людям. Она вырастила не одно поколение тюменских социологов, была председателем диссертационных советов по социологии в ТГУ, потом в ТюмГНГУ.

Клара Григорьевна, при своем государственном, стратегическом мышлении, никогда не забывала о каждом отдельном человеке. Я много раз убеждалась в том, что ее заботит и судьба молодого аспиранта, и проблемы

состарившегося доцента, который должен уйти на пенсию и при этом не знает, как ему на нее прожить. И еще одно качество, которое является редким во все времена, а не только в наши прагматичные дни, я не могу не отметить в характере Клары Григорьевны: она самый верный друг. Те люди, которые попали в ее ближний круг, могли быть уверены, что она не предаст, всегда поможет и никогда не побоится, что это может принести ей какие-то неприятности.

Вера, полность согласен с твоим рассказом о Кларе Григорьевне, я ей буду всегда благодарен за ее добро.

Вернемся к моменту твоего завершения кандидатской диссертации. Что последовало за этим? Как и почему ты приблизилась к социологии, какие темы показались тебе интересными, перспективными?

Как многие молодые люди, я в юности интересовалась собой, решала вечные вопросы о смыслах, о том, что есть «Я» и в чем мое жизненное предназначение. Моя самая первая статья (1975 год) называлась «Самопознание как фактор нравственного самовоспитания» и была опубликована в сборнике материалов конференции по этике. Именно на этой конференции я познакомилась с моим тогдашним кумиром, крупным советским философом Валерием Николаевичем Сагатовским. Его «Систематизация всеобщих категорий» поразила меня тогда не меньше, чем гегелевские работы, а его научно-популярная книжка «Вселенная философа» постоянно лежала на моем рабочем столе. (кстати, потом, много позже, я попросила эту уже потрепанную книжку моей юности подписать, что он и сделал с большим, по его словам, удовольствием). На этой же первой серьезной в моей жизни конференции я познакомилась и с Юрием Михайловичем Федоровым, который тоже сыграл немалую роль в моей научной биографии, и еще со многими известными философами, этиками. Тогда я еще не работала на кафедре философии.

Неудивительно, что команда В. И. Бакштановского была мне интересна, тем более, что с ней я могла искать ответы на второй, главный в то время для меня вопрос – как человек познает этот мир, почему один достигает успеха, а другой так и остается в неведении и плену заблуждений. Тогда мне казалась, что главные причины кроются в образовании, в системе обучения, и, если правильно выстроить образовательный процесс, то человек дальше сам будет искать истину, причем, всегда. «Познавательные задачи как средство формирования субъекта познания в обучении» - так называлась моя первая диссертация, и я уже рассказывала, как она рождалась.

Потом, после защиты диссертации, постепенно собственно внутренние (педагогические) условия обучения стали интересовать меня меньше, чем влияние социума на познавательную активность человека. Дальше и процесс познания отошел на второй план в связи с интересом к социальной активности. Именно в это время Клара Григорьевна с группой молодых и не очень молодых преподавателей начинала проводить исследования на нашем Тюменском

Севере, куда приезжало огромное количество молодежи из разных регионов Советского Союза. Они, эти молодые люди, приезжали в новые северные города осваивать нефтяные и газовые промыслы и несли с собой опыт своих национальных и территориальных культур, надежды на быструю карьеру в новых городах, мечты о последующем обеспеченном северными заработками, будущем в своих родных городах и республиках. Но часто оставались в этих городах навсегда, и сегодня не только их дети получили образование в тюменских вузах, но и подросли внуки. Тюменский Север в 1970-1980-е годы развивался бурно, был конгломератом культур и непростых социальных процессов. В новых городах социальная инфраструктура значительно отставала от роста населения, бытовые условия, практика семейных отношений, отношение к северной природе и прочее выстраивалось с позиции временного проживания, доминировала психология временщика. Все это заботило региональные власти. Именно поэтому все первые социологические исследования были крайне востребованы, сразу обсуждались во властных структурах и немедленно использовались в управленческой практике. Так же относились к социологическим исследованиям и руководители крупных предприятий, промыслов. Какой исследователь не мечтает, чтобы результаты его трудов были нужны и востребованы практикой! Конечно, все это не могло не привлекать молодежь в команду Клары Григорьевны. Исследования на Тюменском Севере были сопряжены и с большими трудностями: удаленность (часто после перелета до какого-то северного города для проведения опросов до респондентов надо было ехать на вахтовых машинах или лететь на вертолете), температурные перепады, северные ветра, полярная ночь… Этот опыт оказал решающее влияние на мой дальнейший выбор: я решила, что именно социология – мое будущее, и с этого времени я не изменяла своей судьбе.

Мне кажется удачным «портрет» К. Г. Барбаковой, а не могу ли я попросить тебя рассказать о Юрии Михайловиче Федорове?

Юрий Михайлович Федоров появился в Тюмени в середине 70-х годов, он был назначен начальником Первой кафедры в военном училище (ТВВИКУ). Это была кафедра общественных наук, где читались все предметы социального и гуманитарного цикла. Его появление в городе не могло остаться незамеченным: он приехал из Москвы, дружил с известными философами, этиками, социологами и привнес в нефтяную провинцию свежий столичный ветер. Кроме того, он был очень красивым мужчиной, что в гуманитарной тюменской среде вызвало легкое смятение, но к сожалению тюменских дам, его поведение было безупречным. Неудивительно, что в Тюмени он быстро сошелся с самой творческой частью интеллигенции. Именно по инициативе Юрия Михайловича Федорова в Тюмени состоялся первый опыт социологического образования. В вечернем университете марксизма-ленинизма при Доме политпросвета был открыт 2-годичный факультет социологии. На этом факультете читали лекции сам Юрий Михайлович и Клара

Григорьевна К. Г. Барбакова. Я посещала эти занятия, это был мой первый опыт систематического изучения социологии.

Юрий Михайлович стал инициатором объединения энтузиастов новой науки и зарождающихся социологических групп. В это время они активно формировались на промысловых предприятиях нефтегазовой отрасли, зарождалась «заводская» социология, появлялись отдельные исследования в многочисленных НИИ. Тюменское филиал Сибирского отделения Советской Социологической Ассоциации возглавил именно Юрий Михайлович, он был первым его председателем достаточно долго, позже его возглавила Клара Григорьевна К. Г. Барбакова.

Широта научных интересов Юрия Михайловича была какой-то несовременной, скорее, средневековой: он не вводил границ между областями знания, его привлекали проблемы этики, социологии, конфликтологии, социальной философии, методологии познания. Он свободно говорил на нескольких языках, писал стихи на русском и азербайджанском (его родиной был город Баку). Он очень любил Баку, считал его самым интернациональным городом, гордился своей причастностью к восточной культуре. Будучи человеком военным, он не мог свободно выбирать, где жить и работать. Меня всегда удивляло несоответствие его абсолютно свободного духа и принадлежность к закрытому военному сословию, где беспрекословное подчинение – неотъемлемый атрибут профессии.

Когда начались радикальные перемены в стране, Юрий Михайлович сразу уволился из армии и уехал в свой Баку. Правда, перестройка принесла нам не только желанную свободу. Будучи человеком активным, Юрий Михайлович не мог не участвовать в реальных социальных процессах. Он смог рассмотреть в нарастающем напряжении в Карабахе угрозы серьезного конфликта, разработал сценарный прогноз событий в этом регионе, предложил несколько реальных выходов из надвигающего катаклизма и подал свою записку в тогдашний ЦК КПСС Азербайджана. Этот шаг гражданина и ученого вызвал серьезное раздражение в среде партийного руководства. Я не знаю подробностей событий, которые сопровождали этот период его жизни, он не любил рассказывать об этом. Знаю только, что через некоторое время он вернулся в Тюмень и остался здесь навсегда. В Тюмени он не стал повторять свой опыт с партийными чиновниками, но очень четко спрогнозировал развал Тюменской области на три субъекта федерации, когда произошло отделение нефтяной и газовой провинций от юга области. Этот сценарий воплотился в деталях, и долгие годы, до сего дня, мы преодолеваем последствия этих политических решений.

Второй приезд Юрия Михайловича был связан с резкой переменой его научных интересов, он полностью углубился в философию. Самыми значительными трудами его жизни стали «Универсум морали» и трехтомник «Сумма антропологии». Эти его работы были сразу закуплены библиотекой

Конгресса США. Мы, тюменские коллеги, не сразу и не все сумели оценить смыслы его теории, она и в изложении была очень непростой. «Начало человеческого существования трансцендентно, конец – рационален. Человек рождается в Символе и умирает в Термине, рождается в свободе Духа и умирает в необходимости Тела, рождается Субъектом и умирает Объектом». Его стремление к свободе, погружение в необходимость, поиск трансцендентного начала увели его от социологических изысканий, но сделали настоящим глубоким современным философом.

Юрий Михайлович, к сожалению, рано ушел из этой жизни, ему было немного за 60, «Сумма антропологии» была последним его трудом.

Итак, участие в «живом» социологическом исследовании увлекло тебя, и ты поняла, что социология более тебе по душе, чем философия. С чего, собственно, началось освоение новой (понятно, что не совсем) для тебя науки? Какие области, направления социологии тебе показались наиболее интересными?

Сказать, что «по душе», ни в то время, ни сегодня, я не рискну. До сего дня я считаю философию самой прекрасной из наук. Мир чистого разума, бескорыстного поиска истины, высоты чистой логики – так я вижу эту науку. В преподавании же марксистско-ленинской философии меня немного угнетал догматизм и идеологизация науки. Я не собиралась «бороться с режимом», выступать за свободу научного творчества и т. п. – мне для этого не хватило бы ни профессионализма, ни гражданской активности. В философии я так и осталась любителем мудрости. Социологические исследования давали возможность посмотреть на реальную жизнь, настоящие социальные процессы не с позиции идеологии, а объективно, где обобщения рождались из повторяющихся фактов, а не идеологических схем.

Первые проекты, в которых мне довелось участвовать, и были направлены на выяснение этих устойчивых связей и, конечно, были связаны с молодежной тематикой. Тюменский Север тогда был абсолютно молодежным регионом: например, в одном из самых северных городов области, Новом Уренгое, где проживало уже более 100 тысяч населения, средний возраст жителей был 24 года. Освоение нефтяных и газовых месторождений для них было испытанием их жизненных сил, способом заработать для себя на жизнь «на земле», реализовать романтические мотивы покорения новых просторов. Это было время и место быстрых карьер, большой дружбы, солидарности, пробных браков, этнической толерантности. Большинство приехавшей молодежи не связывало свои отдаленные жизненные перспективы с Тюменским Севером, рассматривало свою жизнь там как временную работу, соответственно, и отношение к условиям жизни, природе, инфраструктуре было отношением временщика. Кроме того, в регионе, особенно в районах добычи, широко был распространен вахтовый метод работы. Нельзя забывать и о том, что Тюменская область всегда была местом ссылок, тюрем и лагерей.

Кроме того, освоение Тюменского Севера для социолога было еще и полем исследования отношений между пришлым и автохтонным населением. Коренные народы Севера со своим традиционным укладом жизни, культурой, отношением к природе, способами хозяйствования никак не вписывались в практику нового промышленного освоения.

Молодежная тематика навсегда осталась самой интересной для меня в социологической науке.

Ты обозначила очень широкое, проблемное исследовательское поле. Какие участки этого поля ты начала сама обрабатывать? Какими были первые урожаи (результаты исследований)? Насколько я помню, твоя докторская диссертация тоже касалась молодежной проблематики. Так ли это?

Начинала я с того, чем сейчас запрещаю заниматься студентам, – с ценностных ориентаций молодежи. Тогда было очень важно для региона выявить, с чем, с каким багажом прибывают на тюменский Север все новые и новые комсомольские отряды. Конечно, кроме собственно ценностных ориентаций, мы изучали мотивацию труда, а также влияние на эту мотивацию форм его организации, включая вахтовые формы. Потом, значительно позже наших первых исследований, мы познакомились с настоящей социологической методологией по этим проблемам, а вначале, как неофиты, начинали с анкеты. Инструментарий придумывали сами, обрабатывали сначала вручную (та еще была работа!). Клара Григорьевна прикладывала все силы, чтобы мы, молодежь, быстро росли, старалась знакомить нас с состоявшимися социологами. Так среди нас появился Георгий Петрович Давидюк, известный белорусский социолог, автор первых справочников по прикладным методам социологического исследования. С этого времени мы наши анкеты обрабатывали на ЭВМ в Минске, приходилось их туда отвозить, а обратно нам возвращали предлинные рулоны лент, которые мы учились читать и анализировать.

Научные мои интересы были по-прежнему связаны и с системой образования. В северных командировках я сталкивалась с обычными для крупного города проблемами в этой сфере: малокомплектные школы, школы-интернаты для детей коренных народов Севера, новаторское движение в школах молодых северных городов. Особенно меня поражало сверхбережное отношение школьных учителей Севера к сохранению и укреплению здоровья детей, целый ряд программ были направлены на это. В период перестройки, особенно в 1990-е годы, начались радикальные перемены, особенно это было заметно в сфере профессионального образования. А моя докторская диссертация (это был уже 1998 год) была связана со становлением и развитием системы образования региона.

Уточни пожалуйста, 1998 год – это начало или завершение работы над докторской диссертацией? Как она называлась, что удалось в ней показать?

1998 год – это год защиты. Работа назвалась «Становление и функционирование института образования: региональные аспекты». Несмотря на довольно скучное название, диссертация была на достаточно живом, актуальном материале. Это было некое обобщение моих многолетних исследований по региону, но и не только, там была и свежая (по тем временам) теоретическая составляющая. Это касалось, прежде всего, теоретического анализа системного и институционального подходов к образованию. Напомню, что 90-е годы проходили под знаком кризиса образования, и тому имелась масса подтверждающих фактов. Вместе с тем, именно эти годы были связаны с появлением принципиально новых, инновационных педагогических парадигм, широким экспериментированием с содержанием образования, методами и технологиями обучения. Именно в эти годы начался бурный, неконтролируемый рост сети филиалов высших учебных заведений в регионах, появились платные формы высшего образования. Особенно заметно это было в Тюменской области, регионе вполне платежеспособном. В 90-е годы на территории региона было около 150 филиалов различных вузов, от столичных до тюменских. Практически все они готовили менеджеров, экономистов, юристов, независимо от профиля базового вуза. Это - реальная социальная ситуация 1990-х гг.

Мои теоретические изыскания были связаны с выявлением различий между институциональным и системным подходами к исследованию образования. Мне удалось выявить и сформулировать пять базовых институциональных признаков и применить их к описанию становления системы образования региона. Анализ я проводила с первых примеров опыта систематического обучения, как для коренных народов Севера (XVIII век), так и населения пришлого, укорененного, жителей Сибири. В развитии института образования я использовала методологию Янова А. Л., которая стала известна в нашем профессиональном сообществе в период перестройки. В 1988 г. была издана его книга «Русская идея и 2000 год», где он в методологии «реформа - контрреформа – стагнация» проанализировал историю русских-советских социальных реформ от Ивана Грозного до Михаила Горбачева.

Использование выделенных институциональных признаков для изучение развития региональной системы образования привело меня к двум важнейшим выводам: во-первых, в настоящее время (то время, когда была написана диссертация) ситуация в образовании характеризуется институциональным кризисом и системным обновлением; во-вторых, методология «реформа - контрреформа – стагнация» прекрасно работает в условиях эволюционного развития, но непригодна для исследования социальных трансформаций. Именно поэтому анализ развития послеперестроечного образования, т. е. в 1990-е годы,

нужно проводить в методологии постнеклассического системного подхода, т. е. с использованием теории Пригожина, Стенгерс. Здесь снова мне пригодилось мое естественно-научное образование, т. к. теория диссипативных структур, точки бифуркации, становление порядка из хаоса интерпретировать человеку с гуманитарным мышлением достаточно затруднительно.

Еще один теоретический аспект моей работы был связан с поиском оснований для мониторинга развития образовательных систем на региональном уровне. Я проштудировала огромное количество материалов по образовательной статистике, особенно по земской, дореволюционной школьной статистике. Оказалось, что в последующие годы школьная статистика все время обеднялась, по сравнению с земской, и все более разобщалась. Так, целостную картину сферы образования в поздний советский период можно было получить, только соединив статистику трех различных ведомств: образования, финансов и здравоохранения. В результате мне удалось предложить обоснование системы мониторинга для развития системы образования в регионе, разработать систему показателей. Кстати, эта часть моей работы особенно понравилась тогдашнему руководителю областного управления образования, Виктору Гавриловичу Новикову, и он смог частично внедрить ее в практику. Позднее сам Виктор Гаврилович защитил докторскую диссертацию, в которой влияние моей работы прослеживалось вполне отчетливо, я была оппонентом на его защите.

Многое из того, что было отражено в диссертации, позже было использовано при разработке Программ развития образования в Тюменской области. Я участвовала в разработке практически всех программ - от областной, региональной до отдельных окружных и даже городов области.

Консультантом моей докторской диссертации был Владимир Тимофеевич Лисовский, которого я до сих пор чту как своего учителя. А первым оппонентом – в то время заместитель директора ИС РАН Зинаида Тихоновна Голенкова. Зинаида Тихоновна вообще очень много сделала для Тюменской социологии, многим она в буквальном смысле открыла дорогу, поддерживала огромное количество наших проектов, консультируя их, участвуя в исследованиях.

Твое воспоминание об обработке материалов вручную, а потом – в Минске, может сегодня показаться большинству читателей чем-то исключительным. Но так было. Моя первая работа в социологии – процентные таблицы для чисел от 1 до 100. Я сделал их на ЭВМ для себя, приходилось небольшие массивы обрабатывать вручную, и когда В. А. Ядов увидел их у меня на столе, попросил их у меня и издал в Институте социологии РАН в виде брошюры. По-моему, это было в 1965 году. В Институте их расхватывали, как горячие пирожки в непогоду. Что касается ЭВМ, то ядовский коллектив обрабатывал материалы в Тарту,

правда, расстояние между этим эстонским городом и Ленинградом много меньше, чем между Тюменью и Минском. В какие годы вы обрабатывали материалы вручную, какого объема были выборки?

Ты мог для себя написать программу в 1965 году, потому что сам был математиком. Это еще раз подтверждает исторический путь нашей социологии: в ней смогли найти себя представители самых разных наук, а естественно-научное образование никому вообще никогда не повредило. Мне в более поздний период, когда я уже работала на кафедре социологии в ТГУ, приходилось обращаться на математические кафедры с просьбой разработать программы для обработки социологической информации. Правда, я так и не получила никакого продукта из-за позиции декана матфака – он считал, что социологи сами должны для себя создавать такие программы, иначе они никакие не ученые, если не владеют математическим знанием.

Вручную мы обрабатывали анкеты недолго, год-два. При этом выборки были довольно значительные, до 1000 анкет. А в Минск мы возили анкеты в 1980-е годы. Потом, позднее, когда была открыта кафедра социологии в ТГУ, и мы все перешли в этот университет, мы, наконец, стали обрабатывать информацию на компьютере. Первое профессиональное программное обеспечение мы покупали с Володей Мельником в Вильнюсе у знакомого программиста. Это было сразу после развала СССР, мы поехали на конференцию «за границу». Встречали нас в этом городе тогда весьма недружелюбно, никто не хотел говорить с нами по-русски, на таможне, только что не раздели – такой был досмотр. А мы везли доллары для покупки программы, спрятав их, не буду говорить куда, и очень боялись. Понятно, что в такой ситуации роль контрабандиста досталась мне. Этой программой мы пользовались довольно долго. Потом, через несколько лет, я купила программное обеспечение в свердловском центре социологических исследований. Это был уже профессиональный продукт –Vortex, им пользовались все социологи региона, мы смогли получать сопоставимые файлы, считать коэффициенты, строить графики и пр. Этим продуктом мы пользовались вплоть до приобретения SPSS. Сейчас все наши студенты подробно изучают SPSS, все свои курсовые и дипломные работы они должны выполнять с использованием этого пакета.

Почему сейчас ты запрещаешь студентам заниматься ценностными ориентациями молодежи? Мне кажется, очень интересно прослеживать динамику ценностных ориентаций молодежи, ведь эта тема активно разрабатывалась советскими социологами.

Может быть, я слишком резко выразилась – «запрещаю». К сожалению, эта тема у студентов и даже аспирантов не только вторая после «влияние Интернет на молодежь», но из разряда «легких» тем. Каждый второй

неграмотный соискатель, приходя на первое собеседование, на вопрос о том, что его интересует в нашей науке, сообщает о готовности исследовать ценностные ориентации молодежи.

На самом деле, эта тема исследовалась и в советской социологии, и в западной и особую актуальность приобретает в моменты социальных трансформаций, в турбулентные периоды. Теоретических конструктов для таких периодов немного, гораздо меньше, чем для мониторинга ориентаций поколений в условиях стабильного развития. Во второй половине 1990-х гг. мы с моей аспиранткой Н. Трикоз, проводили такие исследования по региону. В основу подхода был положен тогда поколенческий подход и представление об интегрирующих и дифференцирующих поколения ценностях. Тогда, к концу 1990-х гг., мы пришли к выводу, что нет разрыва поколений «отцы – дети», но есть конфликт между поколениями «деды» и поколениями «отцы – дети». Эти результаты были представлены в 2002 году в нашем ведущем журнале «Социологические исследования» (№1). Статья называлась «Динамика ценностных ориентаций в период социальной трансформации (поколенный подход)», и сегодня она относится к числу самых цитируемых по этой проблематике. При этом, часто аспиранты ссылаются на нее в своих авторефератах, используя ссылки из других аспирантских авторефератов. Через десять лет другой тюменский аспирант по этой же методике провел свои исследования в регионе и защитился. Хочется, чтобы понимание сложности этой проблематики сопровождалось не только накоплением эмпирической информации, но и каким-то новым теоретическим подходом.

Я помню, ты возглавляла Центр изучения общественного мнения, он и сейчас существует? Какие темы вы изучаете, кто ваши основные заказчики, сотрудничаете ли вы со средствами массовой информации?

Да, такой центр был, хотя в разные годы назывался по-разному. В ТГУ я участвовала в проекте Центра общественного мнения при Министерстве образования, который возглавлял А. А. Овсянников. Там проводились исследования проблем молодежи и образования на общероссийской выборке, мы проводили исследования не только у себя в регионе, но, в рамках проекта, выезжали «в поля» и в другие регионы. Особенно мне запомнилась одна поездка, не на наши севера, а в Молдавию, в Кишинев. Это было уже достаточно неспокойное время, когда пробуждалось национальное, этническое самосознание в республиках СССР, росло недовольство политикой центра. Наша командировка продолжалась неделю, мы с моей аспиранткой должны были опросить студентов нескольких кишиневских вузов. Помню, те, кто нас курировал в городе от проекта, настоятельно рекомендовали нам не гулять вечерами по городу и, по возможности, не говорить по-русски в местах скопления молодежи. Представляли нас студентам как интервьеров, на молдавском языке.

Лаборатория была создана сразу, как только мы прищли в ТюмГНГУ, в 2005 году. Первоначально я сама ее и возглавляла, потом, в связи с большой административной нагрузкой, я отошла от руководства, но не от исследований в этой лаборатории. Сейчас лабораторию изучения общественного мнения в нефтегазовом университете возглавляет мой ученик – Фарахутдинов Шамиль Фаритович, талантливый молодой ученый, кандидат социологических наук. Прежде всего, эта лаборатория работает на университет. Мы очень быстро, практически в первый год, разработали и внедрили полноценную систему мониторинга качества учебно-воспитательного процесса в вузе, базовый инструментарий исследования применяется и сегодня. Кроме того, ведется мониторинг образовательных запросов абитуриентов – тюменских школьников, их родителей. И еще одно направление мониторинга связано с опросами работодателей и выпускников вуза, молодых специалистов. Заказчиками для лаборатории, чаще всего, сегодня выступают региональные и муниципальные властные структуры (если мы выигрываем в открытых конкурсах, котировках, участие в которых – условие заказа). Если заказчики не возражают, то материалы мы, конечно, публикуем. Чаще в научной печати, реже – в СМИ.

Ты всегда хотела преподаватъ... Тебе и сейчас это нравится? Какие курсы ты читаешь сейчас? Как бы ты оценила интерес к социологии, вовлеченность в учебу сегодняшних студентов и тех, кто учился в начале века? Мне приходится слышаать разные точки зрения.

«Родилась с указкой в руке», – так отозвалась обо мне руководитель моей первой педагогической практики в школе. Именно так многие годы я себя и ощущаю. Не случайно моя первая диссертация была связана именно с процессом обучения. А в таком богатом предмете преподавания как философия, трудно не найти способов увлечь ею студентов. За годы работы я читала разные курсы, сегодня у меня их четыре: социология молодежи, социология образования; социология науки и научно-исследовательский семинар с магистрантами. Конечно, есть курсовые и дипломные работы, аспиранты и соискатели.

Что касается сегодняшней системы образования в высшей школе – это больная тема для многих вузовских преподавателей. И это не относится к позиции студентов. И в прошлом веке и сегодня большинство абитуриентов не знают, чему они пришли учиться – школьная подготовка по-прежнему стороной обходит сущность нашего предмета. Некоторую, меньшую часть привлекают действительно потребности узнать что-то об обществе, а большинство просто приходят методом исключения: я не хочу быть инженером, историком, филологом – пойду в социологи. Привлекают абитуриентов сегодня и легкие вступительные испытания: кроме обязательных ЕГЭ по математике и русскому языку, от абитуриентов требуется сдать обществознание. Ругать молодежь – последнее дело, я и раньше, и сейчас считаю студентов лучшей частью человечества. Конечно, современные студенты очень сильно отличаются даже

от молодежи десятилетней давности. Это полностью поколение видеокультуры, Интернета. Они легко и свободно ориентируются в поиске информации, легко могут ее спрятать. А что еще с ней можно делать – понимают с трудом. К сожалению, навыки систематизации, анализа, обобщения с каждым новым поколением слабеют, исчезают. Даже простейшие операции сравнения трудны для большей части современных студентов. Большой проблемой для сегодняшних студентов становится устная речь: добиться связного, логичного, аргументированного рассказа о чем-либо практически невозможно. Я считаю это прямым следствием десятилетнего внедрения в нашу школу ЕГЭ. К сожалению, мы взяли из неплохой идеи самое худшее, самую примитивную технологию – тестирование как единственный способ контроля результатов обучения. Сегодня студенты – это выпускники школы тестов. Они готовы угадывать из четырех предложенных вариантов, но боятся и не хотят формулировать даже неправильный ответ и, что самое опасное для социолога совершенно не умеют задавать вопросы. Думаю, никакой вины молодежи в этом нет, ведь им не с чем сравнивать, они учились в той школе, которую создали для них мы.

Вера, ты знаешь, наша беседа – элемент историко-социологического проекта, в значительной мере обращенного не к сегодняшним нашим коллегам (они сами многое наблюдают и знают), а к тем, кто будет работать после нас, и к историкам социологии. Не могла бы ты, пусть кратко, описать деятельность различных категорий преподавателей в часах и отношение общества к их труду в рублях.

Тема эта непроста для современников и вряд ли будет понятна потомкам. Если сейчас спросить, сколько стоил билет на самолет от Тюмени до Ленинграда в 1975 году, то цифра 16 рублей ничего современному человеку не скажет. Мое поколение может что-то с чем-то сравнить, исходя из оценки качества жизни, профессионального опыта. Провести сравнение по этому показателю с советским периодом корректно можно с некоторой погрешностью. Во времена моей юности шкала престижности и шкала качества жизни совпадали: ассистент начинал свою карьеру с аудиторной нагрузкой 550 часов в год и заработной платой 120 руб. в месяц. Такую же зарплату получал рядовой инженер на промышленном предприятии. С годами число «горловых» часов уменьшалось, а зарплата росла. Так, доцент уже мог рассчитывать на твердые 320 руб. (а если еще были 0,5 ставки по хоздоговорной теме, то - 500 руб. Больше этого получал только сварщик на трубопроводе. У профессора было не более 250 аудиторных часов в год, конечно, аспиранты, дипломники, научная работа. Различия между вузами не было, ставки были общими для всех преподавателей.

Сегодня различия в объеме учебной нагрузки и уровне заработной платы есть не только между столичными и провинциальными вузами, но даже внутри одного вуза. Министерство образования и науки устанавливает

(рекомендательно) объем учебной нагрузки для категорий научно-педагогических работников, дальше каждый вуз принимает собственные нормы ее расчета. По этим нормам сегодня профессор должен читать не менее 120 часов лекций в год. Остальная часть нагрузки складывается из других видов работы (семинаров, студенческих практик, дипломников, руководства аспирантами, зачетов и пр.). Здесь есть принципиальные различия между профессорами, работающими на выпускающей и невыпускающей, сервисной кафедре. На кафедрах, где нет «своих» студентов, нет ни дипломных работ, ни практик. Таким образом, преподаватель такой кафедры все свои часы выполняет в аудитории. Общий объем годовой нагрузки для профессора – 700 часов в год. На 1 ставку устанавливается должностной оклад. В нашем университете это 30 тыс. руб в месяц. Это, так называемая, базовая часть зарплаты. К ней возможны персональные надбавки.

Вообще опрос об оплате труда и его интенсивности – больной для современной профессуры. Но он, к счастью, не главный для состоявшихся профессионалов. Старшее поколение понимает, что ценность профессии не определяется объемом дохода, тем более, и в других странах преподаватели вузов – не самая состоятельная часть населения. Труднее с молодыми преподавателями. Критическая точка – 5-7 лет работы в вузе, после этого профессионально подросшая молодежь начинает массово уходить из высшей школы в бизнес, в политику и т.п. При этом, престижность профессии преподавателя вуза по-прежнему достаточно высока.

Спасибо, Вера, коротко, но выпукло. Буду тебе благодарен, если ты охарактеризуешь ситуацию с публикациями, особенно книжными и учебниками, а также скажешь о возможности преподавателей участвовать в конференциях в стране.

К счастью, возможностей для публикации собственных результатов исследования сегодня вполне достаточно, это доступно и профессору, и молодому аспиранту. Практически в каждом вузе есть собственное научное издательство; ведущие университеты, в том числе, и в регионах, имеют свои периодические издания – журналы. Некоторые из этих журналов, так называемые «рецензируемые», входят в особые списки, утверждаемые ВАК Министерства образования и науки РФ. В Тюменском государственном нефтегазовом университете есть такой журнал – «Социология. Экономика. Политика». Статьи, опубликованные в этих журналах, учитываются при защите кандидатских и докторских диссертаций. Очень помогают и профессиональные сетевые журналы, новые исследования там появляются более оперативно, материалы этих журналов доступны и востребованы. Кроме того, многие исследователи сегодня могут публиковать свои статьи и в журналах зарубежных, все зависит только от качества материала. К сожалению, в нашей стране только один социологический журнал («Социологические исследования») включен с перечень Skopus, но его читают все российские

социологи. Опубликовать свою статью в СоцИС – мечта любого социолога. Учебников и учебных пособий, на мой взгляд, сегодня даже переизбыток. Начиная с 1990-х годов, когда не было никаких образовательных стандартов в вузе и с началом формирования новых образовательных стандартов, мода на написание авторских учебных пособий и разнообразных учебников охватила всю страну. Не было вуза, кафедры, где бы социологи ни пытались выдать свой курс лекций за учебник. К сожалению, это привело не столько к появлению нового поколения учебной и методической литературы, а сколько к массовой дезориентации студентов и преподавателей в теоретических основаниях науки, трактовке базовых понятий, размыванию категориального поля науки. Я уже не говорю о громких скандалах этого времени, когда за «новыми» учебниками был просто сканер или распечатки из бездонных глубин Интернета.

Что касается конференций, то здесь сегодня также все доступно. К сожалению, есть проблема, ограничивающая доступность живого участия в них. Это проблема финансовая. Практически все материалы конференций сегодня издаются за счет авторов, а выше я уже говорила о доходах вузовских социологов. Поехать же на конференцию в другой город, не говоря уже о другой стране, для провинциального социолога крайне сложно. Например, любая зарубежная командировка возможна только с разрешения ректора вуза. Многие конференции сегодня проводятся либо в заочной форме, либо в сетевом режиме. Последняя форма активно продвигается в сообществе, мы тоже проводили такие. Помню один такой круглый стол, в котором приняли участие ведущие московские социологи, даже В. А. Ядов, и ученые из вуза центральной России. К сожалению, пока больше трех точек охватить невозможно, из-за технических условий. Тем не менее, удается в наиболее крупных и значимых событиях участвовать, прежде всего, в социологических Конгрессах, Уральских социологических чтениях и т. п.

И еще вопрос об участии, скажем, тюменских социологов в зарубежных проектах, о поездках на конференции, стажировках для студентов, аспирантов...

По поводу зарубежных контактов – да, это в зоне внимания вузов, и социологи здесь не среди отстающих. Достаточно устойчивые контакты у нас сложились с университетом из маленького города Люнебург в Германии. Мы, при поддержке западных грантов, реализовали несколько совместных проектов – исследовательских, методических, связанных с повышением квалификации и обменом опытом. Кроме того, наши преподаватели участвовали в такой же работе с одним из университетов Канады. К сожалению, сегодня эти связи прерваны в силу политических и экономических причин. Для студентов и аспирантов – это просто нереально, т. к. зарубежные стажировки и академическая мобильность слишком затратны для нашей молодежи. Семьи наших студентов, а это, в основном, работники бюджетной сферы, не в состоянии финансировать обучение своих детей за рубежом.

Помнишь, Вера, вопрос на удовлетворенность профессией, работой: «Хотели бы Вы, чтобы кто-либо из Ваших детей работал по Вашей профессии?». Твоя дочь, Татьяна, стала социологом. Это ее собственное решение, или ты ее активно агитировала? Не согласилась бы ты рассказать, когда она сделала свой профессиональный выбор, где получила профессию социолога? Если я не ошибаюсь, она либо учится в аспирантуре, либо уже защитила кандидатскую диссертацию. Это так? Каковы ее научные интересы?

Трудно писать о собственном ребенке не употребляя превосходные степени, постараюсь избежать этого. Татьяна росла домашним ребенком, очень рано узнала буквы, простейшие арифметические действия, географическую карту. Это было такое шоу, когда к нам приходили гости, и она, трехлетний ребенок, с удовольствием демонстрировала на большой карте мира, где находится Китай, Венгрия и т. п. Читать я ее специально не учила. Играя в кубики, мы запоминали буквы, а когда я читала ей книжки, она все время просила: «Води пальчиком по строчке ..». Что происходило у нее в это время в голове, мне до сих пор не ясно. Только позже я поняла, что таким варварским способом я научила ее читать, вопреки всем методикам, минуя сложения слова из слога. Ей было четыре года, когда она впервые прочитала сама название книги, и я думаю, что это была судьба. Я сидела с книгой, когда она подошла и спросила: «Что ты читаешь, мама?». Я ей серьезно так отвечаю: «Ты же знаешь буквы, посмотри сама, как называется книга». Тогда она, медленно ведя пальчиком, прочла «Рабочая книга социолога». Я была поражена, а ей сказала, что пора, Таня, тебе записываться в библиотеку. И мы действительно пошли в библиотеку, записались. Она с большим удовольствием ходила выбирать книги, библиотекари с неменьшим удовольствием обсуждали с ней прочитанное, советовали, что еще почитать.

Профессиональный выбор она сделала сама, я старалась не давить на нее. Как у всех детей, ее взгляды сильно менялись в этом отношении. Где-то в 5-6 классе, Татьяна говорила, что будет ветеринаром или кинологом, знала все породы собак и кошек, завела себе тетрадки с записями, вырезками, собственными мыслями о животных и вела их довольно долго. У нас дома были хомячки, кошки и даже (очень недолго) собака. В подростковом возрасте появились стихи, музыка, театр. Кстати, по поводу театра. В какой-то период, еще до школы, она мне заявила, что кукольный театр ей уже неинтересен, пора ходить во «взрослый» театр. В школе ее все время привлекали к проведению всевозможных опросов (знали, что мама- социолог), я старалась, чтобы она сама осваивала все процедуры, только подсказывая и корректируя ее инструментарий. К старшим классам Татьяна определилась с профессиональным выбором, решила поступать на журналистику. Я приняла этот ее выбор, хотя понимала, что ее способности, направленность связаны с наукой. Изменила она решение тоже сама, под влиянием ее одноклассника,

очень умного, но сильно пьющего парня. Мальчик всерьез интересовался философией, очень много читал, имел вполне взрослый взгляд на жизнь. Он сказал Татьяне: «С твоим прямолинейным характером тебе в журналистике делать нечего, там надо уметь прогнуться, правду писать – не дадут, тебя либо сразу выгонят, либо убьют». Это было начало 2000-х годов…

К окончанию школы Татьяна окончательно определилась с выбором, поступила в Тюменский государственный университет на социологию. Первые три курса она закончила в ТГУ, а потом продолжила образование в РГГУ, в Москве. Социологический факультет Российского государственного гуманитарного университета в то время (да и сейчас) я считаю одним из лучших факультетов в стране. Среди ее учителей были крупные ученые, исследователи с именами и просто очень крепкие профессионалы. Возглавлял факультет член-корреспондент РАН Тощенко Жан Терентьевич. Научная среда, уровень требований к студентам сильно отличались от тюменского. Среди преподавателей были Покровский Н. Е., Гришина Е. А., Вдовиченко Л. Н., Татарова Г. Г., Романовский Н. В., Буланова М. Б, Великая Н. М., Майорова – Щеглова С. Н., Левичева В. Ф., Адилова Л. Ф. , Щербина В. В. Да и сама московская жизнь для молодого человека из провинции – бесценный опыт.

После защиты диплома с отличием Татьяна поступила в аспирантуру РГГУ. Ее руководителем была Галина Галеевна Татарова – крупнейший методолог, методист, тогда - главный редактор журнала «Социология 4М». Галина Галеевна уже после защиты сказала, что не хотела брать аспиранта из семьи профессора-социолога. Мне же она сразу, когда Татьяна поступала в аспирантуру, сказала, чтобы я не вмешивалась в их совместную работу, и я правда не вмешивалась. Татьяна защитила диссертацию в октябре 2010 года, через две недели после своего 25-го дня рождения в Совете РГГУ. Диссертация ее называлась «Молодежные субкультуры: основания типологизации». Эмпирические материалы для своей работы Татьяна собирала в Москве, Тюмени, Берлине. Позднее работу опубликовали в виде монографии, сейчас на нее уже ссылаются. Сегодня Татьяна Гаврилюк – доцент кафедры социологии Тюменского государственного нефтегазового университета, читает базовые учебные курсы у социологов (бакалавров и магистров): социологические теории, историю социологии, качественные методы, социологию культуры, социологию искусства и др. Сейчас ее научные интересы связаны с социологией искусства. Она утверждает, что старые советские подходы в этой отраслевой социологии сегодня не работают, а новые – не сложились. В плане теории и методологии исследование этой сферы нашей действительности сегодня – большое белое пятно. Надеюсь, что это поколение социологов, не скованное рамками идеологических шор, сможет, наконец, сказать свое собственное слово в науке.

Ну, что же, Вера, будем думать, складывается социологическая династия... Успехов тебе и Татьяне. Спасибо.

ЛЕБЕДЕВА Л. В.: «ТОГДА Я ВПЕРВЫЕ СТОЛКНУЛАСЬ С СОЦИОЛОГИЕЙ И С ТЕМОЙ АВТОБИОГРАФИИ»

Люда, я очень благодарен Вам за согласие рассказать о себе, о своей работе в социологии. Я уже десять лет интервьюирую наших коллег и вижу, как каждая новая беседа обогащает историю становления и развития нашей науки и нашего профессионального сообщества. Вы знаете, я давно связан с тюменской социологией, и нам будет, о чем поговорить. Но начать я хочу с темы, которую вы пару дней назад мимоходом обозначили. Вы написали: «Тема предков (предшествующих нам) в нашей семье жива. Мои прапрадеды и бабушки появились в Тюмени в 60-х г.г. 19 века».

Пожалуйста, расскажите о прошлом Вашей семьи. Как, почему и откуда Ваши прапрадеды и бабушки перебрались в Тюмень? И как это Ваша семья смогла сохранить информацию о том, что было полтора века назад?

Память о тех людях, с которых мы «берем отсчет» действительно жива в нашей большой семье. Ее носителями долгое время были моя мама – Кудрюкова Нина Александровна (урожденная Никольская) и бабушка Горохова Татьяна Михайловна (урожденная Олерская). Наш род, по словам этих замечательных женщин, начался с сельского священника Олерского Егора – протоиерея церкви Николая Чудотворца (год постройки – 1876) в селе Перевалово, в 16 км от Тюмени. Как он там оказался – точно не известно. Скорее всего, думаем мы с сегодняшними Олерскими-москвичами, его направили после завершения семинарии. По словам его внучки, а моей бабушки Татьяны Михайловны, такую фамилию о. Егору дали по окончании учебы. Есть сведения, что он в своей семье был не первым ребенком. Первым мальчикам оставляли фамилию отца. Его фамилия была…Лебедев. Лебедь – «олера» на древнегреческом. Такова семейная легенда. Храм в селе Перевалово был разрушен в годы Советской власти, а сегодня восстанавливается. Его сын, протоиерей Петр (Олерский) также служил в этом храме. От него и его жены Марфы Ефимовны родились сыновья Михаил Петрович, Сергей Петрович и Кронид Петрович (священники в с. Перевалово, Тюмени и Тобольске) и дочери Анна Петровна, Мария Петровна (на которую я, по словам бабушки Татьяны Михайловны, очень похожа), Елизавета Петровна (моя прабабушка). Род Олерских большой, и история его драматична. До революции все сыновья служили в церкви, впоследствии были репрессированы. Особенно драматична судьба Михаила Олерского, 1892 г. рождения, который в конце 1920-х годов переехал в Москву и служил в Елоховском соборе протодиаконом. У него был удивительной красоты голос. Михаил Петрович был арестован по доносу в 1932 и 1937 году. Олерский Михаил Петрович - 24 августа 1896 года.

Окончил 1 класс Духовной Семинарии, был певчим в Тюменской опере. Служение – Тобольске и Омске диаконом с 1914 до 1916, затем диакон в Чите в 1916-1919 г. С 1920 -1923 года в Тобольске – диакон. С 1923 по 1932 год в Москве - диакон, протодиакон Елоховского Собора.

В конце марта 1932 г. поступил в качестве певца в ГОМЭЦ (Государственное объединение музыкальных, эстрадных и цирковых предприятий). Организовано в 1931 из ранее существовавшего Центр, управления гос. цирками (ЦУГЦа) и влившихся в него эстрадных и филармонич. орг-ций. Находилось в ведении Наркомпроса РСФСР. Состояло из неск. крупных управлений (музыкально-эстрадного, филармоний, циркового, аттракционов и зоопредприятий). Располагало значит, сетью отделений на периферии, но сан не снимал и связи с религией не порывал. Антисоветских разговоров избегал, Аресты: Москва 15 апреля 1932 года. Обвинение при аресте:»проведение систематической антисоветской агитации».Осуждение коллегии ОГПУ: год осуждения – 4 мая 1932. Обвинение при осуждении-»группировка вокруг церквей г. Москвы, проведение среди церковников а/с агитации и распространение всякого рода к-р провокационных слухов», статья обвинения ст.58-10 УК РСФСР. Приговор: из-под стражи освободить. Но вскоре снова арест по групповому делу «Дело священника Александрова Николая Львовича и др. Москва, 1932 г.»

Места заключения - Москва, Бутырский изолятор ОГПУ. Время заключения- 10 мая 1932 г. Дальнейшая судьба неизвестна. *Информация из документа ЦА ФСБ РФ. Д.Р-34935. Источник: (с) Православный Свято-Тихоновский гуманитарный Университет).* В перестроечные годы его дочери Татьяне Михайловне на Лубянке показали папку с доносом и делом ее отца. Так мы узнали его судьбу: отправлен т.н. Мандельштамовским эшелоном (предположительно в Карлаг), где и погиб. Креста не снял и был причислен к лику новомучеников и исповедников Российских, в XX веке *(см. Православный Свято-Тихоновский гуманитарный Университет, сайт, список)*. Когда арестовали «деда Михайло» - так его называла моя мама, его семью выслали из Москвы. Их приютила моя бабушка Александра Алексеевна Никольская - открытой и доброй души человек. Все тюменские родственники побоялись это сделать, а она нет. Но о ней рассказ впереди.

Драматична история и другого сына Петра Олерского - Сергея Петровича. Он жил в Тобольске, и у него было много детей, Когда его арестовали в первый раз, вернувшись из ЧКа, он снял с себя сан и уехал на южный Урал, где впоследствии работал инженером. Вырастил всех детей, дал образование. Его дочь, одна из моих бабушек, Уирко Сергеевна, рассказывала мне, как утром (после ночного ареста отца) они с братом пришли в школу, то дети кричали: «Враги народа!» и бросали в них камни. Это было для нее шоком и детской травмой, с которой она прожила всю жизнь.

Вообще, в нашем роду по линии Олерских было 5 священников (двое – репрессированы и погибли в лагерях). Это, конечно, не полная информация о них. Предстоит работа в тобольском архиве. Насколько мне известно, в Тобольске и сегодня проживают Олерские. Живут потомки славного рода в Сибири, на Урале (в Екатеринбурге и Миассе, в Москве, в Израиле). Моя мамочка, пока была жива, поддерживала переписку со многими из них. Сегодня не со всеми у меня близкая связь. Пожалуй, только с москвичами, а это уже 5-е, 6е и 7-е поколение Олерских.

Другая линия нашей большой семьи - род купцов Молодых. Первый, кого мама - носитель памяти – помнит - Молодых Гавриил Тимофеевич. По фамилии - сибирского происхождения. Он был купцом-чаеторговцем, владелец торгового дома «Торговля чаем Молодых», который он передал во владение сыну Молодых Алексею Гавриловичу. Отец и сын ездили в Китай и покупали там чай. В конце 19 века Алексей Гаврилович увлекся Толстовством и поселился на заимке недалеко от Тюмени, где у него была своя лавка. Он был женат на Елизавете Петровне (урожденной Олерской) - сельской учительнице, которая окончила епархиальное сельское училище. В 1910 году они переехали в Тюмень, купив большой двухэтажный дом с постройками на ул. Царево Городище, который сохранился до 2000 года и где прошло мое детство. К этому времени подросла его дочь Александра Алексеевна (1897-1943), моя бабушка, и ее нужно было учить в гимназии. У него было еще две дочери и сын (Варвара Алексеевна – провизор, известный в Тюмени в свое время человек, Милитина Алексеевна, Михаил Алексеевич). Алексей Гаврилович в Тюмени служил в страховом обществе и умер в 1921 году. Вместе с отцом и другими купцами Тюмени еще до революции, делал пожертвованиям на постройку сиропитательного дома с домовой церковью в честь Праведного Симеона Богоприимца. Как тесен мир! В начале 2000 года мы вместе с одним из предпринимателей Тюмени участвовали в его реставрации, ведь в Советское время там помещалась кафедра анатомии Тюменского медицинского института. Здание нуждалось в серьезной реставрации после того, как его передали Епархии.

Судьба моей бабушки Александры Алексеевны, соединила три рода - Олерских (по матери), Молодых (по отцу) и Никольских (по мужу). Окончив гимназию, Александра Молодых познакомилась со своим будущим мужем Александром Ивановичем Никольским. В 1916 году они вместе уехали учиться в Томский технологический институт, который им не удалось закончить - началась Гражданская война. В Советское время они работами учителями. Дедушка Александр Иванович был в школе учителем физики, пения, музыки. Он был очень талантливым человеком. Прекрасно рисовал, написал либретто и музыку к опере «Золотой петушок» и поставил ее с детьми. До сих пор сохранилась Программа этой постановки и фотография всех участников этого спектакля. Он прожил немного: любитель охоты, он однажды простыл и умер,

оставив жену с двумя детьми, примерно в 1930 году. Когда после ареста Олерского Михаила Петровича, его семья из Москвы приехала в Тюмень, моя бабушка была уже вдовой и единственной владелицей большого дома. Она и приютила беженцев, не побоявшись последствий. Она была очень доброй женщиной - так ее вспоминали родственники. Ей приходилось много работать, чтобы поднять двух детей - Нину и Игоря (мою маму и дядю, которые прожили в этом доме всю жизнь).

Пришло время рассказать об еще одном «корне» нашей семьи - Никольских. Никольские – Павел Иванович и Иван Иванович – первые Тюменские врачи.

Больше сохранилось информации о Павле Ивановиче (1860-1922). Последний почетный гражданин Тюмени в дореволюционный период. Окончил медицинский факультет Казанского университета. С 1911 по 1916 гг. занимал должность городского головы. Он открыл несколько бесплатных столовых для малоимущих, сделал все необходимое для защиты заречной части Тюмени от наводнений, построил Успенско-Романовское городское начальное училище, завершил строительство городского водопровода. Много сделал для улучшения медицинского обслуживания горожан. С 1919 по 1922 г. возглавлял первую городскую больницу. Награжден Орденами Святой Анны III степени, Святого Станислава III степени. Звание “Почетный гражданин города Тюмени” присвоено ему 12 ноября 1916 года за большие заслуги перед городом. По сведениям сотрудников областного музея им. Словцова, ушел вместе с Колчаком и его след потерялся (http://www.tyumen-city.ru/gorodtumeny/pocetniegrajdane/pg1/45/).

Очень все интересно, возможно, я попрошу Вас кое-что уточнить, а сейчас, пожалуйста, расскажите о Ваших родителях. Кем они были? Отразились ли на их жизни драматические события, произошедшие в их семьях?

Судьбы моих родителей не простые, да и у кого из военного поколения они иные. Мама - Курдюкова Нина Александровна (урожденная Никольская) – родилась в 1922 году и прожила почти всю свою жизнь доме, который в свое время купил ее дед Молодых Алексей Гаврилович. Это был большой двухэтажный купеческий дом, по улице Царево Городище (до революции), а затем Коммуны. Детство было радостным. Она рассказывала, как родители старались сделать праздники для детей (для мамы и ее брата - Игоря Александровича). Когда Советские органы запретили праздновать Новый год и наряжать елку, то они наряжали большой цветок фикус елочными игрушками.

Мама окончила среднюю школу №1 и педагогическое училище, а затем - педагогический институт по специальности «учитель начальных классов» в Тюмени. Так учителем начальных классов и работала всю свою профессиональную жизнь, все 38 лет. Я помню, как она готовилась к урокам,

придумывая интересные приемы, чтобы заинтересовать своих маленьких учеников. Уроки были интересными, а знания твердыми, так что у нее учились поколениями: ее бывшие ученики приводили своих детей и внуков. Мама была примером трудолюбия. Я в детстве думала, что она никогда не спит: я засыпала, когда она, рассказав нам сказку, садилась проверять тетради учеников, когда просыпалась, она готовилась уходить на занятия. Мама очень любила читать и ходить на оперные спектакли, на которые я ходила с ней с 10 лет. В военные годы ей было очень трудно, в начале 1941 года она вместе со своими учениками трудилась на лесозаготовках и торфоразработках. По колено в холодной осенней сибирской воде они пилили на дрова деревья в ближайшем от Тюмени лесу. Конечно, все после этого болели, но кого это волновало – «мы за ценой не постоим».

В 1942-43 году после уроков вместе с детьми она шла на Тюменский фанерный комбинат делать ящик для снарядов. Мама рассказывала, что дети были маленького роста и поэтому сначала делали ящички-подставки для себя, чтобы доставать до станков. Мама награждена медалью «За трудовое отличие» как участница трудового фронта.

Кнечно, люди были рады окончанию войны и наступившей мирной жизни . Мама была певуньей и бессменным руководителем хора и всей художественной самодеятельности начальной школы №3, в которой она проработала большую часть жизни. У мамы есть награды «Ветеран труда (За долголетний добросовестный труд)» и медаль «50 лет победы в Великой Отечественной войне».

Сколько помню себя, нам всегда рассказывалась сказка на ночь, была наряжена елка на Новый год, мы праздновали веселые дни рождения, ходили на концерты, читали и обсуждались книги. Мама читала каждую свободную минутку. Она рассказывала о своей большой семье. И эти рассказы сопровождались фотографиями, которые ею хранились (а теперь и мы храним). Мы жили с ощущением причастности к большому роду трудолюбивых, и талантливых, отзывчивых людей. Мы росли, и мама каждый год прибавляла к своему неизменному рассказу новые подробности. Так, уже взрослыми мы узнали, что когда в 1937 году арестовали Олерского Михаила Петровича, из Москвы выслали его семью: жену и двух маленьких детей. Это был уже второй арест, и люди боялись последствий. Не побоялась и приютила их моя бабушка Александра Алексеевна Никольская, и они все дружно жили в нашем большом доме некоторое время, пока не вернулись в Москву. Мама рассказывала обо всех, молчала только о своем дяде Никольском Павле Ивановиче. Много лет спустя, сотрудники областного музея «Городская дума» нашли в своем архиве данные о городском голове, последнем дореволюционном почетном гражданине г. Тюмени. Тогда только мама рассказала всю историю братьев Никольских в Тюмени. Выяснилось, что он ушел с Колчаком, и его

след пропал. Нужно сказать, что мама умела хранить семейные тайны и была довольно сдержанным человеком. Так, она отдала почти все семейные иконы в Тюменский Знаменский собор, опасаясь неприятных последствий для семьи.

Понимаю, что жизнь моих родителей была драматичной, т.к. они несли в себе груз опыта войны и потерь. В нашей семье праздник Победы был святым. Мы с детьми всегда ходили на парад, а затем к дедушке (Лебедеву М. В.) и бабушкам, слушали их рассказы о военных годах.

Что из себя представляла Тюмень в Ваши дошкольные и школьные годы?

Город Тюмень, который часто называют «воротами Сибири», в 1950-1960-е годы был, в основном, застроен деревянными домами с красивыми дымниками, деревянной резьбой и оставшимися от купцов каменными зданиями. За годы советской власти к 1950-м годам были построены – административные здания. Архитектурный план дореволюционного города сохранялся. Так, территорию города на две части делила река Тура с единственным деревянным мостом. В центре города административные здания, драматический театр, больница, школы, библиотека, педагогический и сельскохозяйственный институт, рыночная площадь, почтамт. Еще в конце 1950-х гг. появился телецентр. Пленные немцы построили высокие кирпичные дома - «сталинки». На востоке город заканчивался Текутьевским кладбищем (по фамилии похороненного там знаменитого тюменского купца). Далее простирались болота. На западе город заканчивался вокзалом. Остальная территория города состояла из небольших районов с колоритными сибирскими названиями Городище, Затюменка, Ямская слобода, Зарека. Промышленные предприятия - либо исконные тюменские (фанерный комбинат, овчинно-шубная фабрика), либо оставшиеся от тяжелых военных лет эвакуированные из центральной части страны небольшие заводы.

Город рос, требовались новые рабочие руки. Поэтому Тюмень начала пополняться молодыми людьми из окрестных деревень. В деревнях жили тяжело, поэтому родители правдами и неправдами освобождали своих детей от колхозной лямки. Паспортов у колхозников не было, и родители буквально выкупали у местного начальства справки, дающие возможность подрастающим детям жить в городе. По рассказам одной моей знакомой, она девочкой сбежала из колхоза и жила у родственников несколько лет на нелегальном положении, пока не появилась возможность получить документ и начать официально работать. В то время открывалось много ПТУ, где молодым людям давались рабочие профессии, так необходимые растущему городу.

В определенном смысле новую жизнь Тюмень обрела с открытием нефтяных месторождений в 1960-е годы. Выросли буквально на глазах огромные (по тем меркам) здания, в которых находились Главтюменнефтегаз, Главтюменьгеология, проектные институты, построен Дом техники нефтяников, в котором я в будущем буду работать в качестве социолога.

Город основательно разросся в это время: в восточной части появился новый микрорайон, застроенный «хрущевками», ТЭЦ, областная больница, два аэропорта. Появился Индустриальный институт – местная кузница нефтяных кадров, в котором был собственный учебный телецентр (третий в стране после Москвы и Ленинграда), медицинский институт. Город разрастался, становился большим, появились кинотеатры, филармония и Дворец пионеров.

Вы жили в старом доме Вашей семьи, в школу Вы пошли в том же районе, или она была уже в новой части города? Возможно, за годы учебы Вы сменили несколько школ, какое впечатление в целом у вас осталось от школьных лет?

Да, мое детство прошло в старом купеческом доме, доставшемся моей матери от родителей. Это был большой двухэтажный дом с постройками во дворе. До 1943 года мама вместе с бабушкой и братом владела этим домом. После смерти бабушки Никольской Александры Алексеевны мама вынуждена была продать нижнюю часть дома. Это была классическая купеческая постройка конца XIX века с парадным и черным ходом на второй этаж. Помню, что, узнав о том, что этот дом был построен до революции, не только наше поколение, но и наши дети искали «клад» как в кладовых дома, так и на территории двора. Дом находился в старой части Тюмени, так называемом Царевом (Большом) Городище. Когда-то во времена Ермака на этом месте было Городище (стойбище) татарского хана. Ландшафт сохранился до сих пор: окруженный рвом высокий берег речки Тюменки.

Училась я и мои сестры в начальной школе №3, которая находилась недалеко от дома и в которой работала моя мама. Большое (мне тогда казалось) здание школы с дружным коллективом учителей. С благодарностью вспоминаю Благинину Людмилу Петровну и Щупову Нину Ивановну - моих первых учителей. Из того времени запомнилось большое количество прочитанных книг и пионерское-тимуровское шефство над неграмотной старушкой. Заданием ученицы третьего класса была «ликвидация неграмотности» отдельно взятой женщины. Я ходила к ней домой и учила ее грамоте по букварю. До сих пор помню ее радостные глаза, когда она впервые написала свою фамилию. Так я продолжила семейное дело учителей, дедушки и бабушки Никольских и мамы. «Цепкие когти семьи»- есть такое выражение.

С пятого класса и до окончания средней школы я училась в средней школе №1, которая находилась в центре города, славилась как хорошей подготовкой, так и учениками со сложным поведением («хулиганами»). В средней школе жизнь была веселее. Классы были большие, и ребята делились на группы. Наша группа «интеллектуалов» и любителей ходить на каток сохранила дружбу и после окончания школы. Учителя были разными, конечно, но с теплыми чувствами вспоминаю учителей литературы Калугину Тамару Петровну, истории Саморукову Марину Семеновну. Помню, что с подругой Викой Белогуровой в 9 классе создали школьный клуб любителей

кино, собирали учеников, смотрели и обсуждали фильмы. Одним из первых фильмов был «Чайковский» И. Таланкина со Смоктуновским в главной роли. В старших классах я проявляла комсомольскую активность в городском Дворце пионеров. Создавали городской клуб вожатых под руководством замечательной Полины Прохоровны Капеко. Вместе с другой подругой, Олей Симоновой, готовилась стать журналистом, писали заметки в малотиражку «Связист». Стезя журналистки удалась только Ольге. Она стала известным в Екатеринбурге журналистом. Мама, обеспокоенная моим слабым здоровьем, категорически запретила думать о жизни в другом городе без материнской заботы. Школьные годы вспоминаются насыщенными, сложными и интересными. Осложнялась жизнь в школе моим непростым, независимым характером подростка, который зачастую был испытанием для учителей, привыкших к авторитарному характеру отношений с учениками.

В школе Вас окружали ребята из семей со столь же глубокой историей жизни в Тюмени или в регионе или в этом плане Вы были «белой вороной»?

В школе не было принято рассказывать о своих глубоких корнях. Люди больше молчали. Да и мама, рассказывая нам, не поощряла наши разговоры об истории семьи с чужими людьми. Когда ей не нравилось наше поведение, она произносила: «В нашей семье так не принято». Праздновалась пасха, но рассказывать о ней в школе было нельзя. Надо отметить, что социальный контроль со стороны семьи был значительным, т. к., с одной стороны, мы знали о своих предках, и это было домашней жизнью, с другой, дети учительницы должны были учиться и вести себя «примерно» всегда и везде. Это накладывало определенный отпечаток и, скорее, я чувствовала себя «белой вороной».

В какой-то момент Вы стали задумываться о том, кем стать. Какими были эти планы?

Первые мысли появились в начальной школе - конечно, учителем, как мама, как первая учительница, да и радость неграмотной бабушки запомнилась. Лет в 14 решила, что буду философом, т.к. прочитала учебник по философии старшей сестры. Мало что понимала, но какая-то магия чувствовалась. Затем в конце школьных лет планировала податься в журналистику, но смирилась с маминым решением и поступила на исторический факультет Тюменского педагогического института. Поступление совпало с проведением эксперимента: студенты получали две специальности: история с обществоведением и английский язык. Это объяснялось нехваткой учителей иностранного языка в сельских школах. Я твердо знала, что не буду работать сельской учительницей, а займусь наукой и защищу диссертацию в 37 лет. Не помню, откуда была эта мысль, но защитилась я именно в 37 лет. Какое-то было предзнание, интуиция …

Люда, в какие годы Вы учились в институте? Как Вы сейчас оцениваете характер преподавания Вам истории и общественных

наук, он был: либеральным или консервативным? Читали ли Вам нечто относящееся, пусть условно, к социологии? Занимались ли Вы общественной работой? Продолжали накапливать опыт в журналистике?

Я поступила в институт в 1969 году и окончила в 1975. Учиться было интересно и сложно, т. к. требовалось успевать по двум специальностям: истории и английскому языку. С благодарностью вспоминаю увлекательные занятия преподавателя древней истории Сосновкина Игоря Николаевича, по истории СССР Рощевских Павла Ивановича и его дочери - Ларисы Павловны, моего первого научного руководителя - Юкляевского Вилена Александровича. Даже такие, казалось бы, казенные лекции по истории КПСС он умел прочитать интересно и с юмором. Конечно, преподавание было, скорее, консервативным (особенно по истории КПСС философии и научному коммунизму). Запомнились занятия на первом курсе по Древней Руси, изучение истории по документам («Русская правда», например). Проучившись на первом курсе и умудрившись выйти замуж в первую же сессию, на втором курсе я ушла в академический отпуск по уходу за родившимся сыном. За это время экстерном сдала все предметы по специальности «история» и, вернувшись на второй курс, учила только английский язык и писала научную работу о тактике компромиссов большевиков (тему точно не помню). Научный руководитель был строг, но желания заниматься не отбил. Выступила с докладом на городской конференции и заняла второе место. А вот с английским было сложнее из-за непростого отношения ко мне преподавателя. Молодая была, утверждалась. Да Бог ей судья. С социологией встретилась на последнем курсе на спецсеминаре по новейшей истории у Данилова Владимира Алексеевича. Делала доклад о польском крестьянстве на основе исследования У. Томасом и Ф. Знанецким *условий жизни и изменений личной истории, отраженных в переписке и дневниках эмигрировавших крестьян («Польский крестьянин в Европе и Америке»)*. Вот когда впервые я столкнулась с социологией и с темой автобиографии. Видимо от своей темы не уйдешь. (Идет ветер к югу, и переходит к северу, *кружится, кружится* на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои» / Екк:2-11). Так и в моей жизни: интерес к истории возник в детстве под влиянием мамы, затем – учеба, затем интерес к личной истории, тема автобиографии и социологии появилась в студенчестве. Спасибо В. А. Данилову, ведь это он назначил мне тему доклада на спецсеминаре.

Поступила в педагогический институт (основан в 1930 году - старейший в стране), а окончила университет, который был открыт 1 января 1973 года. Он был шестым в Сибири и 59-ым в стране. Окончив в 1975 году университет, я стала преподавать на кафедре истории СССР у Степанова И. В. По совету преподавателя кафедры сдала в этот же год кандидатские экзамены (хватило знаний по английскому и философии) и была приглашена И. В. Степановым в аспирантуру специалистом по Степану Разину и этой эпохе. Отказалась, т. к.

не чувствовала интереса к научным исследованиям исторических процессов. Даже такой глубокой старины.

Что касается общественной работы, разочаровавшись, а может, исчерпав интерес, в институте/университете я больше занималась учебой и детьми, ведь на 4 курсе у меня родилась дочь. С журналистикой больше не встретилась.

Вы давно и неожиданным образом вошли в социологию. Вам тогда удалось найти американские работы Томаса и Знанецкого или работали с переводами? И что, прежде всего, Вас привлекло: метод, результаты, дух новизны, необычности?

Это было, скорее, первое знакомство, не вхождение. Работы Томаса и Знанецкого читались в переводе, в журнале по истории… Привлекал, скорее, новый подход к истории: история простых людей, отдельного человека… Ведь до этого мы изучали великих людей и результаты их деятельности, события и факты (советская историография). Необычен был метод. Работа ученых основывалась на изучении личных документов, а не официальных. И содержание текста воспринималось не как социологическое (я ведь еще этого термина не знала), а историческое. Описание истории отдельных людей, уехавших в другую страну, но не порвавших связей с родиной, близкими. Странно было, что крестьяне писали подробные письма, которые учеными изучались как документы. Так мне помнится сегодня.

Конечно, это далеко не та история, которую Вам преподавали. Доминировало представление, что субъективной информации нельзя доверять при изучении прошлого, хотя при этом – фактически – высказывалось недоверие основному субъекту истории – народу. Итак, Вы отказались от аспирантуры и погружения в эпоху Стеньки Разина. И что Вы решили делать?

В 1979 году я узнала, что в Доме техники Главтюменьнефтегаза существует должность «инженер-социолог». Это было, скорее, интуитивное решение, чем рациональное. Было что-то магическое в слове «социолог». Оставив работу в университете, я пошла «туда, не знаю куда и затем, не знаю зачем». Работа потребовала образования и я начала учиться в вечернем двухгодичном университете марксизма-ленинизма при Тюменском обкоме партии, где к тому времени уже несколько лет преподавал Юрий Михайлович Федоров. Он читал все основные предметы: социальную психологию, методику социологического исследования и математические методы в социологии. Следует сказать, что в 1979 году в Тюмени уже работало несколько групп социологов. Это группа социологов в Главтюменьнефтегазе под руководством Г. М. Юрасовой, социолог А. Н. Силин в Главтюменьгеологии, В. М. Семин, А. И. Кулябин институте НИИПлесДрев, С. М. Бабицкая в институте ЗапСибБурНИПИ, Н. Брагина и В. Фадеев на моторном заводе. В. Фадеев в 1974 г. представлял заводскую социологию СССР на Всемирном съезде

социологов (г. Варна). На одном из заводов работал В. Абрамов, который учился в Ленинграде у В. А. Ядова.

Работа в Доме техники нефтяников заключалась в изучении культурных предпочтений сотрудников предприятий ГТНГ. Получив консультацию в Москве у специалистов НИИ культуры, разработала программу, составила анкету, провела опрос, обработала результаты и получила информацию о том, что традиционные советские массовые культурные мероприятия были малопривлекательны для инженеров и рабочих. Требовались новые формы работы с населением. Я предложила малые формы – клубы по интересам, которые стали организовывать и проводить специалисты Дома техники. Проработав три года социологом и получив начальный опыт опросов, в 1982 году я поступила в аспирантуру по философии Тюменского индустриального института. Полученный навык пригодился при сборе информации для кандидатской в северных городах на предприятиях нефтедобычи.

Следующий раз я встретилась с социологией в лаборатории прикладной этики Института проблем освоения Севера в конце 80-х годов. Я участвовала в гуманитарной экспертизе проблем освоения Тюменского Севера. Это была очень интересная, на мой взгляд, важная работа. Она показала различные аспекты гуманитарных проблем, которые были следствием агрессивной политики освоения нефтяных и газовых месторождений.

Для созданной в 1989 году Б. А. Грушиным службы изучения общественного мнения “Vox Populi” требовались организаторы групп интервьюеров. Мне предложили сотрудничество, и я согласилась провести опрос населения Тюмени. Собрала группу заинтересованных людей и провела несколько опросов. Результаты отвозила в Москву Б. А. Грушину. Служба тогда помещалась в МГИМО, в полуподвальной части здания.

Еще один опыт сотрудничества с социологами – участие в опросе телевизионной аудитории институтом Гэллапа в качестве респондента. Случайно попав в выборку, несколько лет вся наша семья старательно отмечала (оценивала) телевизионные передачи.

Вернемся к аспирантуре. Какую тему для диссертационного исследования Вы выбрали? Кто был Ваш руководитель? Как шла работа?

Тема диссертации вполне советская, в духе времени: «Наставничество как индивидуальная форма нравственного воспитания». Тему предложил заведующий аспирантурой Владимир Иосифович Бакштановский. Предлагалось исследовать механизмы нравственной социализации. Отношения к нравственным ценностям у представителей поколений «отцов и детей» должны расходиться, иначе – какова же основа вечного конфликта... Возникал вопрос, при каких условиях взрослые – наставники, учителя (в идеале – носители ценностей) – могут транслировать их подросткам и юношеству. Разработана была «зеркальная» анкета с ценностями, отношение к которым

проверялось у наставников и их подшефных. Институт наставничества был распространен на предприятиях. Интересен был Север, так как там особые кросскультурные условия жизни. Изучался процесс наставничества, вернее, механизм идентификации во взаимодействии наставника и ученика.

С научными руководителями мне повезло. Заведующим аспирантурой и научным руководителем был В. И. Бакштановский, известный философ, основатель школы прикладной этики. Замечателен он был тем, что давал аспирантам возможности общения с ведущими философами, участия в научных конференциях, этических деловых играх, не препятствовал моим поездкам в Москву. Но с особой благодарностью я вспоминаю своего Учителя в науке и жизни – Юрия Михайловича Федорова. У него и Вадима Борисовича Ольшанского я училась социологии и социальной психологии. Это были годы дружбы и ученичества, которые позволили сформироваться моему научному мышлению, отношению к делу, жизни. В. Б. Ольшанский - известный социолог и социальный психолог, конструктивный критик моей работы.

Ю. М. Федоров – социолог, социальный психолог, философ, переводчик стихов с польского, поэт и мыслитель, автор оригинального монументального трёхтомного философского труда «Сумма антропологии». Годы аспирантуры вспоминаю как время плотной работы над диссертацией, постоянных открытий для себя. Я стала заядлой театралкой, не пропускающей ни одного спектакля Таганки, Ленкома, МХАТа, выставок музея им. Пушкина, концертов. Часто ездила в Москву. День работала в Ленинке, вечером бежала в театр. Написала диссертацию и защитилась в положенные три года. Поскольку работа была написана на стыке социологии, социальной психологии, философии и этики, то найти подходящий диссертационный совет было не просто. Защита проходила в МГУ, на факультете философии в 1985 году. Нужно сказать, что меня постоянно окружали замечательные люди. Хочется добрым словом вспомнить Е. Ф. Сулимова и Ф. И. Минюшева (кафедра теории и практики коммунистического воспитания, нынешняя социальной философии). Именно они согласились сначала познакомиться с работой, а потом предложили защиту в своем Совете.

В книге «Социологи России» есть информация о Ю. М. Федорове, конечно же, о В. Б. Ольшанском, он признается одним из первых советских социологов. Люда, так Вы прошли школу таких интересных исследователей и людей... Пожалуйста, расскажите о них, вспомните встречи, их советы... Это очень важно для истории нашей науки...

Начну с Ю. М. Федорова, так как с его именем связана социология Тюмени. Именно он привез из Москвы идею чтения курса лекций – по социальной психологии, который трансформировался в открытый в 1975 году в университете марксизма-ленинизма в двухгодичный социологический факультет, где и читались Юрием Михайловичем курсы социологии, социальной психологии, методологии и методики социологического исследования. На этих

курсах учились будущие сотрудники социологических служб, руководители предприятий, отделов, организаций, аспиранты и преподаватели различных кафедр города. Интерес к этим лекциям был совершенно неформальным и огромным. В 1976 г. создан Тюменский филиал Сибирского отделения Советской социологической ассоциации, и его первым председателем стал Ю. М. Федоров. Проводились научные конференции, в работе которых принимали участие социологи Новосибирска, Тюмени, Москвы.

Юрий Михайлович был человеком колоссальной эрудиции. Он посвятил меня в поэзию Уитмена, П. Неруды, Н. Хикмета, В. Маяковского, прозу Х. Борхеса, Т. Уайлдера, Кнута Гамсуна, Ф. Вийона, в мир французский живописи 20 века. Он и сам был поэтом и переводчиком. На его сайте можно прочитать его стихи и переводы.

Ю. М. Федоров осуществлял научное руководство первым моим исследованием и работой над кандидатской диссертацией. Руководителем был очень строгим. Будучи сам феноменально организованным и целеустремленным человеком, требовал этого же от меня. Еще одним важным качеством, по мнению Юрия Михайловича, была самостоятельность научной позиции. Сам он являл пример этого, сделав уже в 1980-х-1990-х годах открытие в философии. Его «Сумма антропологии» – собственная философская система, монументальный труд, объемлющий все мыслимое мироздание, - от происхождения человека и человечества до того драматического срока, когда они должны дать отчет о своем существовании.

Независимость его мировоззренческой позиции была под стать его социальной позиции. Он рассказал мне однажды историю своей ссылки в Тюмень. Ссылки без кавычек. Он – выпускник Омского высшего общевойскового командного училища, после службы в Польше учился в Военно-политической академии им В. И. Ленина. Будучи лучшим выпускником академии, он позволил себе слова возмущения порядками, царившими не только в армии, но и в стране. Его поведение стало предметом обсуждения в Главном политическом управлении Советской Армии и Военно-Морского Флота. В результате Юрий Михайлович после окончания адъюнктуры был сослан (он именно так воспринимал направление) в Тюменское высшее военно-инженерное училище. Для меня Юрий Михайлович – пример самоорганизации, творческой и мужественной жизни, выходящей за рамки стандартного, социально одобряемого поведения.

Федоров Ю. М. был учеником В. Б. Ольшанского. От Юрия Михайловича я получила книгу Т. Шибутани «Социальная психология», которую блестяще перевел Вадим Борисович. Позднее он познакомил меня со своим учителем и другом. Я слушала знаменитые лекции Ольшанского в Москве и Тюмени, в которых он мастерски, в простой манере рассказывал аудитории об экспериментах американских ученых, не называя имен, но объясняя природу повиновения человека в разных социальных условиях.

Вадим Борисович рассказывал о своем профессиональном пути, полном интересных событий. Оказывается, Вадим Борисович собирался посвятить себя зоологии, но суровые условия жизни подростка, потерявшего родных, привели его в армейскую службу. Он делился воспоминаниями о «включенном наблюдении» – исследовании ценностей рабочего класса на заводе им. Владимира Ильича. Ему удалось стать своим среди рабочих, пришлось стоять у станка, отмечать праздники в неформальной атмосфере. Он приводил пример двойных ценностей в рассказе Абрамова «Рычаги». Именно Вадим Борисович познакомил меня с текстами рядовых отчетов социологов (не помню, какой европейской страны). Я была потрясена глубиной, структурированностью и четкостью формулировок. Помню разговор Ю. М. Федорова и В. Б. Ольшанского о предмете социальной психологии. Азарт обоих был удивителен, оба полемисты, не уступающие друг другу, но уважающие чужое мнение. Этот разговор Федоров привел в своих лекциях по социальной психологии.

Однажды мы разговаривали с Вадимом Борисовичем о требованиях к написанию научной статьи. «Статья быстро не пишется, - говорил он, - 1 страница в неделю». Это был его стандарт. Кропотливая работа с осознанием ответственности за содержание текста. Помню, спросила его, почему не напишет докторскую диссертацию. Снова узнала профессиональные стандарты учителя: докторская - открытие в науке. Для меня это мнение было и остается значимым критерием. С благодарностью вспоминаю его конструктивную критику моей кандидатской диссертации. Благодаря Вадиму Борисовичу, я читала переводы текстов М. Рокича, Э. Фромма, Шуца еще в начале 1980-х гг. Он рассказывал, как вместе с надежными коллегами добывали оригинальный текст американских социологов, социальных психологов, делили его на 4-5 частей и переводили его на русский язык, печатая на машинке. Первый экземпляр доставался тому, кто переводил свой фрагмент, остальной текст бы в разной степени читабельным. Но все равно чтение было увлекающим.

Ольшанский рассказывал о своем исследовании социальных установок методом незавершенных предложений. Феноменология обыденного мышления, роль обоснования как предпосылка и следствие межличностных отношений интересовали Вадима Борисовича в начале 80-х годов.

Я запомнила Вадима Борисовича как человека, любившего жизнь, умеющего дружить с людьми. В последнее время он не мог много передвигаться, и я, будучи в Москве, приезжала к нему в гости. Наши разговоры часто прерывались звонками его друзей, учеников, детей. Будучи прикованным болезнью к домашним условиям жизни, он написал книгу «Практическая психология для руководителей, учителей и родителей».

Помню еще, с какой горечью Ольшанский воспринимал происходящие в стране в конце 1980 - начале 1990-х гг. события. Он рассматривал их как катастрофу. Последнее наше совместное дело – работа над планом-программой

моего исследования «Нравственная социализация в условиях аккультурации» на примере Тюменского Севера. Планировалось социологическое исследование, научным консультантом которого согласился стать Вадим Борисович. Но последующие события в стране и в Институте проблем освоения Севера в Тюмени отменили наш замысел.

Действительно, Вам повезло на встречи с наставниками. Такое остается внутри нас навсегда.

Итак, защита кандидатской состоялась. Как это изменило Вашу жизнь? Вы продолжали работать в лаборатории прикладной этики и разрабатывать свою тематику, или начавшаяся перестройка изменила и Вашу жизнь?

С защитой кандидатской закончилась целая эпоха в моей жизни, имевшая и цели, и результаты. Не только формальные, но внутренние, личностные. Мне пришлось «отрабатывать» аспирантские годы преподаванием научного коммунизма в Тюменском индустриальном институте целых 3 года. За это время я сумела договориться с пятью деканами о важности знаний социальной психологии у инженеров. Они согласились включить в учебный процесс факультативный курс, который я читала с удовольствием. Важно было продолжать говорить на языке социальной психологии. Эти 100 часов не были включены в нагрузку и читались мною на общественных началах (после возмущения преподавателей кафедры научного коммунизма: учебный курс не являлся для кафедры «своим»). После «освобождения» от научного коммунизма я получила предложение работать в лаборатории Прикладной этики ИПОСа, которой руководил В. И. Бакштановский. Была идея провести исследование на тему «Нравственная социализация в условиях аккультурации» на примере Тюменского Севера, о чем я писала выше. Помню, как возвращалась из очередной поездки из Москвы вечером 18 августа 1991 года. В дороге узнали о путче. Первой мыслю было: «Слава Богу, что сын вернулся из армии».

Не предполагала, как развернутся события в стране и моей жизни. 90-е годы были сложными. Лаборатория закончила свое существование, и я перешла преподавать социальную психологию учителям и психологам в областной ИПК педагогических кадров. Пришла востребованность моего курса. Ссамого начала преподавания социальной психологии и до сих пор я говорю «спасибо» своим Учителям, Юрию Михайловичу и Вадиму Борисовичу. Во многом я чувствую себя их ученицей и сегодня.

В 1993 году судьба моя резко повернула в прикладную социальную психологию. Я с группой единомышленников придумала концепцию и создала психологическую службу в Калининском районо. Идея была проста и актуальна. Это было время, когда взрослые теряли работу, опору в жизни и старались выжить в новых условиях. Дети оказались на периферии их внимания. Жизнь учителей была не проще. В школе должны были появиться люди, которые могли бы любить детей и оказывать им профессиональную

помощь в трудных жизненных ситуациях и интеллектуальном развитии. Профессиональная помощь требовалась и учителям, и родителям. Для такой работы требовались специалисты, и мы начали готовить психологов на биологическом факультете Тюменского государственного университета. За 6 лет мы подготовили психологов для школ не только района, но города и области. Большую помощь нам оказали питерские психологи А. И. Вовк, С. И. Сергеев из института Личности, согласившиеся сотрудничать с нами. Они проводили семинары и тренинги, на которых начинающие психологи, учителя, директора школ, заведующие и воспитатели детских садов получали гуманистическую подготовку, навыки консультирования. В каждой школе были созданы психологические службы. Не всем была по вкусу наша активность, и после ухода с заведования районо нашего ангела-хранителя Поршнева В. А нашу службу в 1999 году ликвидировали как финансовую обузу. Разрушены были и школьные психологические службы. Этот процесс был, конечно, вызван и сменой идеологии в стране. Не скрою, тяжело было терять детище, созданное таким трудом.

Мои сотрудники разбрелись по городским службам и вузам. Некоторые из них защитили кандидатские и докторские диссертации. Главное, они несли в себе нашу идею помощи людям, которым трудно. Я стала заниматься преподаванием сначала в Тюменском нефтегазовом университете, затем в Тюменском государственном университете. Сегодня я не только читаю социальную психологию, психологию рекламы, организационную психологию, но и занимаюсь консультированием организаций. Несколько лет назад обучилась медиации и теперь занимаюсь посредничеством в разрешении конфликтов. Все мои сегодняшние занятия вышли из социальной психологии.

Как оценить значение этих трудных лет? Обретение новых целей и смыслов, опыт сотрудничества с удивительными людьми. Я научилась видеть насколько талантливы могут быть люди, какие силы есть в них для преодоления трудностей. Научилась думать не о своих успехах, а, в первую очередь, о других людях. За эти годы потерь и обретения новых целей и смыслов мне не стыдно. Если первую половину жизни человек живет для себя, своих результатов и опыта, то вторая половина жизни подчинена ответу на вопрос: «Что останется после тебя?».

По-моему, так бывает лишь в романах. Разве нам дано знать, где кончается первая и начинается вторая половина жизни? На тему, что останется после... тоже бесполезно думать, не нам решать, но дети, внуки – это точно... Люда, выше Вы заметили, что с социологией встретились через изучение автобиографий, но недавно Вы писали мне, что анализируете автобиографии советских/российских социологов, собранные в проекте, для которого Вы и рассказываете о себе... Пожалуйста, расскажите, что и как Вы изучаете и каковы самые первые результаты...

Еще лет 10 назад меня заинтересовала тема поиска человеком своего Пути. Поняв необъятность затеи, я сконцентрировалась на профессиональном

пути (Пути) и жизненном опыте человека. Результатом первого этапа исследования была статья, в которой сформулированы основные положения. Драма жизненного пути человека включает в себя различные этапы его личной истории: детство, отрочество, юность, зрелость и старость. Частью этой истории является время жизни, проживаемое в профессии. Часто его называют профессиональный путь, путь в науке, а профессию – делом жизни. Возможно, поэтому повествование человека о своем профессиональном пути во многом совпадает с его жизненным путем.

Жизненный путь человека я определяю как траекторию процесса его жизненно важных событий, имеющих продолжительность, периодичность, этапность, сюжетность, в ходе которых человек ставит цели, стремится к результатам, получает личный опыт, содержание и смысл которого может быть предметом субъективной рефлексии.

Профессиональный путь человека – это часть его личной истории, связанная с профессиональной деятельностью, разворачивающаяся в определенных социокультурных и исторических условиях. Описание человеком жизненного и профессионального пути носит ретроспективный характер, оно чаще всего происходит в середине или во второй половине жизни, когда подводятся первые итоги, осмысливается жизненный и профессиональный опыт. Первой эмпирической базой исследования послужили материалы проведенных сотрудниками Научно-исследовательского института прикладной этики Тюменского нефтегазового университета (руководитель - В. И. Бакштановский) исследований «Городские профессионалы: Ценности и правила игры среднего класса и «Жизнь в профессии». Это материалы рефлексивных профессиональных биографий преподавателей Тюменского нефтегазового университета. Завершение первого этапа работы позволило сформулировать основные элементы структуры профессионального (жизненного) пути.

Побывав на Вашей, Борис Зусманович, лекции для студентов и преподавателей кафедры социологии ТюмГУ, я познакомилась с Вашей историей и узнала о проекте МБИ. Для исследования феноменологии профессионального или жизненного пути необходимо, на мой взгляд, обратиться к текстам уже отрефлексированного человеком собственного жизненного или профессионального опыта. Этот опыт, чаще всего, называют автобиографическим, и получить его можно с помощью биографических методов, например, интервью. Это тексты, содержание которых посвящено прожитым и продуманным событиям, переживаниям, встречам и отношениям. Вот почему тексты автобиографических интервью, собранные Вами, являются важным материалом для понимания не только содержания жизни, но и значимости ее событий для человека. Тексты автобиографий - это своеобразная точка сборки жизненного опыта, в которой сконцентрированы важные события, смыслы, наполнившие жизнь людей.

Мне интересно найти ответы на вопросы, связанные не столько с описанием жизненной линии, сколько со смыслами, трудностями, способами их преодоления и последствиями опыта, полученного в процессе преодоления этих трудностей, с определениями главных событий в жизни человека; понять, с чем или с кем они связаны, их влияние на дальнейший путь, с пониманием или осознанием смысла происходящих событий; узнать, каков способ реконструкции событий автором, каковы основные категории, в которых человек описывает свой жизненный путь, представления человека о своей роли на своем пути и на каждом этапе, о том, как им определяется идентичность, каков характер системы ценностей и кто повлиял на ее формирование, насколько она трансформировалась на каждом этапе и под влиянием каких факторов (люди, события, переживания, смыслы или еще что-либо), а также изучить другие проблемы, связанные описанием и пониманием человеком своего жизненного пути.

Погрузившись в содержание текстов, я поняла, что моя идея структурировать жизненный путь и опыт не лишена смысла. На сегодняшний день исследовано несколько тем, содержащихся в автобиографиях социологов нашей страны: «Метафора как средство рефлексии жизненного и профессионального опыта», «Архетип помощника в текстах рефлексивных биографий», «Жизненные события в текстах рефлексивных биографий». Есть намерения исследовать темы, посвященные опыту Встречи на жизненном и профессиональном пути и локусум семьи в жизненном пути.

В работе использовался контекстный контент-анализ и экспертный опрос. Для обработки полученных данных были использованы методы статистической обработки: критерий хи-квадрата и коэффициент корреляции Пирсона, таблицы сопряженности. Работа не была бы возможна, если бы ею не заинтересовались мои студенты, ставшие моими единомышленниками. Результаты части нашей работы опубликованы в научных журналах. Я увлечена процессом исследования жизненных историй, опыта людей, проживших удивительные по содержанию события жизни, способных отрефлексировать их в своих автобиографиях.

Удивительным образом моя первая встреча с социологией, начавшаяся с доклада о У. Томасе и Ф. Знанецком, исследовавших биографическим методом опыт жизни польских крестьян, трансформировалась в сегодняшний исследовательский интерес, материалами для которого являются тексты автобиографий, собранные Вами, Борис Зусманович.

Спасибо, Люда. Долгое и драматичное прошлое Вашей семьи старанием Вашей мамы определило не только Вашу профессию, но и отношение ко многому, что вас окружает. И социологом Вы стали в силу интереса к личным историям. Все целостно, все неразрывно.

БАРБАКОВ О. М.: «ЭТО ТО, ЧТО МЫ ОБОЗНАЧАЕМ ОДНИМ ЕМКИМ СЛОВОМ – “СОСТОЯЛОСЬ”»

Олег, мы давно знаем друг друга, с твоей мы дружили, прекрасно помню я и твоего отца, Михаила Михайловича К. Г. Барбакова. Но наш разговор будет касаться, прежде всего, твоей жизни.

В каком году твоя семья приехала в Тюмень? Ты заканивал школу в Тюмени?

До 1965 года моя семья жила в Казани: я, Хаин Олег Владимирович, мой папа, Хаин Владимир Сергеевич, моя мама, Хаина Креина Григорьевна. В 1965 году моего отца пригласили заведовать кафедрой химии в Тюменском индустриальном институте, который был создан в 1963 году на базе филиала Уральского политехнического института. В нем катастрофически не хватало остепенённых ученых и преподавателей, а мой отец в Казани защитил кандидатскую диссертацию по химии. Моя мама в Казани работала учителем истории, и ей предложили пойти ассистентом на кафедру философии. В 1966 году я пошел в школу № 7 г. Тюмени, в этом же году родился мой брат Марк, который живет сейчас в США. В 1967 году меня перевели в школу № 25 из-за того, что мы переехали на новую квартиру, которая была рядом с единственным тогда корпусом Тюменского индустриального института (ТИИ) (сейчас 12 корпусов в нашем университете), где я и проучился до окончания школы - до 1976 года.

В 1974 году моя мама вышла замуж за К. Г. Барбакова Михаила Михайловича, тогда он работал деканом транспортного факультета ТИИ. В 1976 году Михаил Михайлович усыновил нас с Марком, мы стали Барбаковыми. Что интересно, мы называли его папой, несмотря на то, что позднее при встрече с Хаиным Владимиром Сергеевичем, я и его называл папой. Так и получилось, что у меня было два папы, но оба уже умерли.

Я так понял, что все 11 лет ты проучился в Тюмени. Какие воспоминания о школьных годах у тебя? Что нравилось, что не нравилось? Чем ты занимался, помимо школы?

Правильно, я учился в тюменских школах, но 10 лет, а не 11, как сейчас учатся российские школьники. Воспоминания о школьных годах у меня самые прекрасные, я с большим удовольствием вспоминаю о школе, чем об институте. Нас было три друга, все – достаточно творческие личности, чтобы нам было интересно и в школьной учебе, и в общении помимо классных часов. Да и с другими одноклассниками мы были товарищами. Особенно близок мне был мой друг Саша Горшкалев, сейчас он известный в Тюмени бизнесмен, у него большая строительная фирма. А в 7 классе мы с ним написали фантастический роман. Учительница по русскому языку и литературе была в шоке и не смогла даже его прокомментировать, только проверила ошибки. Мы участвовали в художественной самодеятельности, играли трех мушкетеров,

писали стихи, путешествовали на велосипедах, строили огромные крепости из пластилина, ходили в спортивные кружки по волейболу, футболу, легкой атлетике, настольному теннису. И при этом не забывали учиться, хотя и не были отличниками (например, у меня в аттестате о среднем образовании всего одна четверка – по физкультуре). Но так как класс у нас был с математическим уклоном, до сих пор у меня сохранилась любовь к математике. «Школьные годы чудесные…» - это про меня и моих друзей. Кстати, мы до сих пор играем в настольный теннис с Горшкалевым по выходным (47 лет дружбы!).

Если вы с другом писали фантастику и стихи, то и читали. Кто из фантастов был вашим кумиром? Чья поэзия привлекала?

Нашими кумирами были братья Стругацкие, Айзек Азимов, Кир Булычев, Иван Ефремов, А. Беляев, Жюль Верн. Поэзией очень увлекался мой друг Саша Горшкалев, он даже поступил на филологический факультет Тюменского государственного университета. Я любил А. Пушкина, М. Лермонтова, А. Блока, А. Ахматову, Б. Ахмадуллину (это от мамы), Б. Пастернака, О. Мандельштама. К стыду своему, в последние годы (в отличии от своего друга) я стихов не читаю. Иногда сыну вспоминаю некоторые детские стихи.

Привлекала ли тебя общественная работа, ты был активным в комсомольской жизни школы?

В школе меня не особенно привлекала общественная работа, хотя я никогда не отказывался от пионерских и комсомольских поручений. Но каким-то отдельным направлением общественной работы не занимался, это пришло позже, уже после института.

Какие были планы на продолжение образования? Куда ты поступил?

Особых планов по высшему образованию не было, одно знал точно: мне всегда нравилась математика, и я хотел, чтобы получаемая мною специальность была связана с ней. Мама уговорила меня поступить на экономический факультет Тюменского индустриального института, я пошел сдавать документы в приемную комиссию вместе со своим одноклассником, но на центральной площади г. Тюмени около ТИИ мы остановились возле небольшой компании абитуриентов и студентов. И там нас за тридцать минут убедили поступить на геологоразведочный факультет по специальности «геофизические методы исследования скважин». С одной стороны, там было достаточно математики при проведении занятий, а с другой, романтика, горы, походы, палатки, гитара, путешествия… Мама была в шоке, но смирилась, узнав, что геофизика – это серьезная наука, и в нашем нефтегазоносном крае у нее большое будущее. Так я попал на геологоразведочный факультет Тюменского индустриального института. Это был 1976 год.

По-моему, в те годы слово «геология» было одним из самых романтичных и поэтичных слов. Сколько поэтов прошло через геологические партии! Но как проходило освоение профессии? Тебе

нравилось учиться? Что интересовало, в первую очередь?

Правильно отмечено, романтика трудовых будней – вот что, в первую очередь, привлекло в профессии «геолог». Ну, и специализация, ведь геофизика – элитная часть геологии. Все это заинтересовало в те 30 минут, когда меня отговорили поступать на экономику. И песни, они тоже оказали воздействие на мою, тогда «неокрепшую душу» – авторов Городницкого А., Высоцкого В. и др. Вспоминаю 1976-1977 годы, когда учился на 1-2 курсах ТИИ. Мама и Михаил Михайлович Барбаков, мой отчим, постоянно ездили в командировки на достаточно длительные сроки. А тут студенческие компании, спартакиады, фестивали, новые знакомства, девушки. На учебу совершенно не хватало времени, готовился к занятиям по ночам. Что удивительно, в отличие от колы, успевал все, учился на пятерки, за все пять лет была одна тройка по геодезии, которую потом пересдал. Получал повышенную стипендию, и, как результат, в конце обучения - диплом с отличием. А какие великолепные практики у нас были! После первого курса общую геологическую практику я проходил в настоящей геологической партии на приполярном Урале, она продолжалась пять месяцев. Жили в палатках, в горах, сплавлялись по горным рекам на плотах, переходы со стоянки на стоянку осуществлялись на лошадях. Романтика! После 2 курса практика была там же, но уже геофизическая, ходили с радиометром, прибором для измерения естественной радиоактивности горных пород, по результатам измерения строили карты. Затем пошли специализированные практики по геофизическим методам поисков и разведки месторождений полезных ископаемых в городе Нижневартовске. Теоретические знания, получаемые в институте, подкреплялись освоением практических навыков на практике. Так проходило освоение профессии.

Учиться мне нравилось, учился с удовольствием, особенно увлекали математика и информатика для обработки результатов исследований в геофизике. Занимался наукой, на пятом курсе подрабатывал в научно-исследовательском институте лаборантом. Правда пришлось еще подрабатывать и сторожем в ТИИ, так как женился в 18 лет, и в семье появился ребенок. Так что получается, что в то время у меня присутствовал достаточно широкий диапазон интересов: получение знаний, участие в самодеятельности, занятия спортом, освоение профессии, участие в научно-исследовательской деятельности, любовь и дети.

Да, такое было время... Итак, начало 1980-х, институт завершен. Что дальше?

Вспоминая то время, я только сейчас понимаю, какое множество вариантов развития событий и жизни у меня было. По распределению выпускников Тюменского индустриального института им. Ленинского комсомола на рабочие места (тогда был утвержденный список рабочих мест для выпускников) в списке я стоял в первых рядах как получивший диплом с отличием. Предложений было много: от аспирантуры, научно-

исследовательских институтов до трудоустройства на Крайнем Севере Тюменской области – работа в геофизических партиях на месторождениях Самотлора, Заполярья и т. п. Я выбрал аспирантуру снова благодаря уговорам мамы (надо признать, что с самого детства она имела на меня огромное влияние, правда, в самый последний момент я плавно уходил от этого влияния и делал все по-своему). Но, проучившись в аспирантуре 5 месяцев, я сбежал в город Нижневартовск, практически без документов, с одним дипломом и устроился в геофизическую партию контроля и разработки нефтяных месторождений инженером-геофизиком. Там я женился во второй раз. Проработав на буровых один год, я вернулся в Тюмень, у меня родилась дочь, и за два года я сменил несколько мест работы: Тюменский геофизический трест, экономический отдел одного из подразделений Газпрома, лаборатория Тюменского индустриального института. Никак не мог понять, чего же я хочу от своей жизни. И только в 1984 году пришел в Западносибирский научно-исследовательский геологоразведочный нефтяной институт (ЗапСибНИГНИ) и устроился там научным сотрудником, несколько переквалифицировавшись.

Моя работа была на стыке геофизики и программирования: я совместно с сотрудниками создавал программные комплексы обработки геофизических данных и построения геологических карт месторождений полезный ископаемых. Но до социологии было еще очень далеко. Может быть, истоки ее в моей жизни следует искать в том факте, что именно в ЗапСибНИГНИ я занялся активной общественной работой, стал заместителем секретаря комсомола нашего отделения института по идеологической работе (наверное, не случайно я так люблю политическую социологию!). В те годы мы с друзьями встали у истоков зарождения движения МЖК (молодежных жилых комплексов) в Тюмени. Я был заместителем начальника штаба МЖК Главка «Главтюменьгеологии», встречался с легендой нашей отечественной геологии Фарманом Курбан оглы Салмановым – начальником главка, он активно помогал нам, комсомольцам, в этом начинании. В 1986 году я ушел в первый отряд МЖК г. Тюмени, созданный для строительства жилого комплекса МЖК и проработал там полтора года формовщиком, стропальщиком, бетонщиком, мастером, совмещая эти профессии с работой программистом в ЗапСибНИГНИ, участвуя в общественной работе отряда и являясь заместителем секретаря комсомольской организации по идеологии. В отряде МЖК я вступил в члены КПСС, заработал грыжу, но получил квартиру (работая в научно-исследовательском институте, я бы получил ее лет через 20). Кроме этого, участвуя в движении МЖК, мы верили, что являемся передовыми активными строителями нового общества, где все проблемы жизнедеятельности человека будут решены: материальные социальные, моральные. Мы воспитывали в себе ценностные ориентации коммунизма, каким мы его себе представляли. К сожалению, этот эксперимент, как и многочисленные эксперименты советского прошлого, не удался. Начинались 90-годы двадцатого

столетия, на смену пришли другие интересы и ориентиры. Я вернулся в ЗапСибНИГНИ, продолжил писать кандидатскую диссертацию по геофизике и программированию, которую начал до поступления в отряд МЖК.

В 1990 году мой друг Александр Горшкалев, о нем говорил, тогда уже успешный бизнесмен, пригласил меня заместителем директора по информационным технологиям в возглавляемый им Фонд социальных изобретений г. Тюмени. Какими только проектами мы не занимались! Наш фонд был первой фирмой, которая поставила в Тюмень первые американские персональные компьютеры. Мы создавали школы обучения английскому языку, внедряли новые образовательные технологии, реализовывали строительные и риэлторские технологии. В рамках функционирования Фонда исполнялись и социальные проекты. Так, например, мы были инициаторами (совместно с главным редактором газеты «Тюменский курьер». Гольдбергом Р. С.) проекта «Книга расстрелянных», где опубликованы данные о всех расстрелянных в сталинское время людях. А в 1991 году я уехал в государство Израиль.

Олег, последняя фраза даже здесь звучит неожиданно… Что произошло в твоей жизни, что ты столь резко поменял ее ход? Ты хоть завершил диссертацию? Как тебя приняла «земля обетованная»?

Я прекратил писать диссертацию, когда ушел в Фонд социальных изобретений, именно тогда я начал менять ход своей жизни, ушел зарабатывать деньги для того, чтобы эмигрировать в государство Израиль. Конечно, серьезно я не воспринимал эмиграцию в том смысле, что навсегда покину Россию. Дома у меня оставалась мама, родные места – город Тюмень. Просто захотелось посмотреть мир, а по-иному не получалось, тогда за границу вход был воспрещен. Поэтому, заработав деньги на выезд, в 1991 году (а в Москве происходил путч!) я выехал в Израиль на постоянное место жительства, в город Ашкелон (там у нас оказались родственники). «Земля обетованная» приняла мою семью по-разному (я тогда был женат второй раз, и у меня росла дочь от этого брака). Моя жена категорически не восприняла Израиль как место жительства и все время проживания там грезила о России. Дочь органично вошла в израильскую жизнь, ей было 8 лет, когда мы туда приехали. Я тоже достаточно легко вписался в тамошнюю действительность: полгода учил иврит, подрабатывал вместе с женой, разнося рекламные проспекты, а затем устроился на работу слесарем на завод по производству подсолнечного масла. Пришлось «пахать», но затем помогли родственники и устроили меня на завод со станками с числовым программным управлением тоже слесарем. С работой тогда в Израиле было туго, слишком много «олим ходашим» (эмигрантов) из России приехало на свою «доисторическую родину». Параллельно с работой я поступил на курсы программистов, и, так как я достаточно свободно изъяснялся на иврите, вскоре меня перевели программистом на станки с числовым программным управлением. На полгода позже в Израиль эмигрировал мой родной брат Марк с семьей, мы все переехали

в город Бат-Ям. Так как Марк был кандидатом экономических наук, а я достаточно много занимался наукой в России, вместе с еще одним другом Аркадием Цитриным (кандидатом физико-математических наук и поэтом одновременно) мы подали втроем просьбу о получении научной стипендии для каждого. Просьба была удовлетворена, в 1993 году мы получили стипендию на три года, что дало нам возможность достаточно безбедно жить без дополнительных работ. Но так было скучно, поэтому мы, во-первых, оформили заявку на грант на изобретение Аркадия Цитрина на массажное устройство для водителей (три компаньона: я, Аркадий и Марк), получили деньги на строительство завода по производству этих устройств. Правда, сам завод в секторе Газа уже строили не мы, поэтому и из этих денег мы ничего не получили. Но зато сам процесс обоснования гранта был великолепен! Во-вторых, мы основали бизнес учебного туризма, к нам приезжали по две-три группы в году из России на месяц, и мы проводили обучение, семинары, экскурсии с ними, организовывали проживание и питание. Мама к нам тоже приезжала и посылала своих студентов, так же, как и Тюменский государственный нефтегазовый университет (ректор Карнаухов Н. Н.). И так продолжалось до 1996 года, когда я, будучи не только гражданином России, но и гражданином Израиля, защитил в России кандидатскую диссертацию по политической социологии.

Снова мама сумела меня убедить, что, если я собираюсь вернуться в Россию (а это желание к 1996 году окрепло и приобрело вид целенаправленного стремления), защита диссертации необходима, если я хочу преподавать. А я хотел! В процессе организации учебного туризма в Израиле мы читали лекции, проводили деловые игры, и мне все больше нравилось быть в тандеме: преподаватель – студент. Диссертация у меня была на стыке двух направлений: социологии и информационных технологий (я же был программистом), а любовь к социологии привила мне мама. Затем я вернулся в Россию, мой брат Марк уехал в США, а Аркадий Цитрин, наш компаньон, позже эмигрировал в Канаду. «Разбросало нас по свету много лет тому назад…»!

Таким образом, в Израиле ты прожил пять лет и вернулся уже не геологом, а социологом-политологом и информационщиком. Очень неплохо. И чем ты решил заняться в России? Информационщики, тем более, с западным опытом, по-моему, ценились на вес золота...

Я вернулся с западным опытом, но я хотел преподавать в вузе, там тоже был необходим западный опыт. И я пошел в Тюменский государственный нефтегазовый университет. Взяли меня сначала ассистентом на кафедру «Маркетинг и муниципального управление», где заведующей была моя мама. Пройдя путь до доцента, читая дисциплину «маркетинг», я понял, что, при использовании своего зарубежного опыта, знаний информационных технологий и социологии, я могу несколько больше, чем только преподавать.

Именно тогда я встретил женщину (я ушел из второй семьи сразу же после приезда в Россию), Наталью Цицюру, свою будущую жену, которая полностью поддержала все мои начинания. Я обратился к ректору ТюмГНГУ Карнаухову Н. Н. с инициативой о создании новой кафедры «Математика и информатика» со спецификой преподавания математических и информационных дисциплин на экономических специальностях университета. Меня поддержали, кафедра была создана, и я был назначен заведующим кафедрой. Это был 1997 год. Кроме руководства кафедрой, я преподавал дисциплины информационного профиля в ТюмГНГУ и ТГИМЭУиП, мамином институте, начал писать докторскую диссертацию на стыке социологии управления и информационных технологий, занимался наукой. На кафедре мы с сотрудниками и преподавателями открыли в 1998 году новую специальность «Математические методы в экономике». И тогда я понял, что это – мое дело, что, когда с огромным энтузиазмом идешь на работу и с ним же возвращаешься домой, это и есть счастье, это и есть полноценная жизнь, это то, что мы обозначаем одним емким словом - «состоялось»!

Я много лет работал в Институте социально-экономических проблем АН СССР, дружил с замечательным ученым и человеком Борисом Львовичем Овсиевичем, слушал доклады Николая Николаевича Воробьева и его учеников по теоретико-игровым методам в экономике и понимаю, насколько сложна и многогранна тема «Математические методы в экономике». Чем конкретно занимается твоя кафедра, кого вы готовите?

Изначально моя кафедра называлась «Математика и информатика», преподаватели вели курсы математического и информационного профиля для экономических специальностей ТюмГНГУ, и было нас всего 10 человек. До сегодняшнего дня кафедра еще два раза меняла свое название, после открытия новой специальности она стала называться «Математические методы в экономике» и, кроме обслуживания экономического направления подготовки, организовывала обучение студентов на одноименной специальности «Математические методы в экономике». На кафедре было 11 выпусков специалистов экономистов-математиков. В 2011 году в рамках коренного преобразования системы высшего образования в России, когда была внедрена новая многоуровневая система обучения в вузах, мы на кафедре открыли новое направление «бизнес-информатика» (бакалавриат, магистратура). В третий раз кафедра поменяла свое название в 2014 году в рамках структурных преобразований в ТюмГНГУ и стала называться кафедрой бизнес-информатики и математики. Сегодня кафедра – это 50 преподавателей и сотрудников, которые ведут занятия по дисциплинам математического и информационного профиля у всех специальностей и направлений ТюмГНГУ, организуют обучение студентов бакалавриата и магистратуры по направлению «Бизнес-информатика». Кроме этого, я являюсь научным руководителем аспирантов и соискателей по специальности «социология управления».

Таким образом, на кафедре мы готовим бакалавров и магистров широкого профиля – аналитиков со знанием математики, информационных технологий, экономики и специалистов высшей квалификации в области социологии. Поэтому и достаточно разнообразна кафедральная научно-исследовательская работа в области управления регионом, кадровой политики, социального прогнозирования, применения информационных технологий и математического аппарата в экономике, социологии и политике, разработки автоматизированных информационных систем при постановке и решении управленческих задач.

Фактически, это – исследовательский институт. Интересно и неожиданно. Наверное, вы выполняете большой объем заказных исследований, и не только для нефтегазовой индустрии. Пожалуйста, назови некоторые результаты прикладного характера, которые сейчас тебе кажутся наиболее значимыми.

С какими ВУЗами, исследовательскими институтами России и зарубежья вы сотрудничаете?

Еще в рамках защиты докторской диссертации, тема которой звучала следующим образом «Система управления регионом: детерминанты, информационные технологии, модели», я разработал новое теоретическое и методологическое направление в решении актуальных проблем управления регионами – информационное, названное мною информационной регионологией. Это направление призвано эффективно решать региональные проблемы, способствовать оптимальному развитию регионов в рамках всей страны. А так как оптимальное развитие регионов включает в себя все аспекты общественной деятельности людей, то мои аспиранты и соискатели (на сегодня у меня более 20 защитившихся кандидатов и 2 доктора наук) проводят со мной вместе исследования различной направленности (например, исследования в области российской банковской сферы, социальной политики РФ, информационного обеспечения различных сторон процесса управления, негосударственного пенсионного обеспечения и др.). В 2004 году я совместно с коллегами выиграл грант Губернатора Тюменской области на проведение исследований и написание монографии по вопросам организации системы управления городом. Также в 2004 году участвовал в гранте, выигранном совместно Тюменским государственным нефтегазовым университетом и Институтом социально-политических исследований РАН, по проблемам управления Тюменским регионом. В 2005 году совместно с коллегами выиграл грант Губернатора Тюменской области на проведение исследований и написание монографии по вопросам организации независимого центра изучения общественного мнения. В 2008-2010 гг. участвовал вместе с мамой в разработке программы Администрации Тюменской области и Совета ректоров Тюменской области «Кадры – 2010: Профессиональное образование в Тюменской области»; в 2012 г. – в социологическом исследовании на тему «Изучение общественного мнения по вопросам социально-экономического

развития села» (вместе с Белоножко М. Л.), заказчиком которого была Тюменская областная Дума и некоторых других. Мы тесно сотрудничаем с Институтом социологии Российской академии наук, кстати, сейчас в Тюмени создан его филиал на базе Тюменской областной думы (директор Юдашкин В. А.).

Кроме этого, я член двух диссертационных советов: социологического и экономического, и через них мы тоже сотрудничаем с социологами многих регионов России (они нам направляют соискателей на защиту диссертаций, так как во многих городах России закрыты социологические и экономические советы), в частности, из Новосибирска, Иркутска и др. После того, как мама прекратила работать, к сожалению, у нас были утеряны контакты с зарубежными вузами, есть, правда, связи с Казахстаном, но на уровне их публикаций в нашем сборнике «Математические методы и модели в управлении, экономике и социологии», который издает моя кафедра. Еще мы проводим каждый год, начиная с 2009 года, Международную научно-практическую конференцию «Проблемы формирования единого пространства социально-экономического развития стран СНГ».

Да, Олег, очень здорово, рад, что ты нашел свою нишу, синтезировал различный опыт. Была бы Клара Григорьевна здорова, радовалась бы этому. А кто-либо из твоих детей пошел по социологической тропе?

К моему сожалению, пока никто из старших детей не пошел по нашим с мамой социологическим стопам. Григорий, старший сын от первого брака, кандидат юридических наук, правда работает преподавателем в двух вузах, в нашем ТюмГНГУ и ТюмГАСУ, преподает правовые дисциплины. Кроме этого, у него с друзьями своя юридическая фирма. Кира, дочь от второго брака, живет с мужем в Москве, работает начальником управления персоналом совместной российско-американской фирмы в области нано-технологий (закончила экономический факультет в мамином институте). Старший сын от третьего брака, Илья, ему 15 лет, четко ориентирован на профессиональный футбол (с 6 лет занимается профессионально в мини-футбольном клубе города Тюмени), несмотря на то, что у него 1-й взрослый разряд по шахматам, играл с чемпионом мира А. Карповым в сеансе одновременной игры, в 4-м классе был 5-м по результатам математической олимпиады в Тюменской области (правда, по футболу он уже кандидат в мастера спорта). Младший сын, Семен, возраст 11 лет, пока не определился, хотя тоже играет профессионально в футбол и дополнительно занимается шахматами. Время покажет!

ХАЙРУЛЛИНА Н. Г.: «УЖЕ 25 ЛЕТ Я СОВМЕЩАЮ ДВА ЛЮБИМЫХ ДЕЛА: ЗАНИМАЮСЬ СОЦИОЛОГИЕЙ И ПРЕПОДАЮ»

Нурсафа, в последние годы я все большее внимание уделяю предбиографии моих собеседников, т. е., изучению семьи человека до его рождения. Насколько глубоко (далеко) Вы знаете историю своей родительской семьи? Кто Ваши родители и предыдущие поколения, где они живут (жили)...?

Историю родительской семьи я изучала по-разному. В семь лет впервые с мамой уехали из Тюмени в другой город, в Казань, на родину моих предков по материнской линии. Мама знакомилась сама и знакомила меня с родственниками, спустя 20 лет уже я везла маму в Казань к родственникам. Но опыт непосредственного общения у меня был только с одной бабушкой (мамой моей мамы) Сабирой. Она родилась в Казани и вместе со своими родителями (их звали Бибизахида и Мухамадвафа) в 1912 году вынуждена была покинуть родные края в поисках лучшей жизни (их фотографии мне передали родственницы осенью 2014 г., фотографиям 102 года) во время массового голода в Поволжье. Знаю, что отца моей прабабушки звали Шамсутдин.

Бабушка была единственным ребенком в семье. В поезде многие заболели тифом, от них заразились и родители бабушки, через несколько дней они умерли. Сабира осталась сиротой. Конечная станция, куда прибыл поезд, называлась Боготол, это за Томском. Помню, когда я ездила в служебную командировку в Томск на поезде, то проезжала мимо этой станции. Можете представить мое состояние, как я волновалась, вспомнив эту историю. Бабушка вышла на конечной станции одна. Как она обустроилась, не запечатлелось в моей детской памяти, но знаю, что она там вышла замуж, а через несколько месяцев, набирая воду в колодце, встретила проходивших мимо родственников, которые следующим поездом приехали в Боготол. Представляете, она с ними убежала и вернулась сначала в Ялуторовск (75 км от Тюмени), после - в деревню Менгар (59 км от Тюмени). В этой деревне она прожила всю свою жизнь, здесь она вышла замуж за Ахмэтжана, и у них родились дети, в их числе моя мама Хадия. Дед был трудолюбивый, имел маслобойню, и за это в 1937 году его репрессировали. Спустя шестьдесят лет я собирала документы, необходимые для оформления льгот для репрессированных родственников. Мне пришлось запросить документы в архиве Комитета государственной безопасности. В одну из встреч мне вынесли дело моего деда, я видела его роспись под показаниями, подписи «тройки» односельчан, которые решили его судьбу и судьбу его детей, мою судьбу. В своей жизни я никогда его не видела, как и не видела дедушку со стороны отца. Он ушел на фронт, но не добрался даже до места назначения, их эшелон попал под бомбежку. Бабушка со стороны отца умерла в феврале 1965 года, а я родилась 1 мая того же года. Так что и ее я не видела. По словам мамы, родители моего отца также мигрировали из

Казани, но надежда, что связь с казанскими родственниками будет найдена, есть, не все потеряно, все еще впереди. Мой двоюродный брат, сын старшего брата моего отца, два года назад разыскал отцовских родственников в Казани и ездил к ним, следующий шаг за нами.

Отец мой, Ахметшин Гафур, родился и до женитьбы жил в деревне Якуши, в 15 км от Тюмени. После свадьбы они с женой некоторое время жили у родственников в Тюмени, потом папа получил первое жилье (в бараке на переулке Молодогвардейцев), где они прожили до мая 1972 года. Папа работал каменщиком и построил дом, в который мы переехали, это была новая трехкомнатная квартира, а в декабре папы не стало. Восемь лет назад я решила показать своим детям дом, где прошло мое детство. К сожалению, на месте барака мы нашли коттедж за высоким забором. Не зря говорят, не стоит возвращаться в прошлое, и я не раз в этом убеждалась.

Нас в семье у родителей три дочери, я младшая. Отец так долго ждал сына, но не дождался, поэтому ко мне относился как к сыну, катал на велосипеде (помню, как однажды моя нога попала между спиц), постоянно давал деньги на карманные расходы, иногда даже брал с собой в пивную. Возле кинотеатра «Октябрь», там, где сегодня работает «Железнодорожный ЦУМ», продавщица из бочки на колесах продавала разливное пиво, иногда квас, а мужчины после работы пили пиво или квас из больших, толстых стеклянных кружек, стоя за столиками на высоких ножках, я умещалась под этим столом.

Мама моя после смерти отца не вышла замуж (хотя предложения поступали), мы были против (жаль, что мы осознали это поздно). Да и мама боялась выходить еще раз замуж: папа, предчувствуя свой ранний уход, часто предупреждал, что после смерти будет смотреть на нее с небес. Мама богобоязненный и очень религиозный человек, трудолюбивая, и в свои 82 года помогает нам по хозяйству и с правнуками, их у нее одиннадцать.

Со старшей сестрой у меня разница в возрасте шесть лет, она очень беспокойная, всегда старается всем помочь: раньше помогала детям готовиться к экзаменам по русскому языку и математике, сейчас с внуками помогает. Она много читает, особенно медицинскую литературу, всегда подскажет, какое лечение требуется при тех или иных симптомах, безошибочно ставит диагноз и «выдает» рецепт на лечение по телефону. У сестры трое детей, 3 внука и 5 внучек, скоро должен родиться внук. Средняя сестра (помню, в детстве она мне пришивала белые воротнички и манжеты на школьную форму, брала на внешкольные мероприятия своего класса, мне было интересно с ними, хотя я младше на четыре года) работает учительницей в школе, преподает математику. Интересный факт из жизни моих сестер: они в один год поступили в Индустриальный институт (старшая после окончания машиностроительного техникума, средняя после школы) на машиностроительный факультет и учились все пять лет в одной группе. В тот год, когда они окончили «индус» (1983 г.),

я в него только поступила. У средней сестры один сын (он наш выпускник) и, в отличие от нас с сестрой, она пока не бабушка.

Нурсафа, спасибо большое, даже читать трудно, представляю, как сложно было все это писать. Что поделаешь, такова наша история... Воможно, мы вернемся к рассказанному Вами, а сейчас перейдем к Вашему детству. Вы были домашним ребенком или ходили в детский сад? Когда научились читать?

Поскольку я была последним ребенком, то находилась под опекой старших сестер больше, чем под родительской. Читать и считать я научилась рано, в пять лет уже читала много и взахлеб, благо библиотека находилась в пяти минутах от дома. Я каждый день брала читать по 5-10 детских книжек большого формата с крупным шрифтом, моя первая книжка – «Краденое солнце» К. Чуковского. Когда я возвращалась в тот же день за новыми книжками, библиотекарь считала, что я их беру, чтобы дома посмотреть картинки. В пять лет я писала такие слова, как «миллион» и «миллиард», этим я всегда гордилась, и когда просила сверстниц (для проверки) написать эти слова, они всегда ошибались. Я была «домашним» ребенком, в детский сад я ходила только один день. Мама рассказывала мне, что я проплакала весь день, и на следующий день меня оставили дома. Домашний ребенок у меня ассоциируется со спокойным, послушным, исполнительным ребенком, а я была «домашней» только потому, что часто находилась дома одна. Я росла свободной, мне все позволяли, сестры брали меня везде с собой, я часто их не слушала, а они меня всегда пытались как-то усмирить, прятались от меня или просто завязывали мне на улице глаза шарфом, говорили, что ведут меня «куда-нибудь», а на самом деле вели домой. Представляете мое разочарование…

В смысле грамотности Вы были готовы к школе, но не было ли проблем с включением в большой, незнакомый коллектив детей?

Полагаю, что проблем не было, иначе я бы это запомнила. Пытаюсь вспомнить… и не могу. Думаю, что это было связано с рядом причин. Мои старшие сестры не отзывались негативно о школе, а мне всегда нравилось учиться новому. В первом классе у меня появились две подружки, с которыми я дружила до конца школы, но только с одной из них - Маргаритой - дружба продолжается и сегодня. Далее (а может, это самое главное), наша соседка по площадке, Елена Карловна Деева, работала в школе учителем начальных классов и приходила к маме каждый вечер, причем, приносила с собой две стопки школьных тетрадей для проверки и целую сумочку с лекарствами. Первая стопка – тридцать тетрадей по русскому языку, вторая - тридцать по математике. И знаете, Елена Карловна мне доверяла не только их проверять, но и ставить ручкой с красной пастой оценки в тетрадках. Я проверяла и классные, и домашние работы своих сверстников.

С грустью вспоминаю о моей первой учительнице, Галине Александровне Кукарских, которая постоянно меня заставляла менять наклон

почерка. Буквы из под моего «пера» выходили прямыми, а она заставляла меня писать их с наклоном вправо, и ей это удавалось. Сейчас у меня почти каллиграфический почерк. И последнее, я всегда была общительным ребенком. После школы во дворе всегда находила общий язык с девчонками и мальчишками. Чего мы только не вытворяли: плавали на самодельном плоту по котловану, забирались на стройку девятиэтажного дома (а в начале семидесятых годов это была редкость), собирали иргу (ягода, от которой язык и губы становились синими) в школьном саду, и многое чего еще было.

Какие интересы проявились и стали развиваться в старших классах? Увлекала ли Вас общественная работа, ведь тогда практически все были членами ВЛКСМ.

Не могу сказать, что увлекала общественная работа, я, как все мои сверстники, сначала стала октябренком, потом (со второй попытки, за не совсем примерное поведение) пионеркой, после вступила, как все, в ВЛКСМ, но в этот период организация уже не являлась такой активной, как в 1970-1980-е годы. Я много читала, готовилась к урокам полит. информации (по четвергам целый урок отводился), участвовала в конкурсах, проводимых на городском уровне. Помню, как стала победительницей в городском конкурсе по противопожарной тематике, меня поздравили и подарили деревянные ракетки для бадминтона (одну ракетку я храню у себя). Тогда иметь ракетки для бадминтона было роскошью, в магазине их нельзя было купить, как и сгущеное молоко или автомобили. Мои дворовые ребята в очередь стояли, чтобы поиграть, и у меня это здорово получалось и получается сегодня. Если бы председатель Правительства Медведев Д. А. объявил конкурс по этому виду спорта, я бы его не подвела точно. В конкурсе по правилам дорожного движения мы победили, команда нашего класса поехала на финальный этап в Ростов-на-Дону.

Как в целом Вы учились в школе, какие школьные предметы нравились больше, какие были раздумья о будущей профессии пои завершении школы?

Училась я легко, без особых усилий, поскольку в школу я пошла подготовленной. До пятого класса любила математику, а спустя многие годы, осознав роль педагога, думаю, что я больше любила учительницу, она так хорошо вела предмет, что с ним у меня не было никаких трудностей. Признаюсь, больше таких педагогов-математиков не встречала ни в школе, ни в вузе (не хочу обидеть никого). Отношение к своему предмету не изменилось и сегодня, я это осознаю на примере школьных учителей (сын школьник, и дочь училась) и на примере вузовских преподавателей (и чаще - со степенями). Я уверена, что непонимающих учеников не бывает (редкое исключение, не дано Богом), бывают незнающие и не осознающие себя как учителя, преподаватели.

Поскольку, повторюсь, с первого класса я проверяла тетрадки учеников (до тех пор, пока Елена Карловна не вышла на пенсию), именно в первом классе я решила, что буду учительницей. Эта игра в учителя происходила

не только во время проверок настоящих тетрадей, мне этого было мало. Я заводила школьные тетрадки своим куклам, писала за них домашние работы, проверяла и выставляла оценки. Моя мечта сбылась спустя двадцать лет, когда я впервые зашла на занятие в студенческую группу. Я не сразу стала преподавать, после окончания Тюменского индустриального института я два года успешно проработала в отделе социально-экономических исследований под руководством Анатолия Николаевича Силина, а после системной «агитации» Сергея Геннадьевича Симонова перешла на преподавательскую работу в альма матер. Забегу вперед, работа в отделе у А. Н. Силина пробудила во мне интерес к социологии (как оказалось на всю жизнь). Отдел занимался проведением социологических исследований на предприятиях Тюменского Севера. Мое первое социологическое исследование – организация спортивно-оздоровительной работы в структурных подразделениях Главтюменьнефтегаза, и я с ним справилась. По материалам данного исследования я в 1989 году выступала в Тюмени на областной научно-технической конференции «Современные технологии и технические средства, повышающие технико-экономические показатели строительства нефтегазоразведочных скважин» с докладом «Проблемы социальной удовлетворенности молодых геологоразведчиков в районах нового освоения».

Вот уже 25 лет я имею уникальную возможность совмещать два любимых дела – заниматься социологией и преподавательской деятельностью, причем они дополняют друг друга, позволяя мне постоянно развиваться, расти, совершенствоваться и самореализовываться. В этом отношении я счастливый человек.

Почему предпочтение было отдано Тюменскому индустриальному институту, а не, скажем, педагогическому? На какой факультет Вы поступали? По мере обучения не возникало мысли о том, что не то выбрали? Не хотелось сменить специальность или даже институт?

1970-1980 гг. – это был период дефицита, в магазинах ничего не было, а если завозили, то разбирали моментально и хлеб, и сгущенку и остальное. И когда в восьмом классе нам сказали, что в девятый пойдут не все, а только лучшие – отличники и ударники (я училась очень хорошо), то я по совету старшей сестры и мамы решила поступать в торговый техникум. Мы росли без отца, мама изо всех сил старалась, чтобы мы жили не хуже других. В детстве социальная несправедливость воспринималась мною особенно остро. Я стеснялась, что у меня нет отца, стеснялась, что татарка, стеснялась питаться бесплатно в школе, и поэтому отказалась от такого питания. А когда не поступила в техникум (диктант нам даже не показали), не вернулась в школу (опять постеснялась), а поступила в торгово-экономическое училище, которое закончила с отличием и поступила в Тюменский индустриальный институт на инженерно-экономический факультет (профильный по моему образованию), сдав один экзамен на пятерку и набрав максимальное количество баллов. Забегу

вперед, я вернулась спустя 25 лет в структурное подразделение ТюмГНГУ - Торгово-экономический колледж (бывшее Торгово-экономическое училище), став его директором. Моей радости не было предела, когда среди учителей и мастеров я встретила тех, кто меня учил торговому мастерству. Среди них Алевтина Васильевна Пичуева (блокадница Ленинграда, приехавшая в Тюмень по распределению, у которой в трудовой книжке была одна запись – год поступления на работу в училище). Ее знания и знания других педагогов остались у меня на всю жизнь, это их умение учить и передавать знания позволяют мне утверждать, что нет глупых и ленивых учеников, есть учителя, которые не умеют или не хотят передавать знания ученикам.

Я не жалею, что поступила в Тюменский индустриальный институт, ведь со второго курса я начала заниматься научной работой под руководством Аллы Петровны Невской на кафедре экономики, организации и управления на предприятиях топливно-энергетического комплекса. Именно ее заботливое, человеческое отношение к нам (спустя годы не вспомню, кто еще был закреплен за ней из нашей группы, знаю, что это 5-6 сокурсников), ко мне, в частности, придало уверенности в себе, в своих силах. Алла Петровна всегда занималась самыми актуальными направлениями на кафедре, теми, которые были на пике актуальности. Она в середине 1980-х годов первой стала заниматься трудовыми отношениями, затем нормативами, а мы с ней учились вместе рассчитывать трудозатраты научных работников, нефтяников, буровиков, геологов и других категорий работающих. Для этого она отправила нас в Тюменскую областную библиотеку, где я работала с такими каталогами, с которыми не каждому было позволено работать. Я искала методики, которыми пользовались ученые в других регионах, других научно-исследовательских институтах. Спустя тридцать лет признаю, что она мне открыла этот долгий путь в науку, долгий и интересный, увлекательный, затянувший меня на всю жизнь. Алла Петровна скромно и добросовестно выполнила свою миссию – направила мою жизнь в нужное русло, что впоследствии повлияло на судьбы не одного десятка моих студентов, которые последовали моему примеру и связали свою жизнь с научной и педагогической деятельностью. А она так и не защитила свою кандидатскую диссертацию, осталась ваковским доцентом и до 2003 г. работала со студентами Тюменского государственного университета на кафедре «Налоги и налогообложение».

Какая научная тематика Вас привлекла в «индусе»? Что это за каталоги, с которыми не всем можно было работать?

В библиотеке есть отдельные помещения, в которых работают только сотрудники. Там на многочисленных полках плотно стояли (тридцать лет назад, сегодня я уверена, их нет) реферативные библиографические указатели по всем научным направлениям. Они, как сейчас помню, стояли по годам. И в каждом указателе я искала научные работы, вышедшие по исследуемой тематике в рамках НИРС (научно-исследовательской работы

со студентами). Как я уже говорила, тематика была чисто экономическая – методики определения трудозатрат, методики по нормированию оплаты труда и др. Далее по этим указателям я смотрела, есть ли она в библиотеке, а если отсутствовала, то изучала возможность заказа через МБО (систему межбиблиотечного обмена). Но это требовало много времени, и не всегда присылали нужную литературу, поскольку востребованная литература, как правило, была на руках у других читателей. Я очень часто приходила в отдел, просила сотрудников принести книги то из одного перечня, то из другого, если они не подходили, я заказывала другие книги, поэтому мне предложили в зале каталогов искать нужные книги самой. В декабре 2014 г., выступая на презентации в Тюменской областной научной библиотеке им. Д. И. Менделеева, я как первый рецензент библиографического указателя «Сибирские татары» поблагодарила составителей за библиографический указатель, а после вспомнила о сотрудниках, которые разрешали мне индивидуально работать в зале каталогов, брать домой книги, чтобы работать ночью, пока дочка спала. Вот так на втором курсе университета у меня зародился интерес к науке, а в шесть лет - к преподавательской работе.

Когда Вы выбрали кафедру для специализации, какие темы наиболее привлекали Вас? К какому курсу Вы уже определились со своими научными интересами?

Все не так просто, как кажется. На втором курсе я решила заняться научной деятельностью, без какой-либо отраслевой направленности. Привязка появилась к научному руководителю. Повторюсь, с детства я мечтала быть учителем, а из меркантильных соображений чуть не стала торговым работником, но мои склонности к учебе, желание познавать новое через чтение огромного количества книг, добросовестные, настоящие педагоги, встретившиеся на моем жизненном пути в училище, позволили мне получить диплом с отличием и задуматься о продолжении образования. А ведь все могло закончиться не так, как сложилось… Примерным поведением я не отличалась с детства, характер был независимый и прямолинейный, это привело к тому, что за поведение мне ставили удовлетворительную оценку. И все же мне хотелось получить «красный» диплом. Сама не знаю, как я в этом призналась старшей сестре (только сейчас, когда я об этом вспоминаю, я понимаю, какую роль она сыграла в моей жизни), и она пошла просить преподавателя биологии, с которой у меня не сложились отношения и которая наотрез отказывалась мне поставить четверку за поведение. На «красный» диплом нужны были только четверки и пятерки. Пятерок у меня было предостаточно, а тройка закрывала передо мной дорогу в вуз. А в середине 1980-х годов поступить в вуз было практически невозможно: места были только бюджетные, конкурс достигал 20-25 человек на место.

Уже на выпускном курсе было решено, что я буду поступать на экономический факультет Тюменского индустриального института. На

втором курсе закрутилась моя научная деятельность, но продолжения так и не получила: к концу обучения мы (студенты) испытали на себе последствия разделения власти на кафедре, в конечном счете, наша кафедра была разделена на три самостоятельных. Этот период затрагивать не по этическим соображениям (все лица и сегодня продолжают работать в университете, внося вклад по своим направлениям деятельности). Из-за этого и интерес к экономической проблематике к концу обучения был погашен окончательно (чему я очень рада). Именно эти события привели к тому, что на распределении я отдала предпочтение не преподавательской работе на кафедре, а выбрала «неизведанность» в научно-исследовательском институте, где с самых первых месяцев работы я погрузилась в социологическую атмосферу. Я писала, что не успела приступить к работе, как получила задание на разработку программы проведения социологического исследования. Это было страшно, ответственно и увлекательно одновременно.

После получения социологической «прописки» я много работала под руководством Анатолия Николаевича Силина, он легко и уверенно раздавал задания на освоение новых социологических горизонтов, я стала писать научные отчеты, готовить статьи на конференции, неоднократно выполняла командировочные задания в Новосибирске, работала в Академгородке, где познакомилась с Юрием Владимировичем Попковым и Василием Васильевичем Мархининым, с которыми поддерживаю тесные научные контакты и сегодня (расскажу позже).

Проработав несколько лет я смогла поступить в аспирантуру Тюменского государственного университета к А. Н. Силину, который после реорганизации нашего отдела перешел на преподавательскую работу на кафедру социологии. Поступить в аспирантуру после окончания вуза можно было только благодаря связям или влиятельным родителям. Не имея ни того, ни другого, я добросовестно отработала положенные три года. Мои научные интересы на первоначальном этапе формировались конъюнктурно: в начале 1990-х годов госбюджетная наука разваливалась, набирала обороты хоздоговорная наука. Социология оказалась на грани выживания, как и другие науки. В 1993 году Анатолий Николаевич как раз заключил договор с Комитетом по делам малочисленных народов Севера Администрации Ханты-Мансийского автономного округа. Он предложил мне заниматься социально-политическими проблемами коренных народов Севера, я предложение с готовностью приняла, более того, данная проблематика легла в основу моего диссертационного исследования. Поскольку коренные малочисленные народы округа находились в местах своего исконного проживания, то для их изучения мы регулярно выезжали в районы Ханты-Мансийского автономного округа для проведения полевых исследований в национальных поселках, знакомились с традициями ханты и манси, их обычаями, обрядами, посещали музеи декоративно-прикладного искусства, встречались с руководителями

общественных организаций (В. Гоголевой, Т. Молдановой, З. Рябчиковой), с представителями национальной интеллигенции (писателем Е. Айпиным, художником Г. Райшевым). По результатам исследований мы готовили не только научные отчеты, но и тезисы на конференции регионального, российского и международного уровня. На VI международном Соловецком форуме в Архангельске (в 1994 г.) я впервые выступала с докладом.

В 1993 году в рамках хоздоговорной работы я познакомилась и с Верой Владимировной Гаврилюк, которая работала на кафедре вместе с А. Н. Силиным и в научном проекте отвечала за вопросы образования детей коренных народов Севера. С В. В. Гаврилюк у нас завязалось не просто научное знакомство, а научное сотрудничество и научная дружба, которая продолжается и сегодня. Первый совместный отчет был подготовлен на тему «Изучение социально-этнической ситуации в Березовском, Белоярском, Октябрьском и Кондинском районах, разработка социологического мониторинга и моделей хозяйствования в новых условиях». Главным достижением в научной работе, стимулом к ее продолжению (не секрет, что к коренным народам Севера отношение было более негативное, чем к другим народам Советского Союза) явилась публикация моей статьи «Современные проблемы оптимизации традиционного хозяйства коренных народов Ханты-Мансийского автономного округа» в 1994 году в журнале «Социологические исследования», главном социологическом журнале СССР и сегодня и России.

Интерес к проблематике коренных народов в научном сообществе возрос и укрепился и в связи с тем, что 1995 год был объявлен ООН годом коренных малочисленных народов Севера. В 1994 году я впервые столкнулась с деятельностью Научно-исследовательского института возрождения обско-угорских народов и руководителем отдела экономики традиционного природопользования Терентием Герасимовичем Харамзиным. Совместно мы готовили научные отчеты, а позже, когда и хоздоговорные работы перестали заключаться с вузами, мы на личном энтузиазме и за личный счет проводили мониторинговые исследования. Было опубликовано около десятка совместных монографий, подготовлено несколько кандидатов наук из представителей коренных народов.

В 1995 году я подготовила тезисы и выступила на Всероссийской научной конференции «Этнополитика на пороге XXI в.» в Казани, где познакомилась с замечательным человеком, доктором социологических наук Таслимой Гайсеевной Исламшиной, занимающейся этнической проблематикой. Моим руководителем как раз и была поставлена задача найти известного социолога, который мог бы подготовить отзыв ведущей организации, поскольку кандидатская диссертация была уже готова. С последней задачей я успешно справилась. После возвращения домой, как мы условились, я отправила на суд Таслимы Гайсеевны диссертацию. Она мне позвонила и сказала строго, что,

пока я не переработаю первую главу, она мне не даст положительного отзыва. Поскольку отступать было некуда, я, приложив все свои усилия, доработала первую главу по всем замечаниям и отправила диссертацию Таслиме Гайсеевне. После прочтения второго варианта диссертации Таслима Гайсеевна пригласила приехать за отзывом, и я в третий раз (но не последний) поехала в Казань за отзывом. И, казалось, наше общение должно было закончиться, но вопреки трудностям (уже 20 лет) мы с Таслимой Гайсеевной поддерживаем тесные научные и личные контакты: мы обмениваемся статьями, пишем рецензии на авторефераты аспирантов, выступаем в качестве ведущих организаций и оппонентов, пишем совместные монографии, а главное – общаемся как научная мама с научной дочерью. В 2014 году ей исполнилось 75 лет, но она полна оптимизма, пишет статьи, монографии, а в юбилейном году и я участвовала в написании коллективной монографии казанских ученых «Российское общество 2010-х годов: связь времен и поколений».

Вы многое рассказали о том, как Вы начали изучать жизнь коренных народов Севера, с кем работали по этой тематике, как она стала предметом Вашей кандидатской диссертации. А в чем, собственно, состояла эта проблема? Что ее породило?

Обращаясь к проблематике коренных малочисленных народов Тюменского Севера, я понимала, что она меня все глубже погружает (и затягивает) в исследование новых и новых проблем. Сначала это были экономические модели хозяйствования, затем элементы их социальной инфраструктуры, социальное самочувствие, потом межэтнические отношения, этнокультурная ситуация, культура, традиции, обычаи, традиционное мировоззрение… и не только северных этносов. Но сначала были ханты и манси…

Погружаясь в эту тематику в начале 1990-х годов, я не осознавала роли северных территорий, уникальности их природно-экологического и стратегического положения, почему они являются объектом промышленного освоения нефтегазовых компаний. Позднее я поняла, что безопасность северных территорий, их развитие и сохранение от техногенных, политических, социально-экономических и других катаклизмов является актуальной не только для России, но и для Канады, США, скандинавских стран. Из всех государств зарубежной Арктики больше общего с российским Севером у США (Аляска) и Канады, но у нас дело обстояло гораздо хуже, промышленное освоение шло более интенсивно и в менее цивилизованных формах. Если на Аляске вторжение в «буш» осуществлялось лишь в зоне нефтедобычи и трансаляскинского нефтепровода, то у нас шло тотальное наступление на земли коренных народов Севера, приводящее к уничтожению оленьих пастбищ, охотничьих угодий, традиционных промыслов, к загрязнению рек, озер и пр. А если к этому добавить последствия насильственной трансформации традиционного образа жизни в ходе коллективизации в 1930–1940-е годы, огосударствление

в 1950–1960-е годы, внедрение рыночных отношений в традиционное хозяйство в 1990-х годах, то становится ясно, что в регионе практически не осталось места для жизни и традиционных занятий коренного населения.

В современных условиях, когда мы являемся свидетелями отчуждения человека от природы, культуры, для меня изучение возможностей сохранения и развития культуры коренных народов Тюменского Севера (в равной мере ханты, манси, ненцев, сибирских татар), являющейся и сегодня синкретической, целостной, признающей абсолютную равнозначимость трех главных средовых составляющих «природа-общество-человек», стало (затянувшимся во всех отношениях) научным и жизненным кредо.

Уверен, есть специфика в изучении народов Севера, но, думаю, методология, на базе которой Вы вели свои исследования, носила более общий характер. Народы Севера, насколько я знаю, активно изучаются социологами ряда скандинавских стран, американскими учеными. Одновременно, замечу, советскими учеными изучались проблемы малых коренных народов многих регионов страны, начиная от вепсов в Ленинградской области до небольших этнических образований в Дагестане, в бывших южных республиках СССР. В какой мере Вы опирались на эту богатейшую методологию?

Проблемы коренных малочисленных народов Севера по-прежнему привлекают к себе внимание ученых, специалистов, общественности. Сохранить многообразие их культур, языки, традиции, самобытность – это неотложные задачи нашего поколения. Каждая научная школа имеет свой опыт решения аналогичных задач, предлагает свои пути развития, поэтому сегодня особенно полезно изучать результаты научных школ, анализировать опыт, исследовать ошибки и успехи. В своих теоретических исследованиях я анализировала опыт различных школ, но в докторской диссертации предложила свою методику изучения этнокультурной ситуации в северном регионе, которая позже была апробирована и при изучении жизнедеятельности ямальских ненцев, сибирских татар, представителей казахского населения и кавказских диаспор.

Мне хотелось бы обсудить подробнее сказанное Вами. Прежде всего, на основании каких критериев Вы (и другие исследователи) относите те или иные народы Тюменского Севера к «коренным» и «малочисленным»?

В истории российского государства существовало множество подходов к осмыслению положения иноязычного и иноверческого населения окраин («коренного» и «малочисленного»), что отражено в многочисленных документах и системе терминов. На раннем этапе освоения Московским государством Сибири наряду с термином «инородцы» использовались термины «туземцы», «чужеземцы», «инородцы». К числу последних приписывались целые народы, ведущие натуральное хозяйство, основанное на охоте, рыбной ловле, оленеводстве и зверобойном промысле. Период после октября 1917

года изобилует новыми терминами: туземцы Севера, племена северных окраин, северные народности и др., можно привести еще около 20 терминов. Термин «коренной» указывает на «изначальность» определяемого им населения и означает присутствие предков данной группы населения в Сибири в период ее освоения русскими. В 1925-1926 гг. был принят и законодательно закреплен список из 26 «малых народов Севера» (сегодня 29), которые выделялись по этническому признаку и особому характеру традиционных занятий – оленеводство, охота, рыболовство, морской зверобойный промысел – и связанными с этим особенностями быта (кочевание). В соответствии с нормами ООН, используется понятие «коренные народы, или народы, ведущие племенной образ жизни», которые находятся на менее высокой социально-экономической стадии развития по сравнению с остальным населением страны. В основах правового статуса коренных малочисленных народов России по отношению к ним заложены два параметра: качественный – проживание на территории традиционного расселения предков, сохранение самобытного уклада жизни, осознание себя самостоятельной этнической общностью; и количественный - численность в России не менее 50 тыс. человек. В современной государственной политике они занимают особое место, что отражено в Конституции РФ, которая гарантирует защиту прав и интересов в соответствии с общепризнанными принципами международного права, защиту их исконной среды обитания и традиционного образа жизни.

Безусловно, Вы знаете картину В. И. Сурикова «Покорение Сибири Ермаком», законченную в 1895 году. Как в наше время трактуют историки поход Ермака? Есть ли своя интерпретация похода Ермака у коренных народов Севера?

Конечно, я видела картину Сурикова, в которой он стремился показать непоколебимый характер казаков под предводительством казачьего атамана Ермака в битве с татарами под предводительством хана Кучума. Историки трактуют это событие как освобождение Ермаком Сибири от татарского хана Кучума, успешно начавшееся по приказу Ивана Грозного, который объявил войну хану Кучуму. В нашей Тюменской областной научной библиотеке им. Д. И. Менделеева хранятся более 160 трудов, подготовленных в различные исторические периоды на основе летописей, летописных известий, архивных документов по колонизации Сибири, о походе Ермака в Сибирь, о хане Кучуме и его потомках. Судя по имеющимся работам, однозначной оценки данного события нет. Определенная часть работ подталкивает к мысли, что это была колонизация Сибири (покорение), другая часть – что это было освобождение Сибири, в третьей части работ идет спор по некоторым вопросам «Ермакова взятия» «Кучумова царства». Этот вопрос является и сегодня дискуссионным, как и вопрос гибели Ермака, о месте последнего сражения и захоронения. Мне кажется, настало время для анализа имеющихся в архивах летописей письменных источников для осмысления (или переосмысления) произошедших

в конце XVI века событий. Прошло уже четыреста лет, но и сейчас татарское население не поддерживает рассказы о Ермаке, не согласны татары и с тем, что он освободил Сибирь, они – против скромного памятника, установленного в его честь в областном центре. Уверена, что в современных условиях нельзя манипулировать историческими событиями, которые могут привести к разжиганию межнациональной вражды и всплескам национализма.

Летом 2014 года я участвовала в этно-социологическом исследовании современной этно-конфессиональной ситуации в регионах РФ (в частности, я проводила глубинные интервью с представителями духовентсва, органов власти и верующими Тюменской области), которое проводилось Академией наук Республики Татарстан. По итогам данной работы и анализа архивных документов я подготовила статью в коллективную монографию, которая находится сейчас в печати. Важный вопрос, который мне следовало осветить в статье – процесс проникновения ислама в Западной Сибири. Мне пришлось изучить большое количество исторической литературы. Работа меня увлекла, поскольку мне это было интересно не только (не столько) с научной точки зрения, а в связи с тем, что я исповедую религию, основы которой мне следовало описать – ислам. Посвящу и Вас в эту тему. Несмотря на имеющиеся сведения, вопрос о времени исламизации татар в Западную Сибирь остается дискуссионным. Однако, большинство исследователей, благодаря публикации в 1905 г. рукописи Н. Ф. Катанова, началом исламизации края считают конец XIV в., связывая это со временем прихода на берега Иртыша и Тобола в 1394-1395 гг. первых исламских миссионеров. Я не предполагала, что на первоначальном этапе ислам насаждался насильственно, о чем говорят две древние рукописи, написанные представителями мусульманского духовенства Саидом Вакасом Аллакуловым и Кашшафом Абу – Саидовым, переведенные на русский язык и опубликованные Н. Катановым в статье «О религиозных войнах учеников шейха Багаутдина против инородцев в Западной Сибири». Согласно этим рукописям, из Средней Азии пришли вооруженные шейхи-проповедники («шейх», с арабского буквально старик, титул правителей княжеств) и учинили «великое сражение за ислам с язычниками и татарами» (татары ранее также были язычниками). Из 366 воинственных шейхов 300 погибли, 3 проповедника обосновались в Сибири, чтобы обучать основам своей веры местные народы. Остальные 63 миссионера, оставшиеся в живых, вернулись в Священную Бухару, чтобы доложить о выполнении задания. Позднее, когда ислам был повсеместно принят сибирскими татарами, самих шейхов стали почитать как святых, а их могилы называть «астана» (в переводе с арабского «астанэ» означает порог двери, вход во дворец» В вышеуказанной рукописи перечислено 29 священных захоронений (астана), ставших впоследствии предметом культа святых мучеников (аулия) среди сибирских татар. Двум из них (Искерской и Баишевской) придан статус памятников истории и культуры федерального значения, остальным – статус памятников регионального значения. Некоторые

из этих святых мест до сегодняшнего дня почитаются татарами-мусульманами и являются местами своеобразного паломничества.

У коренных народов Севера образы Кучума и Ермака в легендах представлены не так богато, в отличие от тюркоязычного населения, хотя окончательный разгром Кучума произошел на Оби в 1598 г. Тем не менее, в Ханты-Мансийске, Сургуте, Нижневартовске, Тобольске и других северных городах Тюменской области проводятся конференции, чтения по спорным проблемам сибирского похода дружины Ермака.

В связи со сказанным Вами, задам еще пару вопросов. Обсуждается ли сейчас социологами, культурологами, элитой коренных северных народов тема русификации, проникновения православия в культуру народов, которые долго оставались язычниками? Актуальна ли эта проблема сейчас?

Более двадцати лет я занимаюсь проблематикой коренных малочисленных народов Тюменского Севера и все эти годы не как сторонний наблюдатель участвую в обсуждении обозначенных Вами вопросов. Интерес социологов, культурологов, представителей национальной интеллигенции не снижается, наоборот, с каждым годом они ставят новые вопросы перед научным сообществом, требующие осмысления и обсуждения. В Ханты-Мансийске уже стали традиционными «Югорские чтения», проводимые в рамках Всероссийской научной конференции, где научные сотрудники Обско-угорского института прикладных исследований и разработок, финно-угроведы округа и других городов России обсуждают проблемы коренных народов Севера, связанные с их жизнедеятельностью, традиционным образом жизни, практикой природопользования. Ученые докладывают результаты своих исследований проводимых в округе на конференциях по этнической истории, этнопедагогике, этнопсихологии, языкознанию и др.

С 2002 года Сургутским государственным университетом (ХМАО-Югра) издается научный и культурно-просветительский журнал «Северный регион: наука, образование, культура», главный редактор которого – уважаемый мной Василий Васильевич Мархинин, д.ф.н., профессор (мой оппонент по докторской диссертации). Благодаря усилиям Василия Васильевича тема русификации проникновения православия в культуру народов, которые и сегодня остаются язычниками, отражается на страницах журнала. Подтверждением высказанного тезиса являются результаты исследований традиционного мировоззрения ханты и манси, проведенные в середине 2000-х годов моей аспиранткой. И сегодня в традиционном мировоззрении северных этносов существуют сверхъестественные существа (духи), представляющиеся не только в образе человека (это, например, «Золотая женщина» и «Обской старик»), но невидимыми, бессмертными, непостоянными в своей форме существами, способными мгновенно менять свое местонахождение в пространстве и, как правило, бесплотными (например,

лесной дух, духи неба, водяной дух, духи нижнего мира и др.). Более того, каждый четвертый посещает священные места. Я должна признаться, что однажды сама приняла участие в обряде приветствия священного места. Я ехала в Полноват для проведения полевых исследований с сопровождающим меня хантыйцем. Не доезжая нескольких километров до места нашего пребывания, он попросил водителя остановиться и выйти всех из машины, включая меня, для приветствия священного места. Мы повернулись в указанную сторону, повернулись вокруг себя несколько раз, произнесли определенные слова и пригубили водку (так требовал обычай), а после благополучно прибыли к месту назначения. В традиционном мировоззрении ханты и манси священные деревья занимали важное место.

О том, что ханты и манси остаются язычниками, свидетельствует древняя церемония Медвежьих игрищ с мифическим сюжетом, которая проходит по особому сценарию: с реальными костюмами, масками, с обрядовой хореографией. На празднике проходил обряд отведения вины от себя – медведя «убеждали» в невиновности охотников в его убийстве. «Медвежьи» пляски считаются академией духовной жизни обских угров, в них отразилось мировосприятие человеком единства всего сущего на Земле и во Вселенной. Сегодня этот праздник ежегодно проводится в местах компактного проживания обских угров. Добавлю, что сотрудниками Обско-угорского института прикладных исследований и разработок подготовлены и переданы материалы в ЮНЕСКО досье на присвоение Медвежьим игрищам статуса шедевра устного нематериального наследия человечества.

И вот мой второй вопрос: Есть ли в наше время у детей из татарских семей Тюмени, других мест Вашего региона и Сибири возможность изучать татарский язык, основы татарской истории и культуры? Что вообще в этом направлении сделано властными инстанциями?

На этнокультурное развитие детей различных этносов (не только нашего региона и не только татарских детей, об этом свидетельствуют результаты исследований ученых) большое влияние оказывает родной язык. Родной язык (в нашем случае, татарский язык) должен (и может) поддерживаться и развиваться через этнокультурное образование, которое направлено, в первую очередь, на сохранение этнокультурной идентичности ребенка путем приобщения к родному языку и культуре с одновременным освоением ценностей мировой культуры. По моему мнению, принятие идеи этнокультурного образования подталкивают к созданию национальной системы обучения и воспитания. К сожалению, в Тюмени существует незначительное количество общеобразовательных школ (и учреждений дополнительного образования) с этнокультурным компонентом. Расскажу об основной общеобразовательной школе, включающей в себя этнокультурный

компонент, - тюменской школе № 52. В 1992 году школа она была открыта как национальная татарская школа, в 1999 году стала школой с этнокультурным (татарским) компонентом. Основной идеей создания школы было (и остается) сохранение татарского языка и изучение народных татарских традиций. Сегодня в школе обучается 251 ученик, из них 87 % - дети татарской национальности, 13% - других национальностей. Школа находится в деревне Казарово. В школе изучается татарский язык и литература как самостоятельные предметы ведется факультативный курс «Основы татарской культуры» изучается татарская музыка, костюм, танцы, кухня и пр.

Вторым примером является Ембаевская СОШ, которая, не имея конкретно установленного этно-культурного компонента, поддерживает этнические составляющие татарского населения, приобщает детей к следованию татарским традициям, к изучению национального языка, сохранению культурных ценностей.

Многие годы в Тюмени успешно функционирует Центр творческого развития и гуманитарного образования «Этнос», созданный для формирования поликультурного образовательного пространства в городе, максимально удовлетворяющий потребности детей, семьи (и общества в целом) в этнокультурных образовательно-воспитательных услугах.

На мой взгляд, для нашего многонационального города такое количество учреждений с этнокультурным компонентом слишком незначительно. Учитывая, что сегодня в Тюмени проживают представители 143 национальностей, хотелось бы, чтобы школы нашего города стремились находить специфические формы для развития этнической составляющей у всех обучающихся, а не только у детей, которые переехали в новую для них этнокультурную среду. Ведь это очень важно для жизнедеятельности всего этноса, для сохранения культуры и поддержания (самое главное) гармоничных, бесконфликтных отношений между детьми различных национальностей. Из своего опыта знаю, что дети особенно близко принимают и переживают все, что связано с ущемлением национальных чувств, проявлением национальной неприязни и пр.

Выше Вы заметили, что в своих теоретических исследованиях анализировали опыт различных школ, но в докторской диссертации Вы предложили свою методику изучения этнокультурной ситуации в северном регионе. Нельзя ли изложить два-три теоретических подхода, с которыми Вы не согласились, и показать, почему. Тогда яснее станет Ваша собственная концепция.

Проблематика коренных народов Севера, в которую я была вовлечена моим научным руководителем, легла в основу кандидатской диссертации, а потом переросла и в докторскую диссертацию. Безусловно, тематика изменила свою направленность: начинала я с социально-политических проблем аборигенных народов Севера Ханты-Мансийского автономного округа, которые

обнажились в период крупномасштабного освоения Тюменского Севера, превратив наш регион в так называемый «валютный цех» страны. Я никогда не могла предположить, что в середине 1990-х годов в большинстве населенных пунктов округа не может быть газа, электричества, что организм ханты и манси генетически не приспособлен к расщеплению алкоголя, что проблема роста алкоголизма и наркомании по своей остроте может превышать проблемы роста преступности и безработицы, приводя к нравственной деградации и маргинализации этноса в целом. Я не могла предположить, что обучение детей в школах-интернатах приводит к фактическому исключению семьи из процесса воспитания и обучения, что дети отрываются от традиционной культуры, языка, обычаев, а это приводит к формированию у них комплекса неполноценности. Что многие девушки, получившие интернатское образование, остаются в городе и предпочитают быть матерью-одиночкой, родив ребенка без мужа, чем выйти замуж за мужчину своей национальности и вернуться в места традиционного расселения. Как следствие, местные парни остаются холостяками, спиваются и…. этот список может быть продолжен. И чем больше я погружалась в проблемы коренных народов, тем больше мне хотелось узнавать, изучать, видеть, писать.

В докторской диссертации я провела социологическую диагностику этнокультурной ситуации в северном регионе. Для этого были изучены многочисленные научные подходы, не буду перечислять здесь фамилии и имена отечественных и зарубежных исследователей, в трудах которых обоснованы наиболее общие закономерности культурных процессов, их историческая взаимообусловленность, зависимость от географических, природно-климатических особенностей среды, этнических, религиозных и других особенностей этносов. Но в них я не находила методологических оснований для исследования своей проблематики, проблематики коренных народов Севера, которые вели традиционный образ жизни в гармонии с окружающей их суровой природой и были вытеснены с традиционных мест обитания в связи с нефтегазовым освоением региона. Мне нужен был такой подход, который бы позволил зафиксировать сложившуюся ситуацию в жизнедеятельности северных народов на пороге третьего тысячелетия, что позволит в будущем проводить сравнительный анализ, выявлять тенденции, видеть зависимости, опираясь на полученные данные. Диагностировались социокультурные установки и взгляды, этническое самосознание, социальное самочувствие, межэтнические браки, межэтнические отношения, языковая ситуация, традиционное хозяйство, оценки социальных перемен и пр. Это позволило на протяжении двадцати лет проводить мониторинговые исследования социокультурной ситуации для прогнозирования ее развития в условиях происходящих перемен, а также предложить механизмы адаптации к социальным переменам, ограничения неблагоприятного воздействия на северную природу и эффективного использования духовных

ценностей традиционных этнических культур. Прав был Ю. М. Федоров, когда говорил, что современная западная цивилизация должна пойти на выучку к тем реликтовым культам и культурам, которые еще содержат в себе человекосоразмерную цивилизованность. И, по моему мнению, именно культуры северных этносов, обладая архетипической глубиной ментальности, должны стать примером возрождения в нашей культуре.

Отвлечемся, Нурсафа, от хронологии. Вы упомянули тюменского философа и социолога Юрия Михайловича Федорова. Я с ним не встречался, но мне рассказывали о нем Ваши коллеги Вера Гаврилюк и Людмила Лебедева. Что Вы могли бы рассказать о нем? В чем смысл его философских, социологических построений?

Я считаю себя достаточно сильным и независимым человеком, но, в то же время, интуитивно чувствую и осознаю необходимость опираться на опыт окружающих людей (мамин опыт вне конкуренции). Например, я прислушалась к напутствию Анатолия Николаевича Силина (моего научного руководителя и позднее консультанта) о необходимости продолжать научную работу после защиты кандидатской диссертации. Его слова о том, что если я остановлюсь хотя бы на один день в работе над докторской диссертацией, то ее защита может отодвинуться на годы или совсем не произойти. Недавно в воспоминаниях Софи Лорен я вычитала, что она за ночь прочла «Имя розы», и решение пришло сразу – я должна прочесть это произведение, и я не пожалела.

Так случилось и с Юрием Михайловичем Федоровым, с которым лично я не была знакома, но, по совету Веры Владимировны взяла почитать недавно вышедший тогда трехтомник «Сумма антропологии». Это было в конце 1990-х годов, тогда я узнала, что он переехал из Москвы, работал долго начальником кафедры №1 (марксизма-ленинизма) в ТВВИКУ, потом в ТГУ и ТИИ. Знаю из рассказа, что это был высокий, красивый мужчина, ушедший рано из жизни, но оставивший после себя серьезные философские работы. Я прочла все три тома, признаюсь, что это мне далось с большим трудом. Во-первых, он философ и излагал различные философские теории своеобразным, только ему свойственным стилем. Моих студенческих познаний в философии, полученных от Клары Григорьевны Барбаковой (на втором курсе она читала нам философию) и при сдаче кандидатского минимума для поступления в аспирантуру, было недостаточно для понимания авторской концепции. Мне пришлось окружить себя философскими, социологическими и энциклопедическими словарями, чтобы поминутно заглядывать в них для понимания смысла написанного Юрием Михайловичем. Так продолжалось несколько месяцев.

Возвращаясь к Вашему вопросу, хочу отметить, что концепция Федорова была мне близка при изучении культуры ханты и манси, поскольку в ней продолжают сохраняться элементы, утраченные большинством современных людей, которые были вовлечены сначала в информационные процессы,

а сегодня в условиях глобализации чувствуют себя как рыба в воде. Когда технический прогресс возьмет верх над природой (а это происходит уже повсеместно), может произойти (и уже происходит - Чернобыль, Фукусима, природные аномалии и пр.) техногенная катастрофа, после которой никто не выживет. И об этом он тоже предупреждает. Тогда его работы мне позволили глубже вникнуть в исследуемую проблематику, разглядеть то, что невозможно было увидеть на поверхности, заглянуть в те стороны жизни ханты и манси, о которых я не догадывалась, а на те, которые успела изучить – взглянуть по-новому, более осмысленно. Я поняла, почему северные народы берут от природы ровно столько, сколько необходимо для поддержания жизни, и почему современные люди берут столько, сколько могут взять от нее, не задумываясь, что наносят невосполнимый урон, почему в Коране написано, что следует не переедать, а ощущать чувство голода... и этот список можно продолжать...

В каком году Вы защитили докторскую диссертацию? Обсуждали ли Вашу концепцию и Ваши выводы на различных научных конференциях? Как работа была воспринята коллегами? Прислушались ли хоть в малой степени к Вашим выводам, рекомендациям властные структуры области, регионов?

Докторскую диссертацию я защитила 19 декабря 2001 года. Поскольку я открывала работу диссертационного совета в 1995 году в университете (я защищалась первой среди восьми соискателей), то и докторский совет, считала, должна была открыть моя работа. Но Клара Григорьевна спокойно рассудила, что моя работа идет на декабрьский совет, а на майский совет докторская диссертация А. С. Гаврина У меня от неожиданности выступили слезы на глазах, а потом начался организационно-подготовительный процесс, так что я только-только успела все завершить к декабрю. И каждый раз в душе благодарила Клару Григорьевну за ее мудрое решение. Чего стоило мне убедить Анатолия Ивановича Шендрика, московского доктора наук, выступить официальным оппонентом. После предварительной договоренности Зинаиды Тихоновны Голенковой с Анатолием Ивановичем я вела с ним только телефонные разговоры, мы договорились, что официальное приглашение, автореферат и текст диссертации я привезу в Москву лично. Я полетела утренним рейсом, планировала вернуться вечерним. Приехала в университет к Анатолию Ивановичу, вручила все как договаривались. Первое, что он взял в руки, был автореферат. Он начал читать его при мне, и… выражение лица Анатолия Ивановича стало меняться. Выяснилось, что я неправильно указала его ученую степень. Я полагала, что он доктор философских наук (уточнить у него или у Зинаиды Тихоновны было нетактично, Интернета еще не было), а он в числе первых защитил докторскую по социологии культуры (вернувшись, я перепечатала автореферат). Но на этом мои приключения в Москве только начались. В начале 2000-х годов в центральном аэровокзале

можно было зарегистрировать билет и уехать автобусом в Домодедово. Приезжаю в аэровокзал, выясняю, что последний автобус уже десять минут как уехал, договариваюсь с частником и еду в Домодедово. Интуитивно чувствуя, что мы опаздываем, он ехал где то по встречной полосе, где по дворам, где на красный сигнал светофора, но и это нас не спасло - мы приехали за 25 минут до вылета самолета. Я рассчиталась, вышла из машины, зашла расстроенная в здание аэропорта, тут ко мне подходит мужчина с вопросом, что случилось, я объясняю, он забирает мой билет и паспорт (в таком состоянии я не успела подумать, что меня могут обмануть), уходит, возвращается минут через пять, провожает до дежурного… и меня одну на автобусе увозят к самолету. Такие невероятные случаи в моей жизни происходят часто, но Бог и молитвы моей мамы меня берегут.

Еще несколько строк посвящу Анатолию Ивановичу Шендрику. Он прилетел на защиту, выступал первым, как первый оппонент, сорок пять минут: тридцать из них хвалил работу, пятнадцать – критиковал. Спустя десять лет после защиты, 19 декабря 2011 года, я позвонила всем своим оппонентам, научному консультанту, чтобы поблагодарить (мы так редко вспоминаем своих учителей): Анатолию Николаевичу Силину (д.социол.н., профессору ТюмГНГУ), Василию Васильевичу Мархинину (д.ф.н., профессору, представителю новосибирской школы, последние годы он работает в Сургутском педагогическом университете), Владимиру Иосифовичу Бакштановскому (д.ф.н., профессору, оппоненту от диссовета) и Анатолию Ивановичу (его, к сожалению, уже нет в живых). Анатолий Иванович рассматривал культурологию как науку о современной действительности, он показывал, что культуролог превращает в научную проблему то, что на уровне обыденного сознания не вызывает сомнения, в этом смысле он заново открывает мир, срывает с него маску тривиальности.

Начиная с 1993 годы, мы проводили мониторинговые исследования в ХМАО с временным лагом два года. С результатами исследований я регулярно выступала на международных конференциях не только в России, но и в Швеции. Полученные данные систематически обсуждались в Научно-исследовательском институте обско-угорских народов (г. Ханты-Мансийск), на заседаниях правительства округа; разработанный инструментарий был апробирован и в ЯНАО. Разработанный мной социологический инструментарий позволяет исследовать социокультурную ситуацию в любом регионе, получаемые результаты актуальны, вызывают интерес среди представителей научного сообщества и с завидной периодичностью становятся предметом обсуждения на научных конференциях, симпозиумах, круглых столах, чтениях и студенческих занятиях.

Вы очень рано стали доктором наук, в 36 лет. Вам не говорили: «Не спеши!», «Не лезь поперед старших!»? Прошло много лет с тех пор, Вы

наблюдаете, как идут дела в социологии...Как Вы думаете, почему сегодя так заметно помолодел (в сравнении доперестроечными годами) состав докторов наук по социологии?

Я кандидатскую диссертацию защитила в тридцать лет, некоторые мои сверстники защитились через три-четыре года после окончания института. У меня все было сложнее: я писала выше, что борьба за власть на кафедре, отношение к способным студентам на выпускающей кафедре (это самое основное) навсегда отбили желание писать диссертацию по экономике, в начале 1990-х годов я могла ориентироваться на экономический совет в Ленинграде. Спустя несколько лет у меня появилась реальная возможность исполнить свою заветную мечту: я поступила в очную аспирантуру ТГУ и через три года успешно защитила кандидатскую диссертацию. По результатам всех защит в 1995 году моя диссертация была признана лучшей, и на Ученом совете университета мне вручили диплом и подарок - магнитофон фирмы «Panasonic» (в середине 1990-х годов это считалось роскошью).

Результаты дальнейших мониторинговых исследований, проводившихся каждые два года, стали оформляться в статьи, монографии, учебные пособия, обо мне стали говорить, на мои работы стали ссылаться, меня стали приглашать, включать в программы мои выступления на конференциях и пр. Это было стимулом для дальнейшей работы, а главную роль сыграло напутствие научного руководителя и предупреждение, что остановка в научных исследованиях смерти подобно для будущей докторской диссертации. Плюс полное включение и погружение в социологическую сферу: когда я себя уже не представляла в другой профессии, тогда я поставила перед собой следующую задачу – защитить докторскую диссертацию.

В 2000 году я показала свою монографию Кларе Григорьевне (она тогда была ректором Международного института), она пригласила к себе, это было очень волнительно. Я не знала, какой вердикт будет вынесен, а он прозвучал так «Нурсафа Гафуровна, монография выполнена на богатом эмпирическом материале, и я вижу, что по результатам проведенных исследований в ней есть задел для докторской диссертации, оформляйте и готовьтесь к защите». Вопросов о моем возрасте у Клары Григорьевны, равно как и у других, не возникло. Сегодня (тогда я тоже так считала) я понимаю, что все было сделано правильно и своевременно. Человек существо разумное, поэтому в случае неудачи всегда находит себе оправдание и считает, что в случившемся виноваты обстоятельства или другие люди. Это проявляется у большинства людей, независимо от возраста, образования или пола. Ребенок будет оправдываться, что это не он сломал вазу, мужчины оправдывают свое нежелание идти в больницу загрузкой на работе, женщины отказываются следить за своим весом, ссылаясь на домашнюю работу и пр. А я тогда уже осознавала, что после пятидесяти активность человека, хочет он этого или нет, снижается (после тридцати генетически человек начинает стареть), поэтому старалась не

растрачивать время попусту. Да и, честно говоря, мы тогда видели с экранов телевизора, что в президиумах съездов, собраний, конференций сидели убеленные сединами ученые, некоторых приводили и уводили под руки. А я не хотела и не хочу, чтобы это происходило со мной, поэтому стараюсь быть не только в научной, но и в физической форме (катаюсь на лыжах, на велосипеде, дружу с роликами, горными лыжами, большим теннисом, плаваю в бассейне и пр.).

Я думаю, что к такому осознанию приходят многие современные ученые. Например, я знакома с доктором филологических наук Ириной Советовной Карабулатовой, она защитила докторскую диссертацию в 34 года; на моей кафедре работает профессор Шарапов Роман Дмитриевич, он докторскую защитил в тридцать пять. Таких примеров много. Но мне хочется сказать, что и раньше ученые защищались в молодом возрасте, например, в 1960-е годы Виктор Легостаев защитил докторскую диссертацию по техническим наукам в возрасте 29 лет.

С момента защиты докторской диссертации прошло более десяти лет. Вы продолжаете разрабатывать тот же круг проблем или ушли в совсем новую область?

Безусловно, за тринадцать прошедших после защиты лет круг научных проблем и интересов расширился значительно. На это оказало влияние множество факторов, одним из них является сфера деятельности. В сентябре 2001 года ректор университета Николай Николаевич Карнаухов пригласил меня участвовать в его избирательной кампании по выборам в Тюменскую областную Думу (это была его третья, и в итоге успешная, попытка). Я отслеживала электоральное настроение тюменцев сначала ежемесячно, а в ноябре – еженедельно. У меня «на носу» была защита, сыну полтора года, а здесь такое задание ректора. Напряженными были эти четыре месяца, но Николай Николаевич победил (наши опросы прогнозировали его победу), а я успешно защитилась. В январе 2002 года он предложил мне должность проректора по учебной работе и довузовскому образованию, а 1 февраля я уже сидела в новом кресле и практически рыдала от того, что не могла понять, зачем мне это нужно. Два месяца во мне происходила борьба, я готова была пойти к Николаю Николаевичу с капитуляцией, но мой характер остановил меня. Тогда я новую работу наполнила социологией, и в моем департаменте начались опросы абитуриентов, потом эксперименты по формам набора и качеству поступающих, через год мы отслеживали их успеваемость уже как студентов, через два года выявляли тенденции, формулировали выводы, вносили предложения в правила приема и другие регламентирующие документы. Мои сотрудники стали участвовать в опросах, обрабатывать результаты, писать тезисы на конференции, статьи в журналы, принимать участие в олимпиадах и научных конкурсах (успешно).

За семь лет работы проректором у меня появлялись, расширялись и укреплялись связи в новых сферах. Внося в них социологический опыт и знания, мы открывали новые для себя сферы – гранты Губернатора, РФФИ, ХМАО, Департамента занятости, Комитета по делам национальностей, хоздоговоры с Надымгазпромом, обучение резерва персонала северных предприятий и многое-многое другое. Новые сферы способствовали привлечению молодых учеников, которые вливались в научную социологическую работу, многие мои ученики защитили кандидатские, некоторые работают в нашем университете и сегодня.

В последующие годы я занималась управленческой работой в структурных подразделениях нашего университета (директор колледжа, заведующая отделением, заведующая кафедрой), и там я следовала полученному опыту – везде вносила социологическую искру. Результаты не заставили себя долго ждать: мы писали, побеждали, участвовали, завоевывали, получали награды. И на каждом последующем этапе множились контакты, связи, которые приводили к новым направлениям исследований, расширяя круг проблем и участников для их решения. Сказать хочется о многом, а главное – есть что сказать, например, о журнале «Известия вузов. Социология. Экономика. Политика», с которым связана моя другая жизнь, другая частичка моего сердца, она требует отдельного разговора.

Помню, когда мы познакомились, Вы и были проректором. Какой кафедрой Вы руководите? Какую программу предлагаете студентам? Находят они потом работу? Какие курсы Вы лично читаете?

Кафедрой социальных наук я не руководила и даже не управляла, скорее, вела за собой небольшое педагогическое сообщество - 15 человек, ставших моими последователями. Я согласилась участвовать в выборах на должность заведующей кафедрой по просьбе ректора Владимира Васильевича Новоселова. Все шансы победить у меня были, но конкурентную борьбу за эту должность я прочувствовала на себе. Сомнений, что найду общий язык с коллективом, не было никаких, задача была - поделиться с педагогами моим накопленным опытом научных исследований, привлечь к новым (для них) формам научно-педагогической деятельности и подтолкнуть к саморазвитию и самосовершенствованию. Коллектив оказался пластичным, трудолюбивым, исполнительным. Наши студенты стали побеждать на олимпиадах, участвовать в конкурсах научных работ не только регионального уровня. Например, в прошлом году на конкурс, проводимый Федеральной службой судебных приставов, в Москву мы направили три работы. Преподаватели стали писать больше статей в журналы из перечня ВАК, из базы Scopus, монографий и учебных пособий. Индекс Хирша поднялся у всех.

А со студентами я стараюсь работать не традиционным способом (вопрос – ответ), а инновационными: они вовлекаются в научно-исследовательскую деятельность, пишут тезисы и участвуют в международных

конференциях. А 26 ноября 2014 г. я проводила открытый урок на тему «Современное этнокультурное пространство Тюмени». В течение двух с половиной месяцев студенты занимались практической работой, основанной на анализе многочисленных источников и авторских наблюдений, чтобы рассмотреть некоторые малоисследованные аспекты развития полиэтничности Тюмени (названное нами этнопространство). Мы сделали исследовательский акцент на полиэтничной инфраструктуре нашего областного центра. В формировании нового полиэтничного облика Тюмени мы увидели реальные социокультурные изменения (например, в городе появились новые этнические инфраструктурные объекты), выявили толерантные и конфликтные элементы в их функционировании, рассмотрели их интегрирующий и разделяющий общественный потенциал. Работа была полностью индивидуальной, студентами были изучены такие инфраструктурные компоненты, как: организации, помогающие развитию полиэтничности в Тюмени; информационная сфера полиэтничного пространства; полиэтничная топонимика Тюмени; реклама и вывески на тюменских улицах; этнические кафе и рестораны; магазины этнической направленности; религии и религиозные учреждения и др. Добавлю, что готовых материалов по данной теме нет, и скачать из Интернета подобные работы они не имели возможности (из-за отсутствия таковых). Вот так мы и работаем, изучая этносоциологию, социологию и политологию, управление персоналом, правовые основы управления персоналом, трудовое право, правоведение и другие дисциплины.

С А. Н. Силиным я знаком много лет, с 1985 или 1986 года. Мне кажется, он одно время работал в Павлограде (Казахстан). Что Вы знаете о его современной жизни, работе?

Как я писала выше, к Анатолию Николаевичу я пришла работать по распределению в 1988 году после окончания института. Под его руководством я стала социологом, защитила кандидатскую и докторскую диссертации. За четверть века мы с ним многое сделали: подготовили и опубликовали учебники по организационному поведению, управлению персоналом (из пяти один на казахском языке), менеджменту организации, управлению персоналом в нефтегазовой компании. В рамках межгосударственного соглашения между Россией и Казахстаном занимались подготовкой специалистов высшей квалификации (кандидатов наук). Участвовали в избирательных кампаниях Президентов, депутатов разных уровней, проводили экзит-поллы, выполняли хоздоговорные работы. Сегодня он работает профессором на кафедре маркетинга и муниципального управления, активно пишет монографии, занимается с аспирантами. На протяжении всех лет у нас сохраняются добрые дружеские отношения, мы интересуемся достижениями друг друга, детей, откликаемся на любую просьбу, постоянно созваниваемся. Я благодарна Анатолию Николаевичу за его участие в моей жизни и думаю, что он относит меня к разряду способных и благодарных учеников.

Вы подробно рассказали о своих исследованиях коренных народов Севера. Участвуете ли Вы в более широких этно-социологических проектах? Какие общие и специфические проблемы для разных регионов России Вы могли бы указать?

В первую очередь, я хотела бы здесь сказать о многолетнем опыте сотрудничества с Институтом социально-политических исследований РАН, который возглавляет Виктор Константинович Левашов. На протяжении многих лет они проводят в 12 регионах России анкетные опросы в режиме социологического мониторинга на тему «Как живешь, Россия?». Я горжусь, что с 2003 года полевой этап в Тюменской области проводится под моим руководством. Результаты исследований отражаются не только в тюменских изданиях, но регулярно в публикациях ИСПИ РАН и работах В. К. Левашова. Наше сотрудничество не замыкается только на проведении анкетных опросов, например, в 2005 году мы выиграли издательский грант Губернатора Тюменской области. Благодаря совместной работе, вышла в свет монография под нашей редакцией «Тюменская область: наука и общество (социально-экономическое и этнокультурное развитие)», тираж который разошелся мгновенно. У меня остался всего один авторский экземпляр, но со всеми подписями авторского коллектива! В этом году мы готовим с Виктором Константиновичем коллективную монографию «Тюменская область: мост из Европы в Азию» с участием ведущих российских социологов.

В начале 2014 года судьба познакомила меня еще с одним прекрасным человеком, ученым - Розалиндой Нуриевной Мусиной (из Академии наук Республики Татарстан), которая обратилась с просьбой принять участие в проекте «Татары в регионах Российской Федерации: религиозное возрождение и проблемы идентичности в рамках Государственной программы «Сохранение национальной идентичности татарского народа (2014-2016 годы)». Я провела глубинные интервью с представителями духовенства, верующими и экспертами - представителями органов власти, отвечающими за данные вопросы в Тюменской области. С помощью полученной информации удалось показать общую характеристику конфессиональной ситуации в регионах компактного проживания татар, провести содержательный анализ процесса религиозного возрождения, различных форм его проявления, роли ислама в этнонациональном самосознании, в ценностных ориентациях, этноконфессиональных отношениях.

На этом наше сотрудничество не закончилось, Розалинда Нуриевна пригласила меня в Казань на конференцию «Позитивный опыт регулирования этносоциальных и этнокультурных процессов в регионах Российской Федерации», приуроченную к 45-летию первого в отечественной социологии крупномасштабного этносоциологического исследования, проведенного в Татарской АССР. На конференции мне удалось установились новые контакты с коллегами-социологами, этнологами, историками, психологами, которые уже

реализуются. Например, с Верой Константиновной Мальковой, д.и.н., главным научным сотрудником Института этнологии и антропологии РАН, мы исследуем современное этнокультурное пространство. Согласуется план исследований с Флюрой Амировной Ильдархановой, директором Научно-исследовательского центра семьи и демографии АН РТ; Людмилой Васильевной Намруевой, заведующим отделом социально-политических и экологических исследований Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН и др.

Выше Вы написали еще об одной частице своего сердца – журнале. Пожалуйста, расскажите об этом подробнее.

Идея создания журнала родилась у меня в середине 1990-х гг. после знакомства с Ю. В. Попковым в Ханты-Мансийске на конференции по проблемам коренных малочисленных народов Севера. Забегая вперед, скажу, что через десять лет после нашей первой встречи Институт философии и права Сибирского отделения РАН, где работал и продолжает работать Юрий Владимирович, выступил ведущей организацией моей докторской диссертации. Я благодарна судьбе, что на всех этапах моего жизненного пути (банально, но искренне) встречались и продолжают встречаться люди (ученые, представители органов власти разных уровней, бизнес-элиты, духовенства и пр., с которыми у меня сложились дружеские, творческие, доброжелательные контакты).

Юрий Владимирович уже издавал тематический сборник «Региональные этносоциальные процессы». И я тоже загорелась идеей, которая смогла воплотиться в жизни после защиты докторской диссертации, когда я занялась административной работой, придавшей импульс моей мечте. Название тематического сборника родилось быстро, больше времени потребовалось для рекламы сборника и сбора статей от авторов. Действительно, на первоначальном этапе авторов приходилось приглашать к участию в выпусках сборника. Под названием «Региональные социокультурные процессы» сборник вышел дважды: в 2002 и 2003 гг.

В 2004 г. появилась желание издать журнал, мою идею поддержала Марина Львовна Белоножко, которая увидела (по моему мнению, единственная на тот период времени, да и в последующие годы) пользу издания журнала не только для университета. Тогда мы решили издавать журнал с периодичностью четыре раза в год. Главным редактором стал ректор Н. Н. Карнаухов, замесителем главного редактора была я. Избрали учредителей, членов редакционной коллегии, зарегистрировали журнал в федеральном государственном учреждении «Книжная палата», открыли подписной индекс в Роспечати, изменили содержание и формат сборника. Журнал становился привлекательным не только для региональных авторов, но и для авторов из других регионов России, ближнего и дальнего зарубежья. География авторов расширяется постоянно, многие авторы имеют желание поделиться результатами своих теоретических и эмпирических исследований на страницах журнала. На следующем этапе мы поставили задачу войти в перечень ВАК

для того, чтобы аспиранты, докторанты и соискатели наших диссертационных советов могли публиковать результаты своих исследований. Для этого были проведены организационные мероприятия, подготовлены документы в соответствующие органы, были изменены название журнала и состав учредителей, усилен состав редакционной коллегии.

Наши усилия увенчались успехом, в июле 2007 г. журнал был включен в перечень ВАК по экономике, социологии, политике и праву. Последние семь лет журнал по-прежнему остается авторитетным изданием, в котором публикуют результаты своих исследований не только аспиранты и соискатели, но и ведущие российские и зарубежные ученые из Москвы, Санкт-Петербурга, Казани, Краснодара, Омска, Томска, Хабаровска, Красноярска, США, Франции, Германии, Китая, Казахстана, Украины и др. За 12 лет в свет вышли 42 номера журнала, юбилейный 35-й номер читатели увидели в декабре 2012 г. на наших праздничных мероприятиях.

Работа заместителя главного редактора является общественной, но она меня поглощает на несколько часов ежедневно. Я переписываюсь с авторами, готовлю обзоры, формирую номера, работаю с сотрудниками, отвечающими за редактирование и верстку номеров, налаживаю контакты с коллегами из других журналов. Это позволяет расширять географию наших авторов, обмениваться статьями, делиться опытом своей работы, повышать импакт-фактор нашего журнала, а главное – находить подтверждение тому, что мы конкурентоспособны, и нам доверяют авторы.

В каких учебных заведениях Тюмени сейчас преподается социология, на каких факультетах выпускают социологов? В каких городах области готовят социологов, есть ли социологические центры, группы? Налажено ли сотрудничество между различными социологическими факультетами, центрами, обмен информацией и т.д.?

Социология преподается во всех тюменских вузах, на всех специальностях и по всем формам обучения, но социологов готовят только в нашем университете (Тюменском государственном нефтегазовом университете) и в классическом (Тюменском государственном университете). В Тюмени ежегодно проводится областная студенческая олимпиада, в том числе, и по социологии. Безусловно, сотрудничество налажено не только в сфере обмена социологической информацией, но и в сфере обмена педагогическим опытом. Например, на протяжении последних лет для чтения лекций и проведения практических занятий у студентов Института менеджмента и бизнеса, Гуманитарного института привлекается Игнатова Елена Васильевна, доктор PhD по социологии из Павлодарского государственного педагогического института (Казахстан) и Шеломенцева Валентина Павловна, д.с.н., профессор Инновационного Евразийского университета (Казахстан). В прошлом году я дистанционно преподавала социологию казахским студентам, а в июне ездила в Павлодар для приема

экзамена. Распространенной и очень плодотворной формой сотрудничества является проведение международных научно-практических конференций с привлечением к участию не только профессорско-преподавательского состава, но аспирантов и студентов. Ежегодно на базе нашего университета таких конференцией организуется не менее пяти. Результаты социологических исследований публикуются в социологических журналах, вестниках, трудах наших вузов-партнеров не только из Тюмени, но и из Уфы, Орла, Москвы, Казахстана.

Пожалуйста, расскажите, действует ли у вас в регионе или в стране система повышения квалификации преподавателей социологии? Если да, приходилось ли Вам участвовать в этих занятиях и как преподавателю, и как обучающейся?

В России, в российских регионах и даже во многих вузах существуют программы повышения квалификации преподавателей социологии, но лично я в таких программах не принимала участие, зато обучала преподавателей других вузов. Вот и весной этого года, по приглашению декана гуманитарного факультета, заведующего кафедрой политологии, социологии и связей с общественностью Уфимского государственного нефтяного технического университета Гареева Эдуарда Сагидулловича, буду проводить тренинги со студентами и преподавателями-социологами.

Возвращаясь к программам повышения квалификации, следует учесть некоторые обстоятельства. Если раньше на курсы повышения вузы отправляли преподавателей социологии, то последние (не ошибусь) шесть-восемь лет это становится «головной болью» преподавателя. В условиях нестабильной ситуации вузы (и не только) вынуждены сокращать расходы на обучение и повышение квалификации персонала. Я помню все свои курсы повышения квалификации, которые помогли мне развить и усовершенствовать навыки и умения преподавателя и социолога, научили творческому отношению к любой работе. На первые курсы повышения квалификации я попала в 1995 г. в Вулвергемптонскую школу бизнеса (Великобритания) на три недели.

В 2004 году была Австралия. В команде восьми российских топ-менеджеров я знакомилась с образовательной системой Австралии, в том числе, и с программами повышения квалификации преподавателей социологии. Среди них были Петр Положевец, главный редактор «Учительской газеты», Надежда Васильевна Коноплина, ректор Сургутского государственного университета и др. Через год повышала квалификацию в Политехническом институте Южной Альберты в Калгари (SAIT Polytechnic), основанном в 1916 г. и являющимся полностью государственным учебным заведением Канады. За неделю я встретилась с 15 руководителями различных программ, наибольший интерес вызвал Департамент корпоративного обучения и Центр технологии и усовершенствования навыков преподавания. Том Лобло рассказывал мне, как это происходит в университете, в том числе, и среди преподавателей

социологии и политологии. Еще я ездила в олимпийскую деревню (в 1988 году в Калгари проходили зимние Олимпийские игры), посетила музей канадских аборигенов, где узнала, что только Правительство Канады принесло официальные извинения аборигенам за ассимиляцию. Удалось увидеть настоящий хоккейный матч: это была благотворительная игра, после завершения которой все зрители бросали тысячи мягких игрушек разного размера на лед, а хоккеисты собирали их в маленькие грузовики прямо на стадионе. Рене Чернекки (руководитель проекта) объяснила мне, что игрушки предназначаются для больных детей, и хоккеисты лично будут вручать им собранные игрушки в больницах, клиниках. Я благодарна Рене, которая организовала мой визит после активного участия в серии канадско-российских семинаров. В 2006 году по приглашению Бюро образовательных и культурных программ Государственного департамента США я участвовала в программе профессиональных обменов «Корпоративное образование». Повышала квалификацию по направлению «Управление персоналом в зарубежных фирмах» в Ташкенте (Узбекистан, 2011 г.), в Павлодаре (Казахстан, 2012 г.). В 2011 г. прошла стажировку в ОАО УК «Мост», которая предусматривала социологический анализ системы управления торговым персоналом (Россия, Тюмень). Я могу рассказать много интересного обо всех программах, о людях, которые сопровождали меня, о достопримечательностях и культуре жителей данных государств.

Нурсафа, Вы много публикуете. Какие книги, учебные пособия, по Вашему мнению, оказались наиболее успешными, отмечались ли они какими-либо профессиональными наградами?

Меня по жизни сопровождают заведенные мною же традиции, согласно одной из них, все опубликованные работы я сразу заношу в файл под названием «Список научных трудов». Первая запись в этом файле датирована 1989 годом. Таким образом, за период профессиональной деятельности (четверть века уже) опубликовано 350 научных трудов, включая 16 монографий и 17 учебных пособий, 3 электронных издания учебных пособий, зарегистрированных в «Информрегистре», 11 статей в изданиях, индексируемых в Scopus. База для наград, как видите, наработана, и не случайно я побеждала в конкурсах: стала лауреатом премии им. А. Н. Косухина в номинации «За лучшее научное издание» за монографию «Социологическая диагностика этнокультурной ситуации» (2000 год); лауреатом премии им. А. Н. Косухина в номинации «За лучшее учебно-методическое издание» (2001 г.); победителем конкурса «Лучший учебник и учебное пособие» (2006 г.) за учебник «Управление людьми в организации: современные подходы и технологии». В 2009 году награждена дипломом в номинации «Лучшее учебное издание по экономическим наукам» Первого Сибирского регионального конкурса на лучшую вузовскую книгу «Университетская книга – 2009»; а в 2011 г. - в номинации «Лучшее

краеведческое издание» Третьего Дальневосточного регионального конкурса изданий высших учебных заведений «Университетская книга – 2011».

Не могу выделить среди изданий наиболее успешное, так как каждое из них я бы представила к какой-либо номинации, например, «самое первое издание» или «лучшее зарубежное издание», «лучшее краеведческое или правовое издание» и пр. Права была мама, когда спрашивала меня: «Если укусить три пальца, какой больше будет болеть?». Чтобы понять, почему я здесь привожу это сравнение, следует прочесть интервью до конца.

Мы все о науке, преподавании. А как Вы проводите, если есть, свободное время? Где любите отдыхать? Успеваете ли читать художественную литературу? Считаете ли Вы себя театралом?

Многие мечтают, чтобы в сутках было не 24 часа, а несколько больше… и каждый по мере того, как он организует свое время, прибавил бы к суткам несколько часов. Я прекрасно понимаю, что этого не будет, поэтому стараюсь рационально и разумно организовать свой день, планирую на неделю, месяц, бывают события, которые записываю в ежедневник следующего года. Я стараюсь поддерживать здоровый образ жизни - это здоровое, полноценное питание, занятия физкультурой (не ради достижений). Зимой ежедневно катаюсь на лыжах (до минус 26 выдерживаю), с весны до осени – на велосипеде, раз в неделю плаваю в бассейне, для меня необходим хороший сон и возможность отдыхать зимой на горнолыжных курортах, осенью на море. Свободное время появляется как раз во время катания или плавания, тогда мой мозг отдыхает, тогда я думаю, мечтаю…

Чтение – это отдельная тема. Я читаю для души художественную литературу разных жанров: в прошлом году наконец перечитала «Войну и мир» (три года собиралась), Э. Бронте «Грозовой перевал», Ошо, сейчас читаю роман о Микеланджело. Много приходится читать научной и учебно-методической литературы, которая необходима мне для поддержания квалификации и подготовки статей и монографий. Много времени отнимает не чтение, а вычитка и правка статей студентов, аспирантов, диссертантов, монографий, представляемых мне на рецензирование (последний библиографический указатель по сибирским татарам содержал 450 стр.). Одновременно приходится работать со статьями авторов нашего журнала (каждый номер содержит около 30 статей), зачастую приходится самой их подрабатывать (сокращать, приводить в порядок список литературы, добавлять ключевые слова, исправлять аннотации и пр.).

Люблю драматический театр, слушаю оперу (была в Сиднейской опере), смотрю балет (в Мариинке), но один из мюзиклов не уходит из моей памяти. Я писала, что в 2006 году по приглашению Бюро образовательных и культурных программ Госдепа США посетила Америку. Это 25 незабываемых дней в моей жизни. Во-первых, замечательная российская команда, во-вторых, наша программа предусматривала посещение около десятка крупнейших

американских городов, университетов, достопримечательностей. Например, в Вашингтоне мы были у Белого дома, Капитолия, заходили в зал, где Президенты Америки обращаются к нации. В Далласе стояли на месте, где 22 ноября 1963 года убили Джона Кеннеди, в Сиэтле, самом зеленом городе Америки, посетили музей «Боинга» и др. Мы познакомились с двухуровневой образовательной системой (это было так интересно), которая только начинала внедряться в российских вузах после вступления России в Болонский процесс. Встречались с обычными американцами, которые принимали нас в своих домах, от них я впервые узнала про американский праздник Хэллоуин, который отмечается по всей Америке 31 октября. Наконец, для нас была предусмотрена и культурная программа, которая включала посещение мюзикла «Король лев» на Бродвее. Стараюсь ходить в театры и в других российских городах во время командировок, дома смотрю спектакли тюменской и приезжих трупп.

Может быть, в заключение немного расскажите о своей семье?

В семейном кодексе семья подразумевает наличие, наряду с супругами, родителей и детей. У меня, с формальной точки зрения, имеются все перечисленные члены семьи, но мама – моя, а папа – супруга. Они у нас – полноправные члены семьи, хотя постоянно не проживают с нами. Мама живет у нас только десять дней в месяц, поскольку остальные двадцать дней она делит между моими сестрами. С детства помню, на вопрос, кого она больше всех любит, она всегда отвечала: «У меня три пальца (сравнение с тремя дочерьми) и если я укушу их, какой будет болеть больше?». Я говорила, что одинаково. «Вот я и всех вас люблю одинаково», - отвечала на это мама. Поэтому сегодня поровну «делит себя» между нами, поровну помогает, поровну звонит и беспокоится за нас.

У меня взрослая дочь, ее зовут Хадия (у нее имя моей мамы), она живет самостоятельно с мужем и двумя сыновьями – Рушаном (три года) и Асхатом (годик). Разница у мальчишек 23 месяца. Асхат – это маленький подарок для меня от дочки, он родился под моим знаком в год Змеи. Подарок, потому что дочка, сын и супруг родились в один год – год Кота (Кролика, у них разница 12 лет), а теперь я не одна - нас двое. Хадия окончила наш университет по той же специальности, что и я, работает на кафедре экономики товарных рынков, подготовила кандидатскую диссертацию на тему «Ценностные ориентации личности в социокультурном пространстве межпоколенческого взаимодействия» и представила руководителю. После прочтения первого варианта рукописи Вера Владимировна Гаврилюк высказала замечания, рукопись уже доработана, и второй вариант лежит у нее на столе, ждем вердикта. Несмотря на то, что, в целом, теоретическая составляющая вопросов ценностных ориентаций и межпоколенческого взаимодействия в настоящее время в значительной мере разработаны, социокультурные аспекты взаимоотношения поколений «отцов» и «детей», преемственности на региональном уровне на основе типологизации практически не изучались.

На своем примере она испытывает и изучает эти взаимоотношения, ежедневно взаимодействует со своими родителями, видит и оценивает наши отношения с родителями, ощущает наше отношение к своим детям (внукам), и это помогает ей в исследованиях. Новизна ее работы заключается в том, что для построения социокультурной модели межпоколенческих взаимодействий в Тюменской области она использует типологизацию поколенческих групп на основе социокультурного кода (который недостаточно разработан в социологии культуры). Хочу, чтобы она обязательно защитила свою работу, тогда я буду по-настоящему счастлива. Наукой она занялась (по моему примеру) на втором курсе, участвовала в конкурсах научных работ, конференциях, сегодня имеет двадцать публикаций, около половины из них - статьи в журналах из перечня ВАК и Scopus.

Сыну 27 февраля исполнилось 16 лет. Дамир учится в школе-гимназии с углубленным изучением английского языка и успешно занимается с четырех лет спортивно-бальными танцами. На сегодняшний день его пара считается в своей категории первой не только в Тюменской области, но и в УрФО. По стандарту (они танцуют и латинские танцы) в российском рейтинге за 2014 г. они были девятыми. Он здорово играет в футбол и знает о нем, мне кажется, все (кто, когда, в каком году и сколько забил, какой получил кубок, кто перешел и в какой клуб, и сколько стоит этот переход), гоняет на питбайке, на чтение времени остается мало: с утра до трех учеба, после школы многочасовые тренировки, в выходные дни участвует в соревнованиях. Супруг мечтал в детстве заниматься танцевальным спортом, но в нашем детстве к танцующим мальчикам относились неодобрительно, поэтому его мечта воплотилась в сыне. Нургали включен в тренировочный процесс Дамира, ездит с ним на соревнования в Екатеринбург, Челябинск, Пермь. Дамиру повезло, он занимается с замечательными тренерами, и в 15 лет, после побед на крупных турнирах и первенствах, ему присвоили и вручили нагрудный знак «Кандидат в мастера спорта».

Ну что же, Нурсафа, Вы не только многого добились в своей работе, но и дали рост династии социологов. Отлично.

РАЗДЕЛ IV. ОНИ ПРОДОЛЖАЮТ И РАЗВИВАЮТ

К VI и VII поколениям советских / российских социологов мы относим тех, чьи годы рождения заключены, соответственно, в интервалах 1971-1982 и 1983-1994 гг.

К первой из названных когорт относятся: В. П. Засыпкин, Г. Г. Сорокин, О. В. Устинова и Ш. Ф. Шарафутдинов.

К следующей – трое исследователей: А. Л. Абрамовский, Т. В. Гаврилюк и М. О. Макушева.

ЗАСЫПКИН В. П.: «В ИТОГЕ, ПОСКИТАВШИСЬ ВО ФРАНЦИИ ОКОЛО ТРЕХ МЕСЯЦЕВ, Я ВЕРНУЛСЯ В СУРГУТ»

Владислав, сейчас Вы живете в Сургуте... Вы и родом из тех краев? Пожалуйста, расскажите о Вашей родительской семье...

Я родился в Тюмени 20 октября 1971 года. Это мой родной город, у меня с ним очень много связано. А в Сургуте я с 1976 года, приехал с папой и мамой, точнее, они меня привезли, после того, как в семье моими родителями было принято окончательное решение перебраться на север (папа уже тогда работал в Сургуте больше года). С тех пор Сургут – мой второй родной город. Здесь меня водили в детский сад, здесь я окончил школу, здесь я отслужил в армии, вернувшись из Тюмени после университета в 1994 году. Теперь в Сургуте у меня работа, семья, коллеги, друзья. Таким образом, если не считать пятилетний университетский период моей учебы в Тюмени, то в Сургуте я почти всю свою сознательную жизнь.

Интересен тот факт, а я узнал об этом уже взрослым, что тогда в середине 70-ых гг., мои родители стояли перед серьезным выбором, поехать им на комсомольскую молодежную стройку в Сургут или в Припять, на всесоюзную стройку в совсем тогда ещё молодой, только отстраивающийся город. Скажу сразу, что Припять рассматривалась ими очень серьезно. Во-первых, в новом молодом городе у молодых семей было гораздо больше возможностей получить хорошую работу и, что самое главное, жилье, во-вторых, у папы украинские корни (его мама, моя бабушка, из Николаевской области), в-третьих, там теплее и комфортнее. Но … победил Сургут, он ближе к Тюмени, да и все родственники тоже рядом. Вот так сибирские и уральские корни моих родителей взяли верх.

Моя мама, Людмила Николаевна Засыпкина, до замужества Медведева, родилась в Омске. В середине 50-х гг. с родителями перебралась в Тюмень, где окончила школу, педагогический институт, и в 70-х гг. уже несколько лет работала учителем истории. Папа, Павел Николаевич Засыпкин, родился в Свердловске, он также в конце 50-х гг. с родителями переехал в Тюмень, где впоследствии учился в военном училище, но, не окончив его, стал работать на

Тюменской ТЭЦ. Мои родители поженились в 1970 г. Они могли бы остаться в Тюмени, причем, для этого были все возможности: их родители (отцы, оба фронтовики) занимали руководящие должности на все той же Тюменской ТЭЦ; а вот мамина мама, моя вторая бабушка, уже не один десяток лет работала в системе образования г. Тюмени учителем начальных классов. Мои родители были молоды, у них было огромное желание сделать что-то самим и с самого начала. Их родители поддержали это желание. Вот так я и оказался в Сургуте. Сегодня мои папа и мама, отработав по тридцать с лишним лет на Севере, вернулись в Тюмень, они теперь на пенсии, воспитывают внуков, с ними уехала моя родная сестра, у неё в семье двое детей.

Вспоминая то время, я бы сегодня сказал, что у нас была типичная советская семья: мама – учитель истории, папа – водитель, я – пионер, сестра – октябренок. Жили мы в типовой двухкомнатной квартире московского проекта в центре города, а вокруг был с нуля строящийся город. Мама периодически говорила отцу: «Павлик, мы с тобой живем на стройке». Действительно, так и было: старый Сургут с его деревянными застройками и деревянными тротуарами уступал место пятиэтажным панельным типовым новостройкам, возникавшим с невероятной скоростью. Город строился микрорайонами: «Энергетик», «Строитель», «Нефтяник», «Геолог» и т.д. В каждом микрорайоне был свой центр с площадью и Домом культуры, поэтому все жители Сургута всегда говорили, что живут в «центре», других мест просто не было. Если и были, то страшные окраины, застроенные балками. Это сегодня Сургут – современный город с хорошей транспортной инфраструктурой, раньше все было по-другому. Вдобавок к этому, очень короткое лето и почти сразу зима. Снег ложится уже в октябре, а последний тает во второй половине мая, и все это на фоне короткого светового дня, поэтому благодаря отцу основным активным занятием у меня был зимний спорт (хоккей, лыжи и даже горные лыжи). Папа очень спортивный человек, ещё в Тюмени профессионально (если можно так сказать о том времени) занимался русским хоккеем и футболом, играл за городскую тюменскую команду «Рубин». Любовь к спорту, точнее, к регулярным физическим нагрузкам, привил мне именно он. Папа и мама много читали, в доме было много книг. Доступ к литературе и возможность её выписывать и покупать, которые были у отца (книгами у него на производстве, по-моему, занимался профком), служили своеобразной компенсацией очевидной нехватке культурной составляющей в молодом городе. Дома читали русскую и зарубежную классику, обязательной частью библиотеки была серия «Жизнь замечательных людей». У мамы была неплохая историческая библиотека по древней и российской истории: «Жизнеописания» Плутарха, «История Рима» Т. Моммзена, позднее появились «Очерки по истории римской империи» Р. Виппера. Ключевский соседствовал на полке с многотомным академическим изданием «Истории СССР» и трехтомником «Истории КПСС». Были отдельные издания Маркса, Энгельса и Ленина,

в середине 80-х гг. у мамы появилось много «перестроечной» и другой общественно-политической литературы. Родители всегда выписывали много газет и журналов: «Литературную газету», «Роман-газету», «Учительскую газету», «Труд», местные издания и, конечно же, «Советский спорт» для папы и «Пионерскую правду» для меня. Был и самиздат, точнее, перепечатанный на пишущей машинке Солженицын, Булгаков, Войнович, анекдоты И. Губермана, эпиграммы В. Гафта, в доме слушали записи В. Высоцкого. Мои родители никогда не были в партии, более того, маминого отца в конце 50-х гг. исключили из КПСС, так как он, будучи председателем колхоза, отказался сеять кукурузу в сроки, указанные партией. Позже его восстановили. Вообще, вольнодумие в доме было в чести, хотя к власти всегда относились с уважением. Все это идет от моего любимого деда-«бунтаря», маминого папы Николая Тимофеевича Медведева.

Возвращаясь к теме книг, не скажу, что я читал днями напролет, много времени занимала школа, спорт, пионерская, а затем и комсомольская общественная работа. Вместе с тем, литература и чтение – это то, чему мои родители и я, благодаря им, уделяли очень много времени. Многое из прочитанного в доме обсуждалось и рассказывалось. Необходимо сказать, что, несмотря на рабочую профессию моего отца у нас, все-таки, в большей степени была учительская семья. Авторитет интеллектуального труда в доме был безусловным.

А в целом, как бы Вы сегодня, уже будучи социологом, охарактеризовали социальную, информационную, интеллектуальную обстановку Сургута 1970-х – первой половины 80-х гг.?

Несмотря на возраст (а город возник во второй половине XVI века как казацкий острог и в разные периоды своей истории становился даже уездным городом), население Сургута до индустриального освоения было малочисленным, что, кстати, стало одной из причин потери им городского статуса на заре советской власти. В 70-е и 80-е гг. из небольшого заштатного села он превращается в серьезный индустриальный город с населением в четверть миллиона человек. Этот период принято называть вторым рождением города. Сургут становится крупным многонациональным городом, собравшим молодое трудоспособное население со всего СССР.

Сургут принимал всех. Кроме нефтяной и газовой отраслей, здесь очень интенсивно развивается энергетический комплекс, строительная отрасль, транспорт. До 1975 г. в Сургут можно было добраться только малой авиацией или водным транспортом, а зимой ещё автомобилем по зимнику. Только в 1975 г. в городе запущена железнодорожная ветка, связывающая его с югом Тюменской области и Транссибом. Параллельно интенсивно развивается социальная сфера: детские сады, школы, профтехучилища, больницы, учреждения культуры, досуга, дополнительного образования детей (музыкальные и спортивные школы), кинотеатры, библиотеки, дома быта и т.д.

Многие из тех, кто приехали в город, как тогда говорили, «за длинным рублем», осели в Сургуте, создали семьи. Правда, по данным различных опросов, которые проводились и проводятся в городе и округе, до 50% проживающего здесь населения не планировали и не планируют связывать свое будущее с Югорским севером. «Временщики» - так здесь называют тех, кто ходит с обратным билетом в кармане.

Вопрос сохранности генофонда, закрепления в Югре населения всегда стоял очень серьезно. Это было объективной трудностью: дело в том, что, кроме работы по узкопрофильным промышленным специальностям (нефтяник, газовик, геолог, строитель и т.д.), здесь молодежи больше нечего было делать. Был и определенный информационный голод: кроме местной газеты «К победе коммунизма», все центральные, даже тюменские, такие, как «Тюменская правда», приходили в Сургут с суточным опозданием, т.е., мы всегда читали вчерашние газеты, которые вдобавок получали только после обеда или вечером, журналы же приходили с опозданием в месяц. Основным источником свежей информации было радио и телевидение. Информационно-культурный и социально-культурный слой в городе был очень тонким. Первый вуз появился только 1995 году, до этого выпускники школ массово уезжали учиться, как тогда говорили, на «большую землю», которая чаще начиналась с Тюмени и Свердловска. Именно там были музеи, театры, художественные галереи. Туда всегда стремились. Сургуту было не до этого. Летом и осенью сургутяне занимались заготовками продовольствия на предстоящую зиму рыбы, ягод, грибов. Дачные участки появлялись медленно и не у всех, поэтому с большой земли везли почти все: овощи, фрукты, мясо и все те же ягоды и грибы.

Культурный досуг горожан, в особенности работающей и учащейся молодежи, был незатейливым. В каникулы – это кинотеатр. В Сургуте в то время их было целых два. Школьникам выдавали абонемент на детские сеансы (10 маленьких синих билетиков по 10 копеек). Мама давала мне в школу в последний день занятий перед каникулами целый рубль (насколько помню, билеты распространяли в школах централизовано). Фильмы для детей шли до обеда, после обеда и, тем более, вечером в кинотеатр детей уже не пускали. Для тех, кто был старше, организовывались развлекательные мероприятия в Домах культуры микрорайонов города. Именно тогда в Сургуте стали зарождаться самодеятельные народные, танцевальные и музыкальные коллективы, которые сохранились в городе и сейчас, и приносят ему славу на всероссийских танцевальных и музыкальных площадках. В Сургуте действовали музыкальные школы и единственное на севере музыкальное училище, в котором готовили педагогов и исполнителей. Досуг и отдых горожан большей частью был коллективным. Так, для Сургута были характерны общегородские субботники по озеленению города. В них активное участие принимали все жители, что называется от мала до велика. Нельзя не сказать об общегородских ежегодных демонстрациях 7 ноября и 1 мая, праздниках на Новый год, Масленицу и т.д.

Кроме того, в большой городской праздник превращались различные выборы в городской и районные советы и т.д.

Оторванность от цивилизации здесь ощущалась очень остро, и это касалось не только информационной и культурной составляющих, хотя их не хватало в большей степени, но и многие материальные блага были большим дефицитом. Правила доступа к ним были такими же, как тогда и во всем Советском Союзе. 70-е и 80-е гг. – это период, когда в Сургуте можно было сделать только профессиональную карьеру производственника или комсомольского работника. В это время Сургут – не только город молодых, но и город постоянно обновляющегося населения, собственные пенсионеры, точнее, пенсионеры как группа населения, появляются здесь только в 90-е гг., а вместе с ними и вся соответствующая социальная инфраструктура. Местное постоянное население Сургута формируется медленно. Многие из тех, кто достигал пенсионного возраста, возвращались на свою родину, другие уезжали, не дожидаясь этого. Причины разные - и климат, и географическая удаленность, и многое другое, о чем я уже говорил. Тогда прошло ещё очень мало времени для того, чтобы Сургут стал комфортным городом для проживания всех категорий граждан.

Как припоминаются школьные годы, учителя, какие были интересы?

Школьные годы вспоминаю с удовольствием. Скажу больше, мне всегда нравилось учиться, и я делал это с увлечением. Секции и кружки, которые я посещал после уроков, школа пионерского актива и многое другое – все это было связано со школой. Школьная жизнь была очень насыщенной. В среднем звене я ходил в радиокружок, занимался фотографией, волейболом, увлекался хоккеем, дзюдо, плаванием. Специально готовился и поступил в музыкальную школу по классу гитары, правда, учиться не стал, не сложилось. Желание заниматься музыкой реализовал в школьном пионерском отряде барабанщиков (шутка). Пионерская жизнь – это особая история. Я был, как тогда говорили, пионером-активистом, а в старших классах – председателем совета школьной пионерской дружины. Хорошо помню, что, будучи в шестом классе, я выиграл общегородской конкурс среди школьников, посвященный истории пионерской организации, как понимаете, меня готовила мама. В результате в качестве награды получил бесплатную путевку во Всероссийский пионерский лагерь «Океан» на Дальний Восток. Там я провел целую смену, сорок незабываемых дней. Позже, уже в восьмом классе, городской пионерской организацией был направлен во Всероссийский пионерский лагерь «Орленок». До сих пор храню свой дневник с той поры, значки и прочие пионерские атрибуты.

Что касается учебы, то мне она давалась достаточно легко. Я был гуманитарием (история, география, литература, обществоведение – это дисциплины, которые я изучал с удовольствием), хотя и точные дисциплины осваивал без особого труда. Трудности, пожалуй, были с физикой, поэтому и возникло желание посещения радиокружка, а в школьном учебном комбинате,

будучи уже в старших классах, я записался на обучение автослесарному делу. Сработал принцип «клин клином вышибают», и на практике все эти механизмы, радиотехнические и электротехнические секреты оказались совсем не такими сложными, как в теории. Вместе с тем, особая любовь – это французский язык, который я начал учить, как и все школьники тогда, в четвертом классе. Так получилось, что в пятом я уже ходил на дополнительный факультатив к семиклассникам. Все это привело к тому, что моей главной школьной мечтой было стать военным переводчиком. Я к ней шел медленно, но верно. Правда, реализовать её удалось только частично. Любовь к языкам – это от мамы. Она в свое время выбирала между историческим факультетом и факультетом иностранных языков в пединституте Тюмени. По результатам вступительного экзамена она проходила и туда, и туда. Любовь к истории взяла верх. Как понимаете, любимой учительницей была именно мама. Буквально, мама в моем классе она преподавала обществоведение. Помню, меня настолько увлекал предмет, что я с удовольствием конспектировал тексты Ленина, Маркса, Энгельса. Мне это очень помогло позднее на семинарах по истории КПСС в университете. Но дома в маминой библиотеке хранилась ещё литература и учебные книги на немецком языке, учебники по польскому и английскому языкам. Мой же выбор выпал на французский язык, не могу объяснить почему. Для меня он действительно был очень интересен. Может быть потому, что в доме слушали и любили Джо Дассена, Мирей Матьё, Эдит Пиаф, Далиду и других французских исполнителей, а фильмы франко-итальянского производства, особенно с Луи де Фюнесом, были самыми любимыми и ожидаемыми на телевидении и в кинотеатрах.

В основном все, о чем Вы написали, проходило в доперестроечный период, но завершали Вы школу в самые бурные перестроечные годы. Что сохранилось в Вашей памяти о том времени? Вы еще застали комсомол или уже все рассыпалось?

Да, застал, и до заката тогда было ещё далеко. В отношении себя могу сказать, что мне довелось пройти полный цикл идеологического воспитания, который проходили в то время дети и учащаяся молодежь СССР.

В комсомол я вступил, как и было положено, по рекомендации моих старших товарищей, комсомольцев школы. Это случилось достаточно рано, мне было 14 лет (весна 1986 г.). Очень хорошо помню, как это происходило. Во-первых, нужно было хорошо знать Устав ВЛКСМ (цели, задачи, структуру организации, моральные принципы, права и обязанности комсомольца и т.д.), во-вторых, нужно было хорошо ориентироваться в решениях, которые принимались комсомольскими и партийными съездами, в-третьих, нужно было разбираться в международной обстановке и ещё многое другое. Но самое интересное – это были «вопросы-ловушки», которые задавала комиссия по приему в комсомол. Меня, например, спросили, сколько стоит Устав ВЛКСМ. Ответь я, что 2 копейки (а это буквально так и было, я его, как сейчас помню,

купил вместе с комсомольским значком в киоске «Союзпечати» около моего дома), неизвестно ещё, приняли бы меня или нет. Правильный ответ я знал: «Устав – бесценный».

Я оставался комсомольцем до того момента, как эта организация перестала существовать, т.е., вплоть до конца 1991 года. Более того, уже в университете (1989 г.) мне пророчили вступление в кандидаты в члены КПСС. Об этом первым заговорил сам преподаватель дисциплины «история КПСС». Но этого не случилось, да и я не особо об этом мечтал.

Мое комсомольское прошлое было не таким бурным и запоминающимся, как пионерия. Дело в том, что, став комсомольцем, я в течение двух лет занимался в школе пионерскими делами как наставник (раньше таким комсомольцам присваивали почетный статус «старшего пионера», я тоже был его обладателем, даже особый нагрудный знак выдавали). Но когда меня выдвинули к избранию на пост секретаря школьной комсомольской ячейки, я взял самоотвод. Помню, что в какой-то момент мне стало вдруг, именно вдруг, все это не так интересно, как раньше. Причин тому было две. Самая главная причина – это подготовка к поступлению на переводческий факультет. Так как мой выбор пал на Московское высшее военное пограничное училище КГБ СССР им. Моссовета (ведь я мечтал стать именно военным переводчиком), то языковую подготовку необходимо было сочетать с интенсивными физическими тренировками, что занимало много времени. Правда, скажу сразу, что моей мечте не довелось сбыться в полной мере: в год моего поступления этот факультет закрыли, и я (здесь опущу подробности) остался «на гражданке», поступив на факультет романо-германской филологии Тюменского госуниверситета и получив впоследствии диплом лингвиста, преподавателя иностранных языков. Но это было гораздо позднее. А тогда, в перестроечные годы, была ещё одна причина, другая, но не менее важная. Причина моего отказа от активной общественной комсомольской жизни – это именно те события, о которых Вы спрашиваете. Я очень хорошо помню это время. Публикации в газетах, репортажи, новые телепередачи, такие, как «Прожектор перестройки», «Взгляд» и, конечно, советско-американские телемосты, которые вели Владимир Познер и Фил Донахью, - это были в чистом виде ток-шоу, телевизионный формат, который не был нам знаком. После советских «Сельского часа» и «Специальных выпусков сессий Верховного Совета» они воспринимались как настоящая информационная революция.

Мы все понимали и искренне поддерживали М. С. Горбачева в том, что нужно было менять в первую очередь мышление, но не знали как. При этом мы его критиковали за то, что он начал с ускорения, а не собственно с перестройки. Помню, рассуждали так: неужели они там наверху не понимают, что нельзя перестроиться «на ходу при высоком ускорении». Это был период действительно настоящего, как нам тогда казалось, свободомыслия, эпоха гласности и ускорения, перестройки и демократизации. Я очень хорошо

помню, как дома родители и я, мы вместе сопереживали и поддерживали советских участников телемоста СССР-США, отстаивавших и доказывающих преимущества плановой экономики, но, тем не менее, соглашались с необходимостью перемен и ждали их. Прекрасно также помню, что многое менялось и в школьном образовании: появлялись советы учащихся и родителей, дни самоуправления школьников. В образовании это была эпоха педагогов-новаторов (педагогика Амонашвили, методика опорных конспектов Шаталова). Эти изменения мне были близки, и я знал о них не понаслышке. Проблемы реформирования образования бурно обсуждались дома. Вспоминаю ещё такой факт, что, отвечая на выпускном экзамене по истории в школе на вопрос о политике СССР в этот период, я говорил о достижениях Горбачева только во внешней политике, но критиковал его за неудачи во внутренней, и комиссия со мной соглашалась. А вот мои ощущения после экзамена: школьник может открыто критиковать партию, и получает за это высокую положительную оценку членов комиссии. Это на самом деле было чем-то невероятным. Именно тогда я стал, наконец-то, понимать рассказы родителей об оттепели 60-ых, а «Архипелаг ГУЛАГ» Александра Солженицына, «Дети Арбата» Анатолия Рыбакова, другие книги, которые появились в доме, многое перевернули в сознании. К сожалению, они тогда перевернули только наше, того времени, восприятие советского прошлого, но, будучи по своей сути и содержанию трагичными, не содействовали оптимистическому и конструктивному взгляду на будущее.

В завершении добавлю, что сейчас я понимаю, что мой пионерско-комсомольский задорный период в жизни был, если так можно сказать, очень серьезной школой самовоспитания, и в этом, по моему мнению, большой плюс той советской системы: мы сами планировали, организовывали и проводили множество мероприятий (сегодня это называют тайм-менеджментом), мы сами продумывали и реализовывали «Дни полезных (или добрых) дел» (сегодня я бы это назвал социальным проектированием). Тогда этому было одно название – НОТ (научная организация труда), и нас этому учили.

Итак, Ваш подростковый, юношеский интерес к языкам к окончанию школы стал основой для выбора профессии. Почему Вы остановились на Тюменском университете, а не попробывали поступать в один из московских или петербургских ВУЗов? У Вас уже был опыт самостоятельного перевода прозы или поэзии или общения с иностранцами? Как прошло поступление? Какие языки стали для Вас при обучении основными?

Так получилось, что Тюменский госуниверситет выбрал не я, а он меня, точнее предшествовавшие тому обстоятельства. Начну по порядку.

Вспоминая последний год школы, должен заметить, что до сих пор у меня осталось в памяти ощущение неизбежности отъезда из Сургута. Эта была участь любого выпускника школы, который стремился продолжить

обучение в вузе. Я был готов поступать в Московский военный вуз, ну, а гражданские вузы мной просто не рассматривались. Я даже не помню, чтобы интересовался каким бы то ни было из них. Хотя, конечно, знал и о МГИМО, и Московском институте иностранных языков им. Мориса Тореза, и МГУ, и о свердловских вузах. Мои одноклассники, школьные друзья уезжали поступать в томские вузы - Томский политехнический, Томский госуниверситет. Я же тогда считал, что свой выбор давно сделал (у меня уже был печальный опыт непрохождения комиссии в Свердловское суворовское училище после 8-го класса). Поэтому остановить меня никто не мог, даже родители, они просто смирились.

Вообще, все, что произошло сразу после окончания 10-го класса – это была почти детективная история (опять шутка). Дело в том, что в это же время в Тюмени мой двоюродный брат бросает Тюменский нефтегазовый, не доучившись на первом курсе, для того, чтобы поехать поступать в Горьковское высшее военное ракетное училище в солидарность со мной. Вот так в июне 1989 года мы оказались в военно-полевых курсантских лагерях, я в Подмосковье в погранучилище, а мой двоюродный брат, Денис Медведев, где-то под Горьким у ракетчиков. Система поступления в военный вуз отличается от поступления в гражданскии. Там всех абитуриентов сразу берут в оборот, делят на отделения, взводы и роты, назначают командиров из числа курсантов; там жесткий распорядок дня, дисциплина, физподготовка, теоретическая подготовка и т.д. Только через несколько дней, когда я стал понимать вообще, где я, мне удалось узнать, что моего факультета уже год как в этом училище не было, и мне надо было выбирать из имеющихся или уезжать домой, и я был такой не один.

Не знаю до сих пор, как это вышло. Ведь и набор вступительных испытаний там был, мягко говоря, не тот: математика, физика, химия, а не французский, история и литература, которые я готовил. Просто какое-то наваждение. Это сегодня абитуриенты имеют возможность получить всю достоверную и полную информацию. А тогда было так: прибыл в училище, сдал документы, значит – в строй, и вместе со всеми по приказу все вступительные испытания проходишь. Вот так. Вероятно, в Сургуте в то время не только газеты и журналы приходили вчерашние, но и городской военный комиссариат тоже получал старую информацию, а других источников о военных вузах, как Вы понимаете, у меня не было. Так как перспектива инженерно-технических и военно-тактических специальностей мне была не очень интересной, я принял решение уехать. Вступительные экзамены в гражданские вузы были в июле, поэтому я успевал подать документы. Вот здесь и появился для меня Тюменский университет. Он возник случайно, как единственный вариант, так как других у меня просто не было. Ведь я был совершенно уверен, что поступлю в военное училище в Москве, даже, наверное, чересчур самоуверен. Но, увы. Я был первый раз в Москве, точнее, даже не в Москве,

а в подмосковном лесу. В итоге, отец меня оттуда забрал и увез в Тюмень. Вот так, ещё и не начавшись, завершилась моя офицерская карьера военного переводчика. Настроение было ужасным, осадок на душе от неисполненного долга и несбывшейся мечты давил и мучил меня...

Брат же мой, в отличие от меня, поступил, отучился, а теперь уже и отслужил. Он уволился в запас подполковником. Живет сейчас со своей семьей во Владивостоке.

Я же, в свою очередь, через несколько дней после моих московских военных приключений, уже будучи в Тюмени, готовился к поступлению на факультет романо-германской филологии…

Всего в тот год в ТюмГУ на французский зачислили 36 человек, при конкурсе 5 человек на место. На французский брали со знанием любого иностранного языка (английского, немецкого), поэтому и конкурс был солидный. Вступительные экзамены я сдал очень хорошо. Написал сочинение по теме, связанной с современной советской прозой. Должен сказать, что здесь сыграла свою положительную роль домашняя библиотека. Потом сдал на отлично французский и ещё устный экзамен по литературе и русскому языку. В итоге набрал 14 баллов из 15 возможных и сразу был зачислен, так как это и был проходной балл. Да к тому же я был единственным юношей, поступавшим на французское отделение.

Горечь московских неудач вскоре стала забываться. Учеба поглотила меня целиком. Пришлось очень много работать, так как мой сургутский французский оказался не таким уж и французским. Он был хорош для поступления, но в университете пришлось все начинать заново. Да и откуда ему было взяться? Франкоговорящих иностранцев я никогда не видел, ну, а самым аутентичным французским источником, который я знал и мог читать ещё в школе, была газета французских коммунистов “L’humanité”. Её иногда продавали в ларьках тюменской союзпечати. Художественными переводами в школе я не занимался, а вот политинформации по зарубежному источнику проводил.

В университете все было по-другому. Весь образовательный процесс был ориентирован на изучение и познание языков: современных – французского, русского и английского, и древних – латинского. Была и литература, но нас готовили по программе лингвистической подготовки, поэтому мы подробно изучали, в первую очередь, языкознание, практические курсы морфологии и синтаксиса русского языка, практической и теоретической фонетики и грамматики французского, потом были курсы лексикологии, истории французского языка (старофранцузского, среднефранцузского, новофранцузского). Латынь мы также изучали диахронно, т.е. от архаической до «вульгарной», галло-римской. Потом, с третьего курса, был и английский, а на четвертом – факультатив по китайскому языку. В аспирантуре пришлось осваивать испанский. Мы очень много читали на языках, преимущественно,

на французском, хотя были книги и на английском, куски на латыни, но это большей частью в учебных целях. Огромное количество того, что читалось, заучивалось наизусть. Мы много писали, смотрели и слушали фильмы и передачи. В специализированных фонолабораториях мы имитировали звуки, интонацию вплоть до региональных особенностей французского разговорного языка. Потом были стажировки, поездки, работа переводчиком. Я учился с большим увлечением, и теперь понимаю, что, наверное, московские приключения лета 1989 должны были произойти, чтобы, как говорят, почувствовать разницу. В университете я понял, что это именно то, чего я хотел и к чему стремился, будучи в школе.

Похоже, попытку поступления в военное училище и собственно поступление в Тюменский университет надо рассматривать как нечто единое, связанное. Вас готовили переводчиками или преподавателями языка? Думаю, что, несмотря на большую учебную загруженность, у Вас была и внеучебная «вольница». Как Вы проводили свободное время?

Нас готовили преподавателями иностранных языков. Хотя сегодня, отработав 20 лет в педагогическом вузе, скажу, что в Тюменском университете, скорее, была классическая подготовка лингвиста, как, наверное, и должно было быть в классическом университете. Мы занимались нюансами языка, деталями, частностями, смыслами, двойственностью языковых смыслов, обусловленных как системой языка, так и социальными контекстами. Педагогика была вторична, помню её как обычную рядовую дисциплину (не в обиду моему педагогу), просто она (педагогика) для меня не была главной.

Мы занимались текстами. Текстами разножанровыми. Чаще это была проза, проза классическая и современная, редко поэзия. Поэзия чаще сочеталась с фонетикой, так как это ритм, мелодика и т.д. Как и положено, мы осваивали теории. Все начиналось со структурализма Фердинанда де Соссюра, затем были Шарль Балли, Альбер Сеше, Андре Мартине, Эмиль Бенвенист. От двойственности языкового знака, лексики, мы перешли к синтаксису, постигали в том же ключе текст. Потом была французская интерпретация текста, дискурс-анализ - Ролан Барт, Патрик Серио, Мишель Пешё, Мишель Фуко. Затем текст как знак по Юрию Лотману и Михаилу Бахтину. Непосредственно источники были в очень ограниченном доступе. Копии, иногда оригиналы привозили нашим преподавателям французские стажеры, которые уже тогда работали у нас в университете. Было сложно и оттого даже иногда скучно, но это в начале. Зато всегда увлекательно после первых успехов анализа. Подготовка же к преподаванию была вторичной.

С благодарностью и любовью вспоминаю университет, потому что и «вольница» была настоящая. У нас был студенческий франкоязычный театр (это было на младших курсах, вплоть до третьего). Я туда попал только после успешного выступления на фонетическом конкурсе, который проводился обычно на первом курсе. Конкурс включал декламацию поэтического текста

или прозы на языке. Успех мог быть только в том случае, если это приближено к оригиналу (интонация, смыслы, подача и прочие штучки). Я читал басню Ля Фонтена “La Cigale et la Fourmi” («Стрекоза и муравей»). Потом было публичное чтение на языке «с листа». Мне попался, по-моему, кусок из Пруста «В поисках утраченного времени» (“A la recherche du temps perdu”) про неожиданные детские воспоминания и ощущения автора, нахлынувшие на него после того, как он попробовал, будучи взрослым, кусочек пирожного «Мадлен».

Театр был любительским. Режиссером и вдохновителем был любимый всеми студентками молодой преподаватель кафедры французской филологии Октябрьский Михаил Юрьевич. Мы ставили небольшие пьесы, отрывки из пьес Жана Ануйя, пьес театра абсурда Э. Ионеско, С. Беккета. Нашими зрителями были студенты и преподаватели факультета. Ежегодно весной накануне сессии театр делал постановку, которой предшествовал длительный репетиционный период. Все было серьезно: текст, костюмы, грим, прогоны, даже отбор на роли. Была конкуренция. Моей первой ролью была роль дворецкого с одной единственной репликой. Я один раз за весь спектакль выходил на сцену и с торжественным видом громко говорил, что в гости пожаловали господин и госпожа такие-то, ну, и потом сразу уходил. Вот такая роль – а ля «кушать подано!». Вероятно, очень колоритно я это делал, так как уже на будущий год играл одну из главных ролей пьесы Ануйя «Африканская любовь». Это была комедия. Для этой пьесы пришлось осваивать арабский акцент. Я играл роль богатого султана, у которого его друг бедуин, спасший однажды ему жизнь (эту роль играл сам Михаил Юрьевич Октябрьский), отбивает какую-то там по счету, не помню, жену. Мы даже специально ставили поединок на клинках с прыжками и кувырками. Был грим, кожа должна была быть смуглой, в общем, все атрибуты. Дома, в университете, как Вы понимаете, был абсолютный успех. Апогеем стал наш дебют в Москве. В тот год Посольство Франции на Якиманке организовало театральный фестиваль молодежных франкоязычных любительских театров. Нас туда командировал университет. В Москве тоже был успех, мы заняли первое место, в зале были овации. Зрители, а это работники посольства, французы, как нам потом сказали, «лежали на боку от гомерического смеха!». Виной тому был арабский акцент, он у нас особенно удался. Мы сами не знали, что это может быть так смешно. Нас потом спрашивали, сколько времени мы провели в Марокко! Невинная комедия в нашей интерпретации приобрела почти этнополитическую окраску. Нам подарили много подарков (это были книги), и мы получили приглашение участвовать в конкурсе на будущий год. Следующий год был для нас не такой успешный. Кусок из исторической пьесы Ануйя «Бекет, или Честь Божья» оказался сложным для нас. Да и формат фестиваля изменился, там стали участвовать студенческие театры из профессиональных театральных училищ. С французским у них были проблемы, а вот игра, конечно, вне конкуренции. Все равно, это был незабываемый опыт.

В это же время и позже, на старших курсах, я ходил в политическую студию при университете. Мы учились анализировать политические события, которых в стране было хоть отбавляй, мы анализировали публичные выступления М.С. Горбачева, Б.Н. Ельцина, других политиков, события начала 90-х гг., сравнивали различные точки зрения, учились делать прогнозы. Много внеучебного времени занимала работа переводчиком в Тюмени, были стажировки и работа во Франции: июль – август 1991 – стажировка в детском летнем лагере на Лазурном берегу Франции (нас направило французское посольство за наши театральные успехи). В ноябре – декабре 1991 – обучение в Высшей школе переводчиков Сорбонна – Дофин. Потом были стажировки во Франции в туристических фирмах, в ассоциациях по культурному обмену и т.д. Думаю, что для тюменского студента мне очень повезло с учебной и, особенно, внеучебной деятельностью. У меня остались самые теплые воспоминания о моих пяти годах учебы в университете.

Вы обмолвились об аспирантуре. Она была сразу после завершения университета или Вы какое-то время работали по полученной специальности? Какую тему Вы разрабатывали в аспирантские годы?

После университета летом 1994 года я отработал в очередной раз во Франции. У меня были попытки остаться там учиться и работать, я даже направлял резюме своей дипломной работы одному профессору из Сорбонны (к сожалению, забыл его имя). Мы с ним говорили по телефону, и он готов был меня взять для подготовки диссертации. Но главную проблему мне решить так и не удалось - разрешение на работу. В итоге, поскитавшись во Франции около трех месяцев, я вернулся в Сургут. Почти сразу принял решение устроиться на работу тогда ещё в педагогический колледж (сегодня Сургутский государственный педагогический университет) преподавать французский язык и латынь. Что, собственно, и сделал. Осенью вышел на работу, а в октябре того же года поступил в заочную аспирантуру в Московский педагогический университет по целевому направлению из педколледжа на специальность «романские языки». В аспирантуре разрабатывал и через пять лет (в 1999 г.) защитил диссертацию на тему «Неполные и односоставные вопросительные предложения в диалогической речи во французском и испанском языках» на соискание ученой степени кандидата филологических наук. Работу делал на основе диалогов театральных пьес, для чего, как понимаете, пришлось осваивать испанский. Суть работы, если кратко, заключалась в том, чтобы найти вторичные смыслы в вопросах и то, как это отражается в их внешней структуре, а также то, как их (смыслы) можно обойти в ответах. Мне это очень пригодилось впоследствии, когда я стал заниматься социологией, в частности, при разработке анкет и гайдов интервью.

Таким образом, практический опыт в этом направлении у Вас есть. Прекрасно. Пожалуйста, приведите два-три примера. Эта тема очень актуальна.

Согласен. Действительно, очень актуальна. Ведь от того, как спросить, как задать вопрос, зависит результат. Только разница между социологией и лингвистикой в том, что социолог думает, как спросить, т.е., как точнее сформулировать вопрос, а лингвист анализирует, что уже спросили и какие средства при этом использовали, а также их соотношение. Другими словами, если говорить о синтезе интересов, то социолог и лингвист идут по встречным направлениям одной дороги.

Поясню. Так, например, будучи сотрудником лаборатории региональных исследований нашего университета, я вел инициативное социологическое исследование, посвященное учительству, и входил в группу, изучающую проблемы толерантности и межэтнических отношений в школе. Передо мной стояла задача нарисовать социальный стереотипный портрет городского учителя. Во время разработки инструментария исследования я принял решение отказаться от традиционной анкеты и провести эксперимент на свободную интерпретацию псевдотавтологий. Это не мое изобретение, а, по своей сути, в чистом виде лингвистический эксперимент, хорошо известный и описанный в лингвистической семантике как отрасли языкознания. Он используется для того, чтобы выявить разницу между сходными в семантическом отношении лексемами или синтаксическими конструкциями, а также построить их иерархию. Мне показалось, что если его применить в социологическом опросе, то можно получить интересный результат. Что, собственно, и было сделано. Так, для выявления стереотипного образа учителя респондентам мной задавался вопрос: **Вы услышали, что кто-то сказал это. Что по вашему мнению, он имел в виду?** А затем предлагалась собственно реплика тавтология: **Учитель есть учитель.** Хитрость здесь в том, что, если бы у меня стояла задача приукрасить образ учителя, то я бы дал другую реплику к моему вопросу: **Учитель – это учитель.** Дело в том, что свойства, приписываемые учителю в первом и втором случаях не тождественны. Во втором случае они будут преимущественно положительные, а вот в нашем случае, первом, мы получили массу интересных, в том числе, и отрицательных коннотаций, таких, как «жаба», «злюка» и т.д. Не поймите превратно, я не ставил задачу очернить образ, нет, наоборот, он как раз получился очень живым, т.е. со своими плюсами и минусами, которых, конечно, было гораздо меньше. Кстати, результаты исследования были опубликованы позже в «Журнале социологии и социальной антропологии» в №2 за 2007 год.

Другой пример. Это уже из моих давних диссертационных наблюдений, впоследствии я взял это на вооружение при проведении интервью, да и не только. В диссертации, помимо разных прочих задач, я должен был найти коммуникативное различие между односоставным вопросительным предложением и неполным вопросительным предложением, а также их коммуникативной ролью в диалогической речи. Дело в том, что в романском языкознании была определенная узконаучная полемика на этот счет, я,

естественно, здесь это опущу. Так вот, проанализировав более 1500 примеров различных диалогических ситуаций, я установил, что в диалогическом тексте частный односоставный вопрос, т.е., вопрос о причине, цели, времени и т.д., включающий в свою структуру только специальное вопросительное слово, семантически открывает отвечающему большое пространство для ответной реакции. Проиллюстрирую сказанное: **- (1) Я не поеду с тобой в кино. – (2) Почему? (Почему ты? Почему ты не поедешь? Почему ты не поедешь со мной? Почему ты не поедешь со мной в кино?) – (3) Потому что у меня много дел (Потому что хочу в театр; Потому что ты плохо водишь машину и т.д.)**. Более того, такой вопрос чаще способствует нелинейному развитию диалога, что, собственно, видно из примера. Реплики 1 и 3 хоть и связаны как части сложноподчиненного предложения, но могут развить диалогическую ситуацию в любое русло. Частный же неполный вопрос семантически ограничивает коммуникативное пространство ответа за счет того, что жестко привязан к первой реплике структурно, и может, в свою очередь, не включать специальное вопросительное слово. Так, в нашем примере это может быть вопрос-догадка: **Занят?,** который бы предвосхитил ответ о причине; вопросы-подхваты: **Со мной?** или **В кино?,** или обе реплики вместе: **Со мной? В кино?** (так называемый вопрос-парцелляция)**,** – которые не исключают выяснение причины, но фокусируют внимание собеседника на интересующем только нас направлении беседы.

Вот, собственно, может быть, не очень иллюстративно, дело в том, что в романских языках на уровне синтаксиса это работает несколько иначе, но все же, если в общих чертах, то так.

Я уже не говорю о том, что такие знания помогают в оценке правильности поставленного вопроса или предлагаемой для ответа шкалы в закрытом вопросе, а также последовательности вопросов в анкете. Ещё один пример. Так, однажды к нам в университет в лабораторию обратились представители одной очень серьезной организации (не буду её называть), которая хотела провести опрос с целью выявления мнения жителей города об ее деятельности. Их анкету венчал вопрос об оценке деятельности этой организации с тремя вариантами ответа: **Оцените деятельность нашей организации – а) хорошо; б) удовлетворительно; в) не слышал о такой организации**. Мало того, что здесь была грубая ошибка в шкале, но вот что еще интересно. Можно, конечно, понять их желание получить только положительные оценки своей деятельности. Но какой бы они, представители этой организации, сделали вывод на основе полученных данных, обнаружив, например, что какая-то доля опрошенных, ответив, на предыдущие вопросы анкеты о содержании и характере деятельности организации, выбрала для заключительного вопроса последний вариант ответа, т.е. **в)**! Вот так бывает.

Естественно, я не претендую на совершенство в «вопросе о вопросах», хотя знаю, что это очень сложная, интересная и актуальная для социологии тема.

Возможно, здесь есть нечто новое в синтезе лингвистике и методике конструирования вопросов. Подумаю, а пока вернемся к траектории Вашей жизни: все шло, в целом, гладко, и как Вы «прыгнули» в социологию?

На самом деле все произошло очень гармонично. Ведь параллельно моей работе преподавателя французского языка и латыни я с 1998 года стал возглавлять кафедру германских и романских языков в педагогическом университете, тогда ещё институте. И, помимо всякой прочей организационной и административной работы, по роду своей деятельности должен был бороться за набор, за сохранение французского языка как в нашем университете, так и в школах города. Уже тогда, ни о чем особо не подозревая (то, что проникаю в совершенно новую для себя сферу), я проводил микроисследования среди школьников и студентов, выявляя мотивы ими выбора иностранного языка для изучения.

У нас на кафедре падала учебная нагрузка. В школах ситуация была вообще катастрофической, учителя французского переходили на преподавание других языков, чаще немецкого или английского, или вообще на пенсию. Выясняя через ответы учащихся, что выбор иностранного языка, в основном, определяется родителями, мы стали проводить разъяснительную работу среди них. Потом оказалось, что «пятой колонной» выступало руководство школ. Им было так выгоднее, удобнее составлять расписание, формировать нагрузку, да и, к тому же, не надо было убеждать и уговаривать родителей и пр. В итоге за двадцать лет (с 1994 года) из более чем 20 школ города французский язык безвозвратно ушел. Сегодня его преподают только в двух-трех муниципальных школах и в таком же количестве частных школ. Нас не услышали.

Постепенно исследования стали масштабнее. Потом я участвовал в полевых этапах по другим заказам, это, в основном, исследования студентов и старших школьников. До 2003 года я ничего из этого не публиковал, да и не думал этого делать. Действовал по принципу: принял участие, провел поле, да и все. Конечно, что-то использовал в институте на внутренних конференциях, совещаниях для иллюстрации проблем, и не более того. За несколько лет таких исследований в режиме самоучки я осваивал нюансы социологического полевого исследования. Конечно, не было написанных программ, обоснований, основной инструмент - только анкета. Все это появилось гораздо позднее. Преподавать английский я не хотел, да и без меня там народу хватало, поэтому необходимо было искать альтернативу.

Так, в 2004 году наш институт получил заказ от Администрации Сургутского района на проведение социологического исследования на тему «Ценностные и профессиональные ориентации школьников Сургутского района». В институте меня спросили, не хотел бы я взять в разработку эту

тему. Я легко согласился. Откровенно говоря, дополнительный заработок был не лишним. У меня был год, небольшая группа и административный ресурс. Проблема была в том, что некоторые территории Сургутского района расположены далеко от Сургута и труднодоступны, и поэтому без помощи районной администрации, только ресурсами института эту тему двинуть было сложно. Как Вы понимаете, здесь все было уже по-настоящему: и программа исследования, и её обязательное согласование с заказчиком, и расчет выборочной совокупности, и обработка массива данных тогда ещё в Excele, а также все, что окружает исследование: согласование сроков, официальные письма, контроль бюджета, командировки т.д. Скажу кратко: мы успешно справились, акт о выполненных работах был сразу подписан заказчиком. Знаю, что глава районной администрации использовал наш отчет в своей работе. Видимо, действительно получилось, так как были хорошие отклики о полезности проведенной работы, а наш ректор мне вдруг при очередной встрече задала вопрос: «Не хотите ли вы продолжить эту работу, т.е., проведение социологических исследований, но уже под руководством профессионалов с перспективой подготовки и защиты докторской диссертации?». Я обещал подумать. Позже, уже подумав, я оказался на собеседовании у доктора философских наук, профессора Клары Григорьевны Барбаковой в Тюмени. В Тюменской области было только два вуза с ректорами-женщинами во главе: институт Клары Григорьевны Барбаковой и наш институт (теперь университет), Надежды Васильевны Коноплиной, доктора педагогических наук, профессора. Естественно, ректоры хорошо знали друг друга.

Был и другой фактор моего ухода в социологию. Я все дальше уходил в моих научных интересах от традиционной структурной лингвистики в сторону социолингвистики, дискурс-анализа, прагматики. Междисциплинарные сферы меня интересовали все больше и больше. У меня был долгий период раздумий (почти метаний), попытки заниматься сравнительным образованием (многое из того, что было исследовано, я потом использовал в своих работах, но это было потом). Социология открывалась для меня постепенно.

К началу «нулевых» в России уже было многое сделано в области социологии образования: классические исследования В. Н. Шубкина и его последователей, работы Екатеринбургских социологов, Е. Э. Смирновой, Ф. Э. Шереги и далее. Имелась ли в Сургуте возможность ознакомиться с этими исследованиями, был ли доступ к зарубежной литературе?

Да, тогда уже мне были известны эти авторы, однако, с большинством из них я знакомился благодаря «Соцису», который выписывала и городская, и институтская библиотеки. Не могу сказать, что в сургутских библиотеках социологической литературы было в достатке. В начале «нулевых» работ по социологии образования почти не было. Как сейчас помню, нашел тогда только

«Социальные проблемы образования» Ф. Г. Зиятдиновой и «Социологию образования» Ф. Р. Филиппова, кстати, и та и другая книги стали сегодня уже большой редкостью. Позже появились очерки по социологии образования А. М. Осипова и его соавторов. Прикладные исследования по социологии образования Ф. Э. Шереги я нашел только в Московской библиотеке. Так как в Сургуте мы регулярно получали «Социс», мне, конечно, были известны работы и Г. Е. Зборовского и В. С. Собкина. После того, как работы Г. Е. Зборовского стали публиковать в «Гардариках», они появились и в Сургуте, а исследования В. С. Собкина и его коллег можно было уже найти в интернете на официальном сайте института социологии образования РАО.

В сургутских же библиотеках чаще встречались работы по общей социологии и социологии труда Ж. Т. Тощенко, методологии социологического исследования В. А. Ядова, социологии культуры. Были работы по социологии молодежи В. Т. Лисовского и социологии северного города Г. Ф. Куцева. Что касается зарубежных авторов, то чаще можно было найти переводные работы П. Бурдье, избранные произведения М. Вебера, разные издания книг и произведений П. А. Сорокина. Хорошо помню хрестоматию по американской социологии, изданную в конце 90-х гг., в МГУ, там были отрывки из Роберта Мертона, Талкотта Парсонса, Чарльза Кули и других. Все эти книги были в одном, двух экземплярах и только в читальном зале. В сургутских вузах социология почти не читалась, поэтому и особого спроса на литературу не было. Когда она стала входить в учебные планы, студенческий спрос на эту литературу увеличился. Тогда полки книжных магазинов заполонило огромное количество книг с названиями «Социология», «Основы социологии» и пр., поступавших по принципу доступности, а не качества. Хорошая, добротная социологическая литература, в том числе, и классики, стала появляться гораздо позднее.

В систематическом виде через серьезные теоретические источники социология образования, да и социология в целом, открылась для меня только в 2004-2006 гг., когда я стал регулярно работать в этом направлении и целенаправленно ездить в Москву, чтобы знакомиться с этой литературой в РГБ, приобретать её для себя.

Клара Григорьевна Барбакова, к сожалению, уже несколько лет тяжело больна, и, хотя нас связывают давние и очень добрые отношения, я не смог побеседовать с ней. Удалось ли Вам с ней поработать, если «да», то какие у Вас сохраняются о ней воспоминания?

Да, я знаю об этом. Не встречался с Кларой Григорьевной тоже очень давно. В 2013 году мне довелось быть в Москве. Я приехал в Институт социологии РАН для того, чтобы принять участие в работе круглого стола по проблемам образования, организованном исследовательским комитетом по социологии образования РОС, а также решить ряд вопросов в самом

РОС. Именно там в РОС среди различных фотографий, прикрепленных на стене, я случайно обнаружил себя на общей фотографии, сделанной на одной социологической конференции в 2007 году. Это была одна из многих, подчеркну, многих научных социологических конференций в г. Тюмени, которые регулярно организовывались Кларой Григорьевной Барбаковой и её коллегами.

С Кларой Григорьевной мы проработали совместно более четырех лет с 2005 по 2009 гг. Именно благодаря Кларе Григорьевне мое постижение социологии стало систематическим. Первое, что я хочу сказать, - она очень добрый и мудрый человек. Клара Григорьевна меня поправляла, направляла, сдержано отчитывала за мои ляпы, но всегда тонко и интеллигентно. Это, кстати, не случайно. Её самый основной, как мне известно, научный и жизненный интерес – это исследование такой сложной темы, как интеллигенция и интеллигент. Мне хорошо знакома её книга, написанная совместно с Валерием Андреевичем Мансуровым, «Интеллигенция и власть: динамика взаимодействия».

Консультации с Кларой Григорьевной были очень содержательными и полезными. Естественно, многое было для меня новым, пожалуй, почти все! Признаю это не стыдясь. Причем, самые запоминающиеся – это её повествования о многих интересных и странных (хотя каких странных, вполне понятных), событиях становления социологии как науки в нашей стране, её учителях. Так, я узнал, например, о Галине Михайловне Андреевой. Точнее, что значит узнал? Ещё до встречи имя Г. М. Андреевой было известно мне как имя крупного отечественного психолога. Я знал её работы по социальной психологии, в частности, по теории каузальной атрибуции. Ещё до того, как я стал заниматься социологией, это были мои междисциплинарные интересы (в лингвистике – это теории о «человеке-говорящем» и «человеке-слушающем», их коммуникативном взаимодействии, приписывании смыслов и р.). Потом, благодаря советам Клары Григорьевны, я познакомился с трудами Тамары Моисеевны Дридзе. Передо мной открывался, простите за пафос, мир социологии, такой разной, сложной, но очень, как оказалось, близкой мне. И это благодаря теоретическим урокам Клары Григорьевны.

Я приезжал к Кларе Григорьевне домой, консультации она проводила, в основном, у себя. Это всегда были незабываемые для меня поездки. Прямо с поезда «Сургут – Тюмень», преодолев более 800 километров за 14-15 часов, утром я приезжал к ней. Дома всегда была небольшая экскурсия, организованная Кларой Григорьевной по её очень богатой домашней научной библиотеке. Она обезоруживающе говорила: «Владислав Павлович! Вы – с дороги, сейчас буду Вас кормить, а Вы будьте здесь (в кабинете. - В.З.) и изучайте!». Я оставался в кабинете, и все мои попытки помочь ей по кухне разлетались в клочья на стадии плохо озвученной мной идеи, даже мысли или предложения. Все было очень вкусно: книги, супы, салаты, пирог, второе,

торт, мороженое. Мы шутили: я благодарил и говорил, что ухожу, так как, собственно, все – сыт! Но это было только начало. Потом мы разговаривали. Удивительно, сколько она тратила сил и времени на создание такой атмосферы. Она всегда была и остается восхитительной женщиной и профессиональным педагогом. Потом у нас была работа: беседа о том, как все идет, о том, что я сам сделал, что прочитал, что думаю о прочитанном, с кем и с чем сравнивал точки зрения и т.д. В общем, шла работа, нормальная работа.

Клара Григорьевна – просто хороший, искренний, ответственный, много знающий и мудрый человек. Для меня это было незабываемым профессиональным и личностным общением и, конечно, Уроками. Уверен и знаю, что каждый докторант ощутил эту заботу на себе. Хочется пожелать выздоровления и здоровья Кларе Григорьевне!

Вы начали ездить в Москву, наверное, и в Институт социологии РАН? С кем из московских социологов Вашего возраста и постарше Вам удалось познакомиться, может быть, поработать?

Все, о чем, я начал рассказывать, а также мои поездки в Москву, происходили почти одновременно. Да, поездок было много: это и конференции, и работа в библиотеках. Куда бы ни ехал, везде записывался в библиотеку: в Москве, Санкт-Петербурге, Тюмени и даже в Геленджике, и Анапе. Кстати, в небольших южных городах, точнее, в их библиотеках, можно было найти самые неожиданные источники по истории социологии, переводную литературу и т.д.

В Институт социологии РАН я стал ездить позднее, конечно; встречался и общался там и с Давидом Львовичем Константиновским, и Валерием Андреевичем Мансуровым, и Зинаидой Тихоновной Голенковой. Зинаида Тихоновна консультировала меня по проблеме моей докторской, за что я ей очень благодарен. Несколько раньше у меня была возможность познакомиться с социологами из Санкт-Петербурга. Я приезжал на факультет социологии СПбГУ для участия в научной конференции посвященной проблеме социологического диагноза культуры, организованной Владимиром Вячеславовичем Козловским, Русланом Геннадьевичем Браславским и их коллегами, опубликовал у них статью в «Журнале социологии и социальной антропологии». Уже на этапе защиты докторской диссертации очно познакомился с Владимиром Самуиловичем Собкиным, директором Института социологии образования РАО. До этого и до сих пор с интересом слежу за их исследованиями. Что касается конкретно-социологических полевых исследований, то сотрудники моей лаборатории и я вместе с ними, помимо наших собственных, принимали участие в полевых исследованиях, проводимых Левада Центром, но это только заочно, что называется, по запросу. Так сложилось, что мне выпала удача познакомиться и пообщаться с Вадимом Валерьевичем Радаевым, хотя не по социологическому поводу, он приезжал к нам в университет в рамках крупного проекта по разработке и подготовке

стратегии развития высшего профессионального образования в стране. Они изучали региональные вузы, ну а я, будучи проректором, вместе с моими коллегами был в теме и участвовал в этом.

При Вашем знании языков Вам, наверное, хотелось поближе узнать зарубежных социологов, изучить их теоретические подходы и исследовательские методы. Смогли Вы это сделать?

Откровенно говоря, очень хотелось бы. Пока могу говорить об этом с частицей «бы». Только вот как-то не сложилось. Был печальный опыт общения с одним финским исследователем. К нам в университет приехал магистрант из одного университета Финляндии и попросил помочь ему провести социологическое исследование у нас в Сургуте (он не социолог, его специализация – социальная география). Дал анкеты, матрицу и сказал: «Проводите». В общем, уехал. Потом была переписка с его университетом. Его руководитель мне объяснял в переписке, что это нормальная практика академической взаимопомощи и общения. Правда, когда я задавал вопросы о совместных публикациях, сотрудничестве, договоре, то не слышал ответа. Финский исследователь уехал, а мы остались! Вы знаете, в Сургуте, надеюсь, социология постепенно набирает обороты. Даже появляются частные коммерческие конторы, но там чистой воды маркетинг. Хорошо, пусть зарабатывают. Ну, а мы до сих пор многому учимся, уже есть и результаты, и мы готовы поделиться тем, что нами делается. Мы просто пока очень «маленькие».

Клара Григорьена, если я верно помню, налаживала международные связи с социологами, развивая контакты с университетами северных территорий: в Финляндии, Канаде, со скандинавскими странами. Похоже, такие контакты есть и в Якутии. Не пробовали?

Знаю, что она очень активно и успешно работала в этом направлении. Студенты её института ездили на стажировки. Мне было бы интересно поучаствовать или провести сравнительное исследование. Правда, особой активности в этом направлении пока не предпринимал, так как считаю, что должны быть свои наработки, принципы, предложения. Сейчас нам уже есть, что показать (я имею в виду лабораторию региональных исследований СурГПУ и Югорское отделение РОС), поэтому стоит задуматься и на эту тему. Что касается Якутии, то я был там на большом форуме, который был организован Арктическим университетом (это консорциум российских и зарубежных университетов), в который наш университет входит, но ни тогда, ни сейчас ничего интересного для нас пока найти не могу. Там очень специальные направления, связанные с природопользованием, экологией Арктики и прочее. Были контакты и с коллегами из Калифорнийского университета в Фуллертоне, я там был на семинаре, посвященном проблемам развития высшего образования, по линии Ассоциации культурных и академических обменов (г. Сиэтл). Но и это пока остается на уровне намерений. Идеальный вариант – это, конечно же, поучаствовать в конкурсах грантовой поддержки. Будем искать!

Вы уже дважды в нашей беседе вспомнили о работе над докторской диссертацией. Пожалуйста, расскажите, когда Вы приступили к этой работе, какую проблематику Вы исследовали, что удалось показать.

Целенаправленно я начал работать над темой с 2004 года. Я предложил Кларе Григорьевне направление, и она после обсуждения согласилась консультировать меня. Завершал исследование под чутким руководством Гарольда Ефимовича Зборовского. Он в итоге и стал моим научным консультантом по диссертации, старшим наставником и, если он не будет против, другом. Тема докторской диссертации «Модернизация педагогического образования: социологический анализ». Было бы странным, если бы я взялся за другую тему, работая в педагогическом вузе к тому времени уже 10 лет. Я начал углубляться в эту тему, уже имея задел и наработки по учительству, по мотивации школьников к получению именно педагогического образования, опросы учителей, родителей и т.д. Мне помогли и все те исследования, о которых я говорил раньше. Они помогли нащупать проблемы. Подтолкнула меня к этому реальная ситуация, сложившаяся в нашем регионе, да и не только в регионе, в стране в целом. Это и сокращение сети педагогических вузов, их закрытие и слияние, обвинения в том, что во всех бедах российского образования виновны именно они; это и введение ЕГЭ; и изменение, скорее, усложнение роли и функций учительства; и, как следствие, необходимость понимания глубоких изменений института педагогического образования, и многое другое.

Скажу так: если бы я не сломал случайно (но, как сейчас понимаю, все-таки своевременно, ногу), то не завершил бы работу вовремя. К началу 2010 года у меня накопились результаты собственных исследований, большой теоретический материал (аутентичные источники) по зарубежным странам. Все это требовало систематизации. Причем, я понимал, что в условиях действительно интенсивных реформ в образовании, многие из полученных данных могут устареть, точнее, потерять свою актуальность. Т.е. когда можно и надо было все обобщить и концептуализировать, у меня уже было достаточное количество наработок, публикаций в различных журналах и сборниках, вышли две книжки, было также собрано много другого материала (статистики, исследований прошлых лет).

Это был самый трудный этап. Не хватало времени... И вдруг оно появилось... Появилась возможность спокойно дома все осмыслить, обдумать и изложить.

Что удалось показать? Удалось показать, что педагогическое образование – это основа для воспроизводства допрофессионального образования и профессиональной общности педагогов. А посему, реформы в образовании надо начинать не с его уничтожения как вида образования и не с общей школы, т.е., внедрения ЕГЭ, ГИА и прочих аббревиатур, а именно с сохранения педагогического образования, создав необходимые

для этого социальные условия и технологии, которые способствовали бы его развитию. Удалось показать, что модернизация модернизации рознь. Модернизация образования не может иметь ничего общего только с экономическими механизмами, товаризацией (по Марксу); и даже её понимание как рационализации (по Веберу) здесь не подходит, так как имеет отношение к обществу как социально-экономическому организму, а, точнее, к построению основ капитализма. А что значит капитализм в образовании? А это значит привнесение рыночных принципов и правил взаимодействия в эту социальную сферу. Для российского образования это серьезная встряска, так как затрагивает его социально-культурные основы, принципы и традиции. А это, на мой взгляд, одна из причин того, что многие реформы идут со скрипом и встречают сопротивление общества. Модернизация образования не исходит напрямую, жестко из модернизации общества. У этих «модернизаций» разные «профили». Модернизация образования – это процесс социальный. Здесь мне близка позиция Шмуэля Эйзенштадта. Он, конечно, не писал о педагогическом образовании, но он говорил о том, что возрастающая автономность и специализация институциональных сфер (а это, на мой взгляд, то, что произошло с образованием и с педагогическим образованием) только открывают новые возможности для их развития. Действительно, возникает проблема интеграции различных социальных сфер, их взаимодополняемости, но ведь это не та проблема, которую нельзя решить или надо решать методом «ампутации». Имеется много способов преодолеть такой кризис. Мне кажется, что это неисчерпаемая тема.

Владислав, Вы – заведующий кафедрой и декан социологического факультета Сургутского государственного университета (если что-то не так, пожалуйста, поправьте меня). В любом случае, расскажите о Вашем факультете, составе кафедр, по каким специальностям Вы готовите студентов.

В Сургуте два государственных вуза регионального подчинения: Сургутский государственный университет и Сургутский государственный педагогический университет. Я с самого первого дня моего трудоустройства в Сургуте (август 1994) и по настоящее время работаю в педагогическом университете.

Первоначально Сургутский государственный педагогический университет был педагогическим училищем (1986 г.), потом высшим педагогическим колледжем (1993 г.), педагогическим институтом (1995), и, наконец, педагогическим университетом (2005 г.). Сургутский государственный университет, в отличие от нашего вуза, создавался на пустом месте, если не ошибаюсь в 1993 или 1994 годах, как муниципальный вуз, тогда это было можно, т.е., законодательство позволяло. Имея серьезную финансовую поддержку города, но полное отсутствие кадров, руководство этого вуза, с одной стороны, стало массово приглашать профессуру со

всей России, с другой, поглощать имеющиеся на территории Сургута средние профессиональные учебные заведения. Получение нами статуса педагогического института стало своеобразной защитой от такой агрессивной местной политики, хотя «сливать» нас пытались и после этого ещё несколько раз, и даже тогда, когда мы стали университетом. Мы, простите меня за такое сравнение, до сих пор стоим в защитной стойке. По-другому нельзя, в России за последний год-два количество педагогических вузов сократилось в 2,5 раза. В нашем случае все такие попытки не увенчались успехом благодаря работе коллектива и, конечно же, нашему бессменному ректору, её имя я уже называл, Коноплиной Надежде Васильевне, доктору педагогических наук, профессору.

Мы – небольшой по российским меркам региональный вуз с очень хорошей базой и инфраструктурой, и эффективный педагогический вуз по оценкам федеральных и региональных властей. У нас около 2500 студентов (бакалавров, магистров, аспирантов) очной и заочной форм обучения. Мы – единственный вуз в Тюменской области, который готовит выпускников по направлению «социология». У нас есть группы студентов по направлению «организация работы с молодежью» (тоже социологическое направление), уже четвертый год функционирует аспирантура по социологии, и в этом году мы делаем первый набор бакалавров по социологии. Все это происходит на одном из шести факультетов нашего педагогического университета, который называется: «Факультет социально-культурных коммуникаций», а именно, на кафедре философии и социологии. Наш же сосед, Сургутский государственный университет, социологов не готовил и готовит, а также не имеет соответствующей кафедры.

В Сургутском государственном педагогическом университете я с самого начала работал на должностях ассистента, преподавателя, заведующего кафедрой, проректора по научной работе. Сегодня занимаю должности первого проректора, заведующего научной лабораторией региональных исследований и по совместительству профессора кафедры философии и социологии того факультета, о котором я уже сказал. На кафедре все, кто задействован в подготовке социологов, имеют ученые степени кандидата наук. Кафедру философии и социологии возглавляет кандидат культурологии, доцент Салават Рифгатович Аминов, факультет социально-культурных коммуникаций – кандидат педагогических наук, доцент Римма Анатольевна Белошапка. На факультете ещё ведется подготовка специалистов по социально-культурной (досуговой) деятельности и дизайну. Кафедра философии и социологии – молодая, ребята не старше 40 лет, активно занимаются наукой, социальным проектированием. У меня же в лаборатории как внештатные главные научные сотрудники трудятся хорошо известные Вам доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ Гарольд Ефимович Зборовский (УрФУ, г. Екатеринбург) и доктор социологических наук, профессор Елена Анатольевна Шуклина (УрФУ, г. Екатеринбург). В ближайшее время, очень

надеюсь, ожидаются защиты кандидатских диссертации по социологии двух моих научных сотрудниц Ольги Владимировны Власовой (под руководством Г. Е. Зборовского) и Светланы Викторовны Овчаренко (под моим руководством). Кроме того, для исследований я привлекаю специалистов из других сфер, так, с нами в коллективе лаборатории уже несколько лет трудится кандидат филологических наук Светлана Сергеевна Дрига. Она – начальник научного отдела нашего вуза, но, будучи специалистом в дискурс-анализе СМИ, с удовольствием подключается к нашей работе для проведения интервью. В нашем университете мы открыли региональное отделение (Югорское отделение) Российского общества социологов. Другими словами, в Сургуте социология прошла свой первый этап институциализации, и не только благодаря созданию кафедр и открытию специальностей в Сургутском государственном педагогическом университете. Мы активно проводим полевые социологические исследования. Самые крупные из них - «Проблемы социокультурной адаптации детей мигрантов в ХМАО-Югре», «Учительство ХМАО-Югры как социально-профессиональная общность». В разработке находится тема по социологии детства «Дети в системе дополнительного образования северного города». Параллельно по заказам исследовательских центров мы проводим поля (анкетирование, глубинные и полуформализованные интервью). В общем и целом, работы много.

Похоже, все это прежде всего – следствие Вашей активности, но, можно думать, что Вас поддерживают местная власть и бизнес. Вам удалось найти с ними общий язык?

Прежде скажу, что все, что уже сделано, и, надеюсь, ещё будет сделано – это во многом благодаря Гарольду Ефимовичу Зборовскому. Его научное консультирование моей докторской постепенно перетекло в совместную научную работу на базе нашей лаборатории, которая с 2010 года коренным образом изменила направление своих исследований. Наверное, по-другому и быть не могло. Чуть позднее к нам присоединилась Елена Анатольевна Шуклина. В лаборатории она курирует методологические аспекты проводимых нами исследований. За несколько лет совместной работы у нас сложилась определенная система взаимодействия. Я это очень ценю. Тот социологический коллектив, который сформировался в университете, - заслуга наших уральских коллег. Что касается поддержки властей, то мы её ощущали все последние годы. Здесь поймите меня правильно. В нашем университете, как я уже говорил, мы открыли направление подготовки бакалавриата по социологии при поддержке региональных властей, более того, нам удалось их убедить выделить бюджетные места для развития этого направления. Думаю, мы их не подведем, так как уже сегодня, в период приемной кампании, мы имеем конкурс из 280 заявлений на 15 бюджетных мест, и это не предел (приемная кампания продолжается). Конечно, я понимаю, что это предварительные результаты, тем не менее, такие цифры говорят об интересе, который

проявляют школьники и их родители к этому направлению подготовки (оговорюсь, не без наших усилий), а также о том, что эта специальность престижна, востребована на региональном рынке труда и, следовательно, имеет перспективы для развития. Более того, мы получали и продолжаем получать заказы на проведение социологических исследований в регионе от региональных и муниципальных властей. Я не говорю о том, что наша научная лаборатория целиком финансируется из регионального бюджета. По результатам исследований сами власти организуют общественные слушания с приглашением всех заинтересованных лиц. Так, исследование «Проблемы социокультурной адаптации детей мигрантов в ХМАО-Югре» мы проводили по запросу комитета по социальной политике Думы ХМАО-Югры. Кстати, его руководитель Наталья Леонидовна Западнова, - кандидат социологических наук, что мне представляется вполне симптоматичным. Комитет дважды организовал такие слушания с нашим присутствием и с приглашением представителей департаментов образования и т.д. Затем такие встречи прошли и в муниципалитетах. Дело закончилось принятой исполнительной властью региона соответствующей программы, которая, по моему мнению, очень неплохо работает: увеличили количество часов на освоение русского языка для детей мигрантов в тех школах, где это необходимо, стали создавать программные школы в этом направлении, подключили общественность, СМИ и т.д. К нашей одноименной монографии, написанной по результатам этого исследования, проявили интерес не только представители округа, она получила положительную оценку представителей других регионов России. Другими словами, проблема стала всеобщим достоянием и обсуждать её стали конструктивно. Надеюсь, что и в дальнейшем такой диалог будет сохраняться и развиваться.

СОРОКИН Г. Г.: «Я – ПРЕПОДАВАТЕЛЬ. НАУКОЙ ЗАНИМАЮСЬ В СВОБОДНОЕ ОТ РАБОТЫ ВРЕМЯ»

Геннадий, в своем письме Вы написали, что родились в Ишиме, что родители недолго проработали учителями в деревне, а потом, я так понял, перебрались в Ишим, где уже работали не по полученной профессии. Они и родом из Ишима или оказались в Сибири по распределению? Что они преподавали? И знаете ли Вы, почему они ушли из учительства?

Родители у меня родом из Сибири. Папа родился в Ишиме, а мама в селе Называевское Омской области (сейчас город Называевск). Мама приехала в Ишим учиться в институте. Здесь они и познакомилась с отцом. По образованию мама преподаватель литературы и русского языка. Отец окончил физмат, преподавал математику. После окончания вуза родители распределились учительствовать в маленькую деревню. Папу назначили директором крохотной деревенской школы, в которой было 16 учеников и 17 человек преподавателей и обслуживающего персонала. Когда они, отработав положенные три года, возвращались в Ишим, то убегали не только от профессии учителя, но и от деревенского быта. В деревне и сейчас-то не особенно комфортно живётся городскому человеку, а тогда удобств не было никаких. Зимой за водой ходили на речку к проруби. Очень не хватало детского садика, куда можно было бы отдать мою старшую сестру.

Что же касается профессии учителя, то плюс в ней был только один – большой летний отпуск. Работа отнимала слишком много времени, сил и нервов. Проработав половину дня в школе, учителя часто шли по домам двоечников и прогульщиков проводить разъяснительно-воспитательную работу с родителями. Тогда это был обязательный элемент работы школьного педагога. Почти все вечера были заняты проверкой тетрадей. Зарабатывали советские учителя по тогдашним меркам неплохо. Но те же деньги можно было получать, работая на производстве с меньшими затратами сил. Отец за время работы в деревне зарекомендовал себя хорошо и ему предложили должность директора большой школы в посёлке городского типа. Но он это расценил как «переезд из маленькой тюрьмы в большую» и отказался. Родители вернулись в Ишим и устроились в организации на должности, где даже не требовалось высшее образование. Мама рассказывала, что первое время на “обычной” работе в транспортной организации была счастлива от того, что в пять часов можно было уйти с работы и не вспоминать о ней до следующего дня. Но думаю, что полученное образование всё-таки родителям пригодилось. Отцу оно помогла продвинуться в карьере. Специалистов инженеров тогда в нашем городе было мало, поэтому инженерные должности нередко занимали выпускники физмата. В организации “Ишиммежрайгаз” отец сначала был грузчиком на развозке газовых баллонов, потом мастером по ремонту оборудования, затем занимал руководящие должности невысокого уровня (начальник

службы внутридомового газового оборудования, мастер газонаполнительной станции и т.п.). Мама до пенсии работала бухгалтером. Но её литературное образование оказалось полезным при воспитании детей. Она много занималась со мной и с сестрой, привила нам любовь к чтению. Читать и писать я умел уже в четыре года, сестра – в пять. Мы всегда консультировались с мамой по вопросам русского языка (я до сих пор это делаю). Очень полезными для меня оказались мамины уроки по написанию сочинений.

Очень ценным мне представляется Ваше замечание об активном чтении. Социологи старших поколений, которым сейчас 80-85 лет, и следующих когорт рассказывали, что они читали. Постарайтесь и Вы повспоминать, охватив не только совсем детский период, но и школу. Наверное, Вы читали не только книги, которые были дома, но и брали литературу в городских библиотеках?

В школе я много читал. У родителей была хорошая библиотека, но и городские библиотеки я тоже посещал. Интересовали меня, в основном, приключенческие романы. Книги Купера, Рида, Хаггарда, Конан Дойла перечитывал по несколько раз. Почему-то практически не читал русских авторов. Возможно, русской литературы мне хватало в школе. Книги во времена моего детства ещё надо было достать. В библиотеке самые интересные книжки были либо на руках, либо в очень потрёпанном состоянии. В старших классах читать было уже некогда. Я начал посещать школу программирования, стал заниматься спортом. Кроме того, последний год я доучивался в уникальном образовательном учреждении - Ишимском городском общеобразовательном лицее. Там нас обучали лучшие преподаватели города, 14 наших педагогов имели учёную степень. Учёба поглощала всё моё время. Чтение из удовольствия превратилось в инструмент. В студенческие годы тоже особенно читать было некогда. Появилась необходимость в подработке. Уже после окончания института, работая в вузе, я поймал себя на мысли, что, в принципе, я читаю достаточно много, но всё прочитанное относится исключительно к моей профессиональной или научной деятельности. Сейчас я, наверное, пишу больше, чем читаю (чукча не читатель, чукча писатель). Если я обнаруживаю у себя пробелы в знаниях, например, в истории или географии, то стараюсь посмотреть онлайн какой-нибудь документальный фильм или заглянуть в википедию.

Вы учились в старших классах школы во второй половине 1990-х гг., комсомола уже не было, но какой-либо общественной деятельностью Вы занимались?

Меня приняли в пионеры в год, когда пионерскую организацию официально отменили. Галстук я поносил всего два месяца. Никаких общественно-политических или даже просто патриотических объединений в моё школьное и студенческое время просто не было. Были творческие объединения, в которых студенты занимались музыкой и хореографией,

организовывали студенческие праздники. Был институтский актив, который играл в самоуправление. Насколько мне известно, какое-то подобие молодёжных общественных объединений начало появляться только в средине 2000-х гг. Например, “Молодая гвардия” - кузница кадров для “Единой России”. Но думаю, что, даже если бы что-то подобное было в моё время, я бы не был его активным участником. К активистам партий, движений, объединений и т.п. я относился и отношусь как к болтунам и бездельникам.

Отец – по образованию математик, учились в специальной школе, изучали программирование, наверное, с выбором профессии проблем не было? Или размышления все же были?

Вы совершенно верно подметили, что проблем с выбором профессии не было. Просто выбора-то особого и не было. В институте моего города я мог выучиться только на учителя. Моя свобода выбора состояла лишь в определении направления: от трудовика до преподавателя иностранного языка. Но математика мне всё-таки была близка. Мой выбор - физико-математический факультет Ишимского государственного педагогического института также определило то, что на математическом факультете давали специальность “преподаватель информатики”. Я надеялся, что уж с этой специальностью смогу найти себе работу вне школы. Сейчас я понимаю, что учился в вузе, который отстал от своего времени лет на 10-15, причём и в хорошем, и в плохом смысле. В моём вузе осталось очень многое из наследия качественного советского образования. Пожилые преподаватели работали на совесть, студентов-платников практически не было, отчисляли неуспевающих нещадно, о взятках мы даже ничего и не слышали. В итоге, вуз давал качественные теоретические знания. Эти знания открывали выпускнику хорошие перспективы для работы в образовании или науке, но оказывались совершенно бесполезны в других, даже смежных сферах. Например, профессиональным программистом среднестатистический выпускник физмата работать не мог – квалификация не позволяла. Эти рамки, отчасти, определили моё педагогическое будущее. Ещё одним фактором была необходимость избежать армии. Мне совсем не хотелось терять два года жизни, а учёба в аспирантуре представлялась хорошей возможностью “откосить”. Надеюсь, что безысходность как путь в социологию – это не типичная история социологов моего поколения?

Пока не ясно, причем здесь аспирантура по социологии? Вам в институте читали социологию? Откуда Вы узнали о существовании такой науки (я, тоже математик по базовому образованию, по-моему, такого слова даже не знал)? И потом, Вы могли с тем же успехом искать аспирантуру по экономике, информатике, педагогике. Как вообще возникла социология?

Российская система высшего образования устроена таким образом, что преподавателю без учёной степени в ней делать просто нечего. Он

постоянно будет находиться под угрозой увольнения. Такая политика привела к тому, что в нашем вузе уже не остаётся ассистентов – их выживают. Также наметилась устойчивая тенденция к уменьшению числа профессоров. Последние, дожив до 80 лет, почему-то начали умирать. Сейчас в университете остаются только доценты, которые, защитив свои кандидатские диссертации, расслабились и успокоились. Поскольку я планировал работать в вузе, то нужно было писать диссертацию. Я обращался к разным профессорам, представителям разных направлений науки. Но одни хотели работать со своими бывшими студентами, другие искали аспирантов только на платную форму обучения. Кто-то скептически относился к моему "провинциальному" образованию. В аспирантуру по математике я не стал поступать, потому что мой институтский курс ориентировался совершенно на другие разделы. С информатикой тоже не получилось – мои знания были далеки от реальной практики. Ко мне проявляли интерес профессора различных технических направлений, которые нуждались в математической обработке результатов исследований и разработке соответствующих компьютерных программ. Но по контексту наших бесед было ясно, что мы с ними расстанемся, как только я решу их проблемы. Спустя год напрасных поисков, я совершенно случайно узнал, что есть возможность поступить в аспирантуру по социологии Тюменского государственного университета. Небольшой курс общей социологии нам в институте читали, поэтому некоторое представление об этой науке я имел. В беседе с моим будущим руководителем профессором Верой Владимировной Гаврилюк я, к своей радости, узнал, что диссертацию можно построить на стыке областей интересов информатики и социологии. Таким образом, я и попал в социологию. В своей кандидатской диссертации я исследовал феномен информационной культуры социального субъекта.

Вообще, ситуация прихода в социологию "инородных тел", типа математиков или "технарей", в России – это обычное дело. Часто такие люди попадают в аспирантуру, потому, что умеют составлять компьютерные программы или разрабатывать математические модели, да так в этой науке и остаются. Конечно, профессионалы со специальным образованием обладают широким социологическим кругозором, но им не хватает алгоритмизации мышления. В то же время, социологов-математиков рецензенты всегда хвалят за логичность и последовательность изложения материала. Может быть, поэтому на кафедре социологии коллеги приняли меня доброжелательно.

Кстати, моё "провинциальное" образование помогло мне и ещё одному выпускнику ишимского физмата без труда поступить в аспирантуру на бюджетные места, выдержав достаточно большой конкурс. В то же время наши конкуренты с "правильным" образованием своими знаньями не блеснули.

Итак, Вы поступили в аспирантуру, к каком году это было? Определили тему кандидатского исследования.. Работы каких российских и западных социологов стали для вас основополагающими? Не испытывали

ли Вы проблем с тем, чтобы найти необходимую литературу? Работали ли Вы в научных центрах Москвы, Петербурга, сибирских городов?

В аспирантуру я поступил в 2004 году. Свою научную деятельность начал, собственно, с изучения основ социологии. Читал учебники, вместе со студентами посещал лекции опытных педагогов. Самыми информативными и самыми полезными мне показались учебники социологии Н. Смелзера и Г. Е. Зборовского. Базой для моей диссертации стали работы таких исследователей информационного общества как Э. Тоффлер, Д. Белл, З. Бзежинский, А. Турен, Э. Гидденс, Дж. Нэсбит, И. Масуда. Большое влияние на меня оказали труды Ж. Т. Тощенко и Г. А. Ключарева, посвящённые изучению феномена функциональной неграмотности. С литературой проблем не было. Библиотеки тюменских университетов могли похвастаться солидным фондом, в городе функционировала современная областная библиотека. К тому же, во время моей учёбы в аспирантуре уже начала работать онлайн библиотека российских диссертаций, мне не нужно было ехать в Москву, чтобы поработать в Ленинской библиотеке.

В научных центрах я никогда не работал. Как и большинство моих коллег, я зарабатываю на жизнь преподаванием. Наукой занимаюсь в свободное от работы время. Несколько раз меня приглашали в исследовательские группы для подачи заявок на гранты. Но такие группы функционировали только на период разработки заявки или (если выигрывали грант) на период работы над общим проектом.

Вы отмечаете: «В своей кандидатской диссертации я исследовал феномен информационной культуры социального субъекта». Пожалуйста, поясните, в чем Вы видели проблему Вашего исследования, что удалось показать.

Научная проблема состояла в следующем противоречии: в условиях перехода к информационному обществу возрастают требования к социальной и профессиональной компетенции социального субъекта, но при этом уровень функциональной грамотности значительного числа россиян снижается. В диссертации я исследовал роль информационной культуры как компонента функциональной грамотности. Изучив стратегии поведения представителей различных социально-демографических групп в ситуации нехватки актуальных знаний, я доказал, что знания и умения, необходимые для работы с информацией, сегодня входят в минимум знаний, необходимых для полноценного выполнения индивидом своих профессиональных и социальных функций. Высокий уровень информационной культуры необходим для поддержания социальной и профессиональной компетентности индивида на уровне, соответствующем современным стандартам функциональной грамотности.

Очень интересно. Выстраиваются, как и должно быть в историческом исследовании, «сети». В рамках моего Проекта я провел

и опубликовал интервью с Ж. Т. Тощенко и Г. Е. Зборовским, только что закончил беседу с Г. А. Ключаревым. Пожалуйста, расскажите об эмпирической базе Вашего диссертационного исследования, как Вы ее создавали...

В качестве эмпирической базы выступали данные анкетных опросов четырёх категорий респондентов: школьников, студенческой молодёжи, лиц в возрасте трудовой активности и пенсионеров. При классификации респондентов я отталкивался не столько от их возраста, сколько от ведущего вида деятельности. Я пытался соотнести степень сложности информационной ситуации, в которой находился респондент, с эффективностью действий, которые он предпринимал для адаптации к изменяющейся информационной среде. Исследуя информационную культуру пожилых, я впервые узнал о присутствии в современном обществе проблемы образования представителей старшего поколения. Данная проблема меня заинтересовала и, сразу же после защиты кандидатской, я сосредоточился на новом направлении исследования. Кстати, у Г. А. Ключарева я имел удовольствие брать интервью как у эксперта в области геронтообразования.

Вы указали ряд зарубежных авторов, по которым Вы осваивали проблематику информационного общества, знаете, что на Западе уже многие годы изучают разные формы существования информационной культуры. Не пытались ли Вы найти возможность поучиться в каких-либо зарубежных университетах, ведь там много программ различной продолжительности? Сейчас это не столь уж сложно...

Конечно, поучиться в хорошем зарубежном университете или образовательном центре было бы здорово. Можно было бы изучить методы и подходы к исследованию информационной культуры, которыми пользуются зарубежные коллеги. Я бы мог провести опросы зарубежных респондентов, аналогичные тем, которые я проводил в России, и потом сопоставить результаты, определить национальные факторы формирования информационной культуры личности. С большим интересом я изучил бы зарубежный опыт образования взрослого населения. То есть, для моего исследования и для моего профессионального становления такая загранкомандировка была бы, определённо, полезной. Да и просто посетить уроки опытных зарубежных социологов, имеющих большой практический опыт, было бы интересно. Но на каждое “бы” есть своё “но”.

Во-первых, такой насущной необходимости у меня не было. Информации хватало, в том числе, и книг иностранных авторов.

Во-вторых, на кафедре социологии я и так был в положении “выскочки”. Я неизвестно откуда появился, имел наглость поступить на дефицитное бюджетное место в аспирантуру, без проблем получил работу и койку в общежитии. Если бы я ещё попробовал выбить заграничную стажировку….

думаю, нашлось бы много людей, которые объяснили мне, что я и так имею больше, чем мне причитается. Я бы настроил против себя всю кафедру.

В-третьих, тогда, как и сейчас, любой российский учёный, пишущий кандидатскую или докторскую диссертацию, стремится завершить работу как можно скорее, пока ВАК не ужесточил требования. Уехать на несколько месяцев за границу значило бы потерять драгоценное время.

В-четвёртых, возникли бы языковые проблемы. Я имел хорошие оценки по иностранному языку в школе, вузе и аспирантуре, но лишь начав серьёзно изучать язык в тридцатилетнем возрасте, осознал всю ничтожность моих знаний. Думаю, что эта проблема типична для многих российских учёных и просто образованных людей. В школе и вузе нас учили только читать и переводить. В некоторых анкетах до сих пор на вопрос о знании языка можно выбрать пункт “перевожу со словарём”. Забавная оценка знания языка. Так любой человек может написать про любой язык. Как-то на отдыхе в Турции я познакомился с турком, который спросил меня, почему русские так плохо знают английский язык. С грустью и гордостью пришлось объяснить, что нас учили быть солдатами и рабочими, наша система образования не готовила людей к путешествиям по миру.

Ну и, наверное, самая главная причина заключается в том, что отправка аспирантов на стажировку за границу в моё время широко не практиковалась. Я за время учёбы в аспирантуре не припомню ни одного такого случая, хотя контактировал с ребятами, обучающимися по всем направлениям. Сейчас наши учёные (преподаватели вуза) иногда летают за границу для обмена опытом или на конференции. Некоторые отправляются на краткосрочное обучение по приглашению зарубежных образовательных центров. Ну, и есть единичные случаи, когда учёный отправляется за рубеж по своей инициативе (сам договаривается с иностранными партнёрами, выбивает деньги и т.д.). Но ещё раз подчеркну, что такие случаи крайне редки. Время от времени наш университетский департамент по международным связям запрашивает у нас пожелания на загранкомандировки. Но для чего он это делает, я не знаю. Мне ничего не известно о случаях, когда чьи-то конкретные пожелания были бы удовлетворены.

Да, понимаю, мне казалось, что теперь это проще, чем в 70 – 80-х гг., наверное, проще было в 90-х гг. Что Вы скажете о возможности участия в региональных, межрегиональных конференция? Замечу, в Москве и Петербурге очень часто проводятся школы, конференции с участием лучших отечественных специалистов и зарубежных ученых. Для Вас это тоже проблематично?

Если бы Вы спросили меня лет пять назад (до кризиса 2008 года), я нарисовал бы Вам достаточно радужную картину. У всех подразделений университета (кафедр и институтов) были собственные бюджеты, в которых предусматривались значительные суммы на повышение квалификации

сотрудников и на участие в конференциях (две отдельные статьи бюджета). Преподаватели, активно занимающиеся наукой, имели возможность ездить по стране, общаться с коллегами. Иногда в конце отчётного периода нас в авральном порядке отправляли на какую-нибудь конференцию или курсы, лишь бы все деньги были потрачены (иначе в следующем году бюджет урежут).

И, надо признаться, иногда выпадали интересные командировки. Так, в 2008 году я побывал в Москве на необычной конференции. Обычно соберутся несколько сотен социологов, поговорят каждый о своём. А участникам слушать выступления, не касающиеся их темы, скучно. Здесь же конференция была мультидисциплинарной, на неё приехали не только социологи, но и экономисты, демографы, медики, социальные работники, педагоги. И все учёные говорили об образовании пожилых, каждый с точки зрения своего направления. Было очень интересно.

Мне здорово повезло, что кандидатскую диссертацию я писал именно в этот “тепличный период”. Для научной работы я имел все необходимые условия.

Потом грянул кризис. Все бюджеты сократились во много раз (“оптимизировались”). Командировки стали редкими. Для повышения квалификацию сотрудников начали направлять, в основном, на курсы, проводимые в рамках самого университета. Два года назад меня направили по федеральной программе в Санкт-Петербург. Университет должен был софинансировать мою поездку. Мне с огромным трудом удалось “наскрести” по разным подразделениям необходимую сумму. При этом я никак не мог понять логику происходящего. Зачем заставлять человека куда-то ехать, если даже денег на это нет?

Но, нужно сказать, что не всё так плохо, как может показаться. В нашем городе ежегодно организуется несколько конференций различного уровня. Мы имеем возможность в них участвовать. Кроме того, можно заочно участвовать в конференциях по всей России и ближнему зарубежью. Правда, бесплатных конференций сейчас практически не проводится, а оргвзнос иногда просят такой, что дешевле опубликоваться в журнале из списка ВАК.

Профессор Вера Владимировна Гаврилюк не только ввела Вас в социологию, под ее руководством Вы подготовили и защитили кандидатскую диссертацию. Что бы Вы могли сказать о работе с ней, о ее стиле общения? Кто еще из тюменских социологов оказал Вам помощь в профессиональном становлении?

Действительно, Вера Владимировна очень многим людям открыла дорогу в социологию и многих поддержала на этом пути. Если начало моей карьеры как социолога, по сути, является чередой случайностей и удач, то самая большая удача – это, конечно же, встреча с Верой Владимировной. Изначально я пришёл договариваться о поступлении в аспирантуру к другому профессору. Во время разговора на кафедру вошла Вера Владимировна

и подключилась к нашей беседе. Выяснилось, что ей такой аспирант нужнее. Так я попал “под её крыло”. Сейчас я понимаю, что лучшего наставника у меня просто и быть не могло. Профессор В. В. Гаврилюк не только известный учёный, но и педагог с большими и успешным опытом научного руководства аспирантами. Стиль работы Веры Владимировны с молодёжью отличается демократичностью. Она никогда не давит на своих подопечных, не навязывает свою позицию, а лишь направляет, давая тем самым возможность для развития и роста. Даже направление и тему исследования аспиранты профессора Гаврилюк определяют сами. Нас с Верой Владимировной объединяла не только наука, но и профессиональная деятельность. Более пяти лет она была моим непосредственным начальником. Но Вера Владимировна как руководитель – это тема отдельного большого интервью. Среди всех её качеств как учёного, педагога и управленца я бы особо выделил умение слушать и слышать собеседника. Этого качества, по моему, сегодня очень не хватает как учителям, так и людям, наделённым властью. Мы продолжаем сотрудничество с Верой Владимировной в научной сфере. Вот уже более восьми лет она на общественных началах консультирует меня по докторской диссертации. Если бы не встреча с профессором Верой Владимировной Гаврилюк, я не знаю, как бы сложился мой путь в социологической науке.

Что касается помощи других тюменских социологов, то помогали многие. Кто-то позволял посещать свои лекции, кто-то давал совет или конструктивно критиковал. Некоторые поддерживали добрыми словами или просто человеческим отношением. Но называть одного или пятерых мне бы не хотелось, чтобы не обидеть остальных.

Вы написали мне, что постепенно вырисовывается направление Вашего докторского исследования феномен геронтообразования в РФ, его сущность, социальная роль, перспективы и т.д. Не могли бы Вы развернуть сказанное, в чем суть Вашего поиска, какова мера изученности этого феномена, как, пусть в общих чертах, видится методология этого исследования, что может составить его эмпирическую базу?

Вот уже восемь лет я изучаю феномен геронтообразования в России опубликовал две монографии и больше 50-ти статей. Под пожилым возрастом я понимаю возраст “60+”. Хотя, конечно же, определение границ и критериев старости – это тема отдельного долгого разговора. В настоящее время социология не часто обращается к проблемам пожилых людей. Исследователей интересует, в основном, молодёжь. Невысокий интерес учёных к данной проблематике вполне объясним, он отражает общее отношение общества к старикам. В массовом сознании пожилые люди – это “социальный балласт”, иждивенцы, которые исчерпали свой трудовой и репродуктивный ресурс. Но на самом деле всё не совсем так. Сегодня увеличивается средняя продолжительность жизни и возраст “дожития”. Отмечаются тенденции улучшения здоровья и материального благосостояния пожилых людей. Среди

представителей старшего поколения появляется всё больше граждан, которые могут и хотят жить, а не доживать. Они сохраняют высокий уровень социальной активности и остаточной трудоспособности. Я уверен, что эти люди могут из иждивенцев превратиться в значимый экономический, социальный, культурный и ресурс развития общества. При условии, конечно, что для этого будут созданы определённые условия. Одним из таких условий, по моему мнению, является доступ к актуальному образованию. К, сожалению, многие мои коллеги не воспринимают идею образования стариков всерьёз. Эта идея кажется им несколько экзотичной и несвоевременной.

Сам феномен геронтообразования, как и различные его аспекты, пока мало изучен. В России социологов, обращающихся к его исследованию, можно пересчитать по пальцам (Т. М. Кононыгина, М. Э. Елютина, Э. Е. Чеканова и др.). В то же время, актуальность проблемы образования пожилых граждан в нашей стране и мире повышается. В условиях демографического старения характеристики возрастающей социально-демографической группы геронтов, в силу простых статистических законов, становятся характеристиками всего социума. Если старики в обществе полуграмотны, то такое общество неизбежно деградирует. Развития культуры, науки или экономического роста в таком обществе скоро не будет, даже если сейчас всё кажется благополучным.

За время работы над темой я провёл ряд исследований:

Изучил зарубежный и отечественный опыт реализации образовательных программ для старшего поколения. В России мною была проанализирована деятельность 104 специализированных учреждений.

Опросил более 200 экспертов в области геронтообразования (социологов, врачей, социальных работников, управленцев, экономистов и т.д.). Опрос проводился различными способами. Иногда это была личная беседа, иногда через электронную почту.

Провёл анкетирование участников проектов геронтообразования (700 человек из 9 городов РФ).

Сопоставив воедино результаты всех исследований, я осознал, что картина получается неполной. Пришлось опросить контрольную группу респондентов – пожилых людей, не участвующих в программах геронтообразования. Финальным аккордом стала серия глубинных интервью с 20-ю пожилыми учащимися.

Большое место в моём исследовании отводилось включённому наблюдению. На протяжении нескольких лет я работал в качестве преподавателя в нескольких образовательных проектах для представителей старшего поколения. Именно наблюдение дало мне массу интересной информации, которую другим способом получить было бы просто невозможно.

Мне хотелось бы верить, что написание докторской приближается к своему логическому завершению. Сейчас работа находится на стадии обсуждения, критики, доработки и переработки.

Уверен, что США – не на первом месте в мире по образовательным программам для «синьоров» (так в стране называют пожилых), думаю, что в ряде европейских стран ситуация лучше. Тем не менее, замечу, я окончил американский колледж и получил степень в 58 лет. Мое появление в аудиториях никого, в том числе, и меня, не смущало, там были мои ровесники и люди постарше. Как Вам в целом видится система образования для взрослых, пожилых в России?

Да, Вы абсолютно правы. В Европе или Китае программ геронтообразования реализуется больше, чем в Америке, но США тоже находятся далеко не последнем месте. По некоторым источникам, практики образования пожилых граждан впервые начали реализовываться именно в Соединённых Штатах (как форма досуга обеспеченных американцев). Насколько мне известно, сегодня в США образование в различных формах получает каждый третий гражданин старше 50 лет.

В России каких-то юридических ограничений для участия взрослого населения в программах формального образования нет. Но присутствие в аудиториях представителей разных поколений – это большая редкость (имеется в виду очное обучение). Взрослые россияне предпочитают учиться заочно. Основной причиной такого выбора мне представляется необходимость получить образование без отрыва от профессиональной деятельности. Среди заочников иногда встречаются и студенты в возрасте за пятьдесят, но, в основном, это люди тридцати-сорока лет. Конечно, качество заочного образования ниже, чем очного. Раньше в дипломах даже была пометка о том, что студент учился заочно. Но, фактически, получить качественное образование студент может и если сам этого захочет. Тем более, что многие заочники уже работают по профессии, практические аспекты своей работы они знают лучше педагогов. Им нужен только диплом. У взрослых россиян также есть возможность получения дополнительных образовательных услуг в различных образовательных центрах. Посредством интернет-технологий в России реализуются и дистанционные образовательные программы. В принципе, в нашей стране существуют хорошие условия для получения взрослыми людьми формального и неформального образования.

Системы образования пожилых в нашей стране пока нет, и в ближайшем будущем она вряд ли появится. Да и вообще, я не уверен, что в России нужна система образования геронтов, аналогичная той, что существует для людей среднего возраста. Конечно, развивать геронтообразование нужно, и государственная поддержка очень бы в этом помогла. Например, государственные гранты для учреждений или налоговые льготы для спонсоров были бы весьма кстати. Но практика показывает, что в РФ выживают и успешно работают те образовательные учреждения для старшего поколения, которые создаются не на пустом месте, а на базе образовательных и культурных центров, а также учреждений социальной защиты населения. Я думаю,

что и геронтообразование в масштабах страны будет успешно развиваться, если стратегия его развития окажется связанной не с созданием чего-то принципиально нового, а с поиском ниши в уже существующих организациях и институтах. Практическая реализация такой стратегии будет во многом зависеть от восприятия обществом сущности образования старшего поколения. Если обучение геронтов будет восприниматься как инструмент решения актуальных социально-экономических проблем или инвестиции в человеческий капитал, то в качестве базы для развития геронтообразования целесообразно использовать учреждения формального образования (вузы, центры повышения квалификации и т.д.). Здесь, помимо прочих, могли бы быть реализованы программы профессиональной подготовки представителей старшего поколения. Уже сегодня специалисты служб занятости констатируют, что возможности трудоустройства пожилых граждан могли бы быть существенно расширены, при условии появления программ профессиональной переквалификации, учитывающих специфику пожилого возраста. Если геронтообразование будет восприниматься обществом и государством преимущественно как направление социальной работы, то наиболее подходящим пространством для реализации специализированных образовательных проектов окажутся учреждения социальной защиты населения, а также культурные центры (например, библиотеки). Очевидно, что цели функционирования проектов в данном случае будут связаны с организацией досуга пожилых людей, оказания им помощи в преодолении различных жизненных трудностей.

Лично у меня нет никаких сомнений в том, что геронтообразование в нашей стране в ближайшем будущем будет активно развиваться в той или иной форме. Вопрос лишь в том, сможет ли общество по достоинству оценить и рационально воспользоваться его потенциалом.

Вы несколько раз упоминали о своей преподавательской деятельности. Как она развивалась, что Вы преподаете сейчас?

Свою преподавательскую деятельность я начал в 19 лет, будучи ещё студентом. Мне доверили вести кружок программирования в лицее, который я незадолго до этого окончил. Для меня это была возможность развиваться как профессионалу и зарекомендовать себя. Уверен, что и то, и другое мне удалось. Мои подопечные с успехом выступали на олимпиадах различного уровня. После окончания обучения меня пригласили на преподавательскую работу сразу в три вуза. Выбрал Тюменский государственный нефтегазовый университет, поскольку предполагал, что здесь у меня будут хорошие условия для поступления в аспирантуру и работы над диссертацией. Год пришлось проработать на кафедре высшей математики в поисках места в аспирантуре. Поступить удалось в аспирантуру другого вуза – Тюменского государственного университета. С этого момента начинается моя карьера как преподавателя социологии. Думаю, что мой заведующий кафедрой (она же научный руководитель) дала мне, таким образом, не только возможность зарабатывать

на жизнь, но и “методом погружения” освоить малознакомую науку. Спустя год я вернулся в Нефтегазовый университет. В 2006 году В. В. Гаврилюк пригласили в этот вуз, чтобы открыть кафедру социологии, и несколько её учеников последовали за ней (что принципиально, кафедру предстояло открыть в инженерном вузе). Первое время после открытия кафедра активно развивалась, у нас было много студентов и работы. Я преподавал дисциплины “социология” и “социология религии”. Основная масса студентов в то время поступала к нам по зову сердца, с ними было легко и интересно работать.

Потом в стране начались изменения, связанные с переориентацией системы образования на “инженерные рельсы”. На нашу специальность перестали давать бюджетные места. Те, кто приходил теперь получать профессию социолога, были далеко не самыми лучшими студентами. В основном, это были троечники и двоечники, которые надеялся получить высшее образование, идя по пути наименьшего сопротивления. Я вообще считаю странным деление учащихся на гуманитариев и технарей в зависимости от их способностей. Во-первых, гуманитарные науки – это науки об обществе и человеке, а не науки, не требующие знания математики. Во-вторых, мне как-то с трудом вериться, что на свете существует студент, который по истории, иностранному языку, социологии и философии имеет пятёрки, а по математике – двойку. Разумнее делить студентов на “способных к учёбе” и “условно способных к учёбе”. Так вот, те студенты, которые к нам стали приходить, были гуманитариями в самом плохом смысле этого слова. Работать с ними было чрезвычайно тяжело. Вдобавок ко всему, дисциплина “социология” исчезла почти из всех новых программ подготовки инженеров-бакалавров. На нашей кафедре стал ощущаться дефицит нагрузки. Те, кто мог, искали работу на других кафедрах. Я вернулся на кафедру математики сначала на половину ставки, затем моё присутствие здесь всё увеличивалось. Уже несколько лет я не преподаю социологию. Сейчас специализируюсь на преподавании информатики, программирования и математической логики. И я не один оказался в такой ситуации. Коллеги с учёными степенями по медицине устроились на кафедру физкультуры. Один из наших преподавателей, кандидат богословских наук, который в будни преподавал философию и религиоведение, а по выходным надевал рясу и шёл просвещать детей в церковную школу, сейчас работает на кафедре физики. Ему неожиданно пригодилось первое образование.

На моей математической кафедре в настоящее время работает около 10 человек с учёными степенями по социологии. Но, в отличие от меня, в их трудовой биографии не было “рокировок” со сменой профиля педагогической деятельности. Они всегда преподавали математику. Такая ситуация во многом объясняется тем, что заведующий кафедрой Олег Михайлович Барбаков сам является доктором социологических наук. Он активно поддерживает развитие социологии в нашем инженерном вузе. Помогая своим аспирантам-математикам

с определением направления исследования, Олег Михайлович часто пытается найти тему на стыке математики и социологической науки.

Учить студентов-инженеров приятно и интересно. Может быть, оттого, что группы на 100% заполняются бюджетниками. К нам приезжают толковые ребята со всей России и ближнего зарубежья.

В общем, в нашей стране закончилось время лириков и пришло время физиков. Хотя, социологи в России никогда лириками чистой воды и не были.

Ох, если бы! Толковых молодых людей – хоть лириков, хоть физиков – немало, но они почти не востребованы. Возможно, в Сибири ситуация получше, но в европейской части страны среди молодежи преобладает пессимизм относительно будущего. Как Вам видится ближайшее будущее Ваших студентов?

Будущее это весьма туманно. Найти работу, пробиться в жизни без денег и связей будет тяжело, даже толковым ребятам с хорошим образованием. Это капитализм. Кто-то из сатириков очень метко пошутил, что люди, выросшие СССР, теперь понимают, что всё то, что им говорили про коммунизм – это неправда, а всё, что рассказывали про капитализм – правда. Я заметил, что первокурсники, как правило, описывают своё профессиональное будущее в ярких красках. Никаких сомнений в удачном трудоустройстве. Для старшекурсников, напротив, характерен пессимизм, разочарование в полученном образовании и скептические прогнозы относительно перспектив трудоустройства. Возможно, это связано с тем, что многие к этому времени уже пытались найти себе подработку. Статистика говорит, что 70% россиян работает не по специальности. И, в этой связи, не очень понятен смысл перехода нашего образования от специалитета к бакалавриату. В сложившихся условиях нужно за время обучения в вузе давать студенту как можно больше практических знаний из разных областей, обучать не одной, а нескольким профессиям. Такой подход повышает шансы выпускника на трудоустройство. На деле же всё происходит наоборот. В российском профессиональном образовании установилась тенденция на подготовку узких специалистов. В частности, мне как социологу с одной стороны, и преподавателю инженерного вуза, с другой, обидно, что инженеров теперь не обучают основам социологии. Социологические знания пригодились бы любому руководителю, да и просто офисному работнику. Например, для составления каких-либо отчётов, построения прогнозов и т.д.

Ну, тут ничего не поделаешь. В своё время мы тоже как-то пробивались, работали и учились, чем-то жертвовали, от чего-то отказывались… Это нормальный путь профессионального становления, взросления человека и обретения им самостоятельности. Пробьются и наши ученики.

УСТИНОВА О. В.: «ЕСЛИ НАША ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА БУДЕТ ОПИРАТЬСЯ НА ЭКОНОМИЧЕСКОЕ СТИМУЛИРОВАНИЕ РОЖДАЕМОСТИ, ТО ВСКОРЕ ОНА ПОТЕРПИТ ПОЛНЫЙ КРАХ»

Оксана, Вы, насколько я понял из письма профессора Нурсафы Хайруллиной, ее ученица. Вы и родились в Тюмени? Насколько глубоко Вы знаете историю своей родителькой семье?

Я родилась и всю жизнь прожила в г. Тюмени.

Мой дедушка по маминой линии – Пилецкий Иван Константинович (1927 г. р.), сын ссыльных поляков Пилецкого Константина Ивановича и Пилецкой Стефании. Их выслали из Польши сразу после революции 1917 года. Они проживали в Томской области, Тигульдеский район, село Красная горка. Там у них родились пятеро детей, младшим из которых был мой дед Иван. В 1944 году, когда ему было 17 лет, его забрали на военно-морскую службу, и он попал во Владивосток. Он прослужил 10 лет и после демобилизации остался на гражданском флоте, где дослужился до должности капитана дальнего плавания. В 1968 году, во время рыболовецкого рейса на судне произошел пожар. Судно после сдачи улова загрузило в Японии удобрение, которое во время пожара стало выделять ядовитые газы, и по пришествии в порт вся команда была госпитализирована. И только мой дедушка, имея богатырское здоровье, от госпитализации отказался. А буквально через две недели у него началось быстротекущее заражение крови, которое привело к параличу дыхательного центра. Спасти его не удалось, умер дед 16.06.1968 г.

Бабушка по маминой линии - Пилецкая Ольга Марковна (1932 г. р.). Ее мама (моя прабабушка), Грязнова Агриппина Осиповна (1912 г. р.), познакомилась с дедушкой, Дурасовым Марком Петровичем (1910 г.р.), когда у нее уже были две дочери - Анна и Ольга. Спустя некоторое время (в 1935 г.) у них родилась общая дочь – Надежда. В 1941 году прадед ушел на войну, познакомился с другой женщиной и женился на ней. Чтобы не было неприятностей (все-таки, сталинские времена), он поменял имя и стал Павлом Петровичем. По истечении некоторого времени он вернулся к прабабушке, но, как помнит мама, из-за этого в семье было много конфликтов.

В возрасте 36-ти лет моя бабушка осталась одна с двумя детьми. Поскольку ее молодость выпала на послевоенное время, ей не удалось получить образование, поэтому всю жизнь она зарабатывала тяжелым трудом – работала прачкой. Пока был жив ее муж, семья ни в чем не нуждалась, но, когда он умер, все семейные тяготы легли на ее плечи. Сиротами остались моя мама (в возрасте 16-ти лет) и ее младший брат. Моя мама в то время закончила восьмой класс на одни пятерки, но, в связи с тяжелым материальным положением, устроилась на работу гардеробщицей в театр им. Горького во Владивостоке, и в течение двух лет (до окончания школы) днем училась,

а поздним вечером работала. И, тем не менее, закончила школу с золотой медалью, о чем я расскажу чуть позже.

Мама часто вспоминает, как тяжело приходилось выживать. Бабушка стирала белье на дому, и маме приходилось наравне с ней целыми днями стирать и гладить. Денег едва хватало, и, чтобы выглядеть не хуже своих одноклассниц, мама вязала (спицами) себе наряды. Это мастерство осталось у нее до сих пор. Вы не поверите, все дети и внуки обвязаны с ног до головы. Она вяжет эксклюзивные костюмы, пальто, свитера, платья. Пожалуй, нет такой модели, которая была бы не под силу моей маме.

Мама также вспоминает, что стеснялась своего социального положения, но, несмотря на это, имела неоспоримый авторитет, являясь лучшей ученицей школы.

Итак, моя мама – Пилецкая Лидия Ивановна (1952 г. р.), в школьные годы, будучи круглой отличницей, участвовала во всевозможных олимпиадах, конкурсах и всегда занимала призовые места.

Интересные факты: выпускное сочинение на тему «Мы делу Ленина и партии верны» мама написала в стихах. Она до сих пор помнит строчки из него: «Мы делу Ленина и партии верны.

Мы дети замечательной страны.

Товарищ Ленин, слушайте,

Мы рапортуем Вам

О том, что жизнь кипучая посвящена делам».

В связи со злободневностью темы, сочинение мамы отправили в гороно для подтверждения отличной оценки, так как на кону стоял вопрос о золотой медали. Там проверили и поставили четверку с плюсом. Таким образом, медаль стала недостижимой. И на выпускном вечере ей выдали аттестат с одной четверкой. Отчаянию не было предела. Получив аттестат, на общих основаниях мама подала документы в Дальневосточный политехнический институт им. Куйбышева на факультет радиоэлектроники и приборостроения. Сдала четыре экзамена на пятерки и была зачислена в числе первых. В это время злополучное сочинение в стихах вернулось после очередной проверки в высших инстанциях с оценкой «отлично». Но, несмотря на то, что маму вызвали в школу, заменили аттестат на отличный и выдали медаль, той радости, которая могла быть при торжественном вручении заслуженной награды, уже не было.

Во время обучения на четвертом курсе мама вышла замуж за моего отца. А на пятом курсе у них родился сын Анатолий, мой старший брат (всего детей в семье трое). По окончанию института, в 1975 году, молодая семья переехала в Тюмень, откуда родом мой отец.

Всю жизнь мама ведет активный образ жизни. Она ветеран труда, почетный донор. В свои 62 года она пишет стихи, водит машину, занимается садоводством и, самое главное, для всех своих внуков (а у нее их восемь)

является репетитором по всем школьным предметам. Она до сих пор наизусть знает все правила английской грамматики, математических преобразований, геометрии и т.д.

Мой отец, Павлюченко Вячеслав Васильевич вырос в семье простых рабочих. Его мать, Прончатова Анна Ивановна (1925 г. р.), дочь ссыльных кулаков из Мордовии. Ее мама (моя прабабушка) умерла очень рано, и бабушка жила со своим отцом, Прончатовым Иваном. Бабушка, не имея образования, всю жизнь работала продавцом. Уже в мирное время ее наградили медалью «Ветеран труда». Помню, как в детстве я помогала бабушке фасовать конфеты – радостные впечатления сохранились до сих пор. Бабушка умерла в 2001 году.

Дедушка по отцовской линии, Павлюченко Василий Иванович (1926 г. р.). В 17 лет (в 1943 г.) был призван на войну из деревни Еловка Викуловского района Свердловской области. На моей памяти дед все время вспоминал, как на промежуточной станции по пути на фронт он встретился со своим родным дядей Мишей, который возвращался домой без обеих ног. Другое воспоминание деда: при передвижении солдат по лесу во время привала дед, по незнанию (ему всего 17 лет!), пытался развести костер, чтобы сварить картошку. За это его хотели расстрелять – дым от костра мог выдать нахождение советских солдат. И только неожиданная атака немцев спасла ему жизнь. Я не знаю точно, где воевал мой дед, но он часто вспоминал г. Кандалакшу (Мурманская область). Дед был танкистом, неоднократно награжден: орденом «Красная звезда», медалями «За боевые заслуги» и «За победу над Германией в Великой Отечественной войне». После демобилизации дед жил в Тюмени, где познакомился и женился на моей бабушке. К сожалению, дедушка умер (2002 г.).

У дедушки было три сына. Мой отец, Павлюченко Вячеслав Васильевич (1953 г. р.), был средним. После школы он закончил лесотехнический техникум по специальности техник-механик. В связи с обучением, у него была отсрочка от армии, и поэтому призвали его только в 1973 г. в возрасте 20 лет. Служил он во Владивостоке, где и встретил мою маму. После армии до развала Советского Союза он работал водителем-дальнобойщиком, а после, когда расформировали его предприятие, в такси.

Удивительно, как это все в Вашей семье сохранилось? Кто-либо записывал? Есть дневники? Есть книга тюменского профессора Ю. М. Беспаловой «Обращение к себе», во многом она сделана на материале дневника ее деда...

Дневники в нашей семье никогда не велись. Бабушки и дедушки были практически малограмотными. К тому же, времена были тяжелые - нужно было много работать, чтобы прокормить семью.

Моя мама обладает феноменальной памятью. Она не только помнит всю школьную программу, вплоть до каждой формулы, правила, теоремы. Она

с легкостью воспроизводит события, фамилии и даты, о которых рассказывали наши предки.

Наверное, в школу Вы пошли уже умея читать, считать и вообще весьма подготовленной...

Подготовка к школе у меня была обычная детсадовская.

Училась я всегда очень хорошо – почти все пятерки, за исключением некоторых точных наук, которые мне давались сложнее. Зато мои сочинения не раз занимали призовые места на различных конкурсах. А уж когда проходили конкурсы чтецов, то тут мне не было равных. Я с полным проникновением читала С. Есенина, М. Цветаеву, Э. Асадова.

В то же время, я не могу сказать, что любила учиться. Мне больше нравилось заниматься общественной работой - организовывать концерты, помогать пожилым людям, собирать макулатуру. Я, кстати, и сейчас не могу выбросить ни одного листочка бумаги (настолько нас в школьные годы приучили беречь природу), собираю все в пакет, а потом передаю женщине, которая обменивает макулатуру на корм для своих животных.

К одной пожилой бабушке, Татьяне Владимировне (в молодости учителю немецкого языка, труженице тыла), я проходила около 10 лет, помогала по хозяйству. Она стала для нашей семьи очень родным человеком.

Не могу сказать, что учиться было легко. Когда мои родители переехали из Владивостока в Тюмень, мама с целью получения квартиры устроилась работать не по специальности – начальником домоуправления. Но когда началась перестройка, мама, чтобы прокормить троих школьников, была вынуждена перейти в прачки. С развалом Советского Союза мир перевернулся, прачке платили больше, чем инженеру. Отец перебивался случайными заработками в такси. Но денег все равно не хватало, даже на самое необходимое. Поэтому мы всей семьей одновременно мыли подъезды, стирали и гладили спецодежду в аптеку, магазин, диспансер, делали косметические ремонты. Только так и продержались. Можно сказать, что труд и забота о близких спасли нашу семью в то нелегкое время.

Кстати, мама ненадолго задержалась в прачках. Учитывая ее профессиональные знания и образование, уже через три года ее назначили заместителем начальника Тюменского областного бюро судебно-медицинской экспертизы, где она проработала 20 лет.

Комсомола Вы уже не застали или немного зацепили?

В комсомол я не попала – не успела. Да и пионеркой я стала только благодаря тому, что галстук мне повязали одной из первых. Раньше это было своего рода поощрением – сначала принимали в пионеры отличившихся, а потом всех остальных. Так вот, меня приняли в пионеры, а остальные уже не успели.

Жаль, ничего плохого в пионерии не было - помогали старшим, несли ответственность за младших и стремились стать примером для них. Идея отличная, надо было ее сохранить, может быть, назвать по-другому, но обязательно сохранить.

И все же, к концу школы у Вас какие-либо представления о будущей профессии возникали?

Я всегда мечтала быть учителем. Даже не так – я точно знала, что буду учителем. Интерес к обучению детей у меня был с детства, и я любила все, что связано с этим процессом – организовывать, объяснять, проверять выполнение заданий, выступать наставником.

В школе я помогала учителям проверять тетради, была вожатой у младших классов, организовывала кружки.

Сегодня я очень счастлива, что состоялась в профессии и пятнадцать лет занимаюсь любимым делом.

Окончена школа. Вы пошли учиться на учителя?

В 1994 году в один момент все вузы перешли на договорную форму обучения. Бюджетных мест остались единицы. Моя семья не имела возможности платить за учебу, и я решила поступать на бюджет одновременно в три вуза на специальности: «режиссура драмы и комедии», «менеджмент», «педагогика». И поступила на «менеджмент в социальной сфере» в Тюменский государственный нефтегазовый университет на бюджетное место. Я не знала, пройду ли я по конкурсу в другие вузы, и потому не могла рисковать. Спустя три года после получения высшего образования я волею судеб вернулась в Приемную комиссию Нефтегазового университета (когда-то определившей мою профессиональную судьбу) в должности заместителя руководителя и проработала на ней более десяти лет.

Учеба в университете давалась очень легко. С третьего курса я устроилась секретарем одновременно в две организации, территориально расположенные по соседству - Тюменский научный Центр Сибирского отделения российской академии наук высшей школы (ТНЦ СО РАН ВШ) и Союз муниципальных образований Тюменской области.

Мне удавалось без труда совмещать учебу с работой. Это трудоустройство предопределило мою дальнейшую судьбу. Я познакомилась с известными учеными: К. Г. Барбаковой, А. Н. Силиным, В. Т. Лисовским, Н. Н. Карнауховым и многими другими. Эти люди произвели на меня неизгладимое впечатление. Я поняла, что заниматься наукой – это вовсе не скучно, как мне казалось раньше, а интересно. Под руководством В. Г. Андрейкина (к.ф.н., доцента) я написала первую свою статью, О. В. Ревякина (к.ф.н., доцент) научила меня основам социологических исследований. В итоге, университет я закончила с красным дипломом и рекомендацией для поступления в аспирантуру.

Я не совсем понимаю, что такое менеджмент в социальной сфере, что это такое? По какой теме Вы делали дипломное исследование?

Социальная сфера включает совокупность отраслей и организаций, выполняющих общую целевую функцию по удовлетворению потребностей населения. Мы, будучи студентами, изучали особенности управления организациями социальной сферы. На старших курсах, когда начались специализированные дисциплины, я решила, что мне ближе муниципальное управление. И это неспроста, я уже говорила, что на тот момент работала в Союзе муниципальных образований Тюменской области, председателем которого был Киричук Степан Михайлович (на тот момент глава администрации г. Тюмени). Руководил Союзом Андрейкин Василий Георгиевич, к.ф.н., доцент, на тот момент член комиссии Государственной Думы по разработке Федерального закона от 28 августа 1995 года № 154-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в РФ». Ежемесячно мы проводили встречи, конференции, круглые столы, посвященные проблемам местного самоуправления, с непосредственным участием глав муниципальных образований Тюменской области, ХМАО-Югры, ЯНАО. Представьте себе, мне, студентке-старшекурснице, посчастливилось вести протоколы мероприятий, в которых принимали участие одновременно не менее пятнадцати мэров городов.

Поэтому тема моей дипломной работы была посвящена одной из актуальных проблем становления местного самоуправления в России – дополнительному образованию муниципальных служащих.

Каким образом Вы изучали основы социологических исследований? Это был учебный курс?

В практической части дипломной работы планировалось исследование эффективности организации дополнительного образования муниципальных служащих администрации г. Тюмени. Провести мой первый социологический опрос (составить анкету, разработать программу исследования) мне помогла Ревякина Ольга Васильевна, к.ф.н., доцент, на тот момент ученый секретарь Тюменского научного центра СО РАН ВШ. По результатам исследования вышла моя первая научная статья в очень престижном журнале «Налоги. Инвестиции. Капитал» (1999 год).

Похоже, университет Вы закончили в 1999 или 2000 годах. Как развивалась Ваша жизнь дальше?

Университет я закончила в 1999 году и сразу поступила в аспирантуру, которую также закончила с отличием. По приглашению Силина Анатолия Николаевича (д.с.н., профессора) я осталась работать на кафедре «Менеджмент в социальной сфере» в должности ассистента. Здесь я познакомилась с Хайруллиной Нурсафой Гафуровной (д.с.н., профессором), которую с тех пор считаю своим наставником и учителем.

В 2003 году, под руководством Нурсафы Гафуровны, я защитила кандидатскую диссертацию (по той же проблематике, что и дипломная работа). В этом же году меня перевели на должность доцента кафедры и одновременно назначили заместителем руководителя приемной комиссии Нефтегазового университета.

Хотелось бы несколько слов сказать о Нурсафе Гафуровне. Это человек с непреодолимой жизненной энергией и позитивным отношением к миру. Знаете, про таких людей говорят – человек, которому все по плечу. Но это не значит, что у нее нет проблем. Просто Нурсафа Гафуровна как мудрая женщина, опытный ученый, ответственный руководитель, всегда знает, как относится к жизненным проблемам и решать их.

И еще одно из ее удивительных качеств – любовь к людям. Работая под ее руководством в приемной комиссии (она тогда занимала должность проректора университета), я ежедневно наблюдала картину, когда к ней на прием приходили люди за помощью. Нурсафа Гафуровна каждого выслушает и обязательно поможет.

А сколько у нее увлечений... Не поверите, но в свои 50 (в этом году у нее юбилей) она любому даст фору в катании на лыжах и роликах, езде на велосипеде, вождении автомобиля, садоводстве. Кроме того, она вышивает картины, возится с внуками. И это не считая того, что Нурсафа Гафуровна постоянно занимается наукой – пишет научные работы, проводит исследования. И все это с легкостью, с желанием, с интересом.

Я очень рада, что жизнь свела меня с таким интересным, позитивным, целеустремленным человеком.

Коллектив, которым руководила Нурсафа Гафуровна, даже посвящал ей стихи. Приведу выдержки из них:

И вот, подводя всему году итоги,
Отметим - горшки обжигают не Боги.
Богиня, как минимум есть среди нас.
Профессор и доктор, и женщина класс!
Поистине, лучшая женщина года,
И возит её эксклюзивная «шкода».
И взгляд её строг – и немного лукавый,
Походка уверенна, чуточку плавна.
Строга, неприступна, но очень ранима.
Такая, как мы, но ни с кем не сравнима.
Руководитель высокого уровня
Нурсафа Гафуровна Хайруллина!

Пожалуйста, расскажите подробнее о своем кандидатском исследовании, обозначьте проблемы, общую методологию, главные результаты...

Тема моей кандидатской - «Управление профессиональной подготовкой муниципальных кадров: региональный аспект». Становление в России местного самоуправления сопровождалось множеством организационно-правовых проблем, одной из которых являлось кадровое обеспечение муниципальной службы. В середине 90-х гг. российские государственные и негосударственные вузы начали подготовку специалистов по направлению «государственное и муниципальное управление» (ГМУ). В только что сформированных органах местного самоуправления должности муниципальной службы занимали люди без специального образования – учителя, экономисты, юристы, экологи, технологи. В связи с этим, остро встал вопрос о качестве кадрового потенциала органов местного самоуправления. Выход из сложившейся ситуации виделся в организации системы дополнительного образования муниципальных служащих.

В своей работе я проанализировала качество подготовки студентов вузов по специальности ГМУ, а также сложившуюся на тот момент систему дополнительного образования муниципальных служащих. Исследования (интервьюирование муниципальных служащих администрации г. Тюмени, анкетный опрос студентов трех ведущих тюменских вузов) показали, что и подготовка, и дополнительное образование имеют множество проблем, существенно снижающих эффективность становления местного самоуправления в России. Это и отсутствие подготовленных преподавателей, и слабое научно-методическое обеспечение, и отсутствие интерактивных методов обучения и др. Кроме того, специальность ГМУ, приобретя мгновенно популярность, стала «козырем» практически для каждого высшего учебного заведения. Ее открывали и сельскохозяйственные, и музыкальные, и художественные вузы. Что говорить о качестве подготовки?

В диссертационной работе мной предложен перечень мероприятий, способствующих совершенствованию системы подготовки и дополнительного образования кадров органов местного самоуправления. Конечным результатом работы стала разработка концептуальной модели муниципального служащего, акцентирующей внимание на его профессиональных компетенциях. Удивительно, но предложенная идея, спустя много лет, нашла отражение в государственных образовательных стандартах третьего поколения, полностью изменивших подход к обучению студентов, сместив акцент с содержательной части дисциплин на конечный результат – студента, обладающего необходимыми профессиональными компетенциями.

В настоящее время, как мне кажется, тема, заявленная мной в диссертационной работе, потеряла прежнюю актуальность, хотя по ней до сих пор пишутся статьи, защищаются кандидатские.

На мой взгляд, сегодня проблема качества подготовки и дополнительного образования муниципальных служащих является надуманной. Инновационность дополнительного образования, которую

современные ученые сводят к моделированию идеального служащего, компетентностному подходу в обучении и применению интерактивных методов обучения, еще в середине 90-х гг. была предложена В. А. Гневко, А. Е. Когутом, В. Е. Рохчиным, Г. Р. Латфуллиным, С. М. Киричуком. Проблема, на самом деле, в другом – в нереализованности предложенных мероприятий.

Итак, кандидатская работа успешно завершена, как стала складываться Ваша научная и педагогическая деятельность? Какие проблемы интересовали Вас в исследовательском плане?

Педагогическая деятельность складывалась обычно, как у многих. А вот научные интересы поменялись. Около пяти лет назад мне в нагрузку поставили новую для меня дисциплину - «демографию». Я погрузилась в изучение работ Д. И. Валентея, А. Я. Кваши, А. Г. Вишневского, С. И. Голода, В. А. Борисова, А. И. Антонова, В. М. Медкова, В. Н. Архангельского, Л. Л. Рыбаковского, Н. М. Римашевской. Изучение результатов научных исследований перечисленных ученых способствовало тому, что у меня постепенно «прорисовывался образ» моей докторской диссертации.

В настоящее время Россия переживает демографический кризис. По прогнозам ООН, численность населения страны уже к 2050 году сократиться на 45 млн. чел. (или почти на одну треть), при том, что численность населения Земли растет. Что может быть актуальнее вымирания российского этноса?

Существует множество подходов, объясняющих демографический кризис в стране. Одни ученые разделяют эволюционные теории демографического развития, в частности, теорию «демографического перехода», и полагают, что низкий уровень рождаемости в России является исторической неизбежностью. Другие видят причину демографического кризиса в России в деградации институтов семьи и брака. Третьи винят духовное (нравственное, идейное, психологическое) неблагополучие населения и считают, что Россия переживает не демографический переход, обусловленный исторической эволюцией социально-экономических институтов, а деградацию института воспроизводства населения, причем по скорости распространения сопоставимую с эпидемиями XI-XIV вв. Есть еще много других теорий.

Несмотря на некоторые научные расхождения, ученые едины в том, что причина демографического кризиса кроется, помимо прочего, в деформации системы ценностей, выражающейся в стремлении людей к индивидуальным достижениям во внесемейной сфере, а порой и в эгоцентризме, нежелании создавать семью и иметь детей.

В своей работе я исследую управление репродуктивным поведением в условиях социальной нестабильности. В работе подробно анализируется опыт России по управлению репродуктивным поведением, исследуется репродуктивное поведение россиян, ну и, конечно, разрабатываются предложения.

Оксана, почему Вы рассуждаете в терминах управления? Это след Вашего образования? Мне кажется, что правомернее работать в парадигме социальной политики. Управление – черта вертикали, пирамиды, патерналистского общества, тогда как социальная политика подразумевает множество действующих институций, организаций, людей...

Попытки управлять репродуктивным поведением в мировой истории предпринимались многократно, причем, как в сторону увеличения, так и в сторону сокращения рождаемости. Социальное управление репродуктивным поведением стало предметом активного исследования лишь в последние два десятилетия (с середины 90-х гг.), когда вышли в свет труды А. И. Антонова, И. В. Александровой, О. Д. Захаровой, Т. Р. Зелениной, В. В. Елизарова, В. М. Медкова, Л. Э. Лалаевой и др.

Следует отметить, что в социологии понятие «социальное управление» трактуется неоднозначно. Одни исследователи понимают под «управлением» процесс, другие – искусство принятия решений, третьи – способ организации деятельности, четвертые – правовое регулирование общественных институтов.

В социологическом энциклопедическом словаре социальное управление определяется как «один из основных видов управления, функция которого заключается в обеспечении реализации потребностей развития общества и его подсистем; функция его заключается в формировании критериев и показателей социального развития объекта, выделении возникающих в нем социальных проблем, разработке и применении методов их решения, в достижении планируемых состояний и параметров социальных отношений и процессов». Можно привести и другие определения, однако, их сущность сводится к тому, что управляющий субъект воздействует на управляемый объект, преобразуя, координируя, направляя деятельность этого объекта для достижения необходимых субъекту управления целей. Субъектом и объектом социального управления выступают люди и их формации (большие и малые группы, организации, сообщества, население территорий и т.д.).

Исследуя определение возможнонстей социального управления по отношению к репродуктивному поведению, можно отметить следующее. Целью воздействия государства как субъекта управления будет: сохранение и преумножение качественных и количественных характеристик населения для регулярного восполнения человеческих ресурсов и следовательно, трудового, интеллектуального, оборонного, экономического потенциала страны.

Поскольку репродуктивное поведение населения – сфера, затрагивающая не только общественные интересы, но и личные, государство не может вмешиваться в нее с помощью прямых властных указаний. Поэтому основными методами воздействия будут: мотивация, стимулирование, социальная защита и т.д. Таким образом, воздействие на динамику демографических процессов возможно не прямо, а опосредованно, через демографическое поведение,

а именно, через принятие решений в сфере брака, семьи, рождения детей, выбора профессии, сферы занятости, места жительства. В этом случае можно говорить о тесном переплетении демографической и социальной (а в рамках нее и семейной) политики государства.

Да, понятнее. Вы думаете анализировать интересующие Вас процессы на уровне своего региона, ряда регионов или в общенациональном масштабе?

Мои исследования охватывают Уральский федеральный округ, в состав которого входит четыре области: Тюменская область (с автономными округами), Свердловская, Челябинская и Курганская.

Если обратиться к официальной статистике, то Тюменская область (с округами) относится к регионам с расширенным типом воспроизводства и положительным сальдо миграции, Челябинская и Свердловская области - к регионам с умеренно отрицательным естественным приростом, но с положительным сальдо миграции, а Курганская область – к регионам с высоким уровнем естественной убыли и отрицательным сальдо миграции.

Таким образом, в состав УрФО входят субъекты с различными типами воспроизводства населения, что позволяет наиболее глубоко исследовать особенности репродуктивного поведения населения.

Понятно, что репродуктивное поведение населения определяется множеством факторов, если иметь в виду страну в целом. Какие факторы Вы назвали бы ведущими?

Если говорить кратко, репродуктивное поведение - поведение людей, связанное с вопросами рождения детей любой очерёдности, в браке или вне брака. Можно выделить следующие типы репродуктивного поведения: малодетное (потребность в 1-2 детях); среднедетное (потребность в 3-4 детях); многодетное (потребность в 5 и более детях). Репродуктивное поведение является частью общего поведения людей и представляет собой их реакцию на внутренние и внешние стимулы.

Внутренние стимулы - потребности людей в детях (репродуктивные потребности), когда без наличия определённого числа детей человек испытывает нереализованность как личность. Здесь важную роль играют психологические мотивы, а также подсознательная ориентация индивида на модель семьи, в которой вырос он сам и которую он экстраполирует на личный опыт. Например, проведенные мною исследования показали склонность респондентов экстраполировать опыт репродуктивного поведения родителей на собственную жизнь: большинство респондентов (57,5%) считает семейную жизнь своих родителей образцом для подражания, что означает принципиальное согласие воспроизвести тот паттерн деторождения, который сформировался в данном генеалогическом древе.

К внешним стимулам репродуктивного поведения относится социальная ценность детей, показывающая насколько дети «нужны» обществу; нормы репродуктивного поведения, представляющие собой образцы поведения и т.д.

Необходимо отметить, что управление репродуктивным поведением населения - многофакторный процесс, включающий в себя социально-экономическую, психологическую, духовно-нравственную, национальную составляющие. Причем, они отличаются по своей значимости в разные периоды исторического развития, на разных территориях с различными типами воспроизводства населения и имеют ограничения как по силе, так и по продолжительности воздействия. В управлении репродуктивным поведением населения невозможно добиться стойких результатов, делая акцент на одних факторах, игнорируя другие. Лишь комплексный подход к управлению способен обеспечить вывод России из демографического кризиса и переход к расширенному режиму воспроизводства.

Учитывая результаты моих исследований, также очевидно, что особая роль государства должна, помимо прочего, уделяться системному воздействию на процесс формирования ценностных ориентаций личности со смещением акцента в сторону культуры созидания, укрепления семейных ценностей и института брака, а также многодетности.

Самого разного рода репродуктивные проблемы, вызовы стоят перед многими странами. Насколько Вам известен зарубежный опыт решения этих проблем?

Убыль населения характеризует не только Россию, но и многие страны: Украину (с 1998 г.), Болгарию (с 1993 г.), Бельгию, Испанию, Германию, Швейцарию (с 2000 г.), Японию (с 2005 г.) и др. Депопуляция не только изменяет численность населения, но и нарушает численные пропорции между разными элементами демографической структуры, создавая острейшие политические и экономические проблемы, как, например, развал пенсионной системы. Правительства депопулирующих стран, в связи с невозможностью быстрого роста рождаемости, вынуждены компенсировать убыль населения притоком извне, то есть регулировать размах и темп иммиграции.

Тем не менее, за рубежом традиционными мероприятиями по стимулированию рождаемости остаются: обеспечение приоритетного стимулирования рождения второго и последующих детей путем увеличения размеров единовременных и ежемесячных пособий; введение дополнительных мер материальной поддержки семей; совершенствование жилищной, налоговой и кредитной политики в интересах семей с детьми.

Но есть и уникальные примеры. Например, в Японии, для увеличения рождаемости **тратится около 30 млн. долларов на поддержание работы брачных агентств** и производство детей-роботов, которые помогают парам почувствовать себя родителями. В Дании и Сингапуре проводят различные рекламные кампании, напоминающие молодым парам, что они должны

исполнить свой гражданский долг, родив ребенка. Правительство Финляндии поощряет молодых мам **материнским социальным пакетом,** состоящим из различных товаров, крайне необходимых семье, в которой появился новорождённый ребёнок.

Кстати, мы привыкли говорить о репродуктивных проблемах в контексте депопуляции. Но, например, ни для кого не секрет, что Китай и Индия, занимающие лидирующие позиции в рейтинге стран по численности населения, постоянно вводят программы, нацеленные на уменьшение количества семей и детей. Китай еще в 1970-х гг. был вынужден законодательно ограничить размер семьи, когда стало понятно, что огромное количество людей перегружает земельные, водные и энергетические ресурсы страны. Сегодня среднее количество детей, рождённых одной женщиной в течение жизни, в Китае снизилось с 5,8 до 1,8.

С кем из российских социологов-демографов Вы согласны в трактовке проблем и путей их решения, с кем – нет? Пожалуйста, поясните свою точку зрения.

В научной литературе представлено четыре основных подхода к управлению рождаемостью как процессом воспроизводства населения.

Сторонники первого подхода разделяют эволюционные теории демографического развития, в частности, теорию «демографического перехода», и полагают, что низкий уровень рождаемости в России является исторической неизбежностью. Преодолевать кризис депопуляции следует по примеру развитых стран Европы за счет разработки грамотной миграционной политики, направленной на обеспечение внешнего замещения трудовых ресурсов. Сторонниками данного подхода являются А. Г Вишневский, В. С. Захаров, В. И. Переведенцев. По их мнению, государство вряд ли может управлять рождаемостью и смертностью в ближайшей перспективе. В качестве серьезного аргумента ученые приводят тот факт, что, даже если суммарные коэффициенты рождаемости возрастут до необходимых показателей (2,15 ребенка на 1 женщину), это не обеспечит уровня простого воспроизводства, не говоря уже о расширенном. Дело в том, что наиболее высокие показатели рождаемости наблюдаются в возрастной группе от 20 до 35 лет, а это женщины, которым согласно переписи населения 2002 г., было до 15 лет (1990-1995 годов рождения и моложе). А их на треть меньше, чем в предыдущем поколении. В то же время, прогнозируется рост смертности, связанный с процессами старения населения – переходом в разряд пожилых поколений людей, рожденных в двадцать послевоенных лет, отличавшихся всплеском показателей рождаемости. Таким образом, ученые приходят к выводу, что единственным источником замещения населения является миграция. Следует отметить, что, хотя не со всеми аргументами сторонников данной концепции я соглашусь, рациональное зерно в их предложениях есть. Нельзя сбрасывать со счетов, например, успешность российской

демографической политики 80-х гг. XX в., 2005-2007 гг., однако нельзя не считаться и с объективными предпосылками динамики населения, связанными с изменением его половозрастной структуры, заложенной еще 20-30 лет назад в предыдущих поколениях.

Сторонники второго подхода видят причину снижения рождаемости в России, прежде всего, в кризисе институтов семьи и брака. Эту концепцию в отечественной социологии успешно разрабатывал В. А. Борисов и его последователи (А. И. Антонов, В. Н. Архангельский, Н. В. Зверева, В. М. Медков). Ученые полагают, что в основе демографического кризиса в России лежит распространение малодетности, связанной с устойчивыми установками, сформировавшимися в общественном сознании. Малодетная семья становится наиболее «удобной» формой в современных социально-экономических условиях, с одной стороны, решая проблему потребности в детях, с другой - снимая проблемы значительных капитальных вложений на их социализацию. Как отмечает А. И. Антонов, для полного удовлетворения социально-психологических родительских потребностей достаточно одного ребенка. Социально-экономические стимулы многодетности перестали действовать, а новых стимулов к рождению нескольких детей не создано.

Уменьшение количества детей в семье ученые связывают с распространением рыночной экономики, с повышением социально-экономической нагрузки на семью, с ослаблением институтов брака, отцовства и материнства, с ослаблением взаимосвязи поколений, родственных связей. Жесткие рыночные условия, когда появление каждого ребенка в семье сопровождается существенными дополнительными затратами, ведет к изменению репродуктивного поведения, проявляющемся в снижении потребности в детях до минимума.

Эти утверждения подтверждаются многочисленными социологическими исследованиями репродуктивных установок, регулярно проводимыми в России с 60-х гг. XX в. и наглядно демонстрирующими переход от многодетной модели семьи к малодетности или даже бездетности.

При этом ученые выступают противниками увеличения внешней миграции как источника воспроизводства населения. Так, по мнению А. И. Антонова, хотя миграционные потоки и вносят определенный вклад в обогащение как национального генетического фонда, так и национальной культуры, однако широкое распространение миграции является источником национальной напряженности и национальных конфликтов.

По мнению сторонников данного подхода, основными направлениями государственного управления рождаемостью должны стать: социально-экономическая поддержка семьи, материнства, одиноких матерей, экономическое стимулирование многодетности. Необходима разработка не столько демографической, сколько семейной политики, способствующей возрождению национальной идеи.

В основе третьего подхода к управлению рождаемостью лежит идея о духовном (нравственном, идейном, психологическом) неблагополучии населения как основной причине демографического кризиса (В. Алиев, И. А. Гундаров и др.). Так, И. А. Гундаров, сопоставляя показатели рождаемости и смертности в РФ со странами Западной Европы, делает вывод, что Россия переживает не демографический переход, обусловленный исторической эволюцией основных социально-экономических институтов, а деградацию института воспроизводства населения. Основным тезисом его теории является сформулированный им «закон духовно-демографической детерминации»: при прочих равных условиях улучшение (ухудшение) нравственно-эмоционального состояния общества сопровождается улучшением (ухудшением) демографической ситуации. Ученый полагает, что в целом жизнеспособность нации зависит не только от экономических условий, но и от эмоционально-нравственного состояния общества.

Либеральные реформы 90-х гг. сопровождались для России разрушением традиционных устоев, изменением нравственных критериев добра, зла, справедливости, внедрением западной идеологии индивидуализма и потребительства, чувства национальной ущербности. Эти факторы, по мнению ученого, стали источником мощнейшего стресса для всего населения России, сопровождавшегося психологической реакцией отторжения новых идейных ценностей. На индивидуальном уровне это способствовало ухудшению психического и физического здоровья населения, а на общественном - неизбежному росту социальной напряженности, а также смертности, в том числе, от внешних причин (алкоголизм, насильственная смерть, самоубийство). Эти выводы подтверждаются не только статистическими данными. На высокий уровень смертности населения России от предотвратимых причин указывают в своем заключении и эксперты Всемирного банка, согласно которому Россия - одна из немногих развитых стран, где продолжает сокращаться ожидаемая продолжительность жизни. Причем смертность в стране, в основном, растет за счет сердечно-сосудистых заболеваний, ДТП и алкоголизма.

Высоким уровнем социальной напряженности И. А. Гундаров объясняет и резкое снижение уровня рождаемости. Наличие причинной зависимости между распространенностью психических заболеваний и снижением рождаемости он подтверждает эпидемиологическими и экспериментальными исследованиями, а также выводами ведущих мировых специалистов по психосоматической медицине. При этом И. А. Гундаров утверждает, что преодолеть проблему суженного воспроизводства можно и в условиях экономического кризиса, если усилия будут направлены на восстановление эмоционального и психологического благополучия нации. При этом в качестве рекомендаций для разработки государственных программ управления

рождаемостью он предлагает 20% усилий направить на решение экономических проблем, и 80% - на возрождение духовного здоровья нации.

В исследовании В. Алиева активно доказывается влияние национально-культурного фактора на уровень воспроизводства в России. Ученый предлагает направить механизмы управления воспроизводством населения на разработку национальной политики в сфере культуры – снижение уровня индивидуализма и эгоизма, развитие любви и терпимости к людям.

С выводами названных ученых трудно не согласиться, однако видеть причину суженного воспроизводства населения России преимущественно в нравственных проблемах, на мой взгляд, не вполне обосновано.

Четвертый подход рассматривает причины снижения рождаемости в России как следствие комплекса социально-экономических проблем. Приверженцами этой теории являются российские социологи-демографы Б. С. Хорев, И. Б. Орлова, Н. М. Римашевская, Л. Л. Рыбаковский и др. Так, в работах Б. С. Хорева предлагается комплексный подход к решению проблемы суженного воспроизводства населения: сочетание активных мер поощрения рождаемости, разработка программ в области здравоохранения и гигиены труда, а также стимулирование миграционного потока из стран бывшего СССР. Схожей позиции придерживается в своем исследовании И. Б. Орлова, рассматривая воспроизводство населения в разрезе комплекса задач в области семейной политики, стимулирования рождаемости, здравоохранения, управления миграционными потоками, а также решения вопроса оптимизации развития территорий за счет стимулирования оптимального уровня их заселения.

Н. М. Римашевская в качестве основной причины катастрофического снижения уровня воспроизводства в стране рассматривает системный кризис, охвативший все стороны жизни населения России (низкое материальное состояние большинства российских семей в условиях кризиса, финансовые, жилищные проблемы и т.д.). Помимо прочего, снижение рождаемости она объясняет сокращением численности женщин фертильного возраста за счет вступления в него малочисленного поколения 1990-1995 гг. и ростом смертности. Основной проблемой Н. М. Римашевская считает даже не столько катастрофическое уменьшение численности населения, сколько ухудшение его качества - снижение уровня физического и психического здоровья жителей России, а также широкое распространение социальных болезней – алкоголизма, наркомании, преступности и др.

Схожую позицию можно найти в исследованиях Л. Л. Рыбаковского, указывающего, что, в отличие от стран Западной Европы, депопуляция которых объясняется демографическим переходом, в России процесс снижения воспроизводства населения идет под влиянием существенного снижения рождаемости при значительном росте смертности. Эти процессы, по мнению Л. Л. Рыбаковского, происходили на фоне следующих проблем: существенных

людских потерь в годы Великой Отечественной войны, а также в 90-е гг. XX в. (первые годы перестройки); изменения половозрастной структуры населения в сторону его старения; последствий демографической политики СССР (80-е гг. XX в.); влияния СМИ на изменение репродуктивного и сексуального поведения молодежи; замены в процессе социально-экономических реформ 90-х гг. традиционных ценностей ценностями рыночной экономики, что привело, с одной стороны, к росту предпринимательской активности молодых поколений, а, с другой - к откладыванию ими вопросов создания семьи и рождения детей. Перечисленные обстоятельства существенно истощили репродуктивный потенциал последующих поколений.

При этом Л. Л. Рыбаковский предлагает основные целевые установки государственного управления воспроизводством направить на сокращение смертности и привлечение мигрантов. Ученый утверждает, что возможности государства по повышению уровня рождаемости и восстановлению института семьи крайне ограничены, а потому управляющие воздействия в этих направлениях малоэффективны. При этом он приводит статистику за 2000-2011 гг., доказывая, что эффект от государственной политики по повышению уровня рождаемости населения распространяется лишь на 3-5 лет.

Интересную четырехфакторную модель управления воспроизводством населения приводят Якунин В. И., Сулакшин С. С., Багдасарян В. Э. (авторы коллективного научного труда «Государственная политика вывода России из демографического кризиса»). В качестве ведущих факторов, определяющих уровень воспроизводства в России, они называют материально-экономические условия, идейно-духовное состояние общества, национальную идентичность Российского государства, а также государственную политику. Авторы монографии, на основании анализа статистических данных за достаточно большой интервал времени – с 1900 по 2005 гг., убедительно доказывают, что эти факторы существовали всегда, определяя репродуктивное поведение населения с различной степенью интенсивности. Значительный интерес представляет вывод ученых об отсроченном эффекте действия факторов – в рамках одного поколения (20-30 лет).

Мне также показалась интересной методика исследования и выводы ученых о зависимости материального фактора, уровня рождаемости и смертности. Очевидно, что материальный фактор при управлении репродуктивным поведением населения играет свою стимулирующую роль, но лишь до определенного уровня: при повышении уровня жизни он теряет свое стимулирующее значение.

Следует отметить, что эти выводы, несмотря на некоторую спорность методики исследования, представляют собой значительный интерес. Прежде всего, потому что они объясняют динамику воспроизводства населения в развитых странах Европы, социально-экономическая стратегия которых характеризуется существенными затратами на семейную политику.

В то же время, я уверена, что в случае, если российская государственная политика по-прежнему будет опираться преимущественно на экономическое стимулирование рождаемости, то в скором времени можно будет констатировать сначала снижение ее эффективности, а затем и полный крах.

Вы работаете только со статистикой населения Уральского региона или проводите и полевые исследования - опросы, наблюдения...?

На первом, пилотном, этапе я выявляла мнения жителей Тюмени о приоритетах в их системе ценностей, с целью выяснить, какую позицию в рейтинге занимает желание иметь детей. Вторым этапом исследования стало изучение влияния различных факторов на репродуктивное поведение жителей в зависимости от территории проживания – крупный город (областной центр), небольшой город, сельская местность. Опросом были охвачены жители гг. Тюмени, Ишима, Тобольска, Ялуторовска и Заводоуковска, а также жители сельской местности Тюменской области. Третьим этапом стало выявление репродуктивных установок респондентов, проживающих в регионах с различным типом воспроизводства. На этом же этапе выявлялась оценка населением эффективности государственного управления репродуктивным поведением. Опрос проводился в регионах Уральского федерального округа. На четвертом этапе был проведен экспертный опрос государственных и муниципальных служащих, занимающихся вопросами социальной политики, здравоохранения, образования.

По результатам исследования я планирую разработать концепцию семейной политики, призванную нивелировать основной недостаток действующей системы социального управления репродуктивным поведением – ее антикризисный, а, следовательно, временный, краткосрочный характер.

Необходимость разработки такой концепции признается и на государственном уровне. Так, в национальной стратегии действий в интересах детей на 2012 - 2017 гг. в качестве одной из основных задач прямо указывается, что необходима разработка и принятие программы, пропагандирующей ценности семьи, приоритет ответственного родительства, защищенного детства. К сожалению, на сегодняшний день целостной, работающей концепции семейной политики в РФ не представлено. Отдельные попытки управления семейной политикой на законодательном уровне (например, Семейный кодекс РФ, Федеральный закон от 29.12.2006 № 256-ФЗ (ред. от 02.07.2013) «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» и др.) регламентируют отдельные вопросы правового статуса семей, но не решают задачу укрепления семейных отношений, популяризации семейных ценностей, формирования многодетной модели идеальной семьи.

Становление семейной политики в рамках социального управления репродуктивным поведением населения - новое направление для России. В настоящее время управление распространяется лишь на отдельные

аспекты внутрисемейных отношений (вопросы регистрации и расторжения брака, институты усыновления, имущественные отношения между членами семьи) и, частично, на материальные стимулы репродуктивного поведения. Однако, преодолеть духовно-нравственный кризис семейных отношений такие полумеры явно не способны. Необходимо активное применение социальных технологий, направленных на возрождение семьи как важнейшего общественного института.

Вместе с тем, основная проблема формирования единой семейной политики заключена в отсутствии серьезных концептуальных разработок по данному вопросу. До сих пор в большинстве своем научные труды по репродуктивному поведению населения ограничивались областью демографии, но не социологии управления. Кроме того, необходимо сказать и об относительной молодости социального управления репродуктивным поведением. Даже в развитых странах Западной Европы и США социальные технологии, давно и успешно применяемые в политике, экономике, в сфере труда и занятости, весьма слабо распространяются на такую важную область управления, как воспроизводство населения. И в этом плане, пожалуй, более успешен опыт США, где функцию активной пропаганды семейных ценностей берут на себя общественные организации, кинематограф. Основными направлениями моей концепции обозначены: 1) духовное, экономическое, социально-политическое укрепление института семьи, возрождение семейных ценностей; 2) укрепление института материнства, возрождение системы социальных, экономических, трудовых гарантий материнства; 3) укрепление института отцовства; 4) возрождение многодетной модели идеальной семьи; 5) социальная поддержка детства. Уверена, что добиться успехов в социальном управлении репродуктивным поведением в условиях социальной нестабильности можно только при решении этих пяти ключевых задач.

Оксана, Вы еще в раздумьях о докторской диссертации или уже и в делах? По-моему, в России требуется преддокторская монография... Вы уже опубликовали? Если «да» или завершаете работу, то, пожалуйста, расскажите о ней...

Я очень активно работаю над докторской. Моим научным консультантом выступила заведующая кафедрой маркетинга и муниципального управления нашего университета, д.с.н., профессор Марина Львовна Белоножко, за что я ей очень признательна.

На сегодняшний день вышли две коллективные монографии (где я являюсь соавтором), в которых отдельные главы посвящены проблемам воспроизводства населения. Также, по предложению Нурсафы Гафуровны Хайруллиной, мне посчастливилось стать соавтором коллективной монографии «Тюменская область: мост из Европы в Азию» с участием ведущих российских социологов, которая готовится к изданию.

В развиваемой мною типологии советских/российских поколений социологов к шестой когорте относятся те, кто родился в 1971–1982 годах. Вы принадлежите к этой группе. Мое исследование показывает, что представители Вашего поколения активно осваивают зарубежный опыт: стараются читать новые книги, участвуют в международных конференциях, стремятся, хотя бы недолго, поработать на Западе. У Вас есть подобный опыт?

Безусловно, и в процессе работы над кандидатской диссертацией, и в настоящее время я стараюсь постоянно участвовать в международных конференциях. Более того, уже второй год я руковожу научной секцией «Глобальные и региональные проекты и их влияние на развитие человеческого капитала северных территорий России» ежегодной Международной научно-практической конференции «Водные ресурсы и ландшафтно-усадебная урбанизация как факторы развития территорий России в XXI веке».

Но вот поучиться или поработать за рубежом мне не довелось. Незадолго до защиты кандидатской работы я развелась с первым мужем, оставшись с маленькой дочкой на руках. Через три года я вышла замуж за мужчину, у которого в автокатастрофе погибла жена и остались двое детей, младшему из которых было меньше года. Мне понадобилось неимоверное количество сил и времени, чтобы наполнить наш дом атмосферой любви, заботы, радости. Через полтора года у нас родилась еще одна дочка. И количество детей достигло четырех. Я, когда меня спрашивают, сколько у нас детей, отвечаю: «Их так много, что утром они выходят из дома парами!». Сегодня у нас очень крепкая, дружная семья.

Иногда задумаешься, как можно все успеть, откуда взять силы. Но с годами приходит уверенность, что сил дается ровно столько, сколько потребуется. Главное, чтобы эти силы были направлены на созидание, любовь и веру.

* * *

Уважаемый Борис Зусманович! Интервью получилось очень интересным и необычным. Благодарю Вас за Ваше внимание ко мне.

ФАРАХУТДИНОВ Ш. Ф.: «МОЙ ВЫБОР БЫЛ ЗРЕЛЫМ, Я ВСЕ РАВНО ВСТАЛ БЫ НА ЭТОТ ПУТЬ»

Шамиль, Вы родились в Тюмени? Насколько глубоко Вы знаете прошлое Вашей семьи?

Я родился 16 октября 1981 года и вырос в Ташкенте, хотя мои исторические корни почти не имеют отношения к Узбекистану. Мой отец познакомился с матерью будучи студентом Томского политеха, где он учился на физико-математическом факультете. В то время он путешествовал по республикам СССР и родственники специально пригласили его в Ташкент, чтобы он познакомился с мамой. Знакомство удалось и закончилось браком, в результате родился я, а впоследствии еще 3 мои сестры. Две мои сестренки-двойняшки тоже родились в Ташкенте, а самая младшая уже здесь, в России, когда я был студентом первого курса.

Мама по национальности наполовину карачаевка, ее предки с Северного Кавказа. Её матери, моей бабушке, пришлось уехать с родины в Киргизию со всей своей семьей. Это произошло в военные годы в результате сталинских репрессий, когда весь карачаевский народ был депортирован в Среднюю Азию. Чуть позже бабушка вышла замуж, после чего они с семьей переехали в Узбекистан, где и обосновались. В молодости бабушка была известна среди карачаевцев своей красотой.

Про дедушку (отца мамы) известно немногое. Он умер рано, когда маме было всего 5 или 6 лет. Известно что во время войны, где он служил связистом. Недавно мой двоюродный брат через Интернет выяснил, что дед проложил очень важную линию связи в ходе крупного сражения, и это сыграло решающую роль в исходе боя. После войны дед закончил консерваторию, играл в филармоническом оркестре народных инструментов на контрабасе, преподавал в Ташкентском пединституте на музыкальном факультете.

Мама закончила Ташкентский медицинский институт и всю жизнь, до сих пор, работает врачом-педиатром. Она родилась и выросла в Ташкенте. У нее две старшие сестры и один старший брат, все до сих пор живы-здоровы. Мой дядя до сих пор живет в Ташкенте и в последние годы частенько приезжает к нам в гости. Одна из сестер мамы, самая старшая, живет с моими родителями в Тюмени, а вторая вернулась на историческую родину – в Кисловодск. Я каждый год после Нового года езжу туда, чтобы отдохнуть и проведать тётку.

Со стороны отца ситуация следующая. Мой дедушка был из многодетной башкирской семьи (их было 12 детей) из-за нехватки денег он был вынужден жить в интернате. В Сибирь он приехал со своей сестрой, которую советская власть направила для просвещения коренного населения. Здесь он вырос, получил образование (учитель истории), был призван на войну, женился и в старости умер. На войне дед был танкистом, и, говорят поменял 5 танков – каждый раз получая новый взамен подбитого старого.

Мать отца - коренная сибирячка, род которой, по всей видимости, проживает на этой территории со времен Золотой орды. Её, единственную из всех моих родных бабушек и дедушек, я помню хорошо, т.к., когда мы переехали в Россию, она была жива и прожила до окончания моего обучения в вузе.

У отца - два родных брата и три сестры. Все они родились в деревне Карбаны Ярковского района Тюменской области. Один из братьев умер в 2007 году, остальные живы, дружны, постоянно общаются. Сам мой отец закончил, как я уже упомянул, физмат по специальности оптик-спектроскопист. Всю жизнь, за исключением первых 10 лет после переезда из Узбекистана, работал в области радиационной медицины. В Ташкенте это был онкологический диспансер (тот самый, в котором от рака мозга излечился Солженицын), а в Тюмени он работал и продолжает работать в областной больнице. Занимается проверкой медицинских кабинетов, в которых используется оборудование с радиационным излучением (флюорографы, томографы и т.п.).

Это вкратце о моей семье. В свое время у меня было желание покопаться во всех генеалогических делах поглубже, но так и не получилось…

В Россию мы переехали в 1993 году. Сначала мы жили в селе Ярково, райцентре в 108 км от Тюмени. Там я закончил школу и поступил в тюменский вуз. Через три года в этот же вуз поступили мои сестренки, потом к нам приехал отец, который жил с нами, пока мы учились. В итоге, вся семья перебралась в Тюмень.

Здесь же хотел уточнить один момент, чтобы было более полное представление о моей семье. Обе мои тетки, сёстры матери, в свое время не вышли замуж, и всю жизнь прожили одни. Как я уже рассказывал, одна из них, старшая, сейчас живет с родителями, другая в Кисловодске. Всю свою любовь они отдавали и сейчас отдают нам, мы всегда для них были как родные дети, соответственно и у нас тоже к ним особое отношение - не как к теткам, а как к матерям.

Шамиль, очень здорово, я постепенно разберусь. Это в каком же Вы поколении человек с высшим образованием? В третьем? Очень многонациональная семья. Традиции каких культур в вашей семье так или иначе соблюдаются?

Получается, что в третьем, но, насколько я знаю, многие из моих предков были образованными людьми. Возможно, это не было высшее образование в том смысле, в котором мы его понимаем сейчас, ведь оно сложилось только в советское время. Но каждый раз, когда в Кисловодске мы с теткой приходим в гости к очередным родственникам, мне постоянно рассказывают о тех или иных моих значимых предках – религиозных деятелях, известных врачах, просветителях и т.п. Да и тётка не устаёт повторять что у меня со стороны матери «хороший род».

Однажды она водила меня в Кисловодский краеведческий музей, где показала мою прабабушку, запечатленную на одной фотографии с Надеждой Крупской во время съезда горянок. В тот день мы пришли в пустой музей, и женщина-экскурсовод, тоже карачаевка по национальности, нам рассказала о роли нашей фамилии в истории карачаевского народа. Деталей уже не помню, но я был сильно удивлен. Многое из того, что она рассказывала, даже моя тётка не знала.

Со стороны отца, честно говоря, глубже деда я еще толком не выяснил. Выясню – обязательно напишу.

Относительно многонациональности думаю вот что. Несмотря на то, что и география, и народы разные, все мои родичи принадлежат к одной группе – тюрки. Карачаевцы, башкиры, узбеки, татары (сибирские и казанские) – близкие родственники, у них очень похожий язык, и их судьбы очень тесно переплетаются в истории. Это я говорю не потому, что так где-то написано, а по своему опыту.

В традициях нашей семьи в той или иной мере есть элементы всех культур её составляющих. И это сложилось еще в Ташкенте. Мы не правоверные мусульмане, скорее, советские люди, тем не менее, родители дяди и тётки знают мусульманские молитвы. Все основные события в жизни человека, будь то рождение, брак или смерть, сопровождаются традиционными обрядами, хотя по-настоящему, как мне кажется в бога никто особо не верит. Это, кстати проявляется и у моих сестер, которые вышли замуж за русских. Их мужья крестят своих детей, а сестры считают необходимым делать все возможное, связанное с нашими традициями. Разногласий на этот счет в их семьях не возникает. Кухня у нас по большей части восточная. Музыку слушаем ту, что транслируют по радио и телевидению, хотя иногда специально включаем традиционную. Недавно к нам в Тюмень приезжал ансамбль Хун Хуур Ту (это традиционное тувинское горловое пение). Я пошел на их концерт и испытал очень мощное ощущение своей близости к востоку, кочевничеству.

Что Вам рассказывали Ваши родственники о депортации, все ли доехали до Киргизии?

Тетка рассказала мне, что во время войны часть карачаевцев присоединились к немцам. Оказывали поддержку, воевали на их стороне. Это очень разозлило Сталина, и он депортировал весь народ. В нашей семье это произошло следующим образом. Моя прабабушка с сыном и дочерью (моей бабушкой) жили втроем в Кисловодске. У них в селе была скотина, за которой приглядывали родственники. Однажды прабабушка с сыном поехали на сенокос, а 16-ти летняя дочь осталась одна дома. В это время приехал грузовик с людьми, которые сообщили о депортации и дали на сборы семь часов. Бабушка собрала самое ценное, ее увезли на вокзал и посадили в товарняк. Прабабушку с дедом забрали с сенокоса прямо в рабочей одежде.

Условия были не лучшие, было холодно, правда, голода в дороге, говорят, не было. На станциях людям давали возможность выйти, отдохнуть, набрать воды, снабжали продуктами. Поезд ехал около 3-х недель. За это время некоторые умерли – в основном, старики и больные. Моих ближайших родственников несчастье во время депортации не коснулось. Переселенцев ожидали в Киргизии суровые условия жизни. Там многие погибали от голода, в основном, это коснулось многодетных семей. Брат моей бабушки был предприимчивым человеком, он нашёл работу, кормил семью, улучшил жилищные условия. Так и прожили до тех пор, когда моя бабушка вышла замуж и уехала в Ташкент. Чуть позже карачаевцам была объявлена реабилитация, и прабабушка с сыном вернулись в Кисловодск, а бабушка так и осталась в Ташкенте.

Многие из карачаевцев, воевавшие на стороне немцев, ушли вместе с ними в Германию, часть оттуда эмигрировали в Америку. Говорят, там до сих пор сильны карачаевские диаспоры. Участников этих событий уже нет в живых, но их потомки сейчас приезжают на Кавказ, ищут своих родственников, налаживают связи.

Я Вас так давно знаю, что мне казалось, Вы постарше... Как шло учение в школе? Какие предметы Вам нравились более других? Что читали подростки в те годы? Вы уже не застали ни пионерии, ни комсомола, но какие-либо формы общественной работы сохранялись?

Так получилось что я научился читать очень рано. В 2,5 года мама показала мне буквы, а в три я уже свободно читал. Поэтому все мое детство прошло в «обнимку» с книгами. В раннем детстве я очень любил народные сказки, особенно восточные: Ходжа Насреддин и Алдар Косе были моими главными героями. Очень любил легенды и мифы древней Греции. Чуть позже я переключился на приключенческую литературу: несколько раз перечитывал книги про Робинзона Крузо, Тома Сойера, Шерлока Холмса. С удовольствием читал советские детские книги: «Баранкин, будь человеком», все части «Незнайки» Н. Носова, «Три толстяка» и т.п. Потом дело дошло до научной фантастики – Айзек Азимов, Герберт Уэльс, Братья Стругацкие… В старших классах взялся за естественнонаучную литературу. Помню, большое впечатление на меня произвела работа Мечникова «Этюды оптимизма», я и сейчас привожу студентам этот труд как пример безупречной методологической работы. Долго размышлял над идеями Л. Н. Гумилева. Книг в доме хватало, так что без дела не сидел.

Потом увлекся гуманитарной литературой. После прочтения всего Дейла Карнеги взялся за З. Фрейда, К. Юнга, Ч. Ломброзо, О. Вейнингера. Наверное на этом этапе у меня сформировался интерес к изучению людей, общества. Русскую классику я как-то в юности пропустил и перечитал ее уже в студенческие годы. На младших курсах института я увлекался парапсихологией. Прочитал все, на что хватило терпения и понимания.

После окончания вуза уже приходилось читать не исходя из потребности, а в силу необходимости. Тем не менее, не скажу, что это не доставляло мне удовольствия. Сейчас по большей части слушаю аудиокниги, в основном, когда нахожусь в дороге. Читаю только то, что необходимо для работы и научной деятельности.

В школе я учился плохо. Не знаю, как уж так получилось, но мне было не интересно. Из предметов любил биологию, а в старших классах, когда в процессе подготовки к поступлению в вуз возникла необходимость, как следует разобрался в химии и полюбил её. Когда уезжали из Ташкента, оценки у меня были – хуже некуда. По нескольким предметам учителя мне поставили итоговые тройки только потому, что мама попросила, сказав, что мы переезжаем в Россию. Здесь уже пришлось подтянуться, но все равно в итоговом аттестате у меня было пять троек. Возможно, на плохую учебу повлияло также то, что я очень любил гулять на улице с пацанами. Наверное, чтение и любознательность в какой-то мере мне компенсировали плохую учебу.

Пионером я успел побыть год или два. Но сильного идеологического воздействия, по всей видимости, данный факт на меня не возымел. Тем не менее, процесс социализации в детстве я прошел в полной мере, поскольку родители почти каждое лето отправляли меня в пионерские лагеря, где я активно участвовал во всех мероприятиях. Кроме того, сколько себя помню, в детстве я постоянно посещал какие-нибудь кружки или спортивные секции: выжигание по дереву, юный натуралист, юный техник, борьба, скалолазание и т.д. То же самое и в студенческие годы: посещал спортивные секции, участвовал в дебюте первокурсника, студенческих вёснах… Вообще, если говорить об общественной деятельности, то мне скорее это нравится, чем нет.

У Вас было много различных интересов. Профессиональный выбор Вы сделали еще в школе или прошли армию?

В армию мне не удалось сходить, т.к. сразу после вуза я поступил в аспирантуру и защитился досрочно. Кандидатов наук в армию не берут. Несмотря на плохую учебу в школе, окончил Тюменскую государственную сельскохозяйственную академию с красным дипломом. Не сказать, что мне было интересно (я учился на факультете рационального природопользования и прикладной экологии), просто раз уж хорошо знал биологию и при подготовке к поступлению выучил весь курс химии, дальше, по инерции, проблем с учебой у меня не было, ведь вся сельскохозяйственная наука строится вокруг этих двух предметов. Единственной своей заслугой в учебе считаю то, что я практически не пропускал занятия. В любом состоянии, после всех студенческих гулянок всегда ездил на пары.

Профессиональный выбор я сделал в институте. Причем, получилась интересная история. Я уже рассказывал, что увлекался психологией, социологией и другими гуманитарными науками во время учебы. Так вот, когда пришло время выбирать место прохождения преддипломной практики

и тему выпускной работы, я попросил своего руководителя разрешить мне самостоятельно выбрать направление и разработать его. В итоге, я все лето просидел в библиотеке, изучая методологию и методы социологического исследования, классиков социологии. В результате составил анкету, по которой собирался опросить работников сельскохозяйственной отрасли и выявить степень сформированности у них экологического сознания. Я считал, что, прежде чем вводить экологические технологии в производство сельскохозяйственой продукции (а этому нас как раз и учили, в отличие от агрономов), необходимо формировать экологическое сознание у рядовых работников отрасли.

Опросить по этой анкете мне так никого и не удалось, потому что осенью, когда пришло время защищать перед кафедрой отчеты по пройденной практике, меня сильно раскритиковали, сказав, что я занимаюсь не тем, чем нужно. В результате мне поставили единственную четверку в моем дипломе, мне пришлось сменить тему и проводить опыты на экспериментальном поле нашей сельхозакадемии.

В 2003 году после успешной защиты выпускной работы три или четыре кафедры приглашали меня в аспирантуру, но я отказался, решив либо идти в армию, либо заниматься тем, чем мне было интересно. Так я сделал свой профессиональный выбор и оказался в ТГУ у Веры Владимировны Гаврилюк, которая в меня поверила, за что я ей очень благодарен.

Чем бы Вы объяснили возникновение у Вас интереса именно к социологии? Вам читали что-либо по этому предмету, какая-то социологическая книга случайно попала к Вам в руки? Какие книги Вы читали в то лето?

По правде говоря, перед тем, как зайти к Вере Владимировне, я наведался на факультет психологии, где мне сообщили, что для поступления в их аспирантуру необходимо иметь либо медицинское, либо психологическое образование. То есть я со своим образованием в никак не подходил. В любом случае, у меня было желание работать не с личностью, а с социальными группами. Тогда я еще не сильно разбирался в тонкостях предметов разных гуманитарных дисциплин и социальная психология мне казалась той наукой которая изучает экологическое сознание. Как выяснилось позже, я ошибался, на самом деле, социология была тем, что я искал. То есть, получилось не так, что я однажды проснулся и решил для себя – буду социологом. Наоборот, я нашел сферу, которая мне интересна, а потом уже выяснил, что её изучает социология.

По поводу того, как я к этому пришел. Не думаю, что какая-то особенная книга послужила толчком. Кажется, это началось в старших классах и усилилось на младших курсах вуза. В школе я подготовил фундамент, начитавшись вышеупомянутой литературы, а в институте пропустил все, что накопилось в подсознании, через призму естественных наук. Я искал аналоги природных (экологических) процессов в общественных явлениях (некоторые

из идей, зародившихся в то время, до сих пор сидят у меня в голове), пытался для себя развивать идеи Л. Н. Гумилева о влиянии природных явлений на поведение различных социальных групп. Но постепенно от этого отошел, посчитав что у меня еще не накоплено достаточно эмпирических знаний и опыта, чтобы осуществлять такого уровня теоретизирование. В итоге и было принято решение заниматься изучением общества.

Возможно, то, что я только что сформулировал, не полностью соответствует действительности. Возможно, мне сейчас только кажется, что решение было принято именно так. По правде говоря, трудно сказать, когда именно и как я решил заниматься социологией. Не исключаю влияния каких-то мелких случайных факторов или удачного стечения обстоятельств, но, в целом, считаю что мой выбор был зрелым, и даже если бы в жизни была другая ситуация, я все равно бы встал на этот путь.

В то лето я действительно интенсивно работал в областной научной библиотеке. Возможно, это было не свойственно моему возрасту, характеру, особенно в условиях хорошей компании, свободных месяцев и хорошей погоды, но это правда. Наверное, многие из тех, кто заслушивал мой отчет по практике на кафедре, решили, что я нашел хитрый способ избежать участи остальных студентов – провести все лето в каком-нибудь колхозе, но это не так. Я действительно изучал все, что было связанно с планируемым мной исследованием.

В первую очередь, я ознакомился с литературой по методологии и методам социологических исследований. Читал Ядова, Батыгина, Белановского, Татарову, Толстову, Девятко и др. Далее я нашел и полистал учебники по социальной экологии, выделил в них то, что посчитал нужным, и стал изучать дальше. Это доклады Римского клуба, концепция устойчивого развития, теория коэволюции Н. Н. Моисеева, теория ноосферы В. И. Вернадского. Добрался до русского космизма, но глубоко вникать не стал. С удовольствием познакомился с Г. Спенсером, а от него перешел к классикам социологии: М. Веберу, Т. Парсонсу. В итоге, я познакомился с социологией, а также составил программу исследования, судьба которого Вам уже известна.

Я понимаю, что Вы встретились с В. В. Гаврилюк, переговорили, успешно прошли вступительные экзамены и были зачислены в аспирантуру. Вы сразу нашли тему, по которой решили делать диссертацию, или необходимо было время, потребовался анализ различных проблемных областей? Как шла работа над диссертацией?

Тему мне не пришлось придумывать. Забегая вперед, могу сказать что я защитился по теме «Институциональные основы формирования экологической грамотности». То есть, фактически я закончил то, что начал в «запойное» лето. Конечно, было другое исследование – поменялись предмет и объект, но, в целом, свои научные интересы я удовлетворил.

Могу добавить, что успешному завершению работы способствовали два важных обстоятельства. Во-первых, с первых дней аспирантуры я начал преподавательскую деятельность, причем, преподавал социальную экологию. Я хорошо разобрался в теме, познакомился и пообщался с Данило Марковичем – известным сербским социальным экологом, который был приглашен в Тюмень на конференцию.

Во-вторых, в то время Вера Владимировна работала над грантом РФФИ «Функциональная неграмотность в условиях перехода к информационному обществу», и моя тема очень хорошо вписывалась в этот проект. Экологическую неграмотность мы рассматривали как один из аспектов общей функциональной неграмотности человека, и блок вопросов для моей работы был включен в общую анкету.

Исследования я проводил с удовольствием. Наряду с работой над грантом, я несколько раз ездил в Москву, где брал интервью у представителей общественных экологических организаций, экологически ориентированных деятелей, политиков, ученых. Работал в крупнейших российских библиотеках. Добрался до Государственной Думы, где пообщался с С. Н. Глазачевым, пытался поговорить с С. А. Тангяном – представителем нашей страны в ЮНЕСКО, но его в тот момент не было в стране, и я по рекомендации его секретаря встретил с его заместителем. Побывал на телевидении, где выпросил запись телепередачи, посвященной функциональной неграмотности. Объездил ряд вузов и академических структур, пытаясь встретиться со всеми, кто имел какое-то отношение к теме моего исследования.

После периода накопления материала и «созревания» я быстро оформил диссертацию – буквально за три недели написал текст, два раза обсудился на кафедре и защитился без чёрных шаров.

Значительную часть 1980-х гг. я участвовал в советско-венгерском исследовании экологического сознания, так что понимаю важность и остроту экологической тематики. Вы рассказали внешнюю часть Вашей работы (объем проделанной работы), теперь, пожалуйста, подробнее о содержании Вашего исследования. В чем Вы видели проблему поиска, какова была методология Вашего исследования, к каким выводам Вы пришли?

В общем, идея была такая. В своей работе я попытался определить структуру экологической грамотности, представив её в виде «ядра» и «оболочки». «Ядро» – инертно и формируется базовыми институтами в процессе социализации (это семья, система образования, в какой-то мере религия). У разных обществ формы и содержание ядра различаются в зависимости от окружающих природных условий, наличия природных ресурсов, их истории. Отдельные проявления базовых экологических знаний находят свое отражение в фольклоре народов, сложившихся традициях.

«Оболочка» более динамична, связана с текущей экологической ситуацией в месте дислокации сообщества и содержит знания об изменениях в окружающей среде в определенное время и в определенном месте. Содержание этого элемента со временем устаревает и во многом зависит от личной экологической активности индивидов, составляющих сообщество. «Ядро» и «оболочка» постоянно испытывают взаимное влияние и их следует рассматривать неразрывно. Графически это можно было бы представить в виде совокупности точек, плотность которых ближе к центру возрастает. «Оболочка» формируется под воздействием таких социальных институтов как СМИ, институты гражданского общества (экологические организации), государство (имеется в виду правовая система).

Построив такую концепцию, я стал рассматривать, как же все вышеназванные институты влияют на экологическую грамотность в современном российском обществе. Изучил систему экологического образования в нашей стране, сравнил ее с зарубежными. Рассмотрел, как осуществляется экологическое воспитание в современной российской семье, сравнил с воспитанием в традиционных культурах (приводил пример с северными народами). Посмотрел, как освещают экологическую тематику наши СМИ. Изучил деятельность (в том числе, просветительскую) общественных организаций. Сделал акцент на общественной экологической экспертизе. Провел обзор российской нормативно-правовой базы, связанной с экологией.

В итоге пришел к неутешительному выводу, что в современной России социальные институты не способны в полной мере сформировать экологически грамотную и ответственную личность, и в этом направлении необходимо работать. Все вышесказанное – костяк, который, естественно, сопровождался данными эмпирических исследований, ссылкой на авторов, разбором терминов и понятий и т.п.

Идея, конечно, незамысловатая, но свою функцию эта работа, прежде всего, как квалификационная, для меня выполнила.

Можно понять, что Вы защитили кандидатскую диссертацию в 2006 году. Так? Не было ли у Вас желания уйти из науки и заняться практической или организационной работой в области защиты окружающей среды? Тюменский Север дает множество поводов для этого. Или решили остаться в науке?

Именно так. Весной 2006 года прошла моя защита. В это время мы с Верой Владимировной и еще несколькими преподавателями уже перешли в нефтегазовый университет.

О практической деятельности я даже и не думал. Я вкусил прелести свободного графика работы, почувствовал возможность творческой самореализации, личностного и научного роста, общения с интересными

людьми, и меня уже никакими «пряниками» невозможно было загнать в офис. Особенно на Север.

Переезд в Сибирь из Узбекистана сам по себе был для меня небольшой психологической травмой в географическом плане. Слишком длинные дни непродолжительного лета и короткие зимние дни, морозы, резкие перепады температуры, отсутствие ароматных фруктов, летние комары и мошки - все это неполный перечень того, к чему мне пришлось довольно долго привыкать. А когда я съездил в гости к двоюродному брату (сын сестры отца) в Ноябрьск, я сделал для себя вывод, что Север не для меня, т. к. там все, что я описал, было представлено в разы больше. Со временем, правда, стал относиться к этим вещам спокойнее, но мне по-прежнему туда не хочется. Не хотелось и после окончания аспирантуры. Сейчас на Север все равно приходится иногда ездить. Периодически там появляются какие-нибудь проекты, но каждый раз, возвращаясь оттуда, я вздыхаю с облегчением.

Кстати, относительно недавно, буквально пару месяцев назад, было предложение устроиться на должность социолога в департамент внутренней политики ЯНАО (Салехард) за хорошую зарплату и жилье, но я не проявил к нему интереса. И вообще, я для себя давно решил, что качество жизни не пропорционально количеству зарабатываемых денег. А иногда наоборот, большие деньги приносят лишние проблемы - кроме того, Тюмень - комфортный город для проживания и дает возможность для заработка.

Про экологию как рабочую специальность я забыл сразу после поступления в аспирантуру. Были мысли преподавать её, чтобы не растерять, но и от этого тоже отказался. Зачем искать замену тому, что даёт все, что тебе нужно? В то же время, я не категоричен. Если резко изменятся условия, возможно, придется сменить вид деятельности. Но это должны быть очень сильные перемены.

Итак, Вам 25 лет. Получено образование, защищена кандидатская диссертация, есть дело, которое Вам нравится... 2006 год, пришла некая общественная стабильность, можно было подумать о перспективах, хотя бы на несколько лет вперед. Не думали ли немного поучиться в Москве или за границей? Какие предметные области стали Вас интересовать?

Естественно, стать социологом только в результате написания диссертации невозможно. Мне постоянно приходилось и приходится учиться.

В конце 2006 года я прошел небольшую стажировку в ФОМе. Несколько дней я приезжал в Фонд и знакомился с работой каждого из отделов. Тогда я познакомился с А. Б. Чуриковым, специалистом по расчетам выборок, с которым впоследствии мне приходилось неоднократно пересекаться на конференциях и других обучающих курсах. Помню, что, как раз в период моей стажировки, умер Ю. Левада, и руководители ФОМа ездили прощаться с ним. Тогда я еще плохо знал, что это был за человек, а когда вернулся в Тюмень и узнал о нём получше, понял, какую утрату понесла российская социология.

В 2008 году было два мероприятия, которые существенно углубили мои профессиональные знания, интегрировали меня в социологическое сообщество. Сначала, весной, я учился в ИС РАН на курсах «Возможности программы SPSS для анализа социологической информации», организованных Центром социологического и политологического образования С. Е. Кухтерина. Это была очень интенсивная и тяжелая, но интересная учеба. 18 дней с утра до вечера мы работали в компьютерном классе, а вечером делали домашние задания. Я и мои однокурсники со всей России жили в ДАС (дом аспиранта и стажера), где мы познакомились, подружились и с некоторыми общаемся до сих пор. Я жил в одной комнате с Бушуевым Алексеем, парнем из Казани. Позже мы с ним вместе написали учебник по SPSS.

Потом была недельная летняя школа «Статистика без слез: регрессионное моделирование с использованием пакета NESSTAR». Мы жили в живописном пригороде Подмосковья на базе отдыха. На эти курсы приехали некоторые ребята из курсов по SPSS, и мы общались уже как старые добрые друзья. Сама по себе школа была не сложная, но дала очень мощный позитивный социологический заряд.

Таким образом, в 2008 году я познакомился со многими людьми, не только моими молодыми коллегами, но и известными российскими учеными методологами. Так, у нас преподавали или были приглашенными гостями И. Ф. Девятко, Ю. Н. Толстова, Г. Г. Татарова, Г. Л. Воронин, М. Ф. Черныш, А. Б. Чуриков и многие другие.

Летом 2010 году я на протяжении месяца проходил стажировку во ВЦИОМе. Там я работал над проектом «Способность политической системы реагировать на общественные ожидания и опасения в условиях преодоления кризиса». Это была командировка в рамках моего обучения в докторантуре. В принципе, большого впечатления это событие на меня не произвело, поскольку я уже хорошо знал, как работают «фабрики» общественного мнения. Было больше рутины. Положительным моментом здесь считаю знакомство с деталями полстерской работы.

Первый зарубежный опыт я получил в том же 2010 году, когда в составе делегации нашего университета поехал в Китай для налаживания контактов с китайскими университетами нефтегазовой сферы. Там я познакомился с девушкой из Казахстана, которая училась на гуманитарной специальности. Встреча с ней у нас была запланирована программой. В свое время она выиграла грант президента на обучение в Пекинском университете и к моменту нашей поездки обучалась на последнем курсе. Она рассказала мне много интересного про учебу в Китае, дала контакты своей подруги, которая училась на специальности «социальная работа». К сожалению многого узнать мне у них не удалось, т.к. были проблемы со связью. У меня до сих пор остался неудовлетворенный интерес к китайской социологии (в первую очередь, методологии), поскольку информации о ней в открытых источниках мало,

а языковой барьер мешает познакомиться с их литературой. По правде говоря, интерес к Китаю в целом у меня был всегда, и я надеюсь, что когда-нибудь удастся посотрудничать с китайскими коллегами.

В 2011 году в рамках федерального гранта развития инновационной инфраструктуры, который выиграл наш Нефтегазовый университет, была создана лаборатория изучения общественного мнения, которой я заведую и сейчас. За счет средств этого гранта я на пять недель ездил в Англию, где учился в BBSI (Bournemouth Business School International). Предполагалось, что стажировка позволит познакомиться с передовыми европейскими технологиями в области изучения общественного мнения, но мой языковой уровень оставлял желать лучшего и не позволил мне с ходу взяться за англоязычную исследовательскую практику. Большую часть учебы я ходил на General English и только в последнюю неделю посетил несколько уроков Marketing & Business skills. Тем не менее, именно эти курсы стимулировали меня к изучению английского языка, и последующие пару лет я посещал интенсивные языковые курсы.

Сейчас этот процесс приостановился, т.к. не хватает времени. Английский язык для меня, как зубная боль. Я никак не могу взяться и основательно его освоить, чтобы свободно общаться на профессиональные темы с носителями языка, но, в то же время, кое-какой уровень у меня есть, и объясниться с теми, для кого английский не родной, я смогу. Периодически я обдумываю вариант получения второго высшего образования по английскому – чтобы некуда было деваться и пришлось выучить грамматику и лексику, отложив все дела. Но, пока, видимо не созрел. Наверное, не хватает какой-то сверхмотивации, может, совместного проекта или перспективы длительного обучения за рубежом.

В 2012 году была поездка с Верой Владимировной в Индию на социологический конгресс. Выступить там не удалось, хотя я основательно подготовился и практически выучил свой доклад. Зато почувствовал непередаваемую атмосферу международного обсуждения актуальных проблем, увидел «ниточки», связывающие людей одной профессии из разных стран мира.

За 10 лет моей работы в социологии были и другие курсы и стажировки, конференции, встречи с интересными людьми, и все это я считаю моей учёбой. Но самая главная моя учёба – это проекты, над которыми приходится работать. Не знаю, хорошо это или плохо, но я считаю себя социологом широкого профиля. Мне приходилось и приходится работать с самыми разнообразными исследованиями в самых различных сферах с применением практически всех методов получения и анализа эмпирических данных. Это федеральные и региональные гранты, исследования для внутренних нужд университета, маркетинговые проекты, исследования для органов власти, консультирование небольших компаний, методологическая помощь людям, работающим над диссертациями, инициативные проекты и др. Конечно же,

без постоянного поиска, самообразования осуществление такой деятельности невозможно. Информации из открытых источников бывает недостаточно, поэтому периодически приходиться искать людей, звонить, консультироваться. Обнаруживаются целые пласты, доселе не тронутые мной, но которые жизненно необходимо освоить: это математика, статистика, все, что связанно с выборкой, история социологии, иногда практика доводит до философии…

Обобщая, хочу сказать, что процесс обучения не останавливается. Если же говорить о том, чтобы специально выехать куда-нибудь на продолжительную учебу – то я не против, и если подвернется случай, то обязательно постараюсь им воспользоваться.

Теперь об интересующих меня областях. Как Вы уже, наверное, заметили, я отошел от социальной экологии и перешел к эмпирической социологии как предметной области. Обдумывая свой опыт, систематизируя и обобщая его, я пришел к тому, что мне хотелось бы называть себя методологом. Мне стали интересны не сами результаты исследований, а то, как их можно получить с минимальным искажением. Захотелось искать «изящные» способы решения сложных социологических задач. Я стал критически подходить к отдельным методам, описанным в учебниках, появилось желание дискутировать с авторами отдельных исследований. Считаю, что к каждому исследованию нужно относиться творчески, подходить ситуационно, где-то модифицируя существующие методы, а не прикладывать устоявшиеся «лекала» ко всем исследованиям. И, возможно, у меня еще не было возможности изложить все свои мысли в публикациях, но я думаю, что буду двигаться именно в этом направлении.

Другой темой, которая меня интересует, и которая неразрывно связана с предыдущей, является анализ общих процессов, происходящих в отечественной социологии. Это развитие муниципальной социологии, взаимодействие региональных исследовательских компаний (например, в форме Ассоциации 789, проектов Циркона), тенденции переноса «центра тяжести» исследований в Интернет. Я с удовольствием посещаю ежегодную Грушинскую конференцию, где эти все вещи обсуждаются. Надеюсь, что моя следующая диссертация будет посвящена этим вещам.

Еще несколько слов хотелось бы сказать о моей преподавательской деятельности. Уже лет 5 я преподаю дисциплины -методологического характера: это «методология и методика социологических исследований», «анализ данных в социологии», «социологические проблемы изучения общественного мнения». Это также заставляет меня учиться, чтобы грамотно транслировать свой опыт студентам. И, возможно, я иногда «грешу», отходя от учебного плана в преподавании этих дисциплин, но считаю, что даю ребятам больше, чем те преподаватели, которые преподносят студентам «не свои» знания. В ближайшее время мне бы хотелось написать серию учебников или

учебных пособий по указанным дисциплинам со своим видением организации проведения исследований.

Да, очень многобразное обучение, уверен, все принесет плоды. Очень важно входить в науку со своим поколением, зная его.

Вы сказали: «Перешел к эмпирической социологии». Мне кажется, что сейчас чаще говорят о «прикладной социологии», или это лишь разные названия одного и того же?

Уверен, что это не так, но после Вашего вопроса, у меня рука сразу потянулась к поисковику, чтобы уточнить понятия. Сознательно не стал этого делать, решил сформулировать сам. Понятие «эмпирическая социология», на мой взгляд, шире. Прикладная – та, что решает конкретные задачи. Эмпирическая же гармонично вливается в теоретическую, а вместе они – единое целое. В рамках эмпирической социологии возможна саморефлексия, саморазвитие. Грубо говоря, представитель прикладной социологии – практик, работяга, штатный социолог в организации. Представитель эмпирической – исследователь, методолог.

Меня всегда интересовали и продолжают интересовать методы, потому, пожалуйста, прокомментируйте фразу: «Я стал критически подходить к отдельным методам, описанным в учебниках...». Приведите один пример.

Конкретные методы я сейчас трогать не буду, но пример приведу. Тема избита, но она фундаментальна, и от того как ее преподнести студентам, зависит дальнейшее восприятие ими многих вещей. В учебниках обычно есть разделы о количественных методах и качественных методах. Хорошо, если так, а то иной раз можно встретить и разные учебники. Конечно, авторы оговариваются, что одни методы должны дополнять другие и среди них нет «главных». Однако, само их разделение, на мой взгляд, уже есть большая методологическая ошибка.

На первом же занятии по «методологии и методике социологических исследований» я студентам говорю, что всю совокупность методов можно представить в виде отрезка, на одном конце которого находится «идеальный количественный метод», на другом - «идеальный качественный». Ни того, ни другого в чистом виде не существует. Мы выделяем их только для того чтобы иметь возможность на что-то опираться при классификации. Эту идею я, кстати, взял у Отто Вейнингера, когда он рассуждал о поле и характере.

Почему не существует «идеального количественного»? Да потому, что практически нет анкет, в которых отсутствует открытый вариант «другое», а это уже качественная информация. Даже если в анкете нет такого варианта, в процессе анализа и описания результатов исследователь неизбежно вносит свои смыслы, т.к. не может быть абсолютно объективным. Еще есть вариант «затрудняюсь ответить», который содержит в себе массу скрытых смыслов, оставленных респондентами.

Почему не существует «идеального качественного»? Потому, что каким бы «качественным» не было исследование, мы обязательно используем логические приемы для его интерпретации: сравнение, обобщение, анализ, синтез… А это оперирование долями, частями – то есть, количественными категориями.

Таким образом, каждый метод мы можем охарактеризовать как некую совокупность количественного и качественного в различных пропорциях. Один и тот же метод в разных исследованиях может менять свой характер. Например экспертный опрос: он может быть качественным, может быть количественным, а может находиться ровно посередине.

Студентам на практических занятиях я предлагаю численно оценить доли качественного и количественного в разных методах. Например, анкетный опрос: 95% (количественного); 5% (качественного) и т.п.

Относительно конкретных методов, раз уж начал, тоже могу сказать несколько слов. Как правило, методы всегда рассматриваются отдельно от выборки. Этого делать, на мой взгляд, нельзя, т.к. у людей не формируется понимание того, для чего нужна выборка. В результате все и всегда, вплоть до докторантов, пытаются применить какие-нибудь формулы для того, чтобы обосновать ее репрезентативность. Нет привязки к цели и задачам исследования, к специфике изучаемой социальной группы или иному объекту исследования, если речь идет о работе с контентом. Есть множество других моментов, которые периодически вызывают у меня возмущение, но сейчас деталей уже не помню.

Ваша точка зрения понятна, спасибо. Теперь – еще один вопрос на уточнение. Чем занимается руководимая Вами лаборатория изучения общественного мнения? Какие методы сбора информации Вы используете? Кто является Вашим основным заказчиком, в какой мере он учитывает результаты Ваших исследований?

В настоящее время для меня это довольно болезненный вопрос. Инициатором создания лаборатории в 2011 году выступила Вера Владимировна. Она же ходатайствовала о назначении меня заведующим. В университете в то время были средства на развитие инновационной инфраструктуры – грант, о котором я уже упомянул. Нам выделили помещение, закупили мебель и технику (компьютеры, диктофоны, видеокамеру и т.д.). Основной целью лаборатории, как и множества других созданных в университете структур, является диверсификация заработков университета, увеличение финансового вклада от научной составляющей. Была обещана административная поддержка руководства по привлечению заказчиков.

К сожалению, много денег заработать не получилось. Самостоятельно найти постоянных заказчиков не удалось, а конкурировать на рынке социологических услуг в Тюменской области от лица университета оказалось затруднительно в силу многих причин. Одна из них – «неповоротливость»

вуза. Я имею в виду отсутствие самостоятельности при принятии решения участвовать в том или ином конкурсе, устанавливать в торгах ту цену и сроки, которые я посчитаю нужными (в России все потребности государственных органов удовлетворяются только через конкурсы или торги). Все мои решения приходится согласовывать с различными университетскими структурами: юристами, планово-финансовым управлением, бухгалтерией... В условиях жесткой конкуренции на рынке в таких условиях работать очень сложно. Административной поддержки тоже не было.

В то же время, наверное, было бы несправедливо всю вину перекладывать на университет, в конце концов, все условия для функционирования лаборатории созданы. Есть и мои недоработки. Возможно, не всегда удавалось повлиять на руководство, уговорить его представить наши интересы в крупных региональных нефтегазовых компаниях. Можно было бы усилить образовательный аспект, хотя мне это не очень интересно.

В общем, сейчас существование лаборатории под вопросом, и я пытаюсь её сохранить. Предлагаю руководству проводить все внутренние исследования, необходимые для обеспечения качества образовательного и воспитательного процесса (это опросы студентов, преподавателей, работодателей) в лаборатории в зачет плана. Предлагаю маркетинговые исследования для университета, например изучать школьников старших классов и их родителей (как потенциальных абитуриентов и потребителей услуг вуза). Сейчас эти исследования проводят внутренние структуры, причем, не всегда на соответствующем уровне. Переговоры по сохранению лаборатории ведутся, каков будет результат – пока неизвестно.

Теперь о том, чем мы занимались и занимаемся. Сразу хочу сказать, что мы с товарищем в 2007 году открыли свою фирму «Центр изучения региональных процессов» и часть плановых заданий лаборатории выполняли за счет договоров субподряда от нашего Центра. Также несколько конкурсов удалось выиграть и от университета. Это, в основном, исследования для принятия управленческих решений различными областными департаментами и комитетами. Были и внутриуниверситетские исследования, федеральные гранты, электоральные исследования для кандидатов в депутаты. Несколько раз проводили поле в регионе для столичных компаний. По завершению организованных нашим вузом олимпиад и конференций опрашивали участников. Брали на практику студентов.

Методы, в основном, использовали те, что прописывались в технических заданиях, а они особым разнообразием не отличаются: массовые и экспертные опросы, фокус-группы, реже контент-анализ. Думаю, что ни одно наше исследование не прошло в пустую и в той или иной мере учитывалось теми, кем было заказано.

Выше Вы отметили, что в 2010 году в рамках обучения в докторантуре Вы участвовали в одном из проектов ВЦИОМ. Вы проходили (или проходите) докторантуру в Москве? При каком университете? По какой теме? Кто Ваш консультант?

Я состоял в докторантуре нашего нефтегазового университета. Формально докторантура у меня закончилась, но я продолжаю работать, т.е., «созревать» для докторской диссертации. Общаюсь с экспертами, коллегами. Когда я туда поступил, мне было 28 лет, когда закончил – 31. То есть то, что она окончилась у меня без защиты, и даже без полного текста работы, меня ничуть не смущает, т.к. считаю, что для меня было бы тяжеловато в моем возрасте «носить» ученую степень доктора наук. На мой взгляд, это не только высокий статус, но и большая ответственность. Мне кажется, что доктор в большей степени должен быть мудрым, а не только эрудированным.

Тем не менее, сам факт обучения считаю не напрасным. Пребывание в докторантуре подразумевает определенные поблажки в виде наличия некоторого количества свободного времени, большей возможности по сравнению с другими коллегами, ездить в командировки. Этим я, насколько мог, пользовался.

Консультантом моей работы выступает Вера Владимировна. Она меня в этом вопросе особо не торопит, но периодически напоминает о необходимости не только «созревать», но и выдавать какие-то конкретные результаты.

Рабочая тема моей работы изначально звучала как «Становление и развитие (института) общественного мнения в современной России». Но сейчас я склоняюсь к тому, что лучше говорить не об общественном мнении, а об эмпирической социологии, поскольку общественное мнение существует независимо от исследователя и вообще, это очень динамичная и рудноуловимая субстанция. Проще, наверное, рассказать, что именно я хотел бы исследовать и описать в своей работе.

В первую очередь, это история. Под современной эмпирической социологией я подразумеваю постсоветский период. Мне интересны предпосылки того, как сформировалось текущее положение дел: организации, отдельные исследователи, заказчики и их потребности, условия работы социологов. Конечно же, методы: как проводились исследования, осуществлялись обработка и анализ данных. Интересно также соотношение количества и качества информации, полученной советскими учёными.

Второе – то, что имеем сейчас. Хотелось бы провести классификацию всех типов исследователей, применяемых методов и методологических подходов, рассмотреть сферы применения социологической информации. Я думаю, что здесь будет много интересного: социологические ассоциации и объединения, в том числе, региональные; развитие общедоступных архивов и баз данных социологической информации; ситуация в вузовской,

академической, прикладной социологии. Также необходимо обратить внимание на социологическое образование (все уровни), тенденции формирования так называемой «муниципальной социологии», особенности функционирования «фабрик» по изучению общественного мнения, площадки для обсуждения социологических проблем, социологическую периодическую литературу.

Основным результатом работы станет оценка текущей ситуации и поиск вариантов дальнейшего направления движения.

А Вы не пробовали под тем или иным углом зрения в свете Ваших гипотез проанализировать мои интервью? Все же огромная коллекция - социологи всех возрастов, работавшие по самым разным темам...

Честно говоря, пока еще не пробовал, но не потому, что в принципе не рассматривал такую возможность, а потому, что еще не добрался. Я уже давно думаю о Ваших интервью, читал некоторые их, оценил колоссальный объем проделанной работы и полученной информации. Могу без всякого лукавства сказать, что Ваши труды лягут в основу многих аспектов моей диссертации.

Для работы с Вашими интервью необходима система. Я собираюсь подойти к ним как к первичному материалу, то есть, мне для анализа надо будет написать отдельную программу исследования, где объектом выступят биографии. Думаю, что буду использовать контент-анализ. Нужно будет определить семантические единицы, единицы счета. Предварительно нужно будет выработать какую-то хронологическую систему: определить реперные точки и т.д. и т.п.

Расскажите о необычных исследованиях, о Ваших авторитетах, о сильных впечатлениях, связанных с научной деятельностью, о Вашем образе жизни, о преподавательской деятельности.

О необычных исследованиях и сильных впечатлениях.

Здесь я бы хотел рассказать об исследовании, которое мне довелось провести в прошлом году. Это был заказ от Научного центра изучения Арктики, который находится в Салехарде. Данный проект моя организация выиграла в государственных торгах.

Несколько слов о заказчиках. Основная их деятельность направлена на изучение экономических, социальных и этнокультурных процессов в Ямало-Ненецком автономном округе и на сопредельных территориях. Тема звучала следующим образом: «Современные этнокультуры Ямала: зоны риска и стратегии адаптации». Заказчиком предполагалось, что исследование будет носить этнологический характер, и они, мягко говоря, не ожидали, что за проект возьмутся социологи. Таким образом, я влез в чужой монастырь со своими методами.

У меня уже был кое-какой опыт исследований, связанный с этническими и конфессиональными проблемами. Мы с Н. Г. Хайруллиной выполняли несколько проектов, в том числе, по коренным народам Севера, тюменским татарам (по результатам вышла монография), изучали религиозную

и межнациональную ситуацию для департамента по делам национальностей. Но здесь ситуация несколько отличалась. Нужно было организовать экспедицию в Шурышкарский район, провести серию интервью с коренными жителями, собрать фотоматериал, а также данные с похозяйственных книг района. В принципе ничего страшного, но заказчик выражал серьезные сомнения по поводу того, что социологи смогут справиться с такой работой.

Говорят, что некоторые представители отдельных сфер знания могут сражаться за свою научную идентичность с «оружием в руках». Я же стараюсь избегать такого рода споров, поэтому не стал дискутировать с заказчиком по поводу того, что социологи могут, а что – нет. Не стал рассуждать и о том, что в гуманитарном знании все методы в целом – универсальны, а свежий взгляд представителя смежной науки на проблемы, традиционно исследуемые этнографами и историками, может быть очень полезен. Упомянул лишь, что есть такая дисциплина – этносоциология, и что знаю её не понаслышке.

Опущу детали связанные с разработкой, согласованием и утверждением программы исследования. Хлопот было много, но этот этап прошел. Самое интересное началось летом, когда лёд с Оби сошел, и появилась возможность добраться и передвигаться по исследуемому району водным транспортом (зимой там очень холодно, а в межсезонье «ходят» только вертолёты).

До этого мне уже приходилось работать на Ямале, поэтому были знакомства в окружном руководстве. Кроме того, я начал свое исследование в Салехарде и предварительно пообщался с представителями коренных малочисленных народов Севера (КМНС), занимающихся этнокультурной деятельностью в окружном центре. Побывал в общественных организациях, защищающих интересы КМНС. Познакомился с представителями СМИ и даже был приглашен на прямой эфир радиопередачи, где рассказал о предстоящем исследовании. Таким образом, «подготовил почву» перед экспедицией.

До райцентра, поселка Мужи, добрался на теплоходе «Метеор». Там встретился с представителями администрации, которые в дальнейшем оказывали мне полную поддержку с транспортом, проживанием, встречами с людьми. Все населенные пункты, которые входили в план экспедиции, посещал ежедневно, выезжая из райцентра и возвращаясь обратно. Несколько раз, когда нужные деревни находились далеко, оставался ночевать там. Приходилось ездить на моторных лодках с местными рыбаками, медицинских катерах, с журналистами, которые готовили репортажи с Ямальской глубинки, с представителями районной власти. Ночевал тоже не всегда в гостинице. Приходилось останавливаться в домах у местных жителей, в школе-интернате, поселковых администрациях.

Основным методом исследования было глубинное неформализованное нарративное интервью. Ход общения определялся личностью респондента и сферой его деятельности, но цель была одна – определить характер и направленность изменений, происходящих в традиционной жизни КМНС.

В случае, если респондентом был представитель КМНС, речь шла о его биографии, жизненном укладе, оценке современных процессов, происходящих в культуре его народа. Если респондент представлял власть, общественные организации, СМИ, медицину, торговлю и т.д., то беседа велась уже как с экспертом. Иногда в одной роли выступали представители обеих категорий, тогда, соответственно, беседа проходила по усреднённому сценарию. Все интервью записывал на диктофон. Всё, что привлекало внимание, фотографировал. Где было возможно, собирал статистику.

За две недели экспедиции я посетил около десятка населенных пунктов Шурышкарского района и пообщался с большим количеством самых разных и интересных людей.

Простые рыбаки и оленеводы рассказывали мне о своей жизни, языке, национальной одежде. При мне обсуждались ежедневные текущие бытовые проблемы. Кулинарные предпочтения КМНС я изучал методом включённого наблюдения, сидя с ними за одним столом. Однажды даже пришлось пить водку и закусывать её сырой оленьей печенью. Местные предприниматели, из числа КМНС, скупающие и перерабатывающие продукты промысла, рассказывали о своих экономических проблемах. Жаловались на то, что их традиционная хозяйственная деятельность страдает из-за ухудшения экологической ситуации, связанной с добычей нефти и газа.

Встречался с известным на весь мир художником, занимающимся резьбой по дереву и плетением берестяных изделий, изготовлением традиционной домашней утвари. Он обстоятельно рассказал о ситуации с традиционными видами декоративно-прикладного творчества, представил свое видение его перспектив.

О специфике медицинских проблем КМНС мне многое поведал главврач района, с которым, как я уже упомянул, мне пришлось несколько часов ехать в одной лодке. До сих пор сожалею, что интервью с ним мне не удалось записать, т.к. в дороге было очень шумно из-за работающего мотора.

Посетил день рыбака – один из самых больших и любимых местными жителями праздников, учитывая, что рыболовство - основной промысел КМНС в Шурышкарском районе. Этот праздник ежегодно организуется в одном из поселков. На нем награждают лучших работников отрасли, варят уху, устраивают конкурсы и игры.

Одну ночь я провел в школе-интернате, где меня разместили за неимением гостиниц в поселке. Дети на летний период уехали на каникулы к родителям, а в самом здании проводился ремонт. Вообще, интернаты на Севере – это отдельная история. Их создавала советская власть, чтобы дать детям образование, а их родителям возможность спокойно заниматься промыслом. Некоторые исследователи считают, что именно интернаты сыграли решающую роль в утрате КМНС самобытности, сформировали иждивенчество. Я посмотрел, в каких условиях живут дети, поговорил с педагогами.

Отдельного внимания заслуживают краеведческие музеи, которые есть практически во всех поселках. Больше всего мне запомнился Овгортский. Изначально он открывался как школьный музей, и множество экспозиций (коллекция древних бронзовых предметов, чучела зверей и птиц, традиционная одежда, шаманские принадлежности) собирались школьниками. Мне показался очень интересным один экспонат – карта-схема реки Сыня с изображением на ее берегах родовых территорий северных ханты. В другом музее, который мне довелось посетить, был организован детский лагерь. Дело в том, что это музей-заповедник, который находится под открытым небом. Там были представлены различные виды традиционных жилищ, культовые места. Дети, проживая в лагере, учились готовить национальные блюда, ремонтировать традиционные лодки. Директор этого проекта рассказывала мне, что таким способом они пытаются возродить в детях чувство принадлежности к своей культуре.

Также в каждом поселке старался общаться с главой администрации. Иногда попадались пожилые и мудрые люди, наблюдающие жизнь КМНС на протяжении долгого времени, а иногда молодые люди – только со студенческой скамьи. Их мнение тоже было очень интересно, поскольку позволяло «снять» впечатления человека, пришедшего на управленческую должность и впервые столкнувшегося с реальными проблемами простых людей.

Однажды в одном из поселков меня пригласили в гости. Это был большой хороший дом. Меня встретили хозяева в национальных одеждах. Среди них была представительница национальной интеллигенции – женщина, приехавшая из Ханты-Мансийска проведать своих родственников. Она оказалась кандидатом наук, писателем, известным среди народа ханты. Её точка зрения на перемены, происходящие в культуре КМНС, существенно дополнила картину, которая у меня сложилась к тому моменту.

Было еще много интересного в ходе этой экспедиции. И, несмотря на то, что по инициативе заказчика контракт по этому исследованию пришлось расторгнуть сразу по завершению полевого этапа, и заказчик, и эксперты из Института этнологии и антропологии РАН, смотревшие собранный материал, однозначно согласились, что получены очень хорошие и качественные данные.

Люди, знакомые с ситуацией, говорили, что мне удалось получить такую информацию из-за моей национальности и внешности. Северные народы по своей природе недоверчивы, а я, мол, немного похож на них, поэтому ко мне было больше доверия. Не знаю, насколько это соответствует действительности, но то, что это исследование проводилось мной с душой – факт. Я подходил к людям абсолютно открытый, а они отвечали мне тем же. Я очень глубоко проникся и предметом, и объектом исследования, а разрыв контракта посчитал подарком судьбы, поскольку сейчас имею на этот материал авторское право и в следующем году планирую издать его в виде монографии. Я думаю, что ощущения, полученные мной в ходе этой экспедиции, - это и есть мои самые сильные впечатления, связанные с научной деятельностью.

О научных авторитетах и уважаемых мной людях.

Говорить об авторитетах в социологии мне сложно, потому что в эту науку я пришел с естественнонаучным образованием, через призму которого оценивал происходящие в обществе процессы. Всё, что я читал, изучал, исследовал, занявшись социологией, укладывалось не в пустую коробочку, а теснило находящееся там, спорило с ним, находило компромисс. Скорее всего, тот период, когда от прочитанного остаются сильные впечатления и, соответственно, формируются научные авторитеты, был занят не социологией.

Наверное, поэтому общенаучными авторитетами для меня до сих пор остаются естествоиспытатели, некоторые из которых свои идеи распространяли и на общественные сферы. Я уже упоминал И. И. Мечникова с его безупречной, на мой взгляд методологией, и Л. Н. Гумилёва, труды которого хотя и трудно назвать естественнонаучными, вызывают глубокое уважение, говорил о В. И. Вернадском. Другие наши соотечественники, имена которых в первую очередь всплывают у меня в сознании, когда используется эпитет «великий» – это, Д. И. Менделеев, К. А. Тимирязев, В. В. Докучаев, Н. И Вавилов. С трудами и идеями каждого из них в той или иной мере я сталкивался во время учебы. Зарубежные «великие» для меня – это Ч. Дарвин, Ж.-Б. Ламарк, Г. Мендель…

Говорить о современных социологах, как я уже упоминал, мне затруднительно. Я могу оценить для себя только тех людей, с которыми мне приходится сталкиваться в повседневной деятельности. Я больше чем уверен что в российской социологии очень много людей, которые могли бы заслужить мое уважение, но со многими я просто не знаком. Здесь я бы не хотел использовать слово «авторитет», скорее, хотел бы упомянуть отдельных людей и их качества, которые вызывают у меня уважение.

Это, в первую очередь, Вера Владимировна Гаврилюк. Человек, который однажды поверил в меня, дал возможность заниматься социологией. Человек, которого я могу смело назвать Учителем. Я и сейчас очень часто захожу к ней за ценным советом и никогда не выхожу с «пустыми руками». Также хочется сказать о Мехришвили Ламаре Ленгизовне. В ней удивительным образом сочетаются такие качества, как человеческая доброта, отзывчивость и высокий профессионализм, научная мудрость. В Хайруллиной Н. Г. мне нравится целеустремленность, умение находить выход из любой ситуации. Здесь же хотелось бы упомянуть еще одного человека, с которым мне не приходилось работать, но я вижу его практически каждый день. Он сидит в соседнем кабинете, и у меня всегда есть возможность оценить его чувство юмора и наблюдать его трудоспособность. Это Владимир Иосифович Бакштановский.

Среди тех людей, у кого мне приходилось учиться, хочется назвать женщин-методологов: Г. Г. Татарову, И. Ф. Девятко, и Ю. Н. Толстову. Каждая из них по-своему кажется мне очень сильной и умной женщиной. И, наконец, не могу не сказать о Вас, Борис Зусманович. Вы человек, который сильно активизирует мои умственные процессы, задавая нужные вопросы.

Я никогда столько не писал от себя, как в процессе общения с Вами. И речь не только об этом биографическом интервью, вся переписка с Вами оказывает удивительное мотивирующее воздействие на меня. Мне нравится Ваша привычка всегда фиксировать любую информацию, чётко систематизировать её. Помню Вашу тетрадь, которую я наблюдал на одной из грушинских конференций. Тогда кто-то дал Вам свою визитку, и Вы немедленно вклеили её в эту тетрадь, сопроводив своими комментариями. Также удивляюсь Вашей работоспособности и продуктивности Ваших иследований.

О преподавательской деятельности.

Как я уже упоминал, преподавать я начал с первых дней поступления в аспирантуру. И до сих пор я считаю эту деятельность самой важной для повышения уровня собственного профессионализма. Мне кажется, если у исследователя накапливается практический опыт, но он не озвучивается в аудитории, то дело не доделывается до конца. Недаром латинское крылатое выражение гласит: «Homines, dum docent, discunt», что означает: «Учи других, и сам поймешь».

Я очень часто формулирую в голове мысли, задавая себе вопрос: «Как бы я объяснил это студентам?». Иногда в процессе преподавания в голову приходят новые идеи для решения той или иной исследовательской задачи. Но здесь главное - не переборщить. Я всегда удивлялся людям, способным каждый день проводить по несколько занятий. Лично меня хватает на 2, максимум, 3 пары, при условии, что занятия у меня не чаще 2 раз в неделю. Дальше заканчивается творчество и начинается рутина, которая не приносит никакого удовольствия ни мне, ни студентам.

Дополнение о семье отца

Объективной информации о семье отца от него самого мне получить так и не удалось. Отец мне сразу сказал, что он не сможет сказать о родственниках такое, что ему самому не нравится. Отправил меня к тётке, сказав, что всеми генеалогическими делами занимается она. Я до нее так и не добрался. Но у отца мне всё-таки удалось узнать один интересный «методологический» факт. Оказывается, мои предки хранили историю своей семьи при помощи окружающей их в доме обстановки. Это мог быть старый семейный ковер или сучковатый деревянный потолок. Каждый элемент орнамента нес в себе информацию о родственниках, важных событиях в их судьбе. И рассматривая, например, ковер, бабушка часами могла рассказывать внукам историю своего рода.

Еще один, на мой взгляд, важный момент, о котором я не упомянул.

Два года назад я женился на девушке, которая тоже работает в нефтегазовом университете. Римма – гидрогеолог и защитилась буквально за год до нашей свадьбы. То, что она тоже занимается научной деятельностью и преподает, на мой взгляд, способствует поддержанию благоприятной для научной деятельности атмосферы в доме.

Шамиль, только что наступил 2015 год. Будет естественно закончить нашу беседу вопросом о планах на начавшийся год и на ближайшие «летия»... Что главное?

Самое главное в ближайшие год-два – это закончить начатое. У меня есть одна плохая черта – я не всегда могу себя заставить довести дело до конца, откладывая его на будущее.

Очень трудно перейти на новый жизненный этап с долгами, которые все время тянут назад. Теперь же я чувствую, что время подошло. Наверное, наступил тот возраст, когда хочется не просто генерировать идеи, но тщательно их прорабатывать, оформлять и видеть конкретные результаты своего труда.

В первую очередь, это публикации. Много чего накопилось: идеи, зарисовки, практически готовые, но не оформленные должным образом работы. Нужно подготовить пару учебников, пару монографий и, самое главное – диссертацию. Речь пока не о защите, главное, чтобы был законченный текст, который можно обсуждать, дорабатывать.

В личной жизни, не связанной с наукой, – хотелось бы достроить дом, который я начал в позапрошлом году. Было бы хорошо наконец «победить» английский язык. И, наконец, думаю, что уже пора увеличивать численный состав своей семьи. В общем, планов много, надеюсь, что обстоятельства не помешают их реализации.

АБРАМОВСКИЙ А. Л.: «МНЕ ПОВЕЗЛО РОДИТЬСЯ НА РУБЕЖЕ ЭПОХ»

Антон, профессор Тюменского нефтегазового университета Нурсафа Хайруллина рекомендовала Вас как молодого перспективного социолога, в сети я нашел, что одновременно Вы и успешный бизнесмен в области веб-технологий. Обо все поговорим, но сначала, расскажите о Вашей родительной семье, насколько глубоко Вы знаете ее историю...

Борис Зусманович, перед началом интервью я хотел бы поблагодарить профессоров Тюменского государственного нефтегазового университета Марину Львовну Белоножко и Нурсафу Гафуровну Хайруллину за их рекомендации, благодаря котором мы с Вами познакомились и начали работать над данным материалом. Мне очень приятно, что в рамках интервью мне представится возможность поделиться своими размышлениями относительно развития не только современной социологии, но и близких мне тем, таких, как современные информационные технологии, дистанционное обучение и образование в высшей школе.

К сожалению, я не могу сказать, что знаю историю своей семьи очень хорошо. Расскажу то, что мне известно точно. Мой дед родился в Белоруссии, во время немецкой оккупации был партизаном, воевал, как и многие люди того времени. Моя бабушка родом из Украины, во время войны немцы угнали ее и всю семью в Германию на работы. Но ей повезло - фрау, на которую ей пришлось работать, оказалась достаточно хорошим человеком. Несколько лет назад я нашел бабушкин фотоальбом, в нём есть несколько фотографий именно из того периода ее жизни. После Победы у бабушки был выбор - оставаться в Германии или возвращаться в СССР. Она выбрала второе. Выбрала и до конца своей жизни боялась говорить о своей жизни в оккупации, считала, что до сих пор «стены слышат». Вообще, для меня тематика Великой Отечественной войны представляла и представляет интерес, ведь я внук тех, кто столкнулся с этим ужасом лицом к лицу. Стараюсь привить уважение к Родине и ее истории своему 8-летнему сыну Диме. В мае этого года повезу его в город Брест, в Брестскую крепость.

Мои родители – врачи. К сожалению, их отношения не сложились, и можно сказать, что меня воспитывали мама и бабушка, а отца я практически не помню. Детство мое было счастливым, несмотря на определенные трудности, возникшие у всех во времена 90-х годов, связанных с крахом СССР и становлением современной России. Поскольку мама, Александра Николаевна Абрамовская, человек с высшим образованием, с самого раннего детства я слышал, что нужно учиться, чтобы в итоге поступить в вуз. И я считаю, что, если бы не мама и ее стремление дать мне высшее образование, то моя жизнь могла бы сложиться совсем по-другому. Благодарен ей за то, что она не стала настаивать на том, чтобы я стал врачом и пошел по ее стопам, наоборот, она

мне предоставила возможность выбора специальности, на которой мне было бы интересно учиться. На мой взгляд, давать своему ребенку возможность выбора - это правильно, это учит самостоятельности и ответственности. Поэтому я не буду настаивать на том, чтобы мой сын Дмитрий пошел по моим стопам в науку, но буду рад, если он после окончания вуза поступит в аспирантуру и защитит кандидатскую диссертацию.

В каком городе Вы родились, как прошло Ваше детство и школьные годы? Что было помимо школы, что Вас интересовало в первую очередь?

Я родился в городе Тюмени, здесь же окончил школу №40, учился в классе с физико-математическим уклоном, хотя с детства легче всего мне давались гуманитарные предметы, такие, как литература, русский и английский языки, история.

В середине 90-х годов в России начали появляться персональные компьютеры, и многие школьники были увлечены ими, в том числе, и я. С друзьями мы изучали компьютерные программы, кто-то интересовался программированием, но меня интересовали графические редакторы, позволявшие делать коллажи из фотографий.

Чуть позже стал доступен Интернет, выход в глобальную сеть был через телефонную линию и модем. Иногда приходилось часами дозваниваться до провайдера, чтобы выйти в сеть. Была своя романтика в те годы, когда компьютер из диковинки превращался в предмет, к которому привык и почти не замечаешь.

В старших классах школы я увлекся созданием интернет-сайтов, а после окончания вуза стал заниматься веб-разработкой профессионально.

Помимо увлечения компьютерами и компьютерными программами, я занимался английским языком. Не могу сказать, что я любил эти занятия, но во взрослом возрасте я понял, как много они мне дали, позволив чувствовать себя свободно при общении с людьми в других странах. Более того, знание английского языка очень помогло мне и при написании кандидатской диссертации. Я мог переводить статьи иностранных авторов и знакомиться с их опытом по тематике моего диссертационного исследования.

В школьные годы я активно участвовал в различных конференциях, делал доклады и даже занимал призовые места. В разные годы были разные конференции - по истории, литературе, биологии. Мне повезло и со школой, и с учителями, нас не только учили, но и воспитывали, у нас был достаточно дружный класс. Школа подарила мне друга, который идет по жизни со мной уже более 17 лет.

Мне повезло родиться на рубеже эпох, я застал время, когда индустриальное общество превращалось в общество информационное, когда сеть интернет стала обязательным атрибутом жизни обывателя, а весь мир, можно сказать, сжался до маленького шарика, превратившись в «глобальную деревню».

Я бывал много раз в Тюмени, в этом городе у меня много коллег-друзей. С 1994 года я живу в Америке, и не застал становление Вашего поколения. А не могли бы Вы вспомнить, какую художественную литературу Вы, Ваше поколение читали в юности, какой музыке отдавали предпочтение?

Я не могу назвать свое поколение очень читающим, но в подростковом возрасте мне нравилось творчество писателей-фантастов, таких, как Жюль Верн, братья Стругацкие. Любил читать книги Джека Лондона, там описывались настоящие, крепкие характеры, умевшие противопоставить себя жизненным обстоятельствам. Что касается музыки, то мне очень нравилась и нравится рок-музыка, которую играли группы Парк Горького, Guns N' Roses, Queen… Сейчас, конечно, мои музыкальные вкусы несколько расширились, мне нравится и творчество Владимира Высоцкого, и, к примеру, английского певца Тома Джонса. Он, кстати, заинтересовал меня не только мощным голосом, но и потрясающей работоспособностью. В 2014 году я с семьей был на его концерте в Варшаве, в то время ему уже исполнилось 74 года. Концерт был потрясающий, зал ликовал, а голос певца звучал так же чисто и звучно, как и на записях, которые я слушал дома. А вот вкус к литературе практически не изменился, все также люблю фантастику, читаю и научно-популярные книги, к примеру, Стивена Хокинга. Наверное, это связано с тем, что мне хочется хоть чуть-чуть заглянуть в будущее. Вообще я рад, что живу в XXI веке, ведь буквально за сто прошедших лет человечество совершило мощнейший рывок в своем развитии, к которому готовилось десятки тысяч лет. Понимая это, очень хочу знать, что будет дальше…

Я очень рад, что Вы – оптимист, в молодости так и должно быть. Но следует принимать и тех, кто придерживается пессимистического взгляда на будущее. Вы помните выражение: «Пессимист – это информированный оптимист»?

Итак, Антон, дело шло к завершению школы. Что Вы думали о своей будущей профессии? Куда задумали поступать? Поступили сразу?

Я думаю, что оптимисту легче жить, чем пессимисту, но в то же время я прекрасно понимаю, что всегда быть оптимистично настроенным практически невозможно, даже глупо, предпочитаю быть рациональным оптимистом.

Я закончил школу летом 2000 года, а моя школа в то время тесно сотрудничала с Тюменским государственным нефтегазовым университетом, поэтому выбор вуза для обучения особо остро не стоял. Несмотря на техническую направленность вуза, я решил поступать на гуманитарную специальность «социальная работа». Поступил сразу, поскольку имел отличный аттестат и высокий балл при сдаче вступительных экзаменов. Признаюсь, что, поступая на эту специальность, я не особо понимал, кем я смогу работать после окончания университета, но само ее название говорило о том, что я буду работать с людьми, что меня вполне устраивало. Хочу сказать, что о своем

выборе я не пожалел ни разу, было не только интересно учиться и повезло с преподавателями, но и была общественная жизнь, в которой я с удовольствием участвовал.

На кафедре «Социальная работа», на которой я учился, были замечательные преподаватели, о которых я до сих пор вспоминаю с теплотой. Они не только учили нас, но и в какой-то степени воспитывали. Кафедра не жалела ни сил, ни средств на студентов, с первого курса я начал участвовать во всевозможных научных конференциях и семинарах, причем не только тюменских, но и иногородних. Ездили в Москву, Екатеринбург, Санкт-Петербург, Красноярск, выступали там с докладами, а также участвовали в работе круглых столов. Под влиянием этих мероприятий я впервые на 3 курсе обучения задумался о поступлении в аспирантуру, хотелось развиваться в научном плане. После окончания университета в 2005 году, благодаря Ламаре Ленгизовне Мехришвили, я познакомился с моим будущим научным руководителем Мариной Львовной Белоножко, которая оказала огромное влияние на всю мою дальнейшую жизнь.

Итак, в 2005 году я поступил в аспирантуру и начал преподавательскую деятельность. Самое забавное заключалось в том, что тогда мне пришлось вести семинары и лекции у студентов на год младше меня, которые не всегда воспринимали меня как преподавателя, ведь со многими из них я общался раньше в неформальной обстановке. Это сейчас, когда мне идет тридцать второй год, а моим студентам от 18 до 22 лет, подобных казусов не возникает. После защиты диссертации мои знакомые спрашивали меня, планирую я остаться работать в вузе или нет. Ведь не секрет, что многие получают научную степень и уходят работать в корпорации, где за эту степень получают дополнительные премии. А я не могу представить себе жизнь без кафедры маркетинга и муниципального управления, на которой работаю вот уже почти 10 лет, без заведующей кафедрой Марины Львовны, без своих коллег. Как я могу уйти оттуда, где мне интересно работать? Более того, скажу, что на кафедре я ощущаю себя на своем месте, и это истинное счастье.

Университет, в котором я учился, а потом стал работать, дал мне очень многое, помимо высшего образования и работы на кафедре. Ведь со своей женой Екатериной я познакомился именно в университете. В нем же нашел друзей, с которыми мы вместе уже более десяти лет. Университет дал мне возможность развиваться, увидеть не только многие города России, но и зарубежные страны. В 2007 году я посетил США, познакомился там с американским профессором Владом Гениным, с которым общаюсь до сих пор, расширил свой кругозор. Можно сказать, что ТюмГНГУ сыграл важнейшую роль в моей жизни, определил ее ход и развитие на десятилетия вперед.

Мне бы хотелось, чтобы и у моего сына в будущем был такой университет (не обязательно ТюмГНГУ), которой бы дал и настоящих друзей, и знания, и, возможно, семью. Поживем-увидим…

Вы не помните, какие курсы Вам предлагала кафедра социальной работы, кто руководил ею? По какой теме Вы писали свое дипломное исследование?

Кафедрой социальной работы в то время руководила Скок Наталья Ивановна, в настоящее время Наталья Ивановна - профессор Тюменского государственного нефтегазового университета. За 5 лет обучения было много различных курсов, в основном, гуманитарной направленности, такие как психология, социальная психология, социология, социальная политика, социальная работа с различными слоями населения. Во время учебы я проходил практику и в государственных организациях (например, Департамент социального развития Тюменской области), и в общественных объединениях (несколько лет сотрудничал с Тюменским отделением Всероссийского общества инвалидов, выезжая с ними летом на пару недель в лесной палаточный лагерь для организации спортивных мероприятий, называвшихся «Робинзонада»). После практики во Всероссийском обществе инвалидов я понял, как хорошо мне живется на этом свете, а также то, как много вокруг людей с физическими недостатками, для которых жизнь обычного человека - предел мечтаний. Но что характерно: многие из моих знакомых в этом обществе имели такую силу воли, такую энергию для преодоления трудностей, что мы, здоровые люди, могли им сначала позавидовать, а потом поучиться многому.

Время шло, в начале 2005 года мне предстояло выбрать тему для дипломного исследования. Поскольку я уже был связан с информационными технологиями, мне было интересно применить их в социальной сфере. Поэтому мой диплом так и назывался -«Информационные технологии в социальной сфере». В рамках дипломного исследования мною и моим другом Андреем Пашковым были разработаны интернет-сайты для Департамента социального развития Тюменской области и Тюменского отделения Всероссийского общества инвалидов. Диплом имел практическую направленность, а разработанные сайты проработали несколько лет, затем их поменяли уже без моего участия.

Размышляя о том времени, я понимаю, как нам всем повезло с преподавателями, которые вкладывали в нас свою душу, многому учили. Мой дипломный руководитель - Нина Алексеевна Ткачева, прекрасный человек и настоящий преподаватель, теперь является моей коллегой по кафедре маркетинга и муниципального управления. А те методы работы со студенческой аудиторией, которые она использовала при работе с нами, я перенял и использую их уже при работе со своими студентами.

Вы были в США по тематике социальной работы или по маркетингу? В каких университетах Вы побывали, что Вам показалось наиболее интересным?

В 2007 году, когда я учился на втором курсе аспирантуры, заведующая кафедрой Марина Львовна предложила мне в составе группы студентов

и сотрудников ТюмГНГУ посетить США для участия в мероприятии «Специалист и глобализация бизнеса: новые требования, знания и навыки», которое проводил университет «Феникс», один из крупнейших частных вузов Америки. Именно там я познакомился с профессором Владом Гениным, деканом факультета бизнеса и информационных технологий университета «Феникс», и именно благодаря Владу наша поездка была столь хороша.

Помимо кампусов «Феникса», мы посетили Стэнфордский университет, который запомнился мне своей обширной территорией, красивыми зданиями, какой-то особенной атмосферой студенческого города. Мне очень понравилось то, что в этих университетах студенты имеют возможность не только получать теоретические знания, но и практически сразу применять эти знания в реальной жизни. В отечественных вузах теория иногда совсем не связана с практикой, а работодатели жалуются на то, что молодых специалистов приходится многому учить прямо на предприятиях.

Во время нашего тура я побывал в нескольких городах - в Сан-Франциско, Лос-Анджелесе, Лас-Вегасе и каждый город мне запомнился по-разному. Лос-Анджелес - теплый и гостеприимный, Сан-Франциско, на мой взгляд, - город, подходящий для жизни, Лас-Вегас - круглосуточный праздник. Сейчас, спустя 8 лет после окончания той замечательной поездки, я думаю о том, что было бы хорошо опять вернуться туда, сравнить свои новые впечатления об Америке с теми, которые я получил в 2007 году. Наверняка это будут разные впечатления, ведь прошло время, и я смотрю на мир не так, как это было несколько лет назад.

Какую тему Вы разрабатывали в аспирантуре? Что удалось показать в кандидатской диссертации? Когда Вы ее защитили?

Тема моей кандидатской диссертации по специальности «социология культуры» звучала так: «Дистанционное образование на современном этапе развития российского высшего образования». Процесс написания диссертации растянулся на целых 8 лет. Я должен был защитить ее еще в 2008 году, а закончил и защитил в декабре 2014 года. Почему так произошло? Все достаточно просто: после свадьбы, создания семьи и рождения сына мне пришлось зарабатывать деньги, открыть фирму, на научную деятельность оставалось слишком мало времени. Лишь в 2012 году у меня появилась возможность вплотную заняться диссертационным исследованием, разработать собственную модель организации дистанционного обучения в российских высших учебных заведениях. Тема дистанционного обучения в России - это предмет ожесточенных споров между противниками и сторонниками данной технологии обучения. Хотя уже в 2007 году, после посещения университета «Феникс», я понял, что в информационном обществе игнорировать дистанционное высшее образование просто невозможно, это объективная реальность вне зависимости от отношения к нему, а, следовательно, в моем научном исследовании изначально был потенциал для развития.

В рамках диссертационного исследования я проводил экспертные опросы руководителей соответствующих подразделений, центров, отделов, занимающихся организацией дистанционного обучения в отечественных университетах по всей России. Это дало мне возможность выявить ключевые факторы, влияющие на развитие данной технологии обучения в условиях модернизации российской высшей школы, определить тесную связь между модернизацией отечественного высшего образования и глобализационными процессами. Помимо этого, мною был проведен контент-анализ интернет-сайтов российских вузов, реализующих дистанционное обучение, который показал их высокую заинтересованность в дальнейшем развитии данного процесса. Эта заинтересованность обусловлена, прежде всего, тем, что дистанционное обучение значительно влияет на конкурентоспособность вуза в образовательном пространстве, что особенно актуально в настоящее время, поскольку очевидно уменьшение количества студентов в связи с демографическим провалом в 90-е годы XX века.

В процессе написания диссертации я столкнулся с определенной нехваткой материала по данной тематике, мне пришлось переводить зарубежные публикации, анализировать зарубежный опыт европейских, канадских, американских ученых. С другой стороны, это помогло сделать работу лучше и оригинальнее, поскольку появился другой взгляд на предмет моего исследования.

Над своим исследованием я работал с вдохновением, ведь данная тематика находится на стыке информационных технологий и высшего образования, а эти две сферы мне очень близки. В диссертационном исследовании удалось объединить мои знания из этих двух сфер, а получившаяся работа носит практический характер и может быть использована для организации дистанционного обучения в любом отечественном университете.

В процессе написания диссертации я понял, какое большое значение имеет поддержка и помощь научного руководителя, а также моих коллег по университету. Пожалуй, без этой поддержки и консультаций она бы до сих пор не была написана, а уж, тем более, защищена. Грызть гранит науки мне было нелегко, но сейчас, после защиты диссертации, я понимаю, какой большой объем работы был проделан за эти годы, как много это дало мне в плане личностного развития. Появилось желание двигаться дальше, к докторской диссертации. Думаю, что она также будет связана с исследованием отечественного дистанционного высшего образования.

Вы пишите о дистанционном обучении как о технологии обучения. Мне представляется, что тем самым Вы принципиально сужаете понимание природы дистанционного обучения и обедняете предмет, проблематику Ваших исследований. Не вернее ли рассматривать дистанционное обучение как о форму обучения?

В диссертационном исследовании я доказываю тезис о том, что дистанционное обучение давно перешагнуло рамки технологии, по моему мнению, оно достойно быть полноценной формы высшего образования. Ведь, к примеру, в Российской Федерации существует официально признанная заочная форма обучения, эффективность которой ниже, чем у правильно организованного дистанционного обучения, в силу редких контактов между преподавателями и студентами и эпизодическими занятиями пару раз в год в течение 2-2,5 недель. В то же время, дистанционное обучение предполагает постоянную работу над предметом, а общение обучающихся с преподавателями реализуется через специализированную образовательную среду, таким образом, студенты лучше понимают предмет, который они изучают.

Несмотря на высокую эффективность дистанционного обучения, в Федеральном законе «Об образовании» оно трактуется не как самостоятельная форма, а в большей степени как технология (через понятия «электронное обучение» и «дистанционные образовательные технологии»), что, безусловно, сдерживает его развитие. Экспертный опрос, проведенный в рамках моей диссертации, показал, что более половины опрошенных экспертов полагают, что дистанционное обучение в будущем будет являться отдельной формой высшего образования, и я полностью согласен с их мнением.

Несмотря на мою убежденность в эффективности дистанционного обучения, его достоинствах в сравнении с заочной формой обучения, я был вынужден работать в том нормативно-правовом поле, которое регулирует сферу образования в России в настоящее время, поэтому в некоторых параграфах я описывал дистанционное обучение как технологию, а не как полноценную форму высшего образования. Параллельно с этим я стремился доказать тезис о необходимости признания дистанционного обучения полноценной формой образования в отечественной высшей школе и его право на дальнейшее развитие и совершенствование.

Пожалуйста, расскажите о своем веб-бизнесе: когда Вы его основали, сколько времени ушло на раскрутку, в чем его специфика, что из того, что Вы предлагаете, не делают другие?

13 июля 2015 года моему малому предприятию, которое называется информационно-маркетинговый центр «Абрамовский и партнеры», исполнится 10 лет. Основное направление деятельности - разработка интернет-сайтов, реклама в интернете, а также продвижение сайтов в поисковых системах. За 10 лет активной работы было разработано более 150 сайтов для коммерческих заказчиков, а также несколько собственных интернет-проектов, один из которых я хотел бы отметить особо - это сайт для детей и родителей «Твой ребенок.ру».

После рождения сына в 2006 году моей женой Екатериной был накоплен интересный материал по развитию детей, и в декабре 2007 года мы запустили проект, который с удовольствием развиваем до сих пор. За это время удалось существенно расширить географию посещений данного сайта, в настоящее

время системы статистики посещений регистрируют пользователей более чем из 80 стран мира, хотя, конечно, 80% нашей аудитории проживает в Российской Федерации. Среднее количество посетителей данного ресурса в месяц приближается к 1 миллиону, но, на мой взгляд, это не предел, мы продолжаем работу по развитию проекта. Этот сайт, по моему мнению, является отличной иллюстрацией возможностей информационного общества, когда два человека, имеющие интересную идею, могут транслировать ее огромной аудитории. Именно эти возможности сети интернет всегда привлекали меня, мне нравится работать в виртуальном пространстве. За 10 лет был приобретен определенный опыт работы и с коммерческими заказчиками, и с собственными интернет-проектами.

Особенностью современного этапа развития интернета в России является то, что сеть становится общедоступной; количество россиян, пользующихся глобальной сетью, стремительно приближается к 70 миллионам; становится все больше бесплатных возможностей для создания интернет-сайтов. В связи с этим, я отмечаю тенденцию снижения количества заказов на разработку интернет-представительств, в то же время ежегодно увеличивается количество желающих разместить свои рекламные объявления в интернете. Специфика деятельности ИМЦ «Абрамовский и партнеры» заключается в том, что мы можем предложить рекламные возможности на собственных интернет-площадках, чем не могут похвастаться многие наши конкуренты.

Что касается раскрутки бизнеса, то я никогда не стремился к масштабным рекламным кампаниям, поскольку, во-первых, это достаточно дорого, а, во-вторых, большинство моих клиентов пришло по рекомендациям, что и является лучшей рекламой. Если Вы спросите меня относительно планов по развитию компании, то в ближайшее время я собираюсь полностью сконцентрироваться на улучшении существующих интернет-проектов, а также на запуске интернет-сайта о моем любимом городе Санкт-Петербурге.

Вы родились, живете, учились, работаете в Тюмени, при каких обстоятельствах Вы узнали и полюбили Петербург?

Санкт-Петербург, пожалуй, единственный город в России, в который я хотел бы переехать со своей семьей. А знакомство с ним началось зимой 2004 года, когда я учился на кафедре «Социальная работа», и нас, нескольких студентов, активно принимавших участие в жизни кафедры и университета, поощрили поездкой в Санкт-Петербург. Поэтому первый раз город на Неве я увидел зимой, был впечатлен не только красивейшей архитектурой, но и историей города, а также мне понравились жители Санкт-Петербурга, готовые не только подсказать дорогу приезжим, но и проводить их до нужного места. В Москве я такого не наблюдал, там все вечно куда-то бегут, приветливости и внимания к окружающим немного.

Второй раз я приехал в этот замечательный во всех отношениях город летом 2006 года уже с женой. Летом Петербург заиграл новыми красками, мы

посетили Петергоф, увидели ночной город, музеи и достопримечательности. Потом были поездки в Санкт-Петербург летом 2008 года, а в 2014 году мы побывали в северной столице России уже вместе с сыном, закончившим первый класс.

Лето 2014 года для нас было весьма интересным: мы посетили Польшу, греческий остров Корфу, а в завершении этого турне был Санкт-Петербург. Сейчас, вспоминая с сыном лето прошлого года, я чаще всего слышу от него не рассказы о Варшаве, не впечатления о морском побережье Греции, а о Санкт-Петербурге. И это мне очень нравится, мне бы хотелось, чтобы он вырос человеком, знающим историю своей страны и любящим ее. В августе этого года мы едем в Санкт-Петербург вновь, уверен, он откроется для нас с новой стороны.

Мне приятны Ваши слова, так как я родился в Ленинграде и до отъезда в Америку жил там... Вы задумали важное и интересное дело – сайт о Петербурге, и, думаю, Вы понимаете, что это – сложнейший историко-культурологический проект. Душа Петербурга – в его дореволюционном прошлом, но не только в Невском, Зимнем, Петергофе или Павловске, это – туристический вид на город. Петербург надо познавать через Пушкина-Ахматову-Бродского, Гоголя-Достоевского-Довлатова, через Михаила Шемякина, «Митьков» и Бориса Гребенщикова. Что Вы думаете по этому поводу?

Здесь я полностью с Вами согласен, предстоит большая работа. Идея сделать подобный ресурс появилась несколько лет назад, с тех пор мы постепенно собираем различный материал для сайта о Санкт-Петербурге, но этот процесс еще очень далек от завершения.

В данном случае мало просто сделать красивый сайт с различными сервисами, здесь очень важна информационная составляющая, причем, имеет значение не только количество информации, но и ее качество, уникальность. Ведь одной из основных проблем современного интернета в России и в мире является дублирование информационных материалов на различных сайтах, что для данного электронного ресурса я считаю недопустимым.

В итоге должен получиться интересный проект, с большим количеством не только текстового, но и мультимедийного материала (тем более, что сейчас скорость доступа в сеть интернет позволяет это сделать). Сайт будет направлен, в первую очередь, на людей, которые, возможно, никогда не были в Санкт-Петербурге, и надеюсь, что он станет для них некой отправной точкой, где можно будет найти интересную информацию об интересных местах и достопримечательностях этого города. С другой стороны, нельзя забыть и о туристах, которые уже много раз были в Санкт-Петербурге, многое там увидели и узнали. Удивить подобную аудиторию несколько сложнее, необходим уникальный контент, который сможет заинтересовать опытных путешественников.

В заключении я бы хотел отметить, что, вне зависимости от поставленных задач и возможных препятствий, любое дело будет иметь успех, если к нему подходить творчески и с душой. Конечно, придется приложить усилия, потратить много времени, но успех приходит лишь тогда, когда в него веришь. Так было с нашим ведущим проектом «Твой ребенок», так будет, я надеюсь, и со вторым масштабным проектом «Твой Петербург».

Дистанционное обучение было, есть и будет, различными аспектами организации, эффективности данной формы образования занимаются в России и за рубежом. Вы знакомы со специалистами, изучающими соответствующую проблематику? Не предполагаете ли поучиться, поработать на Западе?

В процессе написания диссертации осенью 2013 года я посетил Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова, поучаствовал в работе семинара, посвященного развитию дистанционного образования в высших учебных заведениях России.

Перед участниками семинара выступали специалисты в данной сфере образования, были представители не только МГУ, но и МЭСИ (Московский государственный университет экономики, статистики и информатики), предложившие свои инновационные разработки. К сожалению, со многими учеными, исследовавшими дистанционное образование в высшей школе, я не знаком лично, хотя читал их научные статьи. Возможно, в ходе дальнейших исследований для докторской диссертации будет возможность пообщаться с видными экспертами в области отечественного дистанционного высшего образования лично.

Конечно, мне было бы интересно дополнительно изучить зарубежный опыт западных стран в области дистанционного образования не по публикациям их ученых и экспертов, а на практике в реальной жизни, пройти стажировку, предположим, в Массачусетском технологическом институте или в канадском университете Атабаски, реализующем дистанционные технологии обучения с конца 1980-х годов. Если будет возможность пройти зарубежную стажировку, то я готов ею воспользоваться.

С работой на Западе все несколько сложнее, я никогда не думал переезжать из России в другую страну. Мне бы хотелось применить свои знания именно в своей стране, тем более, что сейчас для этого государством создаются определенные возможности, существуют различные гранты и конкурсы для молодых ученых, позволяющие им реализовать свой творческий проект.

Антон, дело не в «воспользоваться», а в самостоятельных поисках: надо писать, узнавать... Вопрос о работе на Западе не имеет отношения к «переезжать». Я живу в северной части Кремниевой долины, от меня 15 минут до Oracle, 25 – до Stanford, 27 – до Google. Там масса русских, которые работают год-два и уезжают домой. Поразмышляйте о работе над Ph.D. Ясно одно: в Вашем поколении социологов успешны будут лишь

те, кто будет иметь опыт учебы, работы (3 месяца, полгода, год...) на Западе - социология глобализуется.

Конечно, любой опыт, а тем более, зарубежный, расширяет горизонты, дает новое видение мира и себя в этом мире. Глобализация - явление масштабное, значительно влияющее на нашу жизнь, ведь даже это интервью, когда мы с Вами расположены на расстоянии тысяч километров друг от друга, является тому подтверждением. Глобализация не обошла стороной и социологию, согласен с тем, что данный процесс будет лишь ускоряться и развиваться, а без знакомства с передовыми разработками в области дистанционного обучения в мире мои знания быстро устареют. Я это прекрасно понимаю, стараюсь быть в курсе последних новостей и тенденций в данной сфере, держать себя в форме в этом плане.

Еще мне импонируют Ваши слова о самостоятельности, ведь это очень приятно - самому двигаться в нужном направлении и осознавать это движение. Невольно вспоминаю русскую пословицу «под лежачий камень вода не течет», которая, несмотря на свою лаконичность, несет глубокий смысл.

В информационном обществе все меняется и будет меняться столь стремительно, и те специалисты, которые не успевают вовремя понять происходящие трансформации, адаптироваться к ним, будут вынуждены уходить из профессии. Осознание этого, на мой взгляд, дает хорошую мотивацию к дальнейшему развитию и обучению, причем, обучению как самостоятельному, так и в других государствах у опытных специалистов.

ГАВРИЛЮК Т.В.: «ВСЕ СВОИ КУРСОВЫЕ РАБОТЫ, ДИПЛОМ И ДИССЕРТАЦИЮ Я ПОСВЯТИЛА СУБКУЛЬТУРНОЙ ПРОБЛЕМАТИКЕ»

Таня, Вы относитесь к седьмому (в моей типологии) поколению советских/российских социологов - это те, чьи годы рождения заключены в интервале между 1983 и 1994 годами. Ваша мама – профессор социологии Вера Владимировна Гаврилюк, так что Вы – второе поколение социологов в семье. Оба эти обстоятельства вызывают мой интерес к Вам и, думаю, многих читателей. Поскольку Ваша мама рассказала историю Вашей семьи, то по этой теме не буду Вас «пытать», хотя, сложно сказать, может быть, она сама себя проявит. Мой первый вопрос: по Вашим воспоминаниям, слово «социология» и его содержание Вы стали узнавать до школы или уже учась в школе?

Слово «социология» я узнала совершенно точно до школы, т.к. оно содержалось в первой фразе, которую я в своей жизни прочитала. Это мне, правда, мама рассказывала, сама я не помню. А вот со смыслом этого понятия сложнее. Я никогда не фиксировалась на содержании профессии моей мамы, для меня в раннем детстве было гораздо важнее, что она преподаватель и учёный, нежели сама специфика её труда. Кроме того, у нас в доме было множество книг по философии, психологии, менеджменту, и мне тогда казалось, наверное, что мама занимается всем этим одновременно. Надо признать, что я совершенно не помню, когда для меня прояснилась суть социологической науки. В детстве меня как нормального ребёнка занимали другие вещи. В школе, конечно, на обществознании я блистала и совершенно не могла понять, как у других могут быть сложности с таким простым предметом.

Ваши школьные годы прошли в Тюмени? Когда Вы пошли в школу? Как учились, что нравилось больше? Мама ведь не только социолог, но по базовому образованию физик. Каковы были Ваши интересы вне школы? Мне особенно интересно, что в те годы читали Вы, Ваши ровесники?

Да, школьные годы я провела в Тюмени. Пошла в школу в 6 лет, т.к. день рождения у меня в октябре. Училась я в младших классах на «отлично», а потом начала съезжать помаленьку, т.к. пошли точные дисциплины, и к аттестату у меня уже была примерно половина четвёрок – по всем естественным наукам, кроме биологии, которая долгое время была моим любимым предметом наряду с литературой. Вообще, я в школьные годы была в поиске своего призвания, много думала о том, кем быть. Больше всего в тот период мне, конечно, не хотелось быть социологом и работать в университете. Ничего скучнее обыденной преподавательской жизни я себе и представить не могла… Даже не знаю, почему мне тогда так казалось, ведь на самом деле всё с точностью до наоборот. Хотелось найти что-то для себя, а не идти по проторенному

родительскому пути, поэтому я искала, сомневалась, пробовала, начинала и бросала… в общем, как все подростки. Моими любимыми предметами были биология, литература и русский язык. В классе 7-8 я хотела быть ветеринаром, очень любила животных и совершенно серьёзно ударилась в изучение биологической науки. Но потом, когда началась химия, я поняла, что планам моим не суждено сбыться, т.к. этот предмет, к сожалению, мне не давался совсем. И я переключилась на литературу.

Читать я всегда любила и с дошкольного возраста являлась постоянным посетителем детской библиотеки. Так что от занятий в школе я получала истинное удовольствие, и многие обращались ко мне за помощью по моим любимым предметам. Я читала всю школьную программу, даже «Войну и мир» целиком осилила… В тот период хотела поступать на филфак, на журналистику, но потом передумала. Мне кажется, вкусы в литературе у меня начали формироваться уже в тот период, хотя читать что-то дополнительно я просто не успевала. В школьной программе, насколько помню, мне более всего был близок мрачный Достоевский, его «Униженные и оскорблённые». «Котлован» Платонова произвёл впечатление именно с формальной точки зрения – язык, символика! Чистый реализм в искусстве меня не привлекал уже тогда. Ну, и стихи Маяковского. Что касается ровесников – я родилась уже в нечитающем поколении. Школьную программу все постигали в кратком изложении, а это, я считаю, издевательство над произведением! Хотя помню один случай: была у меня в гостях компания друзей, один мальчик увидел у моей мамы на полке Шопенгауэра и попросил дать почитать. Я это на всю жизнь запомнила! Ну что школьник поймёт, в Шопенгауэре? Хотя главное, конечно, общая направленность поиска. Но этот мальчик был уникальным, остальных, как правило, мало интересовали подобные вещи. Когда я училась в старших классах, уже вовсю был интернет, сначала в кафе, потом дома по карточкам… Медленный, дорогой, но это занимало людей целиком, все эти аськи, чаты, форумы и прочее. Я тоже активно всем этим пользовалась, конечно, но находила время и на другие, не менее интересные вещи.

По поводу занятий вне школы… Много всего было. Танцами занималась, правда, недолго, в младших и средних классах была «актрисой» школьной самодеятельности. Мне всё это очень нравилось. Лет
с 14-ти начались музыкальные увлечения, как и у всех подростков – это был первый период моей неформальной юности, я тогда слушала русский рок, была фанаткой группы «Мумий тролль», буквально вся комната была обклеена постерами. В старших классах пыталась учиться игре на гитаре, безуспешно, слуха у меня не обнаружилось. Зато где-то лет в 16 я начала активно заниматься спортом и продолжаю до сих пор, добилась уже неплохих результатов, хотя, конечно, занимаюсь исключительно для себя, не на соревновательном уровне.

И что же случилось, почему все же возникло желание поступать на социологический факультет? Беседы с мамой, какие-либо книги, участие в полевых работах?

Честно? На тот момент просто я уже окончательно запуталась и не знала, чего хочу. Поступила туда, куда было проще всего. В апреле у меня уже были сертификаты по тестированию, я прошла без проблем на бюджет в Тюменский государственный университет. Мама на меня не давила, просто на тот момент я сама решила, что так будет лучше, думала, может быть, буду потом работать в сфере рекламы и маркетинга. Понимание того, что такое социология, заинтересованность, желание заниматься именно наукой появились уже во время учёбы, особенно после того, как я перевелась в Москву.

Совсем даже не уникальный случай. Но, получается, что через два-три года у Вас появился интерес к социологии, более того, Вы решили отправиться в незнакомую Москву, иную городскую и культурную атмосферу. Что же и почему внутри Вас произошло?

Да, интерес появился очень скоро, ещё в период обучения в Тюмени. Одним из любимых предметов сразу для меня стала философия, к которой я и сегодня испытываю особый интерес, кажется, даже научилась читать и понимать настоящую философскую литературу. Когда ты только знакомишься с наукой, решающее значение играет преподаватель – способ подачи материала, умение пробудить мысль, научить рассуждать… В ТГУ у меня были отличные учителя – по философии, истории социологии, социологии религии. В течение первых трёх лет эти предметы были для меня самыми увлекательными, хотя для большинства моих сокурсников они были как раз сложными ввиду требовательности тех самых лучших преподавателей. Меня сразу заинтересовала именно теоретическая социология, концептуальный уровень, так сказать. Прикладные аспекты и количественные методы я изучала, потому что было нужно, особенного трепета при этом не испытывая. Вот и сегодня так получилось, что я преподаю историю и современную теорию социологии, поэтому действительно ощущаю, что занимаюсь своим делом.

Потом случилось событие, которое я считаю ключевым в своей жизни – представился шанс продолжить обучение в Москве, в ведущем вузе страны – Российском государственном гуманитарном университете, причём, с переводом сразу с третьего на четвёртый курс, не теряя года. Правда, пришлось сдавать порядка 10-12 предметов в течение полугода из-за разницы в учебных планах, но меня это нисколько не испугало. Даже не возникло мысли, что такой шанс можно упустить – просто собрала чемодан и поехала. Мне было страшновато, конечно, – всё-таки мамина дочка, отличница, но я понимала, да и мама тоже, что это поможет мне обрести самостоятельность и определиться с дальнейшей жизненной стратегией.

Сначала – о Москве. Не было неуютно? Как Вы входили в атмосферу, ритм жизни столицы?

О, неуютно - это не то слово!! У меня были проблемы с жильём, потому что общежитие мне дали далеко не сразу. Когда я приехала, то сняла койко-место в комнате с ещё одной девушкой. В этой же квартире жили и хозяева, которые, как водится, не работали и любили приложиться к рюмке. Причём, с моей соседкой они жили уже давно, в конечном итоге, они меня начали изводить так, что я буквально боялась туда возвращаться. Пришлось съехать, искать другое жильё. Там оказалось ещё хуже, поселили с запойными алкоголиками, я поняла это на второй день и тут же убежала оттуда. В конце концов, меня приютили мамины знакомые, и я пару недель жила у них, а потом мне дали общежитие. Я человек домашний, люблю комфорт, и те условия были для меня адом, конечно…

Но жизнь в Москве стоила того, чтобы терпеть! Ритм жизни мне давался достаточно легко ввиду молодости, я успевала всё: и учиться на отлично, и развлекаться на всю катушку. Театры, музеи и особенно московские вечеринки не давали заскучать. Уставала, конечно, несколько подорвала здоровье, но разве в 20 лет об этом задумываешься? Помню, что очень тосковала по дому, по маме, по друзьям – просто непрерывно… Мама всё время летала ко мне, я к ней ездила в плацкартном вагоне. Иначе я бы просто не справилась, поддержки там ждать было не от кого. Тем не менее, мне удалось завести в Москве друзей, с которыми мы общаемся до сих пор, очень люблю и ценю этих людей. Вообще в Москве меня сразу привлекла именно возможность знакомства и общения с интересными, яркими людьми – и ходе учёбы, и вне её. Провинциальная монотонность ушла в прошлое, в моей жизни за эти 2,5 года произошло столько событий! Я считаю, что становление моей личности в подлинном смысле началось именно с переезда в Москву, и, несмотря на то, что я всё-таки приняла решение вернуться, я вернулась другим человеком, мой стиль жизни и способ мышления изменились навсегда.

В каком году Вы перевелись в РГГУ? Какие яркие события тогда протекали в стране? Студенты, особенно будущие обществоведы, часто остро реагируют на происходящее вокруг них, обсуждают все на своих тусовках. В Ваши студенческие годы подобное было?

Я переехала в Москву в 2005 году. Время интересное, эта пресловутая «путинская стабильность», когда и мы, наконец, узнали, что такое «общество потребления»… Мне, правда, было на тот момент не до участия в дискуссиях о судьбах страны, начался переломный этап в жизни. До 19-ти лет я была оранжерейным цветком, от всего меня ограждали, защищали… А потом вдруг начались одно за одним экзистенциальные события – первое расставание, первая смерть, переезд, страх, одиночество и прочие не очень приятные вещи. Середина 2000-х гг. – время субкультурного бума, когда все новые веяния и течения в западной молодёжной культуре очень быстро появлялись и у нас. Ещё до отъезда я стала интересоваться готической субкультурой,

но окончательно включилась в неё именно в Москве. Все свободное время я проводила с друзьями, так или иначе связанными с этой средой. Люди в тусовке были очень разные. Встречалась и общалась с арт-богемой, маргинального, конечно, толка… Во многом под их влиянием, а также в результате собственного поиска стали оформляться мои художественные вкусы, возник интерес к особого рода литературе, арту. Ведь готика того периода в своём элитарном, так скажем, проявлении была новой формой декадентства, абсолютно интеллектуальной, эстетской субкультурой, замешанной на положениях экзистенциализма, художественного авангарда, ницшеанства и других интересных вещах. Вот с такими людьми я и вела беседы, в основном, конечно, нонконформистского толка. Протеста не было, скорее эскапизм и упадничество в оболочке эстетического выражения. Помню, даже вечера устраивали литературные, читали стихи, устраивали дискуссии… Были, конечно, там и другие люди, в том числе, абсолютно безбашенные фрики, общение с ними тоже давало пищу для размышления. Неудивительно, что у меня почти не было друзей среди сокурсников, хотя и конфликтов у меня ни с кем не было, были приятели, но сблизиться ни с кем не получалось, да и не хотелось. Слишком уж я отличалась, внешняя атрибутика людей несколько шокировала. Тем не менее, учёба мне давалась достаточно легко, мне нравилось. Правда, специализацию я выбрала немного не ту – «социология маркетинга». Всё ещё надеялась, что буду работать для денег, а поэтические и философские изыски останутся для души… Тем не менее, я всё же нашла ту нишу, которая стала мне интересна, – это молодёжная культура. С первого года обучения в Москве все свои курсовые работы, затем диплом и, наконец, диссертацию я посвятила субкультурной проблематике. Я знала эту среду изнутри, поэтому этнографическими методами, включённо, я исследовала её сущность, состав, динамику… На тот момент ещё никто не знал о том, что из себя представляет эта «dark-культура», конгломерат субкультур, объединённый общей мрачной эстетикой. В обществе, как водится, началась моральная паника, активно муссировались страшные истории вроде «готы съели эмо», «готы-сатанисты занимаются сексом на надгробиях» и прочая ересь. Даже на законодательном уровне испугались, пытались продвинуть законопроект о запрете субкультурной атрибутики в учебных заведениях. Помню забавные митинги неформалов с транспарантами… При этом, дискурс был исключительно запретительного толка – всё, что выбивается из общего культурного плана, необходимо принудительно лечить. Такая фукоистская карательная психиатрия, знаете ли… И мало кто понимал, что подталкивало молодёжь в стабильном обществе уходить во весь этот мрак, в чём причина такого безысходного эскапистского протеста. А я хотела понять, что движет не только мной, но и теми, кто меня окружал. И я написала диссертацию.

Я знаю крайне мало о готской субкультуре, она возникла в России после моего отъезда. Пик этого движения уже преодолен или оно набирает силу? Как называлось Ваше диссертационное исследование? Что удалось показать?

Пик был как раз во второй половине 2000-х гг., когда я и писала свою работу. В 2010-е годы мода на готику в России прошла, эстетика окончательно инкорпорировалась в массовую культуру, а её новыми адептами становились те, кого интересовали, как мы тогда говорили, «музыка и шмотки». Пропала духовная составляющая, искусство, осталась лишь чистая визуализация, поверхностный пласт, маркетинговые стратегии продвижения субкультурной атрибутики и мероприятий задавили окончательно творческое начало. Поэтому людям действительно неординарным стало тесно в рамках этого движения, все пустились в свободное плавание, а с готикой произошли странные мутации. В общем-то, на Западе dark-культура давно уже стала взрослым движением, точнее даже, досуговой практикой: на фестивали приедешь – кругом, как минимум, тридцатилетние. У нас сегодня сохранился костяк движения, но идентичность, в основном, фрагментарная («взрослые люди собираются на тусовку»), плюс, конечно, сохраняются определённое мировоззрение и интересы. Молодёжь сейчас такие вещи мало привлекают, вот и шутим на тему того, что хипстер с кедами за 500 долларов – лицо эпохи. Протестный потенциал в культурной сфере очень низок, даже если имеется в виду эскапистский протест…

Диссертация моя называлась «Молодёжные субкультуры: основания типологизации» и была связана с использованием метода типологического анализа в исследовании сложноорганизованных молодёжных сообществ. Ведь и в массовом сознании, и в научном сообществе, и в органах управления по-прежнему господствует мнение о том, что у представителей той или иной субкультуры больше общего, чем различий. Мне же удалось показать, что субкультурные объединения негомогенны, что происходит существенная трансформация идентичности включённых в такие сообщества молодых людей, меняется само содержание исследуемого феномена. Была разработана многоступенчатая теоретическая типология молодёжных субкультур в России и осуществлена эмпирическая типологизация представителей dark-культуры как одного из наиболее популярных на тот период движений.

Моим научным руководителем была Галина Галеевна Татарова – человек колоссальной харизмы, которого хочется слушать, не отрываясь!.. Мы с Галиной Галеевной в чём-то и по характеру похожи, темпераментные, прямолинейные, во многом бескомпромиссные… Так что иногда сталкивались наши индивидуальности, но всё это было в самом начале, когда её несколько смущал мой готический наряд, да и вся эта тематика. Но затем, когда у меня начало что-то получаться, работа пошла быстро. Галина Галеевна – прекрасный руководитель! Меня восхищает её ум, логика, стремление вникать

в мельчайшие детали. Я считаю её своим главным учителем и очень надеюсь, что мы будем работать и далее вместе. А на тот момент основная задача состояла в том, чтобы использовать все возможности типологического анализа для исследования моей проблемы.

На теоретическом этапе необходимо было, во-первых, уточнить базовые понятия, используемые в исследовании (обнаружилось, что термины «молодёжная субкультура», «молодёжное движение», «неформальное молодёжное объединение» и «молодёжная организация» употребляют в различных значениях и часто путают); во-вторых, нужно было систематизировать имеющийся объём типологий молодёжных субкультур, подвергнув их конструктивной критике и выделив важнейшие основания. На финальной стадии я создала собственную априорную типологию. После того, как чётко был определён предмет, была создана двухмерная типология на основании следующих признаков: целевых установок и гендерной ориентированности представителей субкультур.

Эмпирическая глава была посвящена поиску «типологических синдромов» внутри готического движения. Начала я, однако, с анализа сущности и структуры объекта исследования – dark-культуры, а точнее, пяти основных субкультур, её составляющих (готика, индастриал, фрик-культура, субкультура тёмных стилей металла и J-рок). Интересовал, конечно, и социальный контекст её существования, российская специфика. Для этого был проведён массовый опрос молодёжи об отношении к субкультурам в целом и к готике как наиболее узнаваемому типу в рамках dark-культуры. Было опрошено свыше двух тысяч респондентов - студенты вузов из разных городов. Но главной целью, конечно, была эмпирическая типологизация готического движения. Это исследование носило поисковый характер, т.к. мало что было известно о численности и социально-демографической структуре сообщества. То есть, примерно, по наблюдению, я представление имела, но оснований для жёсткого расчёта выборки не было. Поэтому мы выбрали метод онлайн-опроса. Удалось собрать 129 анкет молодых людей и девушек, идентифицирующих себя с этим сообществом. Типообразующими признаками я определила ценностные установки и эстетические ориентации. В итоге, на основании соотнесения двух классификаций была наглядно проиллюстрирована дифференциация сообщества – выявлены шесть групп респондентов, соответствующих базовым типологическим синдромам. Помимо указанного основания типологии, была также рассмотрена специфика нравственных, религиозных, политических установок представителей выделенных типов, творческий потенциал, особенности субкультурной идентичности и формы проявления девиантного поведения. Подобную модель анализа можно применить в исследовании любых негомогенных сообществ – она будет работать и может помочь в практике управления, при разработке стратегии молодёжной политики. Ознакомившись с результатами исследования, можно понять, в каком направлении

организовывать работу с представителями субкультур, какие методы использовать в процессе социального контроля, воздействия на представителей той или части субкультурной молодёжи, какие группы лучше оставить в покое, а каким – помочь в реализации творческих инициатив. На сегодняшний день, например, власти всё ещё считают, что рэп – это круто, зовут рэперов на различные официальные мероприятия, ещё пошла мода на фолк, что тоже объяснимо современной социально-политической ситуацией. Остальные же субкультурные стили по-прежнему отвергаются в силу сложившихся стереотипов, хотя влияние большинства их них на современную культуру сложно недооценить.

Защита моя прошла на удивление успешно! Дело в том, что в процессе учёбы в аспирантуре я всё же ощущала некоторое «особое» отношение к себе в силу нетрадиционности тематики исследования, да и моего стиля жизни в целом. Но на предзащиту и защиту, конечно, хватило ума переодеться… Отказ от готической атрибутики в повседневной жизни дался мне нелегко, и процесс был довольно длительный. На защите я была одна, проходила она достаточно долго, было очень много вопросов, тема вызвала очень живой интерес со стороны Совета. Тем не менее, я чувствовала себя уверенно, ощущала поддержку – всё-таки, родной вуз, родные стены… Да и мне было не стыдно за проделанную работу. Так что мы с Галиной Галеевной остались довольны тем, как всё прошло. Кроме того, я вышла на защиту на год раньше срока, что давало мне ещё один козырь. Это было в октябре 2010 года, почти сразу после моего 25-летия.

Таня, какие у Вас планы? Нет ли желания, возможности подучиться или пройти стажировку в Европе или США? Какие предметные, методологические области социологии Вас интересуют сейчас?

Начну с ответа на последний вопрос. Сфера моих научных интересов существенно изменилась и расширилась за то время, что прошло после защиты, сейчас меня в большей степени занимают теоретическое социологическое знание и социология культуры. В субкультурной тематике уже давно стало тесно, хочется заниматься исследованием более широких областей культуры. Хотя не могу сказать, что совсем утратила интерес к этой сфере. Недавно, например, написала статью о глобализации и глокализации молодёжных сообществ, также меня заинтересовал набирающий всё большую популярность в России феномен фолк-культуры. На мой взгляд, засилие фолка сегодня весьма симптоматично, ведь это не народная культура как таковая и даже не её часть, а лишь глобально распространившийся симулякр, демонстрирующий антимодернистские, консервативные тенденции в культуре. И риски включения молодёжи в подобные сообщества тоже очевидны (опять же спасибо методу включённого наблюдения), националистическая пропаганда идёт там рука об руку с «патриотизмом» и «аутентичными культурными практиками». В общем, есть, что поисследовать, думаю продолжить копать в этом направлении.

Но всё же в большей степени я увлечена на сегодняшний день несколько иной проблематикой. Одна из важнейших составляющих моей жизни – это искусство, и в последнее время мне не даёт покоя вопрос, как подобрать нужную оптику, чтобы рассмотреть этот сложный предмет социологически и, в то же время, не удариться в редукционизм, которого в отечественной социологии культуры и так было предостаточно. На мой взгляд, эта сфера должна быть только междисциплинарной. Исследуя художественную жизнь современного общества, невозможно базироваться на позитивистской или структурно-функциональной методологии. Анкета с вопросами типа «Как часто вы ходите в театр?» не даст сегодня ровным счётом ничего! Ограничивать предметную область социологии искусства функционированием соответствующих институтов, на мой взгляд, непродуктивно. Я пока на стадии накопления материала, читаю много, пытаюсь свести воедино и переосмыслить идеи многих авторов, которые меня вдохновляют. Приоритеты сегодня – это постмодернизм и все разновидности конструкционизма, от его предтечи в виде классической феноменологической социологии до модной акторно-сетевой теории. Также стремлюсь постоянно расширять свои познания в области интересующего предмета: смотрю лекции ведущих искусствоведов в интернете, читаю специальную литературу, посещаю театры и выставки – конечно, когда бываю в других городах или за границей, в Тюмени моим пристрастиям мало что соответствует.

Я уже достаточно давно читаю курсы по истории социологии, современным социологическим теориям и социологии культуры, и стараюсь сделать их нескучными, постоянно перерабатываю задания для студентов и лекционный материал, открывая новые возможности как для них, так и для себя. Сегодня, как говорится, чтобы стоять на месте, надо очень быстро бежать… С этого года у меня ещё три новых курса, которые я читаю с огромным удовольствием – постмодернистские социальные теории, качественные методы в социологии и социология искусства. Так что можно сказать, что в профессиональном отношении я счастливый человек! Занимаюсь тем, что нравится! Значительный интерес для меня представляет качественная методология, которую я и собираюсь применять в работе над докторской диссертацией. Больше всего меня интересуют возможности работы с текстами. Совместно с коллегой сейчас пишем статью об интеграции количественных и качественных методов.

По поводу заграничных стажировок – да, планы есть. Я уже стажировалась в Германии, в прошлом году выступала с докладом на Всемирном социологическом конгрессе в г. Йокогама (Япония). Впервые посетила столько значительное мероприятие, теперь знаю, к чему стоит стремиться! Сейчас подтягиваю язык, для того, чтобы иметь возможность и в дальнейшем претендовать на зарубежные стажировки.

МАКУШЕВА М. О.: «БОЛЬШАЯ ЧАСТЬ МОИХ ПРОЕКТОВ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО СВЯЗАНА С ЯМАЛОМ»

Мария, Вы, насколько я понимаю, учились в Петербурге, а сейчас работаете на Севере, в Салехарде. Вы и родом из того северного края? Пожалуйста, расскажите о том, где Вы родились, кто Ваши родители, сколь глубоко Вы знаете историю своей родительской семьи?

Большая часть моих проектов, действительно, связана с Ямалом. Я провожу здесь много времени. И это не только Салехард, а весь автономный округ – я беру интервью, модерирую фокус-группы с городским и сельским населением, планирую количественные исследования и занимаюсь анализом данных, готовлю аналитические материалы. И с Ямалом, так уж получилось, оказались связаны мои собственные, не прикладные исследовательские интересы. Помимо автономного округа, в прошлом году мне удалось поработать еще в нескольких регионах России. В силу специфики работы мне сложно сказать, где я живу. Могу говорить «здесь, у нас» находясь и в Петербурге, и на Ямале, и в Иркутске, где живут родители. Наверное, я, все-таки, живу в Петербурге, если можно сказать «живу» об этих относительно регулярных визитах в собственную квартиру.

До того, как я начала работать с ямальцами, ничто меня с регионом не связывало. По окончании аспирантуры мне очень хотелось практического опыта, интересного и разнообразного. Оторваться от университета и от книг. При этом не хотелось идти на младшие позиции в исследовательское агентство. В Салехарде мне предложили большую ответственность, большую самостоятельность, свободу передвижений и, смущаюсь сказать, большие для вчерашнего аспиранта деньги. И вообще, на фоне других мест Ямал звучал очень экзотично. Как говорит один мой знакомый, заниматься исследованиями в Москве и Петербурге – давно не интересно. А там действительно есть специфика. Очень вдохновляет, когда ты постоянно удивляешься. В итоге получается найти и описать то, что местным кажется настолько привычным, что они и не вглядываются. Я думала, и это вполне оправдалось, что получу более глубокую практическую подготовку, работая в регионе. После нескольких оговоренных первоначально проектов я поняла, что мне нравится, и задержалась. Уже два года живу на два дома.

А родом я из другого, восточного региона – из Иркутска. В детстве немного жила в Магадане, так как мама работала там в институте ядерной геофизики. Смеется, что у меня травма детства и меня тянет в самые климатически - неблагополучные места – в Петербург, на Ямал.

Мама в начале 90-х гг. сменила карьеру инженера на карьеру бухгалтера. Сейчас она занимается независимым аудитом. История её семьи почти не сохранилась. Бабушка и дедушка умерли рано, до моего рождения, когда маме было 19 лет. Мама наполовину еврейка, я – на четвертинку. Дедушка

и папа – русские. Никаких традиций в семье не сохранилось, кашрута не придерживались ни раньше, ни теперь. Как минимум, три поколения жили в Иркутске. В семье были врачи и инженеры. Больше ничего не знаю.

Папа занимается ремонтом и строительством. Он – из рабочих. Его семья родом из деревни в Забайкалье. После революции прабабушку, жену местного «богача», выгнали с пятерыми (если не ошибаюсь) детьми на улицу. Они нашли приют в какой-то соседней деревне у родни. Более детально я знаю их историю с того момента, когда повзрослела бабушка, и семья оказалась в строящемся городе Ангарске. Она работала на швейной фабрике вплоть до выхода на пенсию, ухаживала за своей мамой и растила папу. Мне посчастливилось пообщаться с прабабушкой, она умерла в 98 лет, когда я была уже подростком.

Родители развелись, когда мне было 11, с папой мы с тех пор общались мало.

Похоже, Ваша мама права, Вас тянет к «экстриму»... Где Вы провели свои школьные годы? В Иркутске? Чем они Вам запомнились? Что нравилось, что не очень? С 1994 года я живу в Америке, так что годы Вашего детства и юности мне мало известны...

Школьные годы прошли в Иркутске. Сложно отделить в подростковых воспоминаниях то, что связано с типичными для этого периода переживаниями (которые запоминаются больше всего), от контекста, примет времени, которые могут быть Вам интересны. Еще одна сложность – это большая разница между концом 90-х гг. и началом 2000-х и 2002-2004 годами.

Во второй половине 90-х гг., хоть меня финансовые вопросы семьи, конечно, не касались, я помню ужасное расслоение. Боязнь родителей задеть оказавшихся в трудном положении родных и знакомых своей помощью. Неловкость от постоянных напоминаний, что твой учитель живет на грани, если не за гранью бедности. И у нас были тяжелые времена, но, благодаря энергии, трудолюбию и таланту мамы, очень непродолжительные. Я понимаю, что было тяжелое время и очень нестабильное, непредсказуемое для биографий.

Среди сверстников – постоянные обсуждения того, у кого какая одежда, машина у родителей, ремонт в квартире (непременно «евроремонт»), видеомагнитофон и компьютер. Мода на все импортное и «фирменное». Однажды на уроке труда в младшей школе мы делали куклу - Машу по старым зарисовкам нашей учительницы. Моя подружка сказала, что шьет куклу, чтобы у её Барби была горничная. Учительница была в шоке, думаю, от того, что дети всё переводили в какой-то непривычный и унизительный контекст. Конечно, тогда это выглядело естественным, только сейчас вызывает у меня раздражение. Все это характерно для младшей и средней школы, в старших классах у многих уже развилось чувство такта. Да и внешняя среда стала другой, это были уже 2002-2004 годы.

Мы были детьми, когда в обиход вошел интернет. Нас с друзьями просто захватило общение в чатах и сетевые стратегии. Родители этого тоже не одобряли, но особенно не вмешивались. Сидение за компьютером давало некие гарантии, что ребенок не употребляет за углом наркотики.

В городе в конце 90-х – начале 2000-х гг. было неспокойно. На улице около мусорных контейнеров можно было увидеть валяющийся шприц, бродили дети, прятавшие под воротом грязных курток пакеты с клеем. Притом, жили мы не на окраине, а в самом центре. Родители очень переживали. Сейчас такого уже нет.

Написала я, в основном, про плохое и ужасное. На самом деле, общие ощущения очень светлые. Все подростковые вещи сейчас вспоминаются с улыбкой. Например, увлеченность субкультурами. К тому же, взрослые постоянно напоминали, что у нас масса возможностей, потребительских и образовательных, которых они были лишены.

Появился интернет... и, наверное, читать книги уже не хотелось? Какие интересы появились у Вас в старших классах?

Читать книги как раз и захотелось в старших классах. Не столько художественную литературу, сколько научную и научно-популярную. Наверное, это не только у меня, так как я помню, что на первом курсе мы с друзьями были широко, но бессистемно начитаны. В 10-11 классах я особенно увлеклась социальной психологией и философией. Еще помню, что зачитывалась классическим психоанализом. Даже хотела стать психоаналитиком, но недолго.

Художественной литературы я тоже читала много. В основном, европейскую классику. Конечно, мы не прошли мимо «Generation П» и «Жизни насекомых». И мимо Коэльо и Мураками тоже не прошли, они тогда были очень популярны. Стихов я никогда не любила, но в 10 классе меня попросили написать на олимпиаду эссе, и мы вместе с классным руководителем выбрали И.Бродского. Не знаю, какими соображениями руководствовалась она, но я влюбилась на всю жизнь.

Когда Вы впервые побывали в европейской части страны? Где?

Впервые побывала в Москве проездом на юг, но помню эти визиты плохо. Первое сознательное путешествие – в Петербург. Школа организовала для нас 10-дневную экскурсию в новогодние каникулы.

Интересно, как, под влиянием чего, кого у Вас возникло желание читать книги по социальной психологии и философии? Наверное, Ваш классный руководитель знал, понимал Ваше увлечение, иначе не предложил бы Вам писать о поэзии И.Бродского...

Не могу вспомнить когда именно и в связи с чем я заинтересовалась социальной психологией. Может быть, это влияние школьного обществознания. У нас была прекрасный педагог - увлеченная, с интересными современными примерами, дискуссионными вопросами. Помню, что дома быстро появились популярные вводные курсы по общей и социальной психологии Майерса,

хрестоматия «Психология толп» с Лебоном и Тардом. Точно был «Тотем и табу» Фрейда, читать его было очень сложно.

Философией у меня увлекался старший брат. У него была неплохая библиотека. И он ужасно критиковал школу, учебники по литературе, истории и обществознанию. Говорил, что они бессодержательные, и никакого нормального образования без первоисточников не бывает. Этот перфекционизм у него с юридического. Мы много разговаривали, я таскала его книги.

Точно помню, что одним из первых я прочитала сборник Жана де Лабрюйера. У него есть и типичные для моралистов рассуждения, но мне больше всего понравились бытовые наблюдения и анализ манер и привычек людей его круга. Очень социологические темы. Потом у меня в руках каким-то образом оказались «Рассуждения» Макиавелли. Еще я помню «Похвалу глупости», её было здорово цитировать по поводу и без, и «Так говорил Заратустра», сквозь которого приходилось буквально продираться.

Сегодня я впервые попыталась восстановить последовательность своего чтения и не обнаружила никакой системы и связующего звена. Может быть, я бы выделила только тему массового сознания, но это больше относится к социально-психологическому и околосоциологическому кругу чтения. В основном же – скачки по популярным произведениям.

И вот Вы завершали школу... Какие были планы? С кем Вы их обсуждали?

Во-первых, хотелось в Петербург. Москву я почему-то не рассматривала. В последний год я собирала материалы о жизненных ориентациях, стратегиях молодых людей и девушек в регионах, где участвовала в исследованиях. И заметила, что Петербург во многих городах Урала, Сибири популярен значительно больше столицы. Здесь свою роль играют и старые связи предприятий и учебных заведений, как, например, в Красноярском крае; и страх перед Москвой, её ценами, доступными далеко не всем семьям, её социальным «климатом». У Петербурга при его столичности сформирован образ более теплый, человечный. Кажется, что здесь тебя лучше примут; что здесь люди просто живут, не участвуют в погоне с жесткой конкуренцией; и что когда каждый камень имеет свою значительную историю, это придает значительности и твоей жизни. Пишу об этих ребятах и их мыслях, так как вижу в них себя в том возрасте.

о-вторых, я хотела поступать на социальные науки. Металась между фундаментальным образованием и смежными прикладными направлениями (реклама, связи с общественностью). Мама с её прошлым физика и настоящим экономиста не очень понимала смысл подобных занятий, однако, не препятствовала. Даже устроила мне стажировку в рекламном отделе радиостанции, где мы писали тексты для роликов. Родственникам, в целом, это казалось довольно эфемерным, не настоящей профессией.

Аттестат зрелости – в руках. И что, поехали в Петербург? Как Вас принял город? Удалось поступить?

Для нашей маленькой семьи год моего поступления выдался не самый легкий. Мама много болела, при этом не оставляла работы. Поэтому меня никто на подачу документов и на вступительные экзамены не сопровождал. В Петербурге я остановилась у друзей семьи, но, по большому счету, я была совершенно свободным от опеки 17-летним ребенком в большом городе. И с организационной точки зрения наделала глупостей. Подала документы в два вуза, о гуманитарном образовании которых слышала самые лучшие отзывы, но на разные факультеты. В СПбГУ на философию и в РГПУ на социологию. Поступила в оба. Потом пришлось выбирать и между вузами, и между специальностями. В Российском государственном педагогическом университете на факультете филологии преподавала наша знакомая. Она очень хорошо характеризовала факультет социальных наук, на который я подавала документы, и я решилась.

На зачислении я познакомилась с другой иногородней девушкой, которая искала соседку в съемную квартиру. Она до сих пор мой лучший друг. Живет сейчас в Париже и Цюрихе.

Выбирали где поселиться, учитывая скромные бюджеты и эстетические запросы. Окраины, например, Купчино, отвергали. Решили жить в Пушкино, недалеко от Екатерининского и Александровских парков. Дорога до университета занимала больше часа, зато место было чудесное.

Мы быстро перезнакомились и подружились с однокурсниками. Кто-то, помню, в качестве комплимента говорил моей подруге, что она совсем не похожа на костромичку. С той же интонацией, с какой в Европе можно услышать одобрительное: «Вы совсем не похожи на русских». Но, в целом, я не помню особого снобизма местных сверстников. Город принял хорошо.

РГПУ – старое учебное заведение, с добрыми традициями, с интересной территорией в центре города. Как пошло учение?

Интересно и легко. В первый год было много общеобразовательных курсов. Многих раздражали культурология, на которой мы готовили доклады о ведьмах в средневековой Европе, пиратах или дуэльном кодексе. Но мне нравилось. Никакого прагматического, утилитарного настроя на получение знаний, которые непременно можно будет использовать в работе, не было.

Первый профильный курс по общей социологии тоже очень увлек. Первое, что нам рекомендовали прочесть, – это «Лодка на аллеях парка» Монсона, «Гуманистическая социология» Бергеров и «Введение» Баумана. Еще Гидденс и учебник, написанный заведующим кафедрой. Все это невероятно захватывало, и казалось, что нет такого вопроса, на который социология не знает ответа. Магические слова «институт» и «практика» объясняли буквально все. Лектор была любимицей группы.

Уже поднимался вопрос о том, кем же студенты станут после и где будут работать. Но он еще не стоял так остро, скорее, был поводом для шуток.

Территория университета располагала к общению и прогулкам. У нас было любимое место в одном из скверов. Рядом с университетом было много кофеен. Были и обычные молодежные разговоры о музыке, о клубах, о том, кто кому нравится; были и какие-то философские споры о допустимости смертной казни, сексизме, массовой культуре. За этим всем первый курс буквально пролетел.

Вы пишете: «Лектор была любимицей группы». Может, назовете этого чудесного преподавателя? Что в её подходе к предмету импонировало?

Это была Светлана Геннадьевна Кошкина. Сейчас она больше не работает в университете, насколько я знаю, уехала во Францию. Она помогла нам совершить переход от школьного учителя к университетскому преподавателю. Остальных стеснялись и побаивались, а к ней можно было прийти со своими сомнениями и глупыми вопросами. Несмотря на её очень молодой возраст, мы называли её «мамой курса» (конечно, за глаза). Этот переходный период крайне важен, мне кажется. В школе дети привыкают к иной модели взаимоотношений. Например, сказав что-то на семинаре, ждут одобрительного кивка, оценки, похвалы. Слова о том, что здесь не школа, и вопросы, которые мы обсуждаем, правильного и не правильного ответа, чаще всего, не имеют, принимаются и становятся регулирующим принципом поведения далеко не сразу.

Кроме этого она прекрасно структурировала свои лекции, делала их легкими для восприятия вчерашнего школьника, при этом не переходя грань популизма.

Как складывались Ваши собственные исследовательские интересы? Чем хотелось заниматься?

На первом курсе я хаотично читала. Если попытаться систематизировать, то меня занимало несколько вещей. Во-первых, летом перед поступлением, благодаря родственной протекции я проработала несколько месяцев на радио в отделе, который писал тексты для передач и рекламных роликов. Встречалась с клиентами и придумывала разные слоганы, например, «Успех начинается с улыбки» для стоматологии. Поэтому меня интересовала реклама и то, в особенности, что практики в этой сфере должны основываться на знаниях социологов и психологов, а не только на озарениях. Но те несколько книг по социологии рекламы и социологическим исследованиям для специалистов в рекламной области, которые я нашла, мне совсем не понравились.

Во-вторых, я читала о том, что мне было интересно в школе, – о массовом сознании, психологии толп. Снова Лебон, Тард, Юнг и другие.

Затем - современные мифологии. Я читала как современные книги, например, «Мифодизайн» Поцепцова, который создал в нашем университете

лабораторию, так и классические – психоаналитический разбор мифа, морфологию сказки Проппа, открывала Леви-Стросса.

Кроме того, меня заинтересовала близкая тема – природа и механизм формирования общественного мнения, по которой я на втором году обучения писала курсовую работу. Еще на первом курсе я запаслась книгами Грушина, Липпмана, Цаллера, Гавры.

Вы писали по этой тематике курсовые, диплом? Или увлеклись другими сюжетами?

Писала курсовую о природе общественного мнения, которую, к сожалению, теперь не могу найти. В основе было три сюжета. Первый – мнение как оценочное суждение. Вокруг него строились рассуждения о том, откуда мы берем информацию, почему обращаем внимание на те или иные процессы, события и исходя из чего их оцениваем, как наши оценки опосредуются нашим окружением. Второй – субъект общественного мнения. Я пыталась не утонуть среди понятий «массовое сознание», «классовое сознание», «габитус» и др. Третий – общественное мнение как конструируемый феномен в соответствии с идеями П. Бурдье и П. Шампаня. По сути, две разные темы. Даже не могу представить, как это все было организовано в связный текст.

Вследствие чтения Бурдье и его последователей у меня сформировалось очень критическое отношение к опросной практике. Примерно в это время мы с однокурсниками участвовали в исследовании кафедры прикладной социологии по политической тематике. Я помню забавную дискуссию во время обсуждения результатов. Докладчик сказал нам, что молодежь в принципе аполитична, вопросы эти её не заботят, не привлекают внимания. При этом распределения в разрезе возрастных групп он комментировал так: «Молодежь, в целом, считает…». Как же так, интереса нет, а мнение есть? Судя по тому, что я слышу и читаю сегодня, наивные вопросы не остались на нашем втором курсе.

Темой я затем не занималась вплоть до последнего времени. Сейчас интерес уже больше вытекает из практики, из необходимости корректно комментировать данные и желания сделать некоторые обобщения на тему механизмов восприятия власти, и не только. Тогда же я натолкнулась на множество ответвлений и связанных интересных сюжетов, философских и социологических, которые и увлекли.

Увлеклись... и что? Что последовало?

Ни одна из тем, которые мне были интересны на первых курсах, не стала предметом долгосрочных исследований. Дальше были феноменология и курсовая о множественных реальностях Щюца. Интересы вырисовывались не сразу, четкой единой линии не было. Этому способствовало построение учебного плана: история социологии, социология международных отношений, гендерная социология, СМИ, общественное мнение, труд, этносоциология,

социальная антропология ... Если ты начинал как ответственный студент читать литературу по курсу и готовиться ко всем семинарским занятиям, сосредоточиться на чем-то одном возможности не было. Но появлялись какие-то опорные точки: коллективные представления, общее знание, повседневность и, прежде всего, её ментальные составляющие, групповая идентичность и практики; из теоретиков - Бурдье, Гидденс, феноменологически-ориентированная социология, структурализм.

Каждое из направлений затрагивает вопросы языка: Пьер Бурдье с рынком символических ценностей и разбором официального языка; Энтони Гидденс с разделением дискурсивного и практического сознания; Ирвин Гофман, рассматривавший язык как один из классовых символов; идея фоновых практик и речевых практик как их разновидности в социологии повседневности; наконец, структурализм и лингвистический поворот. В итоге, это привело к социолингвистике и социологии языка. Однажды глаз зацепился за небольшой абзац о теории развернутого и ограниченного кодов Базила Бернштайна. Имя было не знакомо по нашим курсам. Я выписала название работы. И чем больше я читала о социолингвистике, тем больше проникалась интересом и, возможно, даже сожалением, так как хотелось более солидной лингвистической базы. Дипломную и кандидатскую я писала по теории и истории социологического изучения языка.

В чем суть подхода Б. Бернштайна, какого рода проблемы позволяет исследовать его методология?

Базил Бернштайн в русскоязычных источниках, в основном, упоминается как создатель варианта теории языкового изоморфизма, который критикуется. Но его работы шире. В англоязычной традиции, насколько я могу судить, он известен как социолог образования.

Во-первых, развивая теорию образовательных неудач и неравенства шансов детей из рабочего и среднего класса, он переводит неравенство не только образовательное, но и любое, связанное с функционированием институтов, из плоскости разговоров о воспитанности и интеллекте даже не в языковую, а шире - в социокультурную плоскость. Язык как средство социального различения работает и как средство социальной селекции. Здесь он очень близок к Пьеру Бурдье. У последнего на эту же тему есть статья «Les categories deI'enlendement professoral» («Категории профессорского понимания»). Речь даже не о неравенстве, не о том, чтобы рассмотреть различия в одном измерении - выше/ниже, средний класс/рабочий класс. Речь о любом доминировании социальной группы, о том, что организации имеют не только утилитарное, но и конвенциональное экспрессивное измерение, о распознавании своих и чужих в разных средах.

Меня эта тема интересовала еще в одном приложении. В РГПУ я достаточно часто сталкивалась с педагогами. Не хочется навешивать ярлыки, но я рискну охарактеризовать их как блюстителей норм. Многим было

свойственно рассуждать в категориях должного и стигматизировать. Дистанция, отделяющая современного школьника от классической культуры, в том числе, и языковой, воспринимается многими как проблема, с одной стороны, психологическая или социально-психологическая, связанная с “испорченностью” молодежи, с другой, как проблема самого общества. Школьники же рассматриваются как единая категория, без территориальных, социально-классовых и половых различий. О том, что эти практики функциональны в молодежной среде, или о том, что школьники совсем не однородны с точки зрения языковых практик, не говорится. В этой теории я увидела хороший критический потенциал.

Во-вторых, теория Бернштайна и других социологов языка дает понимание языка группы как функционального, имеющего генетическую связь с историей, актуальными потребностями, местом группы в «социальной топологии». Его работы помогают анализу социальных сред, логики их функционирования через анализ их языковых практик. Примеров масса – и молодежный сленг, и субкультурные практики, и, например, язык чиновничества, и языковое сопротивление интеллигенции официальному языку.

Еще в практическом отношении этот подход позволяет анализировать ключевую лексику целевых групп, например. Но это уже разговор не только о Бернштайне, а о направлении в целом.

Какую тему вы избрали для дипломного исследования, как в ней использовались методология, выводы Бернштайна?

Диплом был посвящен истории изучения социальной обусловленности языка. По сути, я старалась собрать, систематизировать опыт изучения социальной дифференциации языка, терминологию и подходы, найдя им параллели в социологии. В центре внимания было направление, идущее от тезиса о вертикальном и горизонтальном членении языка Бодуэна де Куртене через российских социолингвистов начала века, американских исследователей 50-60-70-х годов, - изучение социальных вариантов речи, источников вариативности и всего, что с ними связано (языковая общность, социальные функции языка, официальный/неофициальный языки, просторечье, социолекты и т.д.). Очень интересовали возможности применения к языку понятий «социальная практика», «социальный институт». О социолекте иногда говорят как о коде, но, в действительности, границ, подобных границам между национальными языками (когда можно сказать, например, что это французское слово, а это немецкое), между ними нет. Это - тенденции в речи, которые существуют, воспроизводятся только посредством практик.

Дополнительно я пыталась связать все это с другим направлением, социосемиологическим (Ролан Барт, например) и социальной феноменологией. В ней интерес к языку в социологии проявился особенно остро. Например, в книге «Социальное конструирование реальности» впервые (возможно, я ошибаюсь) упомянуто название дисциплины «социология языка». Это

направление сосредоточено на идеальных основаниях социальной жизни. Представление о социально-формируемой когнитивной структуре, лежащей в основе социального действия, приводит к размышлениям на тему: а как же лучше изучить эту структуру. Очевидно, с помощью языка. Язык имеет своим основанием те же категории, что лежат в основе восприятия, оценивания, действия, но они проявляются в нем с большей для наблюдателя очевидностью.

Параллельно меня заставляли четко отделить социолингвистику от социологии языка, дать используемым в социолингвистике понятиям релевантные для социологии определения, в целом, интерпретировать социолингвистическую проблематику в социологическом ключе. Что сделать, на мой взгляд, сложно, да и не нужно. Социальные науки имеют общее проблемное поле, общих влиятельных интеллектуалов, общие методы. Непонятно, что и как интерпретировать. А насчет границ - этот вопрос меня особенно ставил в тупик. Искусственно сочинять перегородки там, где их нет – занятие схоластическое. Разнятся только цели – узнать что-то новое о языке, изучив социальные условия его функционирования, или об обществе, заглянув в его языковое «отражение» (не дословно привожу слова Н. Б. Вахтина).

Маша, хотелось бы понять, в какие годы это все происходило. Когда Вы поступили РГПУ и когда окончили? Какую профессию Вы получили и каким был Ваш следующий шаг?

Я поступила в 2004 г. Закончила университет с дипломом специалиста по социологии в 2009 г. Сразу же поступила в аспирантуру, буквально не выходя с кафедры. Очень хотелось уехать, но здоровье и трусливость (или трусливость и здоровье) не дали. Друзья нашли мне курс на английском в Сорбонне (по-французски я могу только читать, да и то с трудом и словарём). Стипендию на эту программу я получить не могла, но на скромную жизнь мне бы хватило и так. Иногда жалею, что не уехала тогда хотя бы на год. Но это еще вопрос будущего.

Примерно те же проблемы, что и в дипломе, в более углубленном и структурированном виде перекочевали в диссертацию. Она не была до конца схоластической, я опиралась на вторичные источники и даже делала небольшой кейс-стади. Но определенный отрыв от практики был. Однако, это не самое страшное, я читала несколько современных интереснейших и самодостаточных работ по истории и теории.

Вначале и моя работа казалась мне довольно интересной. Потом мы её подгоняли под защиту, так как один из рецензентов на предзащите указал, что работа, в которой разбирается проблема произношения «th», не может считаться социологической и тому подобное. Он стоял за кафедрой, цитировал фрагменты, в которых приводились отсылки к эмпирическим исследованиям социолингвистов, а я заламывала руки под столом и бледнела. Пригласили лингвистов. Предложили защищаться по двум специальностям. Я подумала, что не переживу.

Наверное, целый год переписывали, формулировали положения, выносимые на защиту. Они были довольно симпатичные, но там нечего было защищать. То есть, в аудитории специалистов, которые знают корпус исследований, нечего. А в аудитории неспециалистов нужно было защищать саму возможность интереса к этому предмету и постановки вопроса о языковой практике. Собственно, это и не дало изначально сосредоточиться на более узкой теме и делать эмпирическое исследование. И эта подгонка была для меня деструктивным занятием. Если бы не доброжелательность заведующего кафедрой Алексея Васильевича Воронцова, не советы замечательного профессора кафедры Ольги Константиновны Крокинской и, особенно, не мой научный руководитель с обширным филологическим бэкграундом, Алексей Владимирович Шевцов, я бы, возможно, бросила. Он меня много критиковал и смешил. Однажды сделал fogindex для главы моей диссертации. Он мне дал повод критически осмыслить стиль моего письма. Говорил, что усложненный строй – это «провинциальщина».

У меня на тот момент была семья. Было НКО, с которым мы делали проекты для общественных организаций и чиновников, работающих с молодежью и национальными объединениями, с мигрантами. В этот период я ездила в Амстердам, Роттердам и Гаагу на стажировки по организации социальной работы и помощи мигрантам. Но, к сожалению ли, к счастью ли, это не стало моей профессией.

Аспирантом я преподавала на факультете социальных наук в РГПУ и там же, на психолого-педагогическом факультете, читала курс общей социологии будущим социальным психологам. Преподавать мне нравилось, и я иногда скучаю по студентам. Хотя, не все было гладко. Я выглядела не очень серьезно в те годы, буквально как их сверстница, и у меня были проблемы с авторитетом. Были и конфликтные моменты, когда я не понимала, как вести себя, соблюдая этику и не отказываясь от своих принципов. Например, однажды студентка написала эссе, выдержанное в том ключе, что предназначение человека, все его особенности и наклонности предопределены богом, современный ум порочен, так как пытается рассуждать о социальных условиях, культурах, делает женщин похожими на мужчин, а мужчин – на женщин и тому подобное. Я старалась отделить то, что обусловлено разностью наших мировоззрений от нарушений в логике аргументации и прочих моментов, о которых этично вести дискуссию. Но этот опыт я запомню навсегда.

Также в эти годы я часто самостоятельно путешествовала, в основном, по Европе.

Я защитилась в 2013. Текст был готов вовремя и даже раньше, но на момент моей предполагаемой защиты шла реструктуризация Советов в СПбГУ и РГПУ, и защищаться было просто негде.

Последние два года после защиты я занимаюсь прикладными эмпирическими исследованиями. Часто меня просят даже опустить теоретическую часть – она увеличивает объем, заказчикам её сложно и не нужно читать. Нужны выводы, нужно указание на риски и их источники, рекомендации. Поэтому проделанная в рамках дипломной и кандидатской работа кажется мне пустым теоретизированием. Настолько, что мне даже сложно сформулировать людям из других сфер, в чём была её суть. Поэтому я воспользуюсь характеристикой специалиста, к которому прислушивалась.

Е. В. Головко, один из ведущих социолингвистов в России, согласился прочесть текст, подготовленный на предзащиту, потом сам написал живой отзыв на защиту. И, помимо критических замечаний, сказал, что работа ему понравилась, что она представляет собой, по большей части, очень хороший анализ теоретических подходов, максимально широкое в истории российской лингвистики и социологии обобщение проблем связи языкового и социального. Он даже был согласен выступить оппонентом, но кто-то у нас в Совете сказал, что мы, социологи, ведь не ходим на защиты в Институт аэрокосмического приборостроения. Отдельные его замечания были не слабым «щелчком по носу», но, в целом, отзывы не дали разувериться в себе. И я искренне надеюсь, что сегодня это просто очередной перегиб, что интерес и уважение к чисто книжным занятиям ко мне вернется. Наверное, это дает самое большое удовлетворение.

Была мысль заново переписать текст и издать его, но пока не дошли руки, и я слишком занята в суматошной беготне от одного проекта к другому. Еще занимаюсь самообразованием.

Вернемся к началу... В какой организации Вы работаете на Ямале, пожалуйста, опишите это место. Кто там живет? Чем эти люди занимаются? И, собственно говоря, что Вы там исследуете?

На Ямале я работаю с Департаментом внутренней политики округа как эксперт (это формальное название, вошедшее в последнее время в моду, ни в коем случае не характеристика уровня моего профессионализма) и еще провожу исследования по заказу других организаций. Я провожу фокус-группы, фокусированные индивидуальные интервью, планирую массовые опросы и анализирую данные, также работаю совместно с узкими специалистами, привлеченными для исследований, например, с этносоциологами, этнографами. В прошлом году мы вместе с этносоциологом Игорем Михайловичем Кузнецовым занимались комплексным проектом по адаптации детей из семей мигрантов в школе. Моя часть состояла из серии интервью с детьми и школьными экспертами, совместной работы над количественной частью, совместным же написанием отчета. Для сложнейших интервью с подростками из семей мигрантов и их родителями нам удалось привлечь опытнейшего интервьюера, специалиста по миграции Светлану Боброву из Тюмени.

К сожалению, я пока мало общалась с тюменскими социологами. Очень надеюсь, что в будущем году исправлюсь. Различные проекты сталкивали нас с молодым и энергичным руководителем исследовательской компании Шамилем Фарахутдиновым. Его call-центр делает для нас поле в мониторинге кризисных проявлений и некоторых других опросах. Меня захватили его новаторские идеи о выборках, в которых я не являюсь специалистом. Я удивляюсь, как такие молодые люди успевают к тридцати с небольшим столько всего сделать.

Я не встречала лучшего организатора, чем директор другой компании, Виктор Викторович Пить. Он умудряется быть в нескольких местах одновременно – в Тюмени, Москве, Петербурге, ХМАО, Рио… Параллельно контролирует с десяток проектов и лично отвечает на все вопросы по работе своих интервьюеров. Я завидую.

Еще один человек, которого я не могу не упомянуть, - это Светлана Александровна Манохина, одна из немногих, кто развивал исследования на Ямале, ставил поле и поддерживает его. Без нее моя работа была бы невозможна. Если позвонить Светлане Александровне вечером и попросить организовать фокус-группу, скинуть требования и квоты, то утром она уже дает результат. Немного всё утрирую, конечно, но меня поражают столь организованные люди. И не хотела бы я работать у нее интервьюером! Ужасно строгий руководитель, а в полевых документах комар носа не подточит. И это так важно - доверять коллегам, с которыми работаешь.

Тематика исследований широка. То, на чем специализируюсь я как аналитик, - социально-политическая ситуация в регионе и муниципальных образованиях, динамика проблемного фона, анализ рисков, напряженности, информационного поля и отклика на него населения. Это и анализ данных опросов, и индивидуальные и групповые интервью, и блогосфера.

Второй крупный блок на сегодня – изучение того, как люди воспринимают медийные образы людей и проектов, различные решения, которые придумывают дизайнеры и копирайтеры (слоганы, плакаты социальной и политической рекламы и т.д.). В таких вещах, например, в тестировании слоганов, я пока чувствую себя не очень уверенно, но это невероятно любопытно и максимально близко к тому, что меня интересовало прежде, к социолингвистике и семантике.

Третье и, пожалуй, наименее интересное, - это опросы электорального цикла, рейтинги, прогнозы. Я неплохо знаю теорию, но не могу и не хочу привнести в эту область что-то новое и творческое, наверное, от этого и не интересно. Хотя и здесь есть захватывающие моменты, например, недавно мы пытались понять, как развести по разные стороны двух конкурентов с очень схожим электоратом, похожей риторикой.

Собственные интересы на сегодня концентрируются вокруг двух тем. Первая – это молодежь глубинки, ее стратегии, в том числе, миграционные, понимание успеха и пути к нему. Сейчас мы с Владимиром Ивановичем Ильиным и его аспирантом Артемом Чернегой, специалистом по социологии туризма, готовим заявку по этой теме, и я очень надеюсь, что она будет поддержана.

Второе – территориальная идентичность и образ территории. Самое интересное из того, в чем мне удалось принять участие на Ямале, – это исследование территориальных идентификаций жителей двух очень непохожих друг на друга частей округа, восточной и западной. Мы работали над инструментарием и отчетом вместе с Надеждой Юрьевной Замятиной. Я буквально влюбилась в её работы и работы её супруга. Она очень интересно приложила идеи Бурдье о капитале к имиджу территории. Идея отчасти очевидная, но сформулированная с ясностью и красотой и, главное, нашедшая в её работе практическое применение. Отчасти на основе моей работы на Ямале был создан интересный информационный и имиджевый проект «Живем на Севере». Надеюсь, что скоро выйдет большая статья на эту тему. После этого проекта мне только и хотелось, что рассказывать всем о романтиках Арктики, отношении городских жителей к ненецкой культуре и обиде северян за то, что их в Москве считают богатыми простаками. Наверное, я порядком утомила всех друзей.

В последнее время практика сложилась так, что я провожу и, особенно, пишу очень много отчетов по фокус-группам. В прошлом году я делала аналитику по 7 регионам, включая Красноярский край, Калмыкию, Свердловскую область, Московскую область. Побывать, правда, удалось не везде, но аудиозаписи и транскрипты дают возможность услышать живую речь, понять, как люди, находящиеся за тысячи километров, отвечают на твои вопросы. Это удивительно. И я никогда еще так много не ездила в России и, в особенности, по маленьким городам. Этот опыт можно сравнить со вторым высшим образованием. И еще не до конца ясно, что сделает меня в итоге хорошим специалистом – чтение книг или это постоянное общение и бесконечные выходы из зоны комфорта, привычного круга.

Но, несмотря на путешествия, Ямал - основное.

Сложно в двух словах ответить на Ваш вопрос и рассказать, кто там живет, в той же мере, в какой было бы сложно рассказать, кто живет в Петербурге, или в Иркутске, или в Париже. Начну я с нескольких людей, с которыми работаю.

Первый человек, с которым я познакомилась там, - это Алексей Валерьевич Ардышев, руководитель экспертно-аналитического управления в Правительстве ЯНАО. Он замечательный, на мой вкус, фотограф, блогер, увлекается экстремальным спортом – снегоходами, квадроциклами. Прежде чем приехать на Ямал в первый раз, я, конечно, нашла его харизматичный ЖЖ.

Мне понравились и живые фотографии, и острые комментарии и показалось, что работать в такой компании должно быть интересно. Его работа – организовывать различные направления аналитики, получение информации, необходимой Правительству.

Второй важный человек в моей работе – это Оксана Владимировна Головешко, которая курирует в Правительстве проведение опросов. Она работает с исполнителями, принимает результаты.

Было бы странно, если бы исполнитель говорил о профессиональных качествах заказчика. Поэтому я расскажу одну небольшую историю, на мой взгляд, характерную, и буду надеяться, что Оксана Владимировна не будет на меня в обиде. Несколько лет назад, еще до нашего знакомства, у неё вызвало сомнение качество проведенного по заказу департамента поля. И она самостоятельно, по согласованию с проводившей исследование компанией, организовала повторный контроль. Со своими сотрудниками сделала контроль по телефону, собрала адресные планы поселений, чтобы сопоставить с маршрутными картами, организовала выезд в несколько поселков, чтобы провести самостоятельно адресный контроль, связалась впоследствии с профессиональной ассоциацией, чтобы получить независимую экспертизу. Не знаю, насколько типичен такой подход для госслужащих, курирующих в регионах исследования.

Больше всего я бываю в Салехарде, административном центре округа. Удивительно, насколько мало люди знают о городе. И удивительно, насколько мало любят его местные-приезжие (я бы выделила такую отдельную группу людей, которые и не старожилы, и не мигранты последних лет). Стереотипы о северных городах, конечно, простительны жителям других регионов. Отчасти оправданы их прошлым опытом – кто-то был в молодости в строящихся поселках, в которых работали почта, медпункт, два магазина. Но это и не так важно. Важно для атмосферы в городе то, как относятся к нему сами горожане. Салехард – старый город. Не стану утомлять Вас историей, но она есть, есть и старожилы. Они любят родные места. Полюбили красивый, яркий, словно игрушка, маленький и уютный город и те, кто переехал в последние условно 5-7 лет. Но есть какая-то пока сложно определяемая для меня категория людей, которые и не местные, и не приезжие, живут в городе больше 10-15 лет, но не любят его и постоянно сравнивают с «нормальными» городами. А у приезжих из Москвы или Петербурга спрашивают: «Как Вас сюда-то занесло?».

Вообще, Салехард – это Вашингтон местного значения. Серьезные, деловитые, но, в то же время, дружелюбные и открытые люди. По крайней мере, с такими я сталкиваюсь.

Города в восточной части округа - Ноябрьск, Новый Уренгой, Надым - захватывающи тем, насколько коротка их история. Когда я бывала в действительно старых городах, я ощущала, что Санкт-Петербург – молодой. И это так странно - находиться в городе, который младше твоих родителей,

сверстник некоторых твоих друзей. Специфическое отношение жителей к месту, которое выросло на их глазах, имеет и некоторые следствия, важные для моей работы, например, в восприятии миграции. Но это еще и просто удивительно, когда 40-летний человек возит тебя по городу, показывает современные здания, торговые и спортивные центры, больницы, школы и рассказывает, что здесь в его детстве еще почти ничего не было. Конечно, изначально многие люди приезжали туда работать, зарабатывать, обустраивать жизнь на «земле» себе и детям. Но сейчас видно, как некоторые стремятся переопределить возникшие вокруг характеристики города как места постоянного жительства, в котором могут остаться их дети, внуки. Это создает особенно трепетное отношение к материализации истории, например, появлению памятных табличек на домах в честь первопроходцев, открытию скульптур. И, что удивительно, дети могут внятно объяснить, кто этот дядя, в честь которого названа улица, на которой он живет. Может, я немного идеализирую.

Можно ли понять Ваш рассказ так, что ближайшие годы Вы связываете с жизнью и работой на Севере?

Если честно, сейчас мне сложно ответить однозначно. Наверное, мне придется и дальше совмещать жизнь в двух местах. У меня много планов, незаконченных дел, много желаний и дружеских привязанностей в разных городах. На сегодня я могу сказать, что только набралась опыта и попробовала себя в разных сферах, поняла, что мне интересно и в чем я могу стать лучше. Моя мечта на ближайшие годы – совместить прикладную работу с более неутилитарными занятиями, серьезно заняться собственными интересами, публикациями, залезть, наконец, в папку «Наброски и идеи» на рабочем столе.

Из того, что мне бы хотелось начать и закончить – исследование жизненных стратегий молодежи глубинки (которое мы запланировали в четырех регионах – ЯНАО, Коми, Центральной России и на Кубани); серия биографических интервью с северянами, демонстрирующих, как складывается территориальная идентичность; несколько частных тем, касающихся анализа социально-политической ситуации, так как у меня накопилось много наблюдений; наконец, тема, вытекающая из моей диссертации и связанная с анализом коммуникативных кодов в социальных сетях. Наверное, это выглядит разбрасыванием, но сконцентрироваться и двигаться вперед – это легко только в теории, в статьях разнообразных коучей, а в жизни сделать выбор и отказаться от чего-то значительно сложней.

Подготовлено в соответствии с планом
редакционно-издательской деятельности
Тюменской областной Думы на 2015 год,
утвержденным распоряжением председателя областной Думы
от 05.02.2015 № 18-рп

ПРОШЛОЕ, НАСТОЯЩЕЕ И БУДУЩЕЕ ТЮМЕНСКОЙ СОЦИОЛОГИИ: ИНТЕРВЬЮ С СОЦИОЛОГАМИ РАЗНЫХ ПОКОЛЕНИЙ

Компьютерная верстка
и техническое редактирование: Елисеева Т.П.

Материалы публикуются в авторской редакции

Электронная версия
Тюменская областная Дума,
625018, г. Тюмень, ул. Республики, 52
тел. 46-32-82